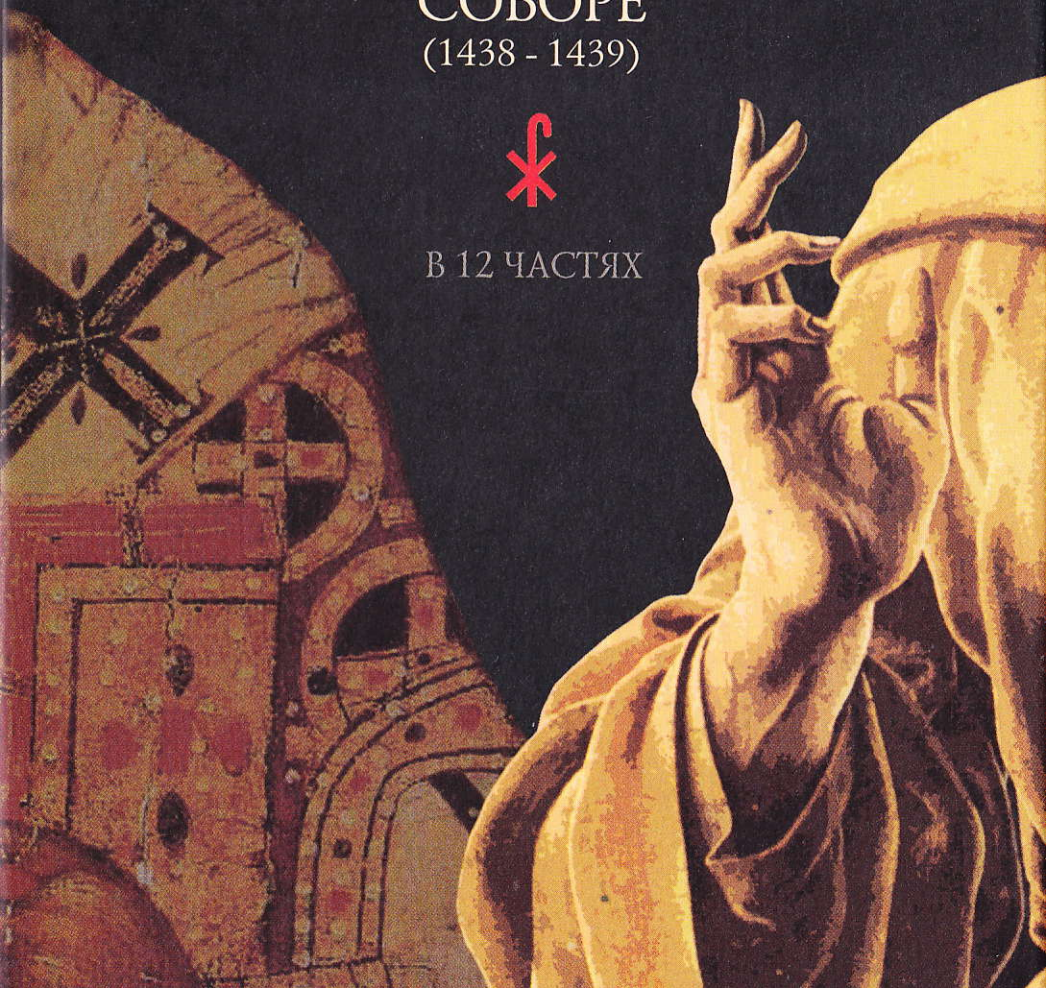

СИЛЬВЕСТР СИРОПУЛ

ВОСПОМИНАНИЯ
О ФЕРРАРО-ФЛОРЕНТИЙСКОМ
СОБОРЕ
(1438 - 1439)

В 12 ЧАСТЯХ

СИЛЬВЕСТР СИРОПУЛ

ВОСПОМИНАНИЯ
О ФЕРРАРО-ФЛОРЕНТИЙСКОМ
СОБОРЕ
(1438–1439)

в 12 частях

Перевод с греческого, вступительная статья,
комментарии и указатели
диакона Александра Занемонца

Научное издание

Санкт-Петербург
«Издательство Олега Абышко»
«Университетская книга — СПб»
2010

Сильвестр Сиропул

СЗ6 Воспоминания о Ферраро-Флорентийском соборе (1438–1439): В 12 частях / Пер. с греч., вступ. ст., коммент. и указатели диакона А. Занемонца. — СПб.: «Издательство Олега Абышко»; «Университетская книга — СПб», 2010. — 352 с.

ISBN 978-5-903525-49-2

Сильвестр Сиропул — представитель последнего поколения византийцев, как и св. Марк Эфесский, Виссарион Никейский, Геннадий Схоларий, Иоанн Евгений. Он был свидетелем последних десятилетий истории Византии, участником Ферраро-Флорентийского собора (в качестве диакона и чиновника Патриархии), присутствовал в Константинополе во время захвата его турками, а в первые годы туркокрации принимал самое активное участие в восстановлении церковной жизни. «Воспоминания» считаются наиболее ценным и объемным православным источником в отношении подготовки Собора, его работы и начала его последующего отвержения в Византии. Сиропул был свидетелем и непосредственным участником всех этих событий. Если во время Собора Сиропул был на стороне Марка Эфесского, не признавшего решения Собора за подлинное восстановление церковного единства между Западом и Востоком, то после возвращения на родину он лишь укрепится в этом мнении. «Данный Собор, — писал Сиропул в конце «Воспоминаний», — вовсе не вынес никакого решения, и не спрашивали у его участников, кто какое имеет мнение о том, что обсуждается на соборованиях... Греки знали, что соборное определение подписал император, подписали и они. Знали и латиняне, что он подписан греками и папой, подписали и они. При этом большинство не знало, что в нем написано».

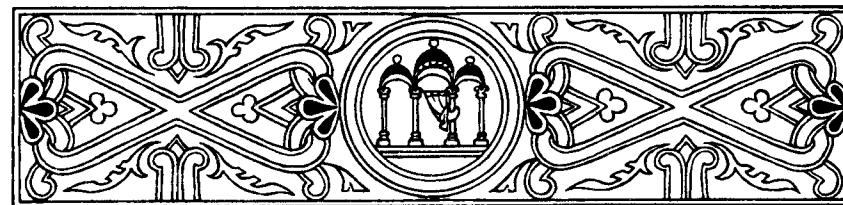
После падения Константинополя Сильвестру Сиропулу, предположительно, довелось с именем Софроний стать Патриархом Константинополя, после Геннадия Схолария и Исидора (годы его правления — 1462–1464). Перевод «Воспоминаний» с греческого на русский язык предлагается читателю впервые.

ISBN 978-5-903525-49-2

© А. В. Занемонец, перевод на русский язык,
вступительная статья, комментарии,
указатели, 2010

© «Издательство Олега Абышко» (СПб.), 2010

Предисловие

Автор

Сильвестр Сиропул был представителем того же (последнего) поколения византийцев, что и св. Марк Эфесский, Виссарион Никейский, Георгий-Геннадий Схоларий и Иоанн Евгений¹. Он стал свидетелем последних десятилетий византийской истории, участником Флорентийского собора (который и описал в своих «Воспоминаниях»), был в Константинополе во время его захвата турками, а в последующем принимал участие в восстановлении церковной жизни при туркокрации. Он родился до 1400 г. в Константинополе и умер там же в 1464 г.² Большую часть своего служения в Патриархии он являлся диаконом, великим еkkлeзиархом и дикеофилаком, и как раз в последнем качестве был членом православной делегации на Ферраро-Флорентийском соборе, где и подписал его орос. После возвращения из Италии в Византию Сиропул присоединился к православному сопротивлению во главе с Марком Эфесским и, чуть позднее, Геннадием Схоларием. Его «Воспоминания» о Соборе были написаны, скорее всего, вскоре после 1443 г., а их вторая редакция была произведена около 1461 г. После падения Империи ему довелось стать третьим Патриархом Константинополя с именем Софроний, после Геннадия Схолария и Исидора. Годы его правления — 1462–1464.

¹ PLP — 27 217.

² Согласно ODB — после 1453 г.

Фамилия Сиропул известна в Византии с середины XI в. Она является патронимом, составленным из этнонима Σύρος (сириец) и суффикса -πουλος. Что касается Сильвестра, то вряд ли можно говорить о недавнем происхождении его семьи из византийской Сирии, так как все, что о ней известно, относится уже к Константинополю. В середине XIV в. известно о двух людях с такой фамилией, занимавших важные места на государственной службе и, вероятно, являвшихся предками Сильвестра. Это *пансеваст* Евгений, участвовавший с 1318 по 1332 гг. во множестве византийских дипломатических миссий на Западе, и Серафим, *претор димы* и служащий столичной таможни¹. Во второй половине XIV в. Сиропулы были уже связаны с Великой церковью. О своих родителях Сильвестр говорит в «Воспоминаниях», что «я рожден, вскормлен и воспитан, по благодати Божией, замечательнейшими родителями и церковными учителями... Я всегда научался от них и от других знающих и удивительных людей, которых я застал и видел на родине»². Иоанн Евгеник, обращаясь к Сиропулу, называет его «ἱερὸν ἱερῶν γονέων... βλάστημα» — «священное чадо священных родителей»³. В. Лоран не сомневается в том, что отцом Сильвестра был Иоанн Сиропул, известный при Великой церкви по актам Константинопольского Патриархата в 90-е гг. XIV в. как протэкдик — с 1396 г., сакелларий — с 1400 г. и великий скевофилак с конца 1400 г. и дальше. О нем известно также, что к 10 января 1399 г. он женился вторым браком на Марии⁴. Скорее всего, это и были родители Сильвестра. Датой его рождения является, вероятно, 1400 г., а имя Сильвестр, весьма экзотическое для Византии того времени, вполне впи-

¹ См.: Ed. V. Laurent. Les «Mémoires» du grand ecclesiarque de l'Eglise de Constantinople Sylvestre Syropoulos sur le Concile de Florence (1438–1439). (Rome, 1971). P. 4. (Далее, если предисловие В. Лорана: Laurent 1971. Если текст Сиропула: Les «Mémoires»).

² Les «Mémoires». IX, 32.

³ Cf.: Λάμπρος Σπ. Παλαιολόγεια καὶ Πελοποννησιακά. Αθήναι, 1912–1923. Т. II. Σ. 193.

⁴ Cf.: MM, II. P. 299.

сывалось в ряд редких, но принятых в семье Сиропулов имен, таких как Христофор, Варфоломей, Серафим и т. д.

Образование Сильвестра должно было быть характерным для его круга. Скорее всего, его начали учить его собственные родители, а затем он продолжил обучение в Патриаршей школе при Святой Софии. Там преподавали наиболее известные учителя того времени — Иосиф Вриенний и будущий Патриарх Евфимий II (тогда еще игумен Студийского монастыря¹). У них же обучались и те итальянские гуманисты, которые приезжали в то время в Константинополь (Франческо Филельфо, Леонардо Бруни и др.). Через эту школу прошло большинство тех, кто занимал важные должности в Патриархате в 20–50 гг. XV столетия. После этой школы Сильвестр не оказался на Пелопоннесе в школе Плифона, как многие из его современников (Мануил и Иоанн Евгеники, Виссарион и др.), но сразу стал нести службу в Патриархии. В 1424 г. у него был сан диакона и должность «учителя Евангелия» (διδάσκαλος τοῦ εὐαγγελίου)². «Учитель Евангелия» должен был читать и изъяснять Св. Писание за богослужением. Возможно, у него были также и педагогические функции. Уже в то время Сиропул занимался переписыванием рукописей, и в качестве писца он оставил немалый след в византийской книжности того времени. Достаточно сказать, что многие тексты Схолария были переписаны рукой Сиропула в 40-е гг., который, таким образом, являлся его и другом, и секретарем³. Вероятно, что многие государственные и церковные документы того времени также были написаны или переписаны рукой Сиропула.

¹ Поскольку Евфимий стал Патриархом в 1410 г., то вряд ли он сам успел быть учителем Сиропула во время его школьного обучения.

² Это мы знаем из подписи Сиропула в одной из переписанных им рукописей (Paris. Univers. 190, fol. 255v), с указанием даты — июль 1424 г.

³ Рукой Сильвестра Сиропула написаны, например, такие важные рукописи с сочинениями Схолария, как Paris. Coislin. gr. 101, Vatic. gr. 1445 или Paris. gr. 1291.

В 1430 г. Сиропул уже появляется рядом с Патриархом как член его совета и доверенное лицо¹. Был ли он уже в это время великим еkkлезиархом? В 1429 г. великим еkkлезиархом являлся Михаил Вальсамон, который в 1437 г. уже известен как великий хартофилак². Более вероятно, что Сиропул занял его должность к 1437 г., ко времени отплытия в Италию на Собор. Эта должность была одной из наиболее высоких в патриаршей табели о рангах (после хартофилака и перед сакеллием). Должность просто еkkлезиарха отличалась от древних должностей еkkлезиарха монастырей или архонта церквей и как таковая появилась во времена Никейской империи. При Великой церкви она упоминается впервые в 1283 г. В 1328 г. император Андроник III прибавляет к имени *хартофилака* эпитет *великий*, и очень возможно, что еkkлезиархи получают такое же отличие примерно в это же время. Ко времени Сиропула шесть или семь высших патриарших чиновников относились к числу *ставрофоров*, т. е. *носящих крест*, как патриаршие архонты нередко и упоминаются в «Воспоминаниях». Также в 1437 г. Сиропул стал одним из коллегии «вселенских судей ромеев», следуя в этом за своим отцом, который также занимал в свое время эту должность³. Эта должность была одним из предлогов, на основании которого Сиропул пытался остаться в Константинополе и не ехать в Италию. Он пытался просить о ходатайстве перед императором Луку Нотару: «Нотара доложил об этом императору и добавил с благовидным предлогом, что “необходимо, чтобы здесь действовал всеобщий суд. А он остановится, если сей уйдет, так как мы не имеем, кого другого оставить, равного ему. Те, кто вокруг него, имеют мало знания для того, чтобы судить”»⁴. Тем не менее, император решил,

¹ Laurent 1971. P. 7. (Но нет ссылки на источник!!!)

² Михаил Вальсамон был великим хартофилаком с 1437 г. и, по крайней мере, до 1445 г. В 1454 г. эту должность занял Феодор Агаллиан.

³ См.: Lemerle P. Le Juge Generale des Grecs et la reforme judiciaire d'Andronic III // Memorial Louis Petit (Archives de l'Orient Chrétien, 1). Bucarest, 1948. P. 292–318.

⁴ Les «Mémoires». III, 14.

что квалификация Сиропула больше пригодится в Италии, а в качестве судьи его заменит кто-то другой.

Еще одна из должностей Сиропула (с 1439 г.) — дикеофилак. Это была светская должность, которая, впрочем, при Палеологах замещалась обычно церковными лицами. Так, Сильвестр Сиропул достаточно быстро достигает высоких должностей в Патриархате. Апогей его «должностной карьеры» пришелся как раз на канун Флорентийского собора, после которого этот рост сразу прекратился. Связано ли это было с тем, что немногие из остававшихся высших должностей были уже заняты, как считает В. Лоран? Наверное. Но более существенным было скорее всего то, как Сиропул повел себя на Соборе в Италии и после него, по возвращении в Константинополь.

В Италии

Флорентийский собор был переломным моментом не только в истории диалога как такового между католичеством и Православием, но и в судьбе каждого из участников этой попытки объединения. Никто из участников Собора не мог счесть эту попытку удачной, даже если для Католической церкви Флорентийский собор официально считается одним из Вселенских соборов. «Мы ничего не достигли», — сказал папа Евгений, узнав о том, что Марк Эфесский не подписал вероучительное определение Собора¹. Для членов византийской делегации Собор стал переломным моментом во всей их дальнейшей судьбе: принявшие Собор рано или поздно должны были оказаться на католическом Западе (митрополиты Виссарион и Исидор, будущий Патриарх Григорий Мамма), а не принявшие его решений должны были проститься с церковной или государственной карьерой, пока решений Собора придерживались византийские императоры. Не говоря уже о том стрессе, который все пережили в Италии

¹ Les «Mémoires». IX, 15.

из-за давления и из-за несбывшихся надежд на подлинное взаимопонимание и единство.

Что касается архонтов — как императорских, так и патриарших (к которым относился и Сиропул), — то для них поездка на Собор была «рабочей командировкой» чиновников, поскольку они должны были сопровождать свое начальство, выполняя техническую работу и не принимая непосредственного участия в дискуссиях. В самом Константинополе их постоянная близость к высшему начальству давала им, конечно же, определенную степень влияния на события. Но поскольку в Ферраре и Флоренции основные решения принимал император, а не Патриарх, то соответственно и роль патриаршего окружения делалась менее значимой. В IV части «Воспоминаний» Сиропул так говорит об этом: «Здесь я хочу рассказать и о положении нашего чина. Первые архонты Великой церкви, ставрофоры, принимали участие и в заседаниях, и в обсуждениях и собраниях, чтобы всегда быть близко к Патриарху. И подобно тому, как пять чувств не отделяются от человека, так и эти пятеро никогда не отделяются от Патриарха. По этой причине они сидели перед епископами, разве что они сидели на табуретках, а одни лишь архиереи сидели на сиденьях, похожих на троны. Когда в Ферраре собирались у Патриарха архиереи и мы, то мы хотели, чтобы наше положение сохранилось, но так не произошло. Мы многократно говорили об этом, но Патриарх не давал нам никакого ответа, сознательно, как я думаю, делая это и отдаляя нас от себя... Итак, мы по необходимости садились, где случится. Во время речей, возражений и состязаний (ведь рядом с императором и Патриархом говорили и возражали) мы всегда оказывались, по меньшей мере, на пять, десять или тринадцать рядов дальше. Поэтому мы молчали и поневоле не могли кричать голосом Стентора и возражать или же соглашаться с находившимися настолько далеко. Разве когда спрашивали о нашем мнении, мы высказывали его быстро, да и это было редко. Впрочем, они и это прекратили совершенно, не принимая [наше мнение], как дальше покажет рассказ. Так, наше редкое слово было совершенно

праздным, так что по многим соображениям мы на самих себя накладывали молчание»¹.

Таким образом, патриаршие архонты не участвовали в соборных дискуссиях, но исполняли технические поручения Патриарха или императора. Еще в Константинополе Сиропулу вместе с другими было предложено участвовать в подготовительных дискуссиях с представителями западной делегации, но он пытался от этого отказаться: «Как только наступило утро, я пришел к Патриарху и доложил: “Вчера я решил доложить и просить, чтобы вы сотворили мне благодеяние, и я не ходил на встречи, как вы определили. Чтобы меня не сочли дерзким, в тот самый час я оставил это без внимания. Но сейчас я пришел просить и умолять, чтобы ты освободил меня от этих встреч, поскольку я не хочу и не выбираю связываться с такими делами”. И я сильно умолял его об этом. Патриарх же повелел мне делать то, что решено»². Либо считая себя недостаточно подготовленным, либо опасаясь войти в конфликт с императором, уже в Италии Сиропул смог отказаться от участия в предсоборных встречах с западными богословами: «Я же много просил императора и Патриарха, чтобы убрали меня из этого числа, затем и духовника я нашел в качестве союзника и едва смог устраниться от такого труда»³.

Во внутренних дискуссиях византийской делегации Сиропул участие принимал, по большей части поддерживая позицию Марка Эфесского. Так, во время дискуссии о подлинности цитат из латинских святых, Сиропул выразил отрицательное мнение, утверждая, что часто мы не можем отличить тексты Златоуста от Псевдо-Златоуста, а разобратся в латинских авторах византийцам тем более сложно. «Моему мнению последовали и те, кто говорил после меня. Все же превзошло мнение большинства, и [тексты] были приняты как подлинные»⁴. Итак,

¹ Les «Mémoires». IV, 45.

² Ibid. II, 35.

³ Ibid. VI, 22.

⁴ Ibid. IX, 7.

будучи по должности вблизи императора и Патриарха, Сиропул оказался среди тех, кто пребывал в оппозиции к готовившемуся объединению. И это сказалось на его последующей судьбе.

В конце Собора Сиропул принял участие в церемонии провозглашения и подписания ороса. Он вместе со многими другими архиереями и архонтами пытался не подписывать или же не быть в церковном облачении на церемонии провозглашения единства, но его возражения не увенчались успехом. И это понятно: императору было важно в полной мере задействовать в этом событии всех несогласных. И отговорки Сиропула, что если он как архонт не участвовал в голосовании по оросу, то он не должен и подписывать, результата не дали. Мог ли Сиропул поступить по-другому? Не поставили свои подписи под оросом лишь те, кто сумели раньше покинуть Собор (деспот Димитрий, Иоанн Евгеник и некоторые другие), и Марк Эфесский, отдельно договорившийся об этом с императором и взятый под его защиту.

Если во время собора Сиропул был на стороне Марка Эфесского, не признавшего решения Собора за подлинное восстановление единства, то по его окончании и после возвращения на родину он лишь укрепит в этом мнение. «Данный собор... — писал Сиропул в конце своих «Воспоминаний», — вовсе не вынес никакого решения, и не спрашивали у его участников, кто какое имеет мнение о том, что обсуждается на собеседованиях. То, что Собор собрался Вселенский, никто не возражает. То, что Собор вынес какое-либо решение, не скажет никто из там присутствовавших, разве что он просто имел какую-то видимость законности... Греки знали, что орос подписан императором, подписали и они. Знали и латиняне, что он подписан греками и папой, подписали и они. При этом большинство не знало, что в нем написано»¹. После возвращения в столицу Сиропул, как кажется, не лишается своих званий, но его участие в официальной жизни Патриархата постепенно приостанавливается. С этим связано и прекращение его «карьерного» роста. Он оказывается в среде православной оппозиции.

¹ Les «Mémoires». X, 28–29.

После Собора

Создание оппозиции происходило постепенно. Важнейшим было то обстоятельство, что Константинопольская кафедра, после смерти Патриарха Иосифа во Флоренции еще до подписания ороса, все еще оставалась без предстоятеля. Византийская делегация вернулась в столицу 1 февраля 1440 г., а Патриарх был избран лишь в мае того же года. Кто будет избран Патриархом, и каким будет его отношение к подписанной унии, оставалось решающим вопросом. Патриархом был избран митрополит Кизический Митрофан. Отношение к нему Сиропула было двойственным: «Митрополит Кизический кир Митрофан от юного возраста был известен добрым монашеским житием и стремлением к добродетельной жизни, в чем себя хорошо зарекомендовал. Он ото всех стяжал славу, и все почитали и уважали его как благогоуейного, божественного и достойного мужа. Но после смерти Патриарха ему нашептали некоторые из императорских родственников, и он стал тешиться мыслью о восшествии на патриаршее место, еще будучи во Флоренции, и, таким образом, предвкушал императорское повеление»¹. Митрофан оставался Константинопольским Патриархом три года (1440–1443), и для этого времени была характерна своего рода политика осторожного выжидания. С одной стороны, Марк Эфесский был отправлен императором в ссылку, но Флорентийский орос официально *не был* провозглашен в Софии Константинопольской. Патриарх Митрофан во всем следовал за позицией императора, а тот ждал, последует ли западная помощь против турок как результат объединения. А Рим, со своей стороны, ждал последовательного внедрения унии в Восточной церкви. При этом многие из византийских архиереев уже успели заявить о том, что они подписали орос под давлением, и теперь отказываются от своей подписи под решениями Собора. Таким образом, позиция властей оставалась пассивно униатской, коль скоро флорентийские решения не были отвергнуты, а антиуниатская оппозиция не имела возглавителя.

¹ Ibid. XI, 1.

В конце 1442 — начале 1443 г. из заключения вышел Марк Эфесский, и антиуниаты обрели лидера. Широкая дискуссия по вопросу Флорентийской унии развернулась уже после смерти Патриарха Митрофана 1 августа 1443 г., когда Патриаршая кафедра вновь оказалась вдовствующей. Тогда же был, наконец, устроен долгожданный крестовый поход против турок, закончившийся неудачей под Варной 10 ноября 1444 г. Летом 1445 г. умер от рака Марк Эфесский, на смертном одре завещавший продолжение своего дела Георгию Схоларию. А в 1445 г. Патриархом был избран Григорий Мамма, остававшийся на этом посту вплоть до своего отъезда в Рим в 1451 г. Этот «второй этап» рецепции Флорентийской унии в Византии (1444–1451 гг.) оказался наиболее богатым с точки зрения количества текстов, написанных «за» или «против» унии. С августа 1444 г. по ноябрь 1445 г. в Константинополе состоялось 15 богословских дискуссий по поводу унии между православными и католиками. Дискуссии проходили в присутствии императора и всего высшего общества. Если основным вдохновителем православных был Марк Эфесский, то само бремя дискуссий легло, в первую очередь, на Георгия Схолария с православной стороны, и на епископа Бартоломео Лапаччи (за спиной которого находился папский легат кардинал Кондульмаро) — с католической.

Судя по всему, к этим годам — 1444–1445 — относится написание Сиропулом «Воспоминаний» о Флорентийском соборе. В это же время он, должно быть, особенно сблизился со Схоларием. По крайней мере, наиболее важные рукописи Схолария, переписанные рукой Сиропула, относятся ко второй половине 40-х гг. В начале 50-х гг. Сиропул был одним из вождей православной оппозиции и являлся членом *Ἱερὰ Σύνοδος* (Священного Синаксиса) — своего рода «синода» православного сопротивления. Его имя стоит под обращением Синаксиса к гуситам, подписанным 8 января 1452 г. Оставшись в Константинополе, Сиропул оказался в Городе и во время его захвата турками.

После падения Города следы Сиропула теряются. Если он остался в живых, то несомненно, что Геннадий Схоларий, ставший Патриархом 6 января 1454 г., должен был приблизить его к себе и, вероятно,

произвести в архиереи. По крайней мере, третий Патриарх после падения Византии известен с именем Софроний Сиропул (1 апреля* 1462 — лето 1464). Монашеское имя Патриарха начинается на ту же букву, что и мирское имя нашего Сиропула. К тому же о других Сиропулах в том поколении пока неизвестно. Так что очень вероятно, что свой жизненный путь Сильвестр Сиропул — участник Флорентийского собора и автор его истории — завершил в качестве Патриарха Константинопольского.

Сочинение

Сильвестр Сиропул является писателем, которому принадлежит только одно сочинение. Также ему приписывается небольшое послание, адресованное св. Марку Эфесскому и содержащее его покаяние в подписании Флорентийского ороса¹. Даже если это сочинение, в рукописи не имеющее указания об авторе, действительно принадлежит Сиропулу, то все же масштаб этого сочинения — пять страниц издания — невелик. Но единственное значительное сочинение Сиропула — его «Воспоминания» — стоит в ряду не только важнейших источников, но и лучших византийских исторических сочинений середины XV в. Сиропул не попал в ряд наиболее известных византийских историков того времени — Дуки, Критовула, Сфрандзи и Халкондила — лишь из-за того, что его сочинение носит более «узкий» характер, и повествует оно лишь об одном событии того времени — о Ферраро-Флорентийском соборе. Подлинное название сочинения не сохранилось, так как не сохранилось первой из его двенадцати книг. Однако, насколько его можно восстановить из последующих упоминаний в самом тексте, это *Ἀπομνημονεύματα* — Воспоминания. Этот

* Все даты указаны согласно источникам, без перевода на современные календари (Прим. Издателя).

¹ *Πολίτης Ν. Γ. Ἡ Μετάνοια τοῦ Σιλβέστρου Σιροπούλου* / ΕΕΒΣ. Т. 39–40 (1972–1973). Σ. 386–402 (текст — Σ. 395–400).

жанр восходит еще к началу древнегреческой литературы и сохраняется в новогреческой до настоящего времени. Поскольку в полном названии должно было быть указано как то, о чем воспоминания, так и их автор, то В. Лоран предлагает такую реконструкцию первоначального названия: *Ἀπομνημονεύματα περὶ τῆς ἐν Φλωρεντίᾳ γενομένης συνόδου συγγραφέντα παρὰ τοῦ μεγάλου ἐκκλησιάρχου καὶ δικαιοφύλακος διακόνου κύρ Σιλβέστρου τοῦ Συροπούλου*¹ (Воспоминания о произошедшем во Флоренции Соборе, написанные великим епископом и диеофилаком диаконом Сильвестром Сиропулом).

Конечно, встает вопрос, насколько история Собора, написанная Сиропулом, действительно является воспоминаниями, или же он вел записи в Италии, которые потом оформил в окончательный и отредактированный текст? Про дневниковые записи в Италии ничего неизвестно, от них не сохранилось никаких следов. Но, судя по подробности изложения событий в «Воспоминаниях» и по множеству упоминаемых в них деталей, Сиропул фиксировал то, что происходило в Италии — как на совместных с латинянами заседаниях, так и внутри греческой делегации. Последнее для него даже занимает по значимости первое место, так что сочинение Сиропула посвящено скорее даже не истории Флорентийского собора как такового, а истории византийской делегации на нем. При том, что Сиропул имел доступ ко многим документам, вероятно, что он и сам делал какие-либо записи по ходу самих событий. Но и после Собора, когда он уже занялся написанием самого текста, вокруг было много живых участников тех событий, так что у него всегда была возможность общаться и работать с очевидцами и действующими лицами тех событий. В. Лоран, как мы будем говорить об этом ниже, предполагал, что Сиропул писал свое сочинение как раз в те годы, когда он много работал вместе со Схоларием. В таком случае, Схоларий — так же участник Собора в качестве императорского чиновника — мог быть незаменимым свидетелем в том, что касалось императора и его окружения.

¹ Laurent 1971. P. 22.

Важный вопрос, когда были написаны «Воспоминания». Тексты, посвященные Собору и полемике с латинянами, составлялись со времени самих событий — 1438–1439 гг. — и вплоть до падения Константинополя. К какому из этапов борьбы с Флорентийской унией относится описание ее истории Сиропулом? Французский исследователь М. Жюжи, учитель В. Лорана, в своей небольшой статье 1939 г. предлагал датировать «Воспоминания» 1451–1452 гг.¹ Он сделал это на основании схолии основной рукописи «Воспоминаний», Paris. gr. 427. Переписчик, говоря о речи Схолария во время подготовки к Собору еще в Константинополе, отмечает в схолии (33v), что речь идет *περὶ τοῦ συμβουλευτικοῦ λόγου Σχολαρίου, νῦν δὲ κατονομαθέντος Γενναδίου τοῦ φιλοσόφου καὶ διδασκάλου* (о слове Схолария, сейчас названного Геннадием, философа и учителя). Т. е. это написано после 1450 г. (год пострига и, соответственно, изменения имени Схолария) и до падения Константинополя в 1453 г. Но дело в том, что эта рукопись, действительно написанная в начале 50-х гг., не является автографом Сиропула, как считал М. Жюжи: она была переписана Феодором Агаллианом, тогда как сам текст и его протограф был составлен раньше. В. Лоран предлагает датировать написание «Воспоминаний» 1443–1445 гг., т. е. временем после смерти Патриарха Митрофана и до смерти св. Марка Эфесского². После смерти Патриарха Митрофана открылась возможность для более широкой, чем раньше, дискуссии, проходили открытые прения, и вот в этой ситуации труд Сиропула мог оказаться востребован. О смерти Марка Эфесского, последовавшей в июле 1445 г., в работе ничего не говорится.

В своем первом Слове об исхождении Св. Духа, написанном в 1444–1445 гг., Схоларий писал: *Ἀλλὰ τὰ μὲν κατ' ἐκείνην σύνοδον ἄλλοι*

¹ Jugie M. Note sur «l'Histoire du concile de Florence» de Sylvestre Syropoulos // EO 38, 1939. P. 70–71. Здесь же Jugie говорит о Лоране как о будущем издателе текста «Воспоминаний». Это было в 1939 г. (издание — 1971 г.!).

² Laurent 1971. P. 38–42.

τινες ἰσως ἐρόβσι καὶ ἰστορήσουσιν (Но о том, что произошло на том Соборе, также расскажут и разъяснят другие)¹. Так что возможно, что Схолярій в этой цитате говорил именно о проекте Сиропула. И в таком случае это подтверждает датировку В. Лорана.

Рукописи и издания

Сочинение Сиропула сохранилось в восемнадцати рукописях. *Editio princeps* было выпущено в Гааге в 1660 г. английским исследователем Р. Крейтоном², а научное издание осуществлено неоднократно упоминавшимся В. Лораном в 1971 г.

Протограф сочинения не сохранился. Ко времени автора восходит лишь рукопись Paris. gr. 427, переписанная рукой Феодора Агаллиана, близкого к Сиропулу и его кругу человека. Судя по всему, это рукопись, созданная действительно в начале 50-х гг. XV в., до падения Константинополя (ориентировочно — в 1451–1452 гг.), была переписана с протографа и является адекватным отражением авторского текста. При издании текста эта рукопись является определяющей. К ней восходят пять других рукописей XVI–XVII вв.: одна из них была переписана в Греции (лишь часть текста), а четыре — на Западе.

Помимо рукописи Paris. gr. 427 и восходящих к ней пяти других рукописей, есть еще т. н. «группа В», состоящая из двенадцати рукописей, сохранивших достаточно измененный текст. Эта группа восходит к рукописи Paris. gr. 428, созданной около 1500 г. К ней восходят остальные одиннадцать рукописей XVI–XIX вв. Все рукописи группы В отражают т. н. «переиздание» «Воспоминаний» конца XV в. Тогда было значительно переработано содержание начальных глав (до середины четвертой), а в последующих главах содержание было оставлено без изменений, однако во многих местах был отредактирован

¹ Œuvres Complètes de Gennade Scholarius / Publiées pour la première fois Mgr Petit L., Sideridès X. A., Jugie M. Paris, 1928–1936. Vol. II. P. 260–261.

² Creighton R. Vera historia unionis non verae. Hagae Comitum, 1660.

стиль. Первые главы, в которых рассказывается о подготовке к отправлению в Италию на Собор и о причинах всего этого начинания, были отредактированы с учетом турократии, тогда как стиль был упрощен и приближен к разговорному. Или, скорее, переписчики не стремились передавать текст буквально и таким образом изменили его стилистику на свой вкус. Можно говорить о причинах, побудивших редактора конца XV в. именно таким образом поменять содержание первых глав, но в любом случае эта версия не восходит к самому Сильвестру Сиропулу.

Одна из рукописей группы В (Venaki 19, нач. XVII в.) является еще одной переработкой текста, уже конца XVI в. — это димотический перевод «Воспоминаний», выполненный Дукой Катаболаносом. Это уже не редакция, а просто переложение текста на народный язык того времени.

Если говорить о появлении тех или иных новых рукописей сочинения в греческом мире, то В. Лоран связывает это с активизацией католической пропаганды. Ответом на нее было, среди прочего, и появление новой рукописи сочинения, которое рассказывало об истории Флорентийского собора, остававшегося канонической базой для новых попыток расширения католического влияния на Востоке и заключения локальных уний.

Планы издания произведения Сиропула появились на Западе в контексте протестантско-католической полемики. Интересно, что «Воспоминания» не значились в издательских планах парижского *Corpusa византийской истории* (*Corpus historiae byzantinae*), которые были опубликованы в 1648 г. Возможно, что католические издатели не хотели спешить с публикацией такого полемического текста.

В декабре 1648 г. шведская королева Христина (1626–1689) пригласила в качестве своего учителя греческого языка и библиотекаря голландского гуманиста Исаака Воссиуса. Королевой была создана в Стокгольме настоящая гуманистическая академия с широким кругом европейских связей и интересов. В 1650 г. французский гуманист, критик и советник короля Клод Сарро (Сарравиус) передал через Вос-

сиуса королеве «рукописи, относящиеся к Флорентийскому собору». Очень вероятно, что это и были (или — среди них были) «Воспоминания» Сиропула. Когда королева в 1654 г. перешла в католичество и уехала в Рим, с ней уехала значительная коллекция рукописей, среди которых Сиропула не оказалось. Манускрипт остался в Швеции под опекой протестанта Воссюса, который затем передал его для издания англичанину Роберту Крейтону. Инициатива издания принадлежала канцлеру английского короля Эдварду Хайду, который узнал о том, что Воссюс обладает рукописью Сиропула и направил к нему Крейтону, бывшего в то время придворным проповедником.

Крейтон издал рукопись вместе со своим латинским переводом в Гааге в 1660 г. Это стало *editio princeps* данного сочинения. Возможно, что именно наличие этого издания удержало в конце того же века Иерусалимского Патриарха Досифея, активного издателя антилатинских текстов, от его повторной публикации. Издание вызвало негодование в католическом ученом мире, которое выразилось в «разгромной рецензии», а на самом деле в большом томе, выпущенном ученым греком-ренегатом Львом Алляцием по поводу издания Крейтона и сочинения Сиропула как такового¹. Похоже, что именно Алляций на долгое время посеял среди католических исследователей сомнение в ценности «Воспоминаний» как источнике.

В начале XX в. интерес к Сиропулу значительно вырос в контексте трудов французских ассомпсьонистов² во главе с Луи Пти, бывшем в то время латинским архиепископом Афинским. Среди прочего, их труды (и, конечно, тех, кто работал вместе с ними, на Востоке или уже

¹ *Allatius L.* In Roberti Creyghtoni Apparatum, Versionem et Notas ad historiam Consilii Florentini a Silvestro Syropulo de unione inter Graecos et Latinos Exercitationes. Roma, 1674. In 8°. 736 p.

² Ассомпсьонисты — французский католический орден, основанный в 1850 г. Эммануэлем д'Альзоном (1810–1880). В первой половине XX в. орден дал большое количество ученых исследователей церковной истории Византии.

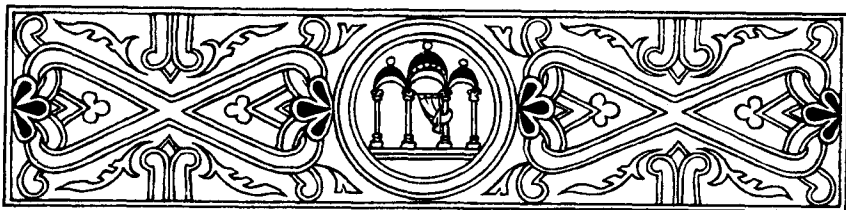
в Западной Европе, иезуитов в первую очередь) привели к изданию восьми томов сочинений Геннадия Схолария и целой серии, посвященной Флорентийскому собору¹. В этой же серии появилось критическое издание «Воспоминаний» Сиропула с французским переводом, комментарием и вступительной статьей, подготовленное В. Лораном. В своей небольшой заметке о «Воспоминаниях», опубликованной в 1939 г., М. Жюжи уже говорил о готовящейся работе В. Лорана по научному изданию текста². Но опубликовано это было в Риме только лишь в 1971 г.

Издание В. Лорана, безусловно, является непревзойденным и единственным научным изданием «Воспоминаний» на сегодняшний день. Вступительная статья, занимающая почти 100 страниц, ценна, в первую очередь, исследованием рукописной традиции, которое можно считать исчерпывающим. Комментарий ко всему тексту достаточно подробный, но нередко несет следы конфессионального подхода. Французский перевод очень хорош. Интересно, что данная работа все же не привела к заметному росту исследований, посвященных Сильвестру Сиропулу. Но, конечно же, все это сделало текст доступным для ученой публики, а наличие хорошего французского перевода облегчило дальнейшие исследования. В настоящее время готовится английский перевод «Воспоминаний», а русский читатель теперь располагает русским переводом. Конечно, эта книга не стремится заменить книгу В. Лорана с ее фундаментальным комментарием и исследованием, но лишь прокладывает для русского читателя путь к знакомству с той эпохой и еще с одним замечательным византийским писателем.

¹ Consilium Florentinum. Documenta et Scriptores. Roma, 1940–1976.

² *Jugie M.* Note sur «l'Histoire du concile de Florence»... P. 70–71.

Часть II

Воспоминание второе

1. ....

проходя, он оставил митрополита ждать в Афире¹, пока сам он, придя, не станет вести переговоры и не убедит Патриарха принять случившееся и ввести его в Город в качестве митрополита. Итак, месадзон², придя к Патриарху³, много говорил с ним об этом и использовал всю свою силу убеждения, однако не преуспел ни в чем, даже в том, чтобы получить для епископа Полеанины право войти в Город.

2. По прошествии двух дней месадзон вновь предстал перед Патриархом и нашел там [митрополита] Медии, как это и было заранее предусмотрено. Месадзон, отчасти имея на своей стороне Медийского [митрополита], вновь изложил множество причин для того, чтобы принять явившегося в качестве [митрополита] Молдовлахии⁴ или же

¹ Город к юго-западу от Константинополя на Эгнатиевой дороге.

² Один из высоких государственных чинов. В данном случае речь идет о Димитрии Палеологе Гуделе.

³ Евфимий II, Патриарх Константинопольский (1410–1416).

⁴ Митрополия возникла между 1381 и 1386 гг. Митрополит имел также политическое значение в контактах между (полу)независимыми молдавскими землями и Константинопольской кафедрой. В данном случае император хотел назначить митрополита по своему усмотрению.

просто [позволить ему] прийти и находиться здесь, пока император¹, вернувшись, не рассудит о нем по своему усмотрению. Когда они ничего не достигли в своем старании убедить, поскольку справедливые и логичные слова ученого Патриарха показывали тщетность их аргументов, то [митрополит] Медийский был вынужден прибегнуть к просьбе. «Многие из других народов и ересей, — сказал он Патриарху, — входят в этот Город. Ежедневно входят в него армяне и агаряне, и никто им не препятствует. Так пусть тем же образом войдет и он, и никто да не чинит ему препятствий». Патриарх же, будучи дружественно расположен к [митрополиту] Медийскому и возражая ему на это лишь отчасти, умолчал по поводу его просьбы и мольбы и, казалось, проникся делом.

Так месадзон послал за митрополитом и привел его. Он, придя, поселился в монастыре Василия Великого в затворе, дожидаясь императора. Патриарх считал это ужаснейшим делом, с большим трудом переносил случившееся и любым способом готовился либо исправить Церковь, по возвращении императора, либо же сесть в своей собственной келье при собственном бездействии и при бездействии Церкви, не доходя при этом до отречения. Император, поняв все это, выждал время, поскольку Патриарх был преждевременно похищен смертью и оставил заботу о своих полномочиях, и определил архиереям то, о чем говорилось раньше². Сказали ему архиереи: «Повели сначала, чтобы был [избран] Патриарх, а потом пусть будет, как ты предписываешь, поскольку не подобает нам высказываться о таких вещах без Патриарха». «Будет лучше, — определил император, — сначала обозначить права, чтобы и государство, и Церковь в мире имели свои законные права, и чтобы тот, кто станет Патриархом, сразу знал то, что является его правами, а что — императора. Будет это лучше для Патриарха, ведь если это произойдет после, то он может

¹ Мануил II Палеолог (1391–1425).

² Таким образом, дело происходит в 1416 г. — год смерти Патриарха Еуфимия.

счесть за непочтение, если в его дни произойдет нечто, до него не случавшееся». Итак, он повелел собраться в храме Святых Апостолов, обдумать все это и вынести решение об искомом. «Так как и раньше было даровано, — сказал он, — тогдашними куда более сильными архиереями, так и вы, я знаю, согласитесь в том, что было любезно святейшему и мудрому Патриарху».

3. Итак, был назначен день, в который все собрались в храме Святых Апостолов. Императором были посланы месадзон Гудель, кир Димитрий Хрисолор¹ и кир Димитрий Ангел Филомат². Когда все расселись для исследования, то некоторые из архиереев сказали, что «хорошо было бы нам знать до рассмотрения вопросов, имеем ли мы право собираться на Собор и рассматривать соборные вопросы без первого из нас?» На это ответили архонты и некоторые из архиереев, что «император имеет право созывать Собор и проводить его, когда он хочет, и нет ничего нового в том, что вы собрались здесь по божественному царскому повелению. Пусть не мешает вам никакое помышление, но обратитесь к тому, что вам предстоит». Итак, были начаты рассмотрения, и было сказано о них много слов, притом что архонты сражались за императора, а некоторые из архиереев стояли за Церковь. Однако все пришли к согласию и постановили почитать искомое как законное. Когда об этом было доложено, император предписал великому хартофилаку, чтобы это было записано его заботами и попечением, а архиереи подписали. И после того, как это было сделано, он издал приказ об избрании Патриарха.

4. Что касается меня, то я восхищаюсь всеми делами удивительного императора и не считаю себя достойным восхвалить его, но в одном лишь этом деле похвалить я его не могу: я считаю недостойным его доблести и мудрости и его сокрушенного сердца подвергать рабству Церковь Христову и передавать ее потомкам, находящуюся в таком

¹ Философ и астроном (астролог). Приближенный императора и сенатор.

² Секретарь Мануила II.

состоянии. Когда архиереи выбрали, по обычаю, трех, в присутствии также и [митрополита] Медийского, не участвовавшего в предшествовавших событиях, то император избрал кира Иосифа Эфесского и предложил его в Патриархи. Тот, будучи введен в Патриархат в тот самый день праздника Константина Великого в девятый индикт, совершил божественное таинство и был возведен на священный престол святейшей Великой Церкви¹. Император, возвратившись с Пелопоннеса и устроив, как было показано, церковные дела, снарядив упоминавшегося митрополита к отправлению в Молдовлахию с патриаршими грамотами, и занялся по-императорски императорскими делами.

5. Упомянувшийся Евдемониан², отправившись в Рим, по мере сил помогал и боролся за единство и согласие Западной церкви и за подчинение всех латинских народов одному папе. Присутствуя на избрании и провозглашении папы Мартина³ и удостоившись его благоволения и приема, он выбрал удобное время — время провозглашения — и объявил о единстве Западной церкви и нашей, Восточной, и свидетельствовал о стремлении к этому императора. Распространяясь об этом среди них, он нашел соработника в этом деле — Андрея, латинского [епископа] Родоса⁴. Тот тоже оказался на провозглашении и произнес перед папой длинную речь о единстве. Будучи нашим соотечественником и вкусив здешнего воспитания и эллинской мудрости, он, как ужаленный, перешел к латинянам и стал их единомышленником. Удостоившись епископской чести, он всегда прилагал труд к тому, чтобы и других привести отсюда к тому учению, которое он избрал.

¹ Патриарх Иосиф II (1416–1439). Умер во время Флорентийского собора, похоронен во Флоренции.

² В течение многих лет — участник византийских посольств на Запад. Умер в 1423 г.

³ Папа Мартин V (1417–1431).

⁴ Андрей Хрисовберг, латинизированный грек, латинский епископ о. Родос с 1432 г. и деятельный участник Флорентийского собора. Сиропул, как в этом случае, нередко упоминает людей с титулами, которые они на данный момент еще не имели.

Помышлять о том, что все окажутся его последователями, он почитал своим величайшим счастьем. Поэтому и в тот момент, сказав об этом долгую проповедь, он поспособствовал Евдемониану.

6. Папа еще раз с удовольствием принял Евдемониана по этому поводу, принял все, что касалось единства, выслушал и одобрил все его посольство. К тому же он позволил прийти туда невестам, как это устроил Евдемониан¹. Одной из них было суждено стать женой нашего христолюбивого самодержца и императора кир Иоанна — это была высочайшая августи София², другой — порфирородного деспота Феодора³. Что касается охраны Гексамиллиона⁴, то Блаженнейший явил об этом величайшее промышление, которое оказалось ему полезным так же, как и тень осла: он издал и разослал грамоту, прощающую грехи тем, кто согласится отправиться в Гексамиллион и защищать его. Что касается тех, кому было направлено это прощение, то они, вменяя его ни во что, скорее предпочитали, оставаясь дома, крепко спать и пребывать в свойственных им грехах, нежели прощенными охранять Гексамиллион. Оттуда они отправились домой, а агаряне, прорвав и разрушив стену, превратили в добычу мизийцев ромейские и тамошние латинские владения. Хотя с тех пор стена дважды и трижды прорывалась, все же [свидетельство о] защите его со стороны Римской церкви еще и сейчас имеет силу, сохраняясь здесь в царском дворце.

7. Итак, в то время папа впервые отправил грамоты: две — обоим императорам, а другую — Патриарху, говоря прекрасные вещи о единстве, побуждая и склоняя их к нему. Доставивший грамоты Евдемо-

¹ Летом 1420 г. Евдемониан доставил избранных невест к византийскому двору.

² Коронована вместе с Иоанном VIII в 1421 г., однако вернулась в Италию уже в 1426 г.

³ Родственница папы Мартина V. Умерла в 1433 г., перед смертью перешла в православие.

⁴ Стена на Коринфском перешейке длиной 7 километров (отсюда и название), закрывавшая доступ на Пелопоннес.

ниан возвестил об успехах своего посольства и сказал императорам много слов о единстве как бы от лица папы, свидетельствуя о горячем стремлении его самого и его окружения к единству. Принеся грамоты, он говорил с Патриархом и почти всеми окружавшим его и побуждал их действовать в пользу единства, так как прошло уже почти тридцать лет, за которые ни от папы сюда не было послано ни грамоты, ни посольства, ни отсюда — туда. Ведь со дней папы Урбана¹ и святейшего Патриарха Нила² с той стороны никто не приходил, но и отсюда ничего не сдвинулось в деле единства. В конце патриаршества святейшего Патриарха кир Матфея³ кир Мануил Хрисолор⁴, прийдя отсюда, доставил ему послания и некие слова от тогдашнего папы, на которые Патриарх ответил и написал папе. Эти послания и ответы находятся в священном кодексе Церкви, так что интересующиеся могут об этом знать. Однако дело в том, что многие не узнали о деле Хрисолора, поскольку об этом не распространялись и не знали, в каком духе папы написали Патриархам. Великим делом считали то, что папа именует архиепископа Нового Рима Патриархом Константинополья и называет его братом. В этом видели свидетельство того, что папа стремится к единству, однако [в действительности] он называл его не Константинопольским Патриархом, но патриархом-константинопольцем, как, я думаю, он пишет и доньше.

8. Император и Патриарх ответили папе и поблагодарили его за явленное им стремление к единству. При этом они указали, что оно не может осуществиться иначе, как только посредством Вселенского собора при обстоятельном и свободном исследовании всего, что связано с разделением, без насилия и соперничества. И если что будет явлено через свидетельство и посредство святых учителей Церкви, и

¹ Урбан VI (1378–1389).

² Нил, Патриарх Константинопольский (1379–1388).

³ Матфей I (1397–1402, 1403–1410).

⁴ Византийский дипломат. Много лет преподавал греческий язык в Италии.

согласятся с этим все присутствующие на Соборе, то пусть это будет одобрено всеми со всякой свободой и без смущения. Таким образом совершится объединение. Собор, писали они, должен произойти не в ином каком месте, а в Константинополе из-за многих и достойных внимания причин, которые подробно излагаются в грамотах, содержащихся в священном кодексе. Также по древнему своему обычаю и праву, император должен созвать Собор, и никто другой. Итак, они отправили эти грамоты к папе с Владинтером¹, позже ставшим монахом и принявшим имя Иосиф. Он происходил с Пелопоннеса, знал латинский язык и сопровождал в Рим Евдемониана. Папа, получив [послания], вновь отправил другие, выдержанные в том же духе. И от туда вновь написали и послали ему иные.

9. Он написал опять, соглашаясь на проведение там Собора и на отправку легата. Тогда вновь написали папе император и Патриарх об этих делах. Среди прочего содержалось в прежних и в этих посланиях и то, что «если и является правом императора созывать Собор, то поскольку доходы Империи уменьшились со многих сторон, а Римская церковь и латиняне держат имперские острова, то подобает²

.....
произойти Собору, чтобы распря между Церквами была исследована со всей свободой, чисто, без соперничества и насилия, и пусть будет так, как управит Бог». На этом собрание было распушено.

10. Потом через несколько дней Антоний³ пришел к Патриарху и говорил с ним кротко. Он сказал, что пришел с той целью, чтобы вместе обсудить и установить время, в которое будет возможно устроить и собрать здесь для восстановления [единства] всех тех, кто придет на Собор. И для этого у него есть из Рима разрешение и необходимая власть. Сам он ушел и делал приготовления к тому, чтобы легат оказался здесь в условленное время. Так, он дважды и трижды приходил

¹ Участник трех византийских посольств к папе. Стал монахом после 1423 г.

² В тексте лакуна.

³ Провинциал меньших братьев (францисканцев) и в будущем епископ Массы. Папский посланник.

к Патриарху, дружественно беседовал с ним и просил дать ответ по поводу Собора. Патриарх обсудил это с императором и сказал ему, что «в настоящий момент мы не можем установить время Собора. Ты видишь, что мы находимся в состоянии войны с эмиром и осаждены (ведь когда пришел Антоний, эмир еще находился рядом с Городом). И мы вынуждены, — сказали они, — заниматься военными делами. К тому же из тех архиереев, которых мы собираемся созвать, ваших и наших, одни находятся на Востоке, другие — на Западе, а пока идет война, нет возможности ни известить их, ни собраться. Поэтому сейчас ты уходи, так как ты хочешь уехать. Когда же настанет мир и будет подходящее время для проведения Собора, тогда мы пошлем посольство, будет установлено время Собора и придет сюда легат вместе с теми, с кем он захочет». Они написали подобные письма папе и легату с тем же содержанием. Взяв их, Антоний уехал.

11. Когда Антоний еще был там, императора разбил инсульт¹ и три последующие года он лежал больным, а к власти стал причастен его сын — император кир Иоанн Палеолог. Дела обстояли очень плохо из-за войны. В начале второго года войны деспот кир Димитрий был вынужден бежать в Галату вместе с Дориа — зятем императора. Его отец и мать призывали его вернуться, но он не захотел и предпочел отправиться к германскому императору. Против воли они согласились и снарядили его вместе с кир Матфеем Асаном, Дориа и некоторыми другими архонтами. В сентябре второго индикта он отправился через Аспрокастрон в Венгрию².

12. Император кир Иоанн, видя безуспешность войны и досадуя, счел нужным и для себя отправиться к упомянутому германскому императору, чтобы сподвигнуть его на оказание какой-либо помощи Городу. Приготовившись, он отправился³.....

¹ Согласно Сфрандзи, это произошло 1 октября 1422 г. (*Sphrantzes G. Memorii. Ed. Greci V. Bucuresti, 1966. P. 14*).

² Сентябрь 1423 г.

³ В тексте лакуна. Речь идет о посольстве императора Иоанна VIII в Италию 1423–1424 гг.

13. «.....его, по возможности поддерживать. Кроме того, Римская церковь является матерью, а Восточная — дочерью, и дочь должна приходить к матери». Поскольку это говорили кардиналы, назначенные работать вместе с нашими по вопросам, касающимся Собора, то они, казалось, стремились к благой цели объединения, если управит его Бог. Они говорили, что «мы не оставим искомое дело на суд многих, но выберем из нас троих хороших и достойных. Так же и вы выберите троих, и они сначала предстанут перед Богом, молясь с чистым и сокрушенным сердцем. Они будут заседать отдельно, ища божественного посещения, и как откроет им Бог, так и будет принято всеми. Ведь Тот, Кто сказал: “Где двое или трое собраны во имя Мое, там и Я посреди них”, и давший ослице человеческий голос, конечно же, даст и им найти то, что будет с любовью принято всеми». И они убеждали нас согласиться на пребывание там. Рассудив, наши послы ответили, что «мы не имеем полномочий обсуждать то, чего вы сейчас ищете, так как мы пришли установить время, когда произойдет Собор в Константинополе. То, о чем вы говорите сейчас, является уже новым вопросом. Мы сообщим [об этом] нашему самодержцу — святому императору и нашему господину — святейшему Патриарху, и если им это покажется благим делом, то да будет так. Но кроме этого мы утверждаем, что вы будете введены в огромные расходы, если они захотят приехать сюда». Будучи спрошены о размере расходов, они посоветовались, произвели подсчет и сказали, что «нужно триста арбалетчиков и три галеры для охраны Города и еще шесть или пять галер, по меньшей мере, на которых прибудут сюда наши. [Еще нужна] сумма, на которую будут содержаться наши со своими архонтами и клириками, архиереи и другие, которые должны присутствовать на Соборе. Все это будет стоить семьдесят пять тысяч флоринов, не считая содержания императора и его архонтов, так как мы оставляем все, касающееся императора, на рассудительность и щедрость папы». Наши говорили, что «мы начислили избыточные расходы для того, чтобы те охладели в своем желании везти нас туда».

14. Когда они слышали такое, переговорщики отправили это к папе и приготовили нам такой ответ: «Вы-то думаете, что у нас здесь избыток флоринов. Если здесь их и в самом деле много, то они расходуются на многочисленные необходимые работы. Относительно нужд единства папа определяет, что если вы говорите “пятьдесят тысяч”, то он готов назначить семьдесят пять. Если вы говорите “семьдесят пять”, то он определяет выделить сто тысяч, чтобы не было препятствий в таком благом деле». В отношении же императора папа сказал, что «он пусть поступает по своей воле, но я не имею необходимости в императоре». На этом наши завершили посольство. Когда они перед отбытием подошли к папе воздать ему подобающий поклон и приветствие, то папа сказал им, что «постарайтесь, как достойные люди и хорошие христиане по любви Божией и милосердию Христову, да получите благословение святого Петра, потрудитесь перед тишайшим императором и почтеннейшим Патриархом, чтобы они в скором времени устроили здесь Собор. Ведь я уже стар и опасуюсь смерти. Итак, если вы позаботитесь о том, чтобы Собор произошел во дни мои, то благополучно совершится объединение. Когда же я уйду, то это не совершится должным образом».

15. Итак, послы возвратились и рассказали это императору и Патриарху. Вместе с ним пришел оттуда в качестве посла Андрей Родосский, который, как показало [это] слово¹, был вначале согласен с Евдемонианом в отношении единства и говорил то же самое, что и наши послы, и старался устроить такое же начало делам Собора, поскольку утверждал, что он имеет оттуда власть положить необходимое начало созыву Собора у них. Император тогда выказал величайшую ревность в отношении созыва Собора в Италии и хотел сразу же начать его созыв. Узнав об этом, и Андрей стал с радостью действовать в том направлении, чтобы Собор согласно и без смущения был собран в Италии. После этого Патриарх встретился в почтенном Студийском монастыре с императором, когда тот там находился. Посоветовавшись,

¹ Таким образом, для Сиропула этот текст — λόγος.

они решили отложить то, что касается Собора. Император, не зная каким образом, удержал себя от намерения, которое он выказал в отношении сбора тех, кто должен идти на Собор. Андрею он ответил нечто несогласное со своими предшествующими словами. Андрей просил ответа на то посольство, которое было ему поручено от папы, тогда как император не хотел давать ему ответ, обещая ответить папе через собственного посла. Андрей тяжело это перенес и сказал о себе, что «я являюсь гражданином и должником этой родины и люблю то, что для нее является благом. Так почему же император не говорит мне того, что он имеет сообщить папе, чтобы я знал? Ведь если это возможно, то и я буду способствовать этому, если нет — этому помешаю, чтобы они не тратились на отправление посольства. Ведь я точно знаю, — сказал он, — как расположен папа к таким вещам, и до чего он снизойдет и что сделает, а что — нет».

16. Выслушав это, император определил, что «я не имею необходимости говорить Андрею то, что хочу сообщить папе, но и он не имеет права требовать от меня этого. Его делом было совершить вверенное ему посольство. После того, как я его выслушал, моим делом является ответить через него или через нашего [посла]». С этими словами Андрей был отослан. После этого были отправлены к папе в качестве послов великий стратопедарх кир Марк Ягарь и честнейший иеромонах, настоятель почтенного монастыря Пантократора кир Макарий Макр. Они ушли с грамотами императора и Патриарха и говорили о Соборе так, как им было предписано, и вновь вернулись, неся с собой грамоты от папы. На самом деле, мы недостаточно слышали о том, для чего эти послы были посланы, и не смогли узнать содержание отправленных туда или вернувшихся с ними грамот. По этой причине мы не имеем, что написать об их посольстве, кроме того, что они были посланы для того, чтобы говорить и устроить все, касающееся Собора. После возвращения указанных послов прошло достаточно времени, но от папы никто сюда не был послан ни вместе с нашими послами, ни позже.

17. Император захотел еще раз отправить послов к папе. Итак, он вновь избрал упоминавшегося Ягаря, честнейшего в иеромонахах и

настоятеля почтенного Манганского монастыря кир Макария Куруна, и собственного грамматика кир Димитрия Ангела Клида. Думая и размышляя об этом посольстве, император приходит к госпоже и матери своей¹ в Палатиани². Туда же он призывает Патриарха, [митрополитов] Ираклийского и Монеувасийского, великого сакеллария, великого скевофилака, честнейшего в монахах кир Иосифа-учителя³, честнейшего в монахах и духовного отца кир Макария из [монастыря] Ксанфопулов, месадзонов и упомянутых послов. Он советуется с ними, согласно императорскому обычаю, и представляет посольство и поручения, как это ему было угодно. Согласно этому были написаны грамоты от императора и Патриарха. Взяв их и приготовившись, послы отправились в дорогу.

18. Нам не стал известен ни результат совещания, ни сила грамот. Я могу предположить лишь то, что тяжким показалось для участников совещания принятое тогда решение. Начиная с тех пор и дальше, я видел Патриарха, как казалось, несчастным и вынужденным посылать грамоты, согласные с императорскими. Однако он писал и следовал [ему]. По прошествии достаточного времени я, по обыкновению моему, предстал перед учителем кир Иосифом. Когда мы говорили о рассматриваемом Соборе, то он сказал мне, что «с тех пор, как я услышал то, что услышал в Палатиани (при этих словах он воскликнул нечто устрашающее и положил руку на уста), с тех пор я понял, — сказал он, — что ничего хорошего из этого не получится. Я возражал против того решения, насколько мог. Когда же я увидел, что это продвигается и близится к завершению, то сказал себе, что “Иосиф не будет там присутствовать и не увидит замышляемого. А они пусть делают, как хотят”».

¹ Императрица Елена († 1450). Жена императора Мануила и дочь сербского деспота Константина Драгаша. Имела большое влияние на своих сыновей-императоров.

² Это название дворца известно лишь по «Воспоминаниям» Сиропула.

³ Иосиф Вриенний (ок. 1350 — до 1438).

19. Но и Патриарх с тех пор считал очень прискорбным проведение Собора под властью и в стране латинян и часто говорил, что если это произойдет там, то не станет благополучным свершение Собора. Сам он показывал, что никоим образом он не желает там оказаться. Однажды, сидя в своей келье вместе с двумя церковными архонтами и в присутствии двух архонтов дворца, он сказал, что «говорят о проведении Собора в Италии, о том, что наши отправятся туда и будут усердствовать на Соборе, а расходы на дорогу и содержание будут делаться той стороной. Но если отправиться туда таким образом и ожидать от них ежедневного пропитания, то [наши] будут рабами-наемниками, а те — господами. Но всякий раб должен творить волю своего господина, и всякий наемник совершает работу нанявшего его, а всякий наниматель ради того дает плату, что нанятый выполняет все, что предписывает ему наниматель.¹ Если же нет, то он не дает ему платы. Если те удержат пропитание, то что будут делать наши? И если не захотят они возратить наших на свои средства и на своих кораблях, то что останется им делать? Какой смысл идти этим бедным малочисленным иностранцам к многочисленным, богатым, мудрым, гордым, местным — и им покоряться? А потом еще вступать с ними в прение о вере и благочестии и учить их... Не будет это ко благу, не будет. Кажется мне, что это никоим образом не поможет нам. Но император, если хочет, может провести Собор здесь и без расходов, так как те, кто придут сюда из Римской церкви, придут на свои средства. Если же потребуются расходы, то он может собрать более ста тысяч иперпиров. Только что услышанное, это покажется неубедительным, но я покажу, как это может быть и реально, и несложно.

Император может с хорошими послами объявить тем, кто придет на Собор, чтобы они шли с вещами и со средствами, какие имеют и

¹ Характерная для византийцев причина опасаться проведения Собора на Западе. Ср.: Лк. 12, 47: «Раб же тот, который знал волю господина своего, и не был готов, и не делал по воле его, бит будет много».

какие будут необходимыми для содействия этому божественному делу и цели. Придет Фотий¹, [митрополит] Росии², с большим богатством и более чем ста тысячами иперпиров. Император возьмет из этого с легкостью иперпиров тысяч пятьдесят. Придет католикос-архиепископ³ Иверии (и он богат), и возьмет [император] у него тридцать тысяч или, по меньшей мере, двадцать. Придет Печский [архиепископ]⁴, и возьмет он у него тысяч двадцать. Восточные Патриархи, насколько я слышу, приносят султану тысячи флоринов — и становятся Патриархами. Можно и у них взять по две тысячи флоринов или, по меньшей мере, по тысяче. Есть богатые и среди наших архиереев: возьмет он и у них по тысяче, у некоторых — по шестисот, у других — по триста, и соберет более ста тысяч. Итак, устроить Собор здесь будет благим, достойным и очень полезным для нас делом. Делать это в Италии — совершенно для нас бесполезно».

Что касается меня, то если я и не был удовлетворен тем, что касалось Собора (поскольку я не считал возможным собрать когда-либо даже гораздо меньшую сумму), то в отношении всего остального я был весьма доволен, так как это было правдой и так оно и произошло. Все слышавшие это восхваляли Патриарха, поскольку почти все имели такое же мнение об этих вещах. Мы просили и умоляли его, чтобы он всегда стоял на том, способствовал и делал то, что согласно с таким решением. Эти слова были произнесены и записаны здесь по причине тяжести, которую все испытывали из-за готовящегося пребывания вне отечества.

20. Упомянутые послы, дойдя до Галлиполи и узнав там, что умер митрополит Мартин, возвратились. Они сочли, что поскольку умер тот, кто помогал и действовал в отношении соборных планов, то им излишне

¹ Фотий, митрополит Киевский (1408–1433). Родом из Монемасии.

² У Сиропула всегда такое написание.

³ Буквально — «всеобщий архиепископ», т. е. всей страны.

⁴ С 1375 г. — с титулом Патриарха. Сербская церковь на Флорентийском соборе не была представлена из-за запрета своих светских властей.

туда идти. Император, негодуя по поводу их возвращения, сказал им: «Чего ради вы не пошли туда, на что были посланы? Смерть папы не должна была воспрепятствовать вам, поскольку со смертью одного папы сразу возводится следующий. И что делал предшествовавший, то же самое будет делать и его преемник. Поэтому я повелеваю вам идти и завершить ваше посольство». И он принудил их уйти. Настоятель Манганского монастыря больше не хотел идти, и хотя многократно просили и убеждали его в этом, но он совершенно отказывался туда идти. Вместо него был избран настоятель [монастыря] Продрома и великий протосинкелл иеромонах кир Иоасаф, который прежде ходил к [папе] Мартину. Собравшись, он вскоре отплыл вместе с Ягарем и Клидой, и направились [они] к папе Евгению¹.

[Посланники] императора и Патриарха преподнесли ему обычное приветствие и начали говорить о том, что они прибыли по поводу Собора. И сразу же они были спрошены папой, отдал ли император Патру собственному ее епископу?² Когда он услышал от них, что император не отдал ее, то сказал: «Как же вы пришли просить меня о Соборе, когда император держит Патру?» Великий протосинкелл говорит Ягрю: «Ответь, как ты желаешь». Но тот передал ответ ему. Итак, великий протосинкелл сказал: «Блаженнейший отче, мы пришли к твоему блаженству не ради частных вопросов, но ради общего вопроса, разделяющего Церковь. Ведь если благодатью и человеколюбием Божиим, по твоему домостроительству и попечению и содействием и предстательством святого императора и владыки моего, святого Патриарха, будет решен общий вопрос, то с Божией помощью будут легко лишены и частные [вопросы]. Поэтому мы просим тебя, чтобы осталось в молчании то частное, что есть ныне, но скажи, если име-

¹ Папа Евгений IV (1431–1447).

² Патры были отвоеваны византийцами у латинян в 1429 г. (цитируемая — в 1430 г.). Об этом пишет Сфрандзи, который был первым правителем города (Ed. *Grecu*. P. 42). Изгнанный латинский епископ пытался получить обратно свою епархию вплоть до своей смерти в 1441 г.

ешь какое желание, относительно общего». И с этими словами они тогда вышли от папы. После этого они оставались там, совершали свое посольство и говорили слова, какие имели, к папе и кардиналам. Получив ответ, они возвратились и говорили, что видели папу как-то смутно и, как говорится, сквозь пальцы воспринимающего все то, что имеет отношение к единству.

21. Они принесли грамоты [папы] Евгения, которые предписывали проведение Собора у них. Когда [эти грамоты] были прочитаны перед лицом Патриарха в присутствии архиереев и церковных архонтов, настоятелей [монастырей], духовников и Клиды Филомата, то слушавшие поняли, что они содержат нечто тягостное и не соответствующее целям [прежнего папы] Мартина. Наши тогда рассмотрели некоторые слова и объясняли, что они не ведут к благой цели. Тогда [митрополит] Медийский кир Стефан¹ (пусть это будет в виде некой приправы) сказал, что «папа дерзит нам, поскольку называет нас *греками*: а это дерзость. Как мы отправимся туда, если он дерзит нам?»² Император сразу это понял. В те дни случилось [митрополиту] Медийскому принести отчет и просить содержания за два года, которое он ожидал в качестве благодеяния за императорскую службу в Медии. Итак, он пришел во дворец и просил ответа через дворецкого³ Цермокаита. Император ответил с неудовольствием: «Как это ищет от нас благодеяния тот, кто воспринимает название “греки” как дерзость? Я не знал, что он придерживается такого мнения, и напрасно благодетельствовал ему». Так [митрополит] Медийский дал нам повод посмеяться, а себе стяжал стыд.

¹ Стефан, митрополит Медийский (1431–1442).

² Имеется в виду, что этот латинизированный этноним, который латиняне нередко употребляли в отношении византийцев в конце Империи, означал отказ признавать в них подлинных «римлян», что оставалось самоуничижением византийцев, при некоторой реабилитации понятий «эллина» или даже «греки» в XIV–XV вв.

³ διὰ κελλώτου.

22. Когда указанные послы отправились к Евгению, то участники Собора в Василее¹, узнав об этом, послали туда послов и стремились устроить готовящийся Вселенский собор вместе с ними. В Василее был составлен Собор семисот епископов вместе с могущественнейшими кардиналами во главе с кардиналом Арлатенским². Он был созван ради исправления некоторых несуразностей в областях Италии, но главное — ради укрощения и подчинения папы и его курии. Послами были епископ Сундийский³ и вторым вместе с ним — учитель Альберт⁴. Итак, они пришли с грамотами к императору и Патриарху и показали, что Собор в Василее имеет больше власти и силы, нежели папа, и что он лучше его устроит все то, что касается единства. А поскольку многие могучие короли находятся на стороне Собора и повинуются ему — в первую очередь германский император Сигизмунд, — то скорее оттуда придет необходимая грекам помощь.

23. Император убедился этими словами и стал думать о том, как бы отправить на Собор послов. Итак, он выбрал великого стратопедарха кир Димитрия Палеолога⁵, Исидора, в то время честнейшего в иеромонахах настоятеля почтенного монастыря Св. Димитрия, после этого ставшего [митрополитом] Росии и затем вознесенного до кардинальской погребели, а также зятя Палеолога кир Иоанна Дисипата⁶. Император отправил их на Собор в Василею со своими собственными и с патриаршими грамотами, а также со своими предписаниями и рекомендациями (он сделал это еще до того, как вернулись от папы

¹ Город Базель.

² Город Арль.

³ Город Суда в Испании.

⁴ Альберто де Криспис (†1454). Богослов и провинциал августинцев в Ломбардии. Участвовал в Базельском соборе в качестве богослова.

⁵ Димитрий Палеолог Метохит лишь позже получит этот титул. Впоследствии будет последним епархом Константинополя.

⁶ Византийский дипломат. Родственник упомянутого выше Димитрия Палеолога Метохита. Очень часто упоминается у Сиропула вместе со своими братьями Георгием и Мануилом.

упомянутые выше послы, и он узнал, как Евгений их принял и как отнесся к их словам и предписаниям, которые сам император дал им). Он дал им позволение и власть, что если они найдут у тех то, о чем было предписано, договориться и дать им твердые уверения в том, что, несомненно, придут император и Патриарх вместе со всей соборной силой восточных [архиереев] туда, где они решат устроить Вселенский собор.

24. С этим они отправились. Посланные к Евгению возвратились позже и сообщили то, о чем было сказано выше. Затем папа узнал о посольстве императора на Собор и понял, что для него станет катастрофой, если собор восточных отправится к тем, которые в Василее. Он сразу отправляет сюда Христофора, [епископа] Коронского,¹ с грамотами и соглашается на проведение Собора здесь. И Патриарх, и почти все восприняли это с расположением. Христофор стремился к тому, чтобы имеющий прибыть легат председательствовал на Соборе, так как он будет представителем папы и должен обладать его правами, т. е. первенством. Сопровождение и рассмотрение этого дела произошло в присутствии Патриарха, архиереев и архонтов Церкви. Они нашли и доказали из соборных документов, что не должно так быть: ведь как можно допустить, чтобы в присутствии Патриарха в его собственной Церкви местоблюститель другого оказался выше его? Этого не было даже на пятом [Вселенском] соборе, когда сам папа Вигилий здесь присутствовал лично.

25. Затем император узнал об этом и, придя в Палатиани, собрал там немногих из архиереев и ставрофоров, и говорил, что сообразно времени и обстоятельствам должно быть и домостроительство. Ведь какая польза, если из-за предпочтения кафедры будет положено пре-

¹ В то время секретарь папы. Перешел на папскую службу после того, как был нотарием у венецианского бали в Константинополе, где и выучил греческий язык. Епископ с 1437 г. После Флорентийского собора — папский нунций в Венгрии. Погиб во время сражения с турками на Косовом поле (август 1448).

пятствие такому благому делу? Он много восхвалял икономию и добавил о себе самом, что если нужно было бы исполнить что-то благое, то он мог бы оставить и что-то из своих полномочий. Итак, умножая слова относительно этих дел, император убедил присутствовавших там со стороны Церкви, и они признали противоположное тому, что говорили в присутствии Патриарха. Услышав об этом, Патриарх это перенес с трудом, и нелегко ему было помогать императору. И все же они написали и ответили папе через Христофора.

26. Что касается тех, которые отправились на Собор в Василию, то они были хорошо приняты участниками Собора и сообщили им то, ради чего пришли к ним. Те выбрали из своей среды некоторых, чтобы встречаться с нашими, выслушивать вопросы и обсуждать друг с другом. Затем они докладывали об итоге обсуждений Собору и ото всех были одобряемы. Среди прочего спрашивали у наших, сколько придет на Собор греков. Они ответили, что придет человек семьсот, и члены Собора согласились оплатить все их расходы. После того, как все вопросы были обсуждены и с их стороны были даны обещания выполнить все это, перешли к обсуждению того, какое место подойдет для проведения Собора. Установили места на побережье — Калабрию, Анкону или другой прибрежный город. В Италии — Вононию¹, Медиолан или другой итальянский город. Вне Италии — Буду в Венгрии, Вену в Австрии и самое крайнее — Саваудию². Они договорились, что устроят Собор в том из указанных мест, которое предпочтут греки. После того, как обсудили и достигли соглашения по всем этим вопросам, они попросили у наших клятву. Они поклялись, что император и Патриарх, без сомнения, придут вместе с наполняющими собой Восточную церковь, если [латинская сторона] выполнит все то, о чем они договорились. Одновременно с этим они вручили хрисовул, который имели от императора в подтверждение того, о чем они поклялись. В ответ на это участники Собора вновь изгото-

¹ Город Болонья.

² Савайя.

вили декрет¹ со свинцовой печатью, торжественно приняли наши грамоты и дали свои.

27. Сюда они направили в качестве послов трех клириков: фра Иоанна, Генриха Мангера и фра Симона, дав им достаточно денег, чтобы устроить здесь все необходимое для проведения Вселенского собора. Один из них должен был вернуться в Василию и приготовить для отправления сюда корабли² и арбалетчиков. Арбалетчики останутся на страже Города, пока не возьмут императора и Патриарха вместе с остальными и кораблями не переправят туда, где будет происходить Собор. Остальные двое будут ждать здесь, отвечать за расходы на подготовку Собора и заботиться о том, чтобы все нужные для Собора люди были готовы отправиться на Собор, когда придут сюда корабли. Итак, они пошли вместе с упомянутыми нашими послами, неся с собой восемь тысяч флоринов.

28. Через несколько дней они увидели Патриарха и изложили ему свое посольство, поделив это ради взаимной чести. Фра Иоанн сказал, что «в Василее все имеют великое стремление к тому, чтобы увидеть единство достигнутым. Они готовы потрудиться и взять на себя все расходы для того, чтобы император и Патриарх пришли туда вместе со всеми остальными восточными отцами. Ради этого, — сказал он, — послали и нас, чтобы мы содействовали и устраивали все нужное для приготовления этого божественного дела». Второй сказал, что, отправляясь на такое богоугодное дело, они имели с собой и секретарей, на случай если в них возникнет нужда, и множество помощников. Но поскольку на кораблях разразилась чума, то погибла большая часть помощников и секретари. Все очень скорбели, поскольку лишились хороших и необходимых помощников, и больше не будут пользоваться их помощью при посольстве, как подобало бы. Третий сказал, что если с Божьей помощью произойдет единение, то великим

¹ Декрет *Sicut pia Mater*, принятый на 19-й сессии Собора, 7 сентября 1434 г.

² катеруа.

благом будет это для христиан. Западные правители окажут великую помощь восточным, и грекам будет большая польза и устроение благодаря единству. Так каждый как можно подробнее говорил это и подобное, ведущее к той же цели.

29. Патриарх ответил, что дело единства является божественным и возлюбленным. Сам он очень стремится и желает этого, если только Бог устроит, чтобы все это благополучно совершилось. Ведь что может быть сладостнее мира и согласия между христианами? «По этой причине, — сказал он, — тот, кто вначале внес соблазн в Церковь Христову и разделил ее, получит от Бога великое наказание. А тот, кто сейчас сможет потрудиться и помочь утверждению благого и богоугодного единства, если Бог благоволит устроить все это по воле Своей, тот обретет у Него великую награду». Поэтому, по его словам, он готов трудиться и способствовать успеху этого божественного дела. Кроме того, он рассказал, насколько для него тягостно такое путешествие по причине его болезни, старости, трудности из-за больших расстояний, а еще и опасностей на море. И добавил, что «вы скорбите из-за помощников ваших и рабов, которых вы лишились на море, а меня не считаете достойным побояться за себя, чтобы, ввергнутым в море, мне не оказаться пищей для рыб?» Но, сказал он, перед обещаниями и обетованиями будущего он будет Фомою. Патриарх говорил им это и подобное, послы ответили, как подобает, и удалились.

30. Вместе с теми, кто пришел из Италии, вернулся и упоминавшийся Христофор Коронский, имевший от папы разрешение и власть на то, что все, что он делает, будет им одобрено. Папа был извещен Собором, чтобы он через кого-нибудь своего либо соглашался и следовал за тем, что делают участники Собора в отношении единства, либо, если он желает чего-то другого, они будут делать то, что кажется правильным этому Собору. С этим и был прислан Христофор: внешне, чтобы следовать и содействовать посланникам Собора, а на самом деле — чтобы по возможности им противодействовать, если сможет. Итак, он тайно действовал в этом направлении в отношении императора и по большей части — в отношении Патриарха, так что в то вре-

мя Патриарх был весьма дружественно расположен к нему и к папе: он обещал, что папа устроит Собор здесь. Патриарх очень содействовал этому делу, но император совершенно не принимал его.

31. После возвращения сюда наших послов пошли слухи, будто они там разделились и что архонты почти все сделали, пренебрегши игуменом. Это и сам он говорил Патриарху и некоторым своим друзьям. Из-за этого Патриарх тяжело принял результаты посольства. Император, узнав, что слухи распространяются, повелел архиереям, настоятелям и духовникам собраться у Патриарха. Пришел император и воссел вместе с Патриархом на правых катехумениях¹. Сели также упомянутые люди, ставрофорные архонты Патриарха и немногие из сенаторов. Император заявил: «Я слышу, что наговаривают против того, что наши послы сделали в Василее. Говорят, что говорившееся и сделанное там не всегда было угодно всем троем, но если один из них был не согласен, то двое других оставляли его в стороне и сами делали то, о чем договорились. Из-за этого я и пришел, чтобы исследовать все это с откровенностью и чтобы знать нам, как мы будем поступать в дальнейшем». И повелел он послам, чтобы они подробно рассказали то, что там происходило. А затем, обратившись к слушателям, сказал: «В соглашениях имеются вещи внешние и государственные. И не будь они сокрыты, они могли бы причинить нам вред. Какая польза вам здесь слушать о кораблях, арбалетчиках и прочих вещах, предполагаемых для безопасности нас и Города? Чтобы это вышло отсюда, стало известно врагам и было направлено против нас самих? Поэтому мне представляется верным, — сказал он, — чтобы об этих делах они ничего не говорили, как о не нужных для нас и не способствующих делам церковным. Пусть говорят об их работе и переговорах, посредством которых они достигли соглашения».

32. Великий стратопедарх рассказал следующее: «Когда мы были в пути и оказались близ города Василеи, то узнали это участники Со-

¹ Таким образом, собрание происходило на галерее храма Св. Софии, где часто собирались Соборы.

бора и отправили к нам епископов и некоторых других архонтов. Они встретили нас у города на расстоянии около половины дневного пути от него и проводили с великой честью до жилища, которое нам приготовили. Там мы отдохнули. Затем они пришли, взяли нас с честью, и мы предстали перед Собором. Там мы передали соответствующие приветствия от твоего святого царского достоинства и от господина моего святого Патриарха. Мы вручили твои божественные письменные повеления и честные патриаршие грамоты. Итак, они приняли нас с радостью, беседовали дружественно и показали себя расположенными к единству. Затем мы сообщили, что имеем слова и предложения в отношении этого дела и выскажем их, как только они этого пожелают. С этими словами они отправили нас в гостиницу, и мы отдохнули. Они выбрали некоторых из участников Собора, среди которых были кардиналы и епископы. Определили место и дни и сообщили это нам. Мы вместе собирались, высказывали то, что имели сказать об этом деле, и слушали то, что говорили они. Итак, они рассматривали вопросы и давали нам на них ответы. Если это представлялось нам достаточным, то они рассматривали их вместе со всем Собором и таким образом подтверждали и сообщали это нам. Также и мы рассматривали то, что они нам говорили или предлагали. Все, что единогласно нравилось нам троим, на это мы давали ответ и это принимали. Так было со всеми вопросами и предложениями, которые мы имели, и, слава Богу, мы не расходились ни в чем. Если кто имел сказать что-то отдельное, то он говорил, не смущаясь. Я свидетельствую с откровенностью, что мы там следовали именно этому. Когда мы получили ответы на определения и предложения, которые мы имели, то мы утвердили это с согласием, что и содержится в декрете. Об этом они попросили с нас клятву. Присутствующий с нами честнейший священник кир Исидор отслужил литургию. Поклялся он сам и мы, что если они исполнят все то, о чем мы договорились, то без промедления придет туда император с Патриархом и собором восточных [архиереев]. С этими словами мы вручили хрисовул твоего святого царского достоинства. Они также поклялись и, устроив соборный праздник, дали нам заверченный декрет.

Итак, ничего не было сделано без совета трех, и не видели одного или двоих из нас, беседующими с теми отдельно, но мы все втроем виделись и встречались с ними. Более того, к нам часто приходил фра Иоанн. Он первым из всех встретил нас, трудился и старался позаботиться и устроить все для нашего отдохновения. Он был помощником во всем, что оказывалось нам потребным, и мы обязаны ему великой дружбой за любовь и заботу, которую он проявлял к нам. Но и он видел нас всех вместе и общался со всеми тремя, но ни с кем не по отдельности». Рассказав это, Палеолог добавил: «Пусть и остальные скажут, что они хотят». Тогда и священник кир Исидор согласился с тем, что все там так и происходило, как рассказал Палеолог. То же самое сказал и Дисипат, добавив, что ему нечего сказать вопреки этому, потому что все так и было. Тогда император объявил: «Оказывается, что эти [послы] действовали хорошо и в согласии, и не в чем обвинить их посольство, и не подобало говорить то, что вы слышали». Начал что-то говорить и Патриарх, но поскольку император тут из-за чего-то рассмеялся, то Патриарх опечалился из-за этого и заявил, что «так как я вижу себя осмеиваемым, то я отказываюсь говорить то, что собирался». Император ответил ему: «Да будет со мною твое благословение, я не слышал ничего, что ты сказал, и не из-за этого рассмеялся, но улыбнулся из-за другого дела. По твоему усмотрению говори, если считаешь нужным». Но он больше ничего не хотел сказать, хотя император и раз, и два просил его говорить. После этого вновь сказал Палеолог: «Итак, мы все сделали вместе и в согласии, как рассказали. А если что говорилось иначе, то в этом не наша вина». На этом собрание было распущено.

33. По прошествии нескольких дней Патриарх собрал нас, ставрофоров, и сообщил, что император присоединяется к пришедшим от Собора, хочет вместе с ними работать, а также и нас отправляет в Вассилею. Он принуждает и его, Патриарха, помогать ему в этом деле и следовать за ним. Однако, ему это тяжело и представляется скорее идущим к катастрофе, нежели к нашей пользе. Поэтому он скорбит и не хочет помогать императору, но если услышит что-нибудь неугод-

ное себе, то он будет возражать и противодействовать и не примет больше с мягкостью готовящихся событий. Поскольку Патриарх не имеет к кому-либо доверия больше, чем к нам, то он сообщает нам это, просит и советует быть вместе с ним, помогать и содействовать ему в этом деле. Приняли это и мы, благодарили его и убеждали, если управит его Бог, благородно и с силою предпринять то, что содействует благосостоянию нашей Церкви, а этому и мы будем с Божьей помощью хорошо содействовать и благородно за это сражаться. Он слышал, вновь сказал Патриарх, что утром придет сюда же император, чтобы советоваться относительно этих дел. Поэтому ему показалось правильным, сказал он, изложить все это нам, чтобы и мы были в согласии и единомыслии, и если будет нужда — поддерживали его на следующий день, насколько это будет возможно. Мы обещали ему это со своей стороны и уверяли в этом.

34. На следующий день, который следовал за пятницей, Патриарх был позван и пошел вместе с нами в [церковь] Неа¹. Император посетил свою мать-императрицу, а к вечернему часу пришел в Неа, сел снаружи божественного храма и позвал Патриарха. По пути мы поддерживали его, и он сказал нам: «Если вы будете оставлены вовне, то сидите где-нибудь поблизости, так как я чувствую, что меня будут устрашать и принуждать. Поэтому я хочу, чтобы вы были вблизи меня, и если я начну говорить громко, то вы согласно придете». Итак, Патриарх сел вместе с императором, и они совещались наедине. Мы же сидели вовне у ворот храма. Затем позвали месадзонов и великого доместика² и совещались вместе с ними. Затем зовут архиереев и нас. Мы все вошли вместе с упоминавшимися послами, т. е. с Палеологом, иеромонахом и Дисипатом, и сели. Император сказал Патриарху: «Объяви, пожалуйста, что мы постановили». Итак, Патриарх ска-

зал: «Пришедшие от латинского Собора послы просили о том, чтобы сделанное на Соборе и написанное в декрете было провозглашено здесь и утверждено нами, чтобы они могли действовать в согласии с тем, что им поручено. Поэтому нужно назначить кого-нибудь, кто бы мог встретиться с ними, слушать и отвечать на то, что они скажут. Установили, что в этом будут участвовать два месадзона и великий доместик, из архиереев — кир Иоасаф Эфесский и кир Антоний Ираклийский, из ставрофоров — великий хартофилак и великий экклезиарх, из духовников — священник кир Матфей и священник кир Григорий. Вы, наши послы, сойдите в монастыре святого Воскресения Христова и, выслушав все это, приготовьтесь к делу». Затем наши пожелали выслушать декрет. Он был прочитан, и мы услышали, что среди прочего он содержит и то, что участники Собора потрудились и исправили новую ересь богемцев¹, и что так же они уже исправляют древнюю ересь греков². Получив огласку за несколько дней до того, это всеми было тяжело воспринято. Тогда на это сказали, что следовало. Но император и архонты заявили, что «поскольку вы собираетесь встретиться и обсуждать с ними, то мы верим в то, что это и все остальное будет исправлено, как подобает». И с этим мы вышли.

35. Как только наступило утро, я пришел к Патриарху и доложил: «Вчера я решил доложить и просить, чтобы вы сотворили мне благодеяние, и я не ходил бы на встречи, как вы определили. Чтобы меня не сочли дерзким, в тот самый час я оставил это без внимания. Но сейчас я пришел просить и умолять, чтобы ты освободил меня от этих встреч, поскольку я не хочу и не могу связываться с такими делами». И я сильно умолял его об этом. Патриарх же повелел мне делать то, что решено. Там оказались духовник кир Феофилакт и монах кир Каллист Принкипс, в которых я надеялся найти помощников моему прошению. Но

¹ Речь идет не о «Новом монастыре» (Νέα Μονή), а о церкви Неа, расположенной около дворца. См.: *Janin R. Églises et monastères*. P. 365.

² Андроник Палеолог Кантакузин. В должности великого доместика с 1431 по 1447 гг.

¹ Т. е. гуситов.

² «Quamobrem huius sanctae synodi ab initio suae congregationis praeclara cura fuit recens illud Bohemorum antiquumque Graecorum dissidium prorsus exstinguere». См.: *Cecconi E. (ed.) Studi storici sul Concilio di Firenze*. Firenze, 1869. P. CLXVII.

когда они увидели, что Патриарх повелевает мне идти с неизбежностью на то, к чему я определен, то и они принудили меня совершить предписанное.

36. Все же были назначены дни, и мы собрались. Пришли вместе с нами также определенные к этому кир Димитрий Ангел Филомат, учитель кир Георгий Схоларий и фра Мануил в качестве переводчика. Итак, месадзоны обратились к ним в согласии со всеми нами, а латинские послы отвечали. Итак, наши начали, обратились к ним дружелюбно и сказали: «Это дело единства является божественным и вожделенным. Стремимся и мы увидеть его, если благоволит Бог, чтобы оно благополучно совершилось, стремитесь также к этому и вы. Это ясно из того, что вы подъяли большие труды, опасности и совершили многие траты, что пришли сюда и положили благое начало соборной встрече и делаете все необходимое для нее. [Ясно также] и из того, что наш государь, святой император, с помощью святейшего Патриарха также не пренебрег ничем из того, что находится в его власти, но и раньше, и сейчас часто отправлял послов к блаженнейшему папе, а теперь и к вашему Собору. Он понес множество расходов на эти посольства и являет всякую другую заботу, сопутствующую такому делу. Для этого надо, чтобы и мы, собравшиеся от каждой из сторон, потрудились ради такого предприятия. Ведь ради этого мы и назначены, чтобы встретиться здесь и рассмотреть, что нужно сделать для созыва [συνάθροις] Вселенского собора, путешествия на него и вновь возвращения сюда, и для исправления декрета, если в нем чего-то недостает или нуждается в уврачевании. Итак, подобает и нам с дружелюбием, честью и любовью сказать вам то, что мы имеем сказать, и выслушать ваше [мнение]. А вам так же с дружелюбием и по-братски принять наше, ответить и исцелить то, что нуждается в исправлении».

37. Участники Собора приняли эти слова и ответили с благодарностью и радостью на то, что услышали. Затем они сказали, что готовы оплатить и расходы по отправке послов. Столько, сколько они попросят на нужды тех, кто отправится на Собор, если прежде того импера-

тор и Патриарх одобряют то, что содержится в декрете. Затем они предались рассмотрению того, что содержится в декрете. Наши сказали им, что «во введении вы говорите о нас, будто мы имеем ересь: вы говорите о новой ереси богемцев и о старой ереси греков. Мы весьма изумляемся тому, что вы говорите это. Ведь кто когда-либо говорил это о нас, или какую ересь имеем мы, ничего не преступившие и не изменившие из апостольских, соборных или отеческих преданий? Для нас это является предметом большой досады, и прежде всего остального мы ищем исцеления сего».

Они же ответили на это, что «не произошло это от излишнего усердия, но просто было написано так секретарем. Но никто из нас никогда не говорил так о вас, и сейчас мы не говорим, будто есть у вас ересь. Мы можем подтвердить это и свободно возвестить во всеуслышание, если вы хотите. Мы считаем, что это будет достаточным врачеванием для вас, и не стоит соблазняться из-за ошибки секретаря».

На это месадзоны сказали, что «не будет для нас врачеванием то, что вы хотите сделать нам на словах. Каким будет словесное врачевание, или какое оно будет иметь для нас значение, если мы примем декрет, как он есть, и предложим в качестве нашего оправдания то, что ставит нас в один ряд с богемцами, имеющими многие и наихудшие ереси? Какой смысл нам принимать это?» Когда они услышали это, то встали, отошли немного вперед и достаточно обсуждали это наедине. Затем, вернувшись и рассевшись, они сказали: «Мы клятвенно утверждаем, что не произошло это с коварством или по убеждению, но является оплошностью и ошибкой. По большей части эта ошибка лежит на ваших послах, ведь они присутствовали на Соборе и видели декрет и до его завершения, и после. Если бы они сказали что-нибудь об этом и искали исправления, то это исправили бы сразу и безусловно. Поскольку же там они ничего не сказали, и мы пришли сюда с этим декретом, то мы не знаем, какое другое можно предложить врачевание. Мы просим вас: подумайте и скажите нам о другом врачевании, достаточном для вас, которое и мы могли бы осуществить. И мы это сделаем». На этом собрание было распущено.

38. Когда мы вышли, то наши послы сказали нам наедине, что «эти люди имеют от Собора большую власть. Мы думаем, что есть у них и буллы. Если вы будете сильно настаивать, то они могут изменить декрет и передать его запечатанным». На второй встрече это опять обсуждалось с большим напором со стороны наших. Те ответили, что «ни мы, ни участники Собора в Василее не придерживаемся о вас такого мнения, как, вы утверждаете, говорит декрет. И не было это написано с целью, которую вы предполагаете. Но поскольку так написано, мы не можем здесь внести в это исправление. Мы можем уврачевать это через другую грамоту, написать и утвердить врачевание, которое вы захотите. Мы обещаем, — сказали они, — что оно будет утверждено всем Собором». После того как с каждой стороны было произнесено много слов, наши сказали, что «нет никакого иного врачевания, кроме того только, чтобы декрет был переписан и исправлен, поскольку мы не можем принять этот, обвиняющий нас в ереси». С этими словами мы вышли.

39. На третьей встрече, поскольку был вновь поднят об этом вопрос, те вынуждены были сказать, что «мы предложили врачевания [достаточные], как мы думали, для вашего умиротворения. Но поскольку вы этим не удовлетворяетесь, а ищите переделки самого декрета, то если бы мы могли здесь его переписать и запечатать, то мы бы с легкостью его исправили. Но так как, знает Бог, мы не можем тут изготовить буллу, то предлагаем, что мы напишем другое вступление, которое будет к уврачеванию и к вашей чести. Если это понравится вам, то мы перепишем декрет с угодным вам вступлением и пошлем его Собору с тем из нас, который туда пойдет. А те это одобряют и поставят печать, и в таком виде пошлют к вам». Это всем понравилось, и все были удовлетворены. Сказали, впрочем, что «как мы будем уверены в том, что Собор одобрит это?» Те ответили, что «мы обещаем вам и готовы уверить вас любым угодным для вас образом в том, что это будет безусловно одобрено и утверждено Собором, и вы увидите, что с помощью Божией [совершаются] Его деяния. Итак, поскольку то, что касается введения, решено, то давайте рассмотрим и другие главы декрета».

40. Итак, мы часто собирались и обсуждали другие главы. Когда мы увидели, что архонты склонны все принимать с легкостью, мы сказали им: «Вопрос, касающийся места, представляется нам непростым. Ведь если они захотят везти наших в Василею или тем более в Саваудию, до которых большое расстояние, то как сможет идти туда Патриарх, будучи стар, и старые и немощные архиереи?» Архонты сказали нам, что «если папа не захочет присутствовать на Соборе, то император считает за лучшее устроить собор подальше. Ведь таким образом устранится превосходство папы, и император с большей свободой сможет делать нужное для себя, тогда как Патриарх и старцы будут идти не спеша». Потом говорили с ними относительно места, и те ответили: «По этой причине указано девять мест, из которых одни ближе, а другие дальше, чтобы вы выбрали из них. И Собор будет там, где вы захотите». Это показалось им хорошим [делом], и они оставили этот вопрос, чтобы установить, когда наши должны туда отправиться. Им же они согласно заявили, что наши не поедут в Василею.

41. Через несколько дней пришли все избранные из нас к Патриарху, чтобы обсудить сказанное и утвержденное в декрете и всем вместе решить, легко ли все это осуществить, или же это имеет некоторые сложности. Тогда я и духовник кир Матфей высказались о том, что нам две вещи представляются затруднительными. Первое — то, что в декрете содержится [утверждение] о том, что если выполнят латиняне то, что они обещают, то император вместе с Патриархом и остальными нашими обязательно придет на Собор, будь то война или мир (ἁγία). Если будет война, как император с остальными выйдет и оставит осажденный Город? А если он окажется в путешествии, то как он все там бросит и спешно возвратится в Город и будет сражаться ради его защиты, безопасности и изгнания врагов? Второе — [в декрете содержится], что если совершится объединение, то они и возвратят нас сюда за свой счет, но они не обещают это сделать, если единства не последует. Итак, откуда у нас уверенность в возвращении, если не будет объединения?

На первое ответил месадзон Нотара, что «в отношении этого мы серьезно советовались, и императору, скорее, стоит туда идти. Если

будет война, то он [ведь] уйдет с немногими людьми и с людьми Церкви, которые не нужны для обороны Города. Ведь какая будет польза в войне от священнослужителей? Вместо них он оставит здесь большую часть тех, кто придет, которые будут нужны и куда более подходящи для сражения и войны. И еще, если император в случае войны уйдет отсюда, то он всеми способами будет стараться послать сюда воинскую силу и сильно помочь Городу. А еще — если об этом узнает враг, то он задумается и предпочтет примирение и соглашение, решив, что император имеет большую уверенность, если уезжает в такое время». В отношении второго вопроса Нотара сказал, что это надо обговорить.

42. На другой встрече говорили о ряде иных вопросов. Говорили и об упомянутой главе о возвращении. Те [т. е. латиняне] ответили: «Мы убеждены в том, что если вы придете, то, с Божьей помощью, произойдет и объединение. Поэтому мы и не придали большого значения тому, о чем вы сейчас говорите, и не показалось нам правильным говорить при многих о том, что если объединения не произойдет, то вам подобает вернуться на те же средства и на тех же кораблях. Ведь если бы это услышали некоторые из участников Собора, то им могло бы показаться сложным вкладывать деньги в неясное предприятие. Ведь не все такого расположения и легкости, и они могли бы отнестись к этому делу небрежно и нерешительно. Немногие и лучшие из нас знают это и принимают, и мы уверяем вас, что на тех же кораблях и на тех же средства вы возвратитесь с честью, будет ли [достигнуто] единство или нет». Мы ответили, что «нас это не успокаивает, поскольку мы не можем увериться вашими словами без того, чтобы записать это в декрете». Затем их попросили написать, как они обещали, [новое] введение, и те обещали это сделать.

43. Между тем, император повелел — и мы собрались у него, уже упоминавшиеся выбранные люди. Вместе с нами пришли и другие, из первых архонтов, и мы уселись. Император спросил: «Как показались вам слова участников Собора и на чем вы до настоящего времени настаиваете?» Наши ответили, что «слова их кажутся хорошими, но мы

не знаем, последуют ли за словами дела. Сейчас мы хотим, чтобы они написали вступление к декрету и дали нам его, как они и постановили». Император сказал: «Вам это выражение представляется затруднительным, и вы придаете этому большое значение. Мне же это кажется не настолько необходимым или сложным. Ведь какое имеет к нам отношение и чем задевает нас то, что Собор для своих говорит о том, что он исправил ересь богемцев и греков? Те, что были на Соборе, захотели похвалиться перед своими, что они совершают множество великих и достойных похвалы дел, и среди прочего исправили ересь богемцев, а еще хотят исправить и ересь греков. Что нам до того, если они это говорят своим? Ведь слова эти обращены не к нам, но к их людям. Пусть они похвалятся перед своими и говорят им то, что хотят. Поэтому мне и не представляется борьба с этим вступлением важной и необходимой. А то, что они решили это изменить, то и мне представляется благом. Предполагаю, что они сделают это ради нашего успокоения еще лучше, чем если бы мы делали это сами. Я считаю так: чтобы вновь не оказалось неприемлемым для нас то, что они сделают, кажется мне благом, если вы соберетесь здесь, вместе составите введение, удовлетворяющее нас, и сохраните его втайне. Вы обязательно будете требовать у них сделать это, и если они дадут хорошее и успокаивающее нас вступление, то наше не станет известным. Если же их [вступление] не понравится вам, тогда вы покажете наше и скажете, что “это вступление мы хотим записать в декрете”». Всем что понравилось, и мы предложили [императору]: «Назначь несколько человек, чтобы они сели отдельно и написали. Ведь здесь они не смогут это сделать при таком множестве». Итак, император назначил Иосифа Эфесского, великого хартофилака, священника кир Исидора и Ангела Филомата. Они сели отдельно и составили вступление.

44. Когда [все] расселись, император начал говорить приятным голосом и, произнося речь, сказал следующее: «Если Бог даст нам собраться и составить Вселенский собор, окажетесь там и вы и будете мне серьезно помогать. Если с помощью Божией произойдет единство Церквей Христовых, и христиане окажутся в согласии и мире,

то это будет великое и удивительное дело в наше время». Когда некоторые сказали, что «так дело и обстоит, и если это произойдет, как ты определяешь, то это будет весьма великим делом», император сразу ответил: «Не просто будет великим, но бóльшим, нежели все, что было на Вселенских соборах, бóльшим даже того, что произошло при великом Константине на первом Соборе. Ведь во время первого Собора вся Церковь пребывала в мире и была здрава в отношении догматов, Арий же был противником и возражал, имея на своей стороне два-три десятка [сторонников], в то время как все остальные были православными. Ересь была недавней, ведь за три года [до созыва Собора] она возникла, была предана суду и осуждена. Император созвал епископов, которые все находились в согласии и были православны. Они осудили Ария и тех немногих, кто был вокруг него, через короткое время после возникновения ереси. А в настоящее время многие и почти бесчисленное количество людей привлечены к их учению. Подумайте, сколько людей в народах италийцев, немцев, испанцев, британцев и во всех западных народах. Сколько у них епископов, монахов, учителей, философов, народов гордых и многочисленных. И с нашей стороны многочисленны почитающие наше древнее учение. И они почти равны им по числу. Ведь есть перед нами и с западной, и с восточной стороны народы трапезундцев, ивиров, черкесов, менгрелов, готов, росов, влахов, сербов, тех, которые на островах, а еще и [восточные] Патриархи вместе с теми, кто вокруг них. Я слышал о том, что внутри Эфиопии есть великий и многолюдный народ, православный и во всем следующий нашим догматам. Думаю, что к ним надо отправить посла, призывая их на Собор. Итак, многочисленны, как я сказал, и наши. Многолетним является и разделение, так как те около пятисот лет утверждены в этом учении. Как же [трудно] объединить столь многочисленные народы, столько лет находящиеся в разделении, и восстановить всех в единой Церкви! Это подлинно великое дело, если оно случится, и превосходящее все то, что произошло на всех Вселенских соборах. Мы надеемся, исходя из того, что нам пишут и что мы слышим, что объединение с Божией [помощью] произойдет.

Если оно случится, то мы во многом собираемся исправить ту Церковь. Император германцев сказал мне, когда я оказался у него: «Позаботься, чтобы совершить объединение. Если ты достигнешь его, то сам исправишь и эту Церковь. Наши ведь многое преступили, а те, кто в Восточной церкви, имеют лучший порядок. Так, если ты достигнешь единства, то исправишь и наших». Он и еще многое сказал в нашу пользу, и я хорошо знаю его благую цель и то, что он желает в отношении нас, если произойдет объединение, ведь среди прочего он сказал и то, что сделает меня преемником его собственного царства». Император, произнося речь, сказал это с большим воодушевлением.

45. На этом пришли написавшие введение. Прочитанное всем понравилось, и мы вышли с упомянутым решением относительно этого дела. Затем мы встретились с [посланниками] Собора, и они передали введение, совершенно отличное от предыдущего. Оно весьма нам понравилось, и мы его приняли. Потом наши перешли к другим темам. Среди прочего сказали и о папе, что «вам нужно позаботиться о том, чтобы и он пришел туда, где будет Собор, или послал местоблюстителей, и вы оказались с папой в единстве и согласии. Ведь если и дальше вы будете иметь с ним противоречия и споры, то не придут туда ни император, ни наши». И еще наши сказали, что «мы хотим иметь *сальво кондукто*¹ от вас и от правителя каждого города и епархии, чтобы по пути на Собор и при возвращении сюда наши имели всякую безопасность и свободу беспрепятственно проходить, жить и возвращаться, когда они захотят». И мы вновь говорили о главе [декрета], касающейся возвращения. В отношении папы они ответили, что «и мы стараемся что сделать, и будет не иначе, чем вы говорите. Скорее, именно мы утверждаем, что со всей необходимостью папа будет на Соборе. Мы предупредим Христофора, и он придет на следующую встречу: вы увидите, как мы придем к соглашению». Относительно *сальво кондукто* они сказали, что «это справедливо, и по рассуждению будет и это». О возвращении они вновь повторили, что «не нужно вам делать из этого боль-

¹ *сальво кондукто*.

шой проблемы. Мы обещаем и уверяем вас в том, что вы придете и вернетесь с великой честью, любовью и свободой на наши средства и на наших кораблях независимо от того, произойдет объединение или нет. Не имейте в этом никакого сомнения». Мы же никак не удовлетворились словами, но искали того, чтобы и это было записано.

Из месадзонов Нотара всегда говорил с ними кротко и дружелюбно. Кантакузин в некоторых вещах был с ними кроток, но по большей части был благородным и хорошим спорщиком, когда этого требовала необходимость, и в чем он не принимал икономию Нотары. И в данном вопросе, после требований и предложений латинян, он заявил, что «мне не кажется достаточным то, что они говорят. Но я-то не пойду на Собор, а они пусть поступают, как хотят».

46. На следующее заседание пришел и Христофор. [Посланники] Собора просили согласия папы на то, что они делают для созыва Собора. Также они просили его сказать, если он имеет слово от папы, что и папа придет на Собор. Начало ответа Христофора не понравилось им, и они стали над ним насмехаться, говорили ему много грубых и преисполненных гнева слов и стеснили его настолько, что он просил, умолял и обещал одобрить все то, что они делают, письменно или устно, и сделать все, чего бы они от него ни захотели. Они же никоим образом не принимали его, но без усталости поносили крепкими словами. Будучи принужденным, он сказал, что «я не говорил ничего дурного против или в отношении них. Наоборот, я одобряю все, что они делают. Обещаю, что одобрит это и папа, и я готов подтвердить это письменно. Я не знаю, что еще я могу сказать и что еще они хотят от меня?» Они же выказали ему свое презрение и поднялись с гневом.

Затем они со скорбью сказали месадзонам, что «были у нас секретари, и они умерли по пути. Мы хотели взять секретаря из Галаты, чтобы он присутствовал на встречах. Вы же не позволили нам взять секретаря, и это нам тяжело. Если бы мы имели его, то он бы сразу написал, и мы составили бы *протест*¹ с тем, чтобы ни он [т. е. Христо-

¹ протѣстов.

фор], ни папа не действовали вопреки тому, что мы хотели». На это месадзоны ответили, что «мы желаем, чтобы все то, что мы сказали и что услышали от вас, чтобы все это осталось втайне. Как можем мы иметь в секретных делах стороннего человека, в котором не имеем уверенности? Чтобы он вынес это в толпу?» Они сказали, что «как же вы имеете секретарем Ангела, а нам такого не позволяете?» Ответили, что «Ангел не из случайных людей, но один из хороших и достойных архонтов. Когда случается необходимость, император имеет с собой четырех лучших архонтов, так вот и он среди них. Императором было решено, чтобы он присутствовал здесь как один из избранных, а не как секретарь». Они же сказали: «Но мы на следующую встречу возьмем секретаря, а без него не придем». Архонты ответили, что «если вы хотите сейчас иметь секретаря для того, о чем вы говорите теперь, то мы вам не препятствуем».

47. На следующий день мы сошлись в честном монастыре Васса¹ вместе с [посланниками] Собора и секретарем из Галаты вместе с ними. Было сказано лишь несколько слов, как Христофор сразу показал хорошо и подробно написанную им бумагу о том, что он имеет от папы всякую свободу и позволение, чтобы и он сотрудничал с [представителями] Собора, в чем бы они ни пожелали, и что он сам подтвердит, словно от лица папы, то, что они сделают. Он уже одобряет все, что они делают, и, без сомнения, одобрит это и папа, как и сам он об этом свидетельствует. Текст, который дал Христофор, всем показался убедительным и достаточным. Они приняли его, но [на этом] не успокоились, а сказали секретарю, которого привели, чтобы он записал то, что им было угодно. Так как и мы увидели содержание декрета, то мы просили их относительно возвращения, т. е. чтобы была добавлена [фраза]: «И если не произойдет объединения, то они возвратят сюда наших на своих кораблях и за свой счет». Они вновь подтвердили это на словах, но записывать не хотели, разве только, сказали они, запи-

¹ Мужской монастырь, расположенный на Золотом Поре. См.: Janin R. Op. cit. P. 61.

сать и дать нам в качестве их собственной грамоты. Мы же не хотели этого, но просили написать в декрете. Они противились [этому].

48. Итак, мы почти все одолевали их множеством вопросов и сказали: «Поскольку вы обещаете это, то следует переписать и декрет, [как] вы изменяете и введение. Вообще, почему вы не хотите прибавить и это?» Они ответили: «Мы не можем это сделать». Спросили [их]: «А как же вы изменили вступление, а об этом говорите, что не можете добавить?» На это те сказали, что «вступление находится вне основного текста, так как не затрагивает вопросов и глав. Поэтому здесь Собор не обнаруживает себя, и мы имеем свободу вносить в это изменения. В главах же Собор проявляется. А где проявляется Собор, никто не имеет права вносить изменения или добавлять [хоть] одну черту».

Кантакузин тут же с негодованием сказал Иоанну: «Ты говоришь, что там, где проявился ваш Собор, который является поместным и не имеет той же чести, что Вселенские соборы, никто не имеет право изменить ни одной черты. А к святому Символу, который утвердили все Вселенские соборы и к которому они повелели не прибавлять и не убавлять, к нему вы сделали добавление! Так вот, и я говорю: “Анафема сделавшим добавление в святой Символ!”» Затем сказал Ангел: «С позволения господ моих, скажу вам нечто кратко и я об этом деле. Вы сказали, что вступление находится вне основного текста, а я вам скажу, что вступление скорее содержит в себе весь основной текст. Всякое вступление кратко содержит и объемлет весь материал, который будет явлен и раскрыт в целом слове. В этом есть цель всякого вступления, и ради того оно и было измышлено, чтобы в немногих словах заключалось то, что будет [далее] объяснено подробно. Вступление в соотношении со всем текстом исполняет роль головы. И как голова соединена со всем телом, являет, собирает и возглавляет его, так и вступление важнее и ценнее всех последующих глав, и изменяющий его скорее изменит и остальное, если пожелает. А поскольку вы изменили вступление, то легко можете добавить и то, о чем мы говорим и что просим вас сделать».

По этому поводу произошло много дискуссий как до, так и после этих слов. Они сказали, что «никому невозможно добавить это в декрет. Но так как мы собираемся сделать *сальво кондукто*, то в нем напишем и это, как вы говорите». После этого они собрались отдельно и составили *сальво кондукто*, что понравилось и нашим. Они написали и это, и декрет с новым вступлением на пергамене, так что не доставало только печати Собора. Был определен Генрих Мангер, чтобы идти на Собор, заняться этим и прислать обратно с печатью.

49. Пока все упомянутое делалось и говорилось, эти послы из Ватикана приходили, смотрели и беседовали с Патриархом и побуждали его согласиться на путешествие на Собор. Он же откладывал и отказывался. Когда же увидели они, что получается то, о чем они говорили, то стали просить и умолять Патриарха уверить их в том, что он обязательно придет на Собор. А он все откладывал, вновь указывая на немощь свою и старость. После многих их речей и уговоров он сказал, что «если будет на Соборе папа, то приду и я». Те ответили, что «мы стремимся видеть там великую святость твою и более всего ценим твое там пребывание. Что же касается папы, так он нам местный и всегда у нас». Патриарх спросил: «Как же это он у вас, когда я знаю, что он не придет на Собор?» Те сказали, что «пусть обязательно придет великая святость твоя, а у нас непременно будет на Соборе папа». Ответил Патриарх: «Это еще лучше, что из-за меня вы будете иметь этого или другого папу. Не приду я на таких условиях». Тогда сказали они, что «мы уверяем великую святость твою, что сам папа обязательно придет на Собор». Тогда согласился и Патриарх прийти на Собор.

50. Когда все было завершено, наши сказали им: «Одновременно с нашим приездом широко распространилось прежнее содержание вступления, когда мы еще толком ничего о нем не знали. Сейчас вновь распространяется весть о том, что мы условились идти на Собор. Так, чтобы не показалось многим, будто мы согласились идти и устроить Собор вместе с теми, кто называет нас еретиками, а это будет нам в большое унижение и осуждение, мы бы хотели позвать некоторых из наших, а также из генуэзцев, венецианцев, каталанцев и анконцев. Будет зачи-

тано новое вступление, а вы скажете всем, что поскольку предыдущий вариант содержал выражения, не служащие к нашей чести и умиротворению, то вы его полностью переработали и написали новый, и таким образом мы были умиротворены и согласились идти на Собор в соответствии с тем, что написано в декрете». Одобрив это и [посланники] Собора. Водно из воскресений пришли в храм [монастыря] святого Воскресения Христова многие созданные из наших и из упоминавшихся народов. Было прочитано вступление, и фра Иоанн сказал вслух всех все то, что было к нашему умиротворению и чести. Немногое, согласное и следующее за этим, сказал и месадзон Нотара. Так был завершен декрет с помощью [посланников] Собора. Указанный выше [посланник] взял его вместе с *сальво кондукто* и другими императорскими и патриаршими грамотами и отправился на Собор. А Христофор пошел к папе.

Часть III

**В которой (повествуется) о грамотах
местоблюстительства Патриархов и о том,
каким образом рассматривается вопрос о прениях;
как после прихода папских кораблей пришли также
и корабли Собора, после чего все советовали,
чтобы наш отъезд был приостановлен.
Император вместе с Патриархом приняли решение,
и произошел отъезд к папе**

Воспоминание третье

1. То, что удивительный покойный император делал с самого начала в отношении объединения и как он действовал в этих делах, и какое вновь было положено начало проведению Собора его преемни-

ком, обо всем этом было рассказано в предыдущем слове. Желаящие узнать то, что было сказано и сделано потом, требуют сказать и написать это. Слово же медлит и задерживает, намереваясь обо всем сказать кратко, но при этом будучи бессильным из-за широты того, о чем надо сказать. Оно не хочет проходить мимо чего-либо из того, что знает, ведь так было обещано [нами] с самого начала. А иной способ не послужит к чести рассказчика, поскольку есть много очевидцев, которые засвидетельствуют об опущениях. Обо всем рассказывать подробно покажется долгой болтливостью и противоречит его собственным предпочтениям. Поэтому слово, стараясь уберечься от всех крайностей и ступая будто по срединному пути, осветит произошедшее, касаясь лишь главного.

2. Итак, упомянутый фра Иоанн, оставшись в Константинополе, поселился вместе с другим посланником Собора, ожидая соборных грамот с печатями. Так ведь изначально и было решено. Между тем, умер один из послов, также будучи застигнут чумой¹. Остался один Иоанн, который стал другом Патриарху и часто приходил и беседовал с ним². Патриарх, хотя и согласился, как уже было сказано, идти на Собор, но все еще сокрушался по поводу этого путешествия и, как казалось, помышлял о том, чтобы этого избежать, если получится. Но Иоанн, будучи человеком рассудительным и хитрым и поняв, что Патриарх радуется славе, чести и внешней благопристойности, обращался к нему таким образом и с такими словами, которые, как он замечал, его радовали. Он обещал, что если Патриарх окажется в Галлии³, то он будет там в великой славе и почете ото всех, а особенно от

¹ Парижский богослов Симон Фрерон умер от чумы 21 июля 1436 г.

² Иоанн Рагузский был болгарского происхождения и языка (как, видимо, и Патриарх Иосиф). Он называл Патриарха *completissimum et perfectissimum senem* (чудеснейший и замечательнейший старец). См.: *Sessoni E. Studi. P. CCVII*.

³ Галлией (в единственном или во множественном числе) часто назывались страны за Альпами и к западу от них.

участников Собора, что все будут подносить ему дары и следовать его словам и советам, поскольку среди них он и является, и будет казаться наиболее достойным. Патриарх, убежденный этими словами, а вернее сказать — обманутый, ранее скорбевший, а потом изменившийся, расположился к путешествию и постепенно стал готовиться к нему.

3. Когда прошел почти год, прибыли посланные грамоты, запечатанные Собором. Император тут же стал думать о созыве Собора. Он избирает послов, пишутся императорские и патриаршие грамоты, у Иоанна он берет флорины и дает на расходы послам и на подношения тем, к кому направляется посольство. В Трапезунд и Грузию он отправляет кир Андроника Ягря¹. Отправившись туда и поработав с тамошними людьми, он привез с собой из Иверии двух епископов и одного посла из царских архонтов, из Трапезунда — митрополита и посла императора. В Молдовлахию отправили к митрополиту, незадолго до этого туда ушедшему, а затем вновь написали к нему и к правителю. И пришли сюда митрополит, посол Неагогис² и протоиерей³. Таким же образом отправились к [митрополиту] России, незадолго до того возведенному в сан⁴ и ушедшему вместе с Гуделом, чтобы встретиться и пообщаться с королями, взять от них послов и епископов и отправиться на Собор, что они и сделали. К деспоту Сербии направили мужа его сестры великого доместика Кантакузина, который пошел к нему и много рассказывал деспоту об этом деле. Но тот не пожелал ни отправлять посла, ни писать. К [восточным] Патриархам он отправил Павла Макрохера с императорскими и патриаршими грамотами,

¹ Византийский дипломат. Это наиболее раннее из известных упоминаний о нем. Во время Флорентийского собора исполнял при императоре роль второго месадзона. После этого — участник многих византийских посольств на Запад и к туркам. В 1473 г. известен на службе у Мурада II.

² Неагогис (Neagoe) являлся молдавским (румынским) послом.

³ Константин. Подпишет Флорентийский орос в качестве местоблюстителя митрополита Молдовлахии Дамиана.

⁴ Исидор был возведен в сан митрополита Киевского в 1436 г.

а также поручил ему слова, которые император хотел им передать¹. Он ушел и, насколько было возможно, убеждал и работал с ними. Он принес грамоты к императору и Патриарху, а другие грамоты местоблюстительства переправил для местоблюстителей, которых [восточные] Патриархи назначили из здешних. Александрийский [Патриарх] назначил своим местоблюстителем [митрополита] Ираклии кир Антония и кир Марка Евгеника, тогда еще бывшего иеромонахом; Антиохийский — Иосифа Эфесского и духовника Григория; Иерусалимский — кир Дионисия Сардского и кир Исидора Росийского, которые в то время тоже были иеромонахами.

4. Павел вернулся и принес грамоты, передав также и Патриарху предназначенные ему послания² от упомянутых [восточных] Патриархов. Когда Патриарх увидел, кто выбран из здешних и утвержден в качестве местоблюстителей, то вознегодовал на то, что он сам не был осведомлен относительно конкретных лиц. Он сказал императору, вместе с великим хартофилаком и со мной: «Я вижу себя презираемым и не знаю, как это произошло. Ведь если мной пренебрегают, то как буду я сопутствовать и помогать там, где будет нужно и мое содействие? Ведь получается, что местоблюстители были определены здесь. Относительно этого и мне надо было быть в курсе, поскольку я не был в путешествии и ничего не мешало мне знать об этом. К тому же я был бы в помощь, ведь и я мог бы порекомендовать в этом отношении нечто достойное совета. Ныне же я оказался в пренебрежении как недостойный знать об этих делах. И если захочу и я назначить наших местоблюстителей и отправить их на Собор, то кого я выберу, когда эти лица уже выбраны [восточными] Патриархами? Это по многим соображениям мне кажется прискорбным». Император же ответил, что «не были определены здесь лица местоблюстителей, не наша воля их избрала. Но, когда уходил посол, мы подумали, что если не будет у

¹ Макрохер вернулся к 1 марта 1436 г. с письмами. Самим восточным Патриархам арабские власти запретили отлучаться.

² *литта́киа*.

них, кого послать оттуда, то пусть они подумают о тех, кто здесь. И мы просто сказали послу, что «если они спросят, то скажи, кого ты из наших считаешь достойными». Он назвал многих, а из многих они выбрали тех, о ком идет речь. Так ими, а не нами было совершено избрание, и не подобает Патриарху скорбеть об этом. А о том, что он не найдет, кого послать местоблюстителем, пусть умолчит: ведь однажды он при мне дал согласие идти на Собор, поэтому он и пойдет, так как больше он не имеет права отказаться от этого».

5. [Восточные] Патриархи предписали местоблюстителям в грамотах, как они должны быть настроены в отношении объединения. Они написали, что если [все] произойдет законно, канонично и согласно преданиям святых Вселенских соборов и святых учителей Церкви, ничего не будет к вере¹ прибавлено, изменено и не будет введено новшеств, то в таком случае пусть и они одобряют и поддержат то, что произойдет². Узнав об этом, разыскав и увидев грамоты, фра Иоанн сразу же побежал к императору и сказал, что «эти грамоты, если они появятся на Соборе, станут большим соблазном для его участников. Я с такими грамотами на Собор не пойду. Ведь если я пришел сюда в качестве распорядителя, предоставляя средства на расходы тех, кто туда отправится и при этом не буду заботиться о том, чтобы грамоты, которые там окажутся, были к умиротворению и чести Собора, то что они мне скажут? И что я им отвечу? Ведь в грамотах надо не предписывать местоблюстителям одобрить, если произойдет так, и не одобрить, если произойдет иначе, но просто и свободно дать им власть одобрить все то, что покажется благом всему Собору. Пусть будет это исправлено, как я предлагаю, а без такого исправления я не посоветовал бы и твоему святому царскому достоинству оказаться на Соборе».

6. Император этим убедился и, рассмотрев содержание грамот местоблюстительства, изложил это согласно своему мнению и мне

¹ Т. е., должно быть, к Символу веры.

² Это важно: Патриархи оговорили свое право не принять унию. И это поняли послы Базельского собора.

нию фра Иоанна и отправил [восточным] Патриархам вместе с монахом Феодосием Антиохом, вверив ему и слова, какие пожелал. Патриархам он подробно написал, что «пусть грамоты местоблюстительства будут написаны во всем подобно тому, как мы ныне посылаем, ради чести Собора и местоблюстителей, и пусть будут подписаны вами. Ведь и порядок предполагает, чтобы это было написано таким образом. Будьте уверены, что мы не сделаем ничего иного, нежели то, о чем вы написали. Ведь мы не хотим ни переменять, ни отвергать ничего из того, что мы приняли от святых и Вселенских соборов и святых учителей Церкви, ни прибавлять что-либо или убавлять из того, во что мы веруем, что держим и чтим доньше, но без сомнения мы в этом остаемся. Пусть не смущает вас никакое иное помышление, но составьте грамоты согласно тому, что мы вам пишем, так как вы имеете уверение в том, что мы не сделаем ничего против того, чего вы желаете». Отправившись с такими грамотами и словами, Антиох убедил [восточных] Патриархов, так что они позволили переписать грамоты местоблюстительства согласно тому, что было прислано отсюда. Итак, они переписали и отправили их, поменяли они и местоблюстителей. Антиох переправил грамоты, и император и фра Иоанн удовлетворились этим. Вот какое начало положил защитник¹ догматов нашей Церкви.

7. Когда император отправил послов к [восточным] Патриархам и в Иберию, то он отправил и к папе кир Мануила Вуллота, чтобы сообщить ему о том, что император готовится идти на Собор и обязательно придет вместе с Патриархом и собором восточных по ходу следующей зимы. Так чтобы и папа оказался к этому готов. Отправил он и кир Иоанна Дисипата к Собору в Василее, чтобы продемонстрировать и тем, как готовится император, Патриарх и остальные, собирающиеся прийти на Собор. А также для того, чтобы попечением Дисипата они позаботились так отправить корабли, чтобы они успели сюда до конца осени. К этому времени все будут готовы взойти на корабли

¹ δεφένσορ. Сказано с иронией.

и оправиться на Собор. С этим, как казалось, Дисипат был отправлен к Собору, поскольку и император имел договоренность с участниками Собора, и те выделили средства, привезенные Иоанном, на которые собрались пришедшие. Он же отправился на Собор и говорил там слова, какие только хотел, как выяснилось из [дальнейших] событий. А каким образом он оттуда пошел к папе, побуждая и его отправить корабли и средства и вместе с ним устроить готовящийся Собор, мы не знаем и ничего не можем об этом сказать, так как это для всех оказалось затруднительным, чтобы не сказать — невообразимым. Однако все произошло, как заранее устроил Дисипат или, если угодно, как он исказил свое посольство.

8. Пока эти послы находились в путешествии, император поставил себе целью собрать видных людей из наших и рассмотреть, как лучше начать собеседования с латинянами и как будут происходить переговоры. Итак, он повелел, — и собрались [митрополиты] Эфесский и Ираклийский, ставрофорные архонты Церкви, духовник кир Григорий и иеромонах кир Марк Евгеник. Присутствовал также император с месадзонами, учителем Схоларием и Критопулом¹. Император сказал, что «мы отправили послов к тем, в чьем присутствии на Соборе мы нуждаемся, и мы ожидаем, что вместе с ними и мы отправимся в Италию, если Богу это будет угодно. Тогда само время и обстоятельства научат нас более точно, откуда нам начинать и как беседовать с латинянами. Но чтобы мы в праздности не тратили время попусту, показалось мне за благо от настоящего времени рассмотреть это и подготовиться к тому, чего потребует такое дело. Ради этого вы собраны, так что пусть каждый выскажет свое мнение». Первым ответил месадзон Кантакузин: «Мне представляется верным, чтобы тот, кто будет назначен говорить слово, сказал с кротостью и дружелюбно, с подобающей подготовкой, уважением и домостроительством, что причиной разделения стало прибавление к Символу [веры]. Пусть будет исправлено это, и таким образом мы перейдем и к остальным

¹ Неясно, кто такой Критопул.

вопросам». Высказались и остальные: одни говорили то же, другие — иное.

9. Тогда учитель Схоларий прочитал увещательное слово, о котором он уже успел позаботиться. Это было сделано с мудростью и рассудительностью, так что все его хвалили за то, что он наилучшим образом написал и что он предлагал наилучший совет. Среди многих мудрых, благородных и прекрасных предложений, слово содержало и следующее обращение к императору: «Если решить, прежде всего, исследовать учение со всей возможной строгостью и все, что Бог даровал с ясностью и очевидностью через сказанное учителями Церкви, принять и прояснить без сомнения соборным образом, если это должно быть безусловно одобрено всеми с их и с нашей стороны и не останется никакого различия, то в таком случае в самом деле следует созывать Собор, отправляться в Италию и в борьбе объяснять и доказывать все то, что будет нужно. Если же по икономии надо достичь некоего объединения, то излишне твоему святому императорскому достоинству и остальным подвергаться трудам и опасностям и нести большие расходы без какой-либо общей пользы или блага родине. Ведь единство по икономии может быть достигнуто и через трех-четырех отправляющихся туда людей. И это по справедливости будет для родины более полезно».

10. Этот совет почти всем показался наилучшим. Также после многих подобных слов показалось правильным, чтобы была прочитана книга святого Кавасилы¹, и из нее было выбрано и рассмотрено то, что было нужно. Это взяли на себя иеромонах кир Марк Евгеник и

¹ Нил Кавасила (ок. 1300–1363). Автор паламитских и антилатинских сочинений. В последние два года жизни — митрополит Фессалоникийский, хотя в эти годы он в Фессалонике не жил. У Сиропула упоминается четыре раза. Дважды — с обозначением *святой*. Интересно, что Схоларий упоминает его в своем третьем томе сочинений 15 раз, но никогда не называет святым. Его племянник — Николай Кавасила, автор «Объяснения к Божественной Литургии» и «Жизни во Христе» (ок. 1322/1323 — после 1391), причислен к лику святых Элладской Православной церковью в 1982 г.

упомянутый Схолярый. Вместе с немногими из упомянутых выше они встречались в присутствии императора, рассматривали и исследовали вопросы и думали о собрании книг, из которых недостающие они надеялись найти на Святой Горе. Поэтому они и направили туда Калевского¹ игумена иеромонаха кира Афанасия, чтобы он позвал лучших из тамошних людей, а также принес книги, которые они искали. Книг он не доставил и привел лишь двух иеромонахов, Моисея из Лавры и Дорофея из Ватопеда,² в качестве местоблюстителей всех святогорцев.

11. Там же рассматривали подходящие кандидатуры для того, чтобы идти на Собор. Когда кто-то сказал об иеромонахе кир Ниле Тарханиоте³ как о полезном для Собора человеке, то император ответил, что «я опасаюсь, как бы этот старец не оказался там и не подал голоса, который причинит нам великий вред». Так, из этого разумные люди могли догадаться, какая у императора была цель, и что если бы он видел в наших некое благородство, то не толкал бы Церковь к такой стремнине. Пока продолжались эти [словесные] упражнения, умер кир Иосиф Эфесский⁴.

12. К концу сентября прибыли сюда четыре папские корабли, вместе с которыми пришли Дисипат, Вуллот и легат папы, а вместе с ним три епископа в качестве послов — Христофор Коронский, Португальский и Диньский. Вместе с этими кораблями пришел и кир Константин с Пелопоннеса, в то время деспот⁵, чтобы стать эпитропом [т. е. попечителем] Города на время отсутствия императора (так он решил), и арбалетчики с Крита. Если некоторые предсказывают будущее по

¹ Монастырь в Константинополе. См.: *Janin R.* Op. cit. P. 39–50.

² Их подписи также стоят на Флорентийском оросе.

³ Антилатинский полемист. Сохранилось его «Исповедание веры» (cod. Mosq. 248, ff. 26 и далее).

⁴ Середина апреля 1437 г.

⁵ Не говорит ли уточнение *τοῦτε δεσπότης* (в то время деспот) о том, что ко времени написания «Воспоминаний» Константин был уже императором?

дурным предзнаменованиям, то им было бы возможно догадаться о предстоящем: ведь как только корабли остановились в гавани и отпустили кормовые канаты, сразу произошло великое землетрясение. И наиболее разумные приняли это за божественный гнев.

После этого некоторые вспомнили слова Димитрия Хрисолора, сказанные им за тридцать лет до того. Он был философ и занимался астрономической наукой, будучи при этом другом мудрого императора кир Мануила. Он пришел к нему из Фессалоники в качестве посла от императора кир Иоанна¹, изменившего имя на кир Иосифа-монаха. Когда он пребывал во дворце и был, согласно обычаю, на императорском обеде вместе с другими архонтами, то был спрошен императором, нашел ли он из своей науки и может ли сказать о чем-то, имеющем произойти? Он ответил, будто нашел то, что седьмой из Палеологов совершит объединение с латинянами, и произойдет [от этого] большое зло для христиан. Когда услышал это император, сказал: «Первое я, быть может, хотел услышать, а о втором не хочу даже слышать: будет для этого мой племянник, так как он седьмой». И ответил Хрисолор: «Нет, это не государь мой — твой племянник, но государь мой император — твой сын». Сказал император: «Поскольку меня тогда не будет, пусть будет, что случится». Это было отмечено, как свидетельство имеющего произойти. Но пусть слово вернется к повествованию.

13. Итак, наши послы, придя, сообщили императору, что папа примирился с Собором в Василее, и они объединились. Большая часть епископов собрались и находятся вместе с папой. Остальные вернулись восвояси, и Собор прекратился, так что всю силу и власть имеет папа. По этой причине он послал корабли и средства, с тем, чтобы Вселенский собор был устроен вместе с ним. Это же они сообщили Патриарху и разглашали всем, в особенности Дисипат, отправленный на Собор в качестве посла. Упомянутые епископы пришли как послы, встретились, согласно обычаю, с Патриархом и сказали ему то

¹ Иоанн VII Палеолог (1390–1408), племянник Мануила II. Принял постриг во время предсмертной болезни.

же, что возвестили наши, и побуждали Патриарха готовиться к отплытию. Вместе с ними был оставшийся здесь ждать фра Иоанн, представитель Собора. Он, видя двух известных епископов из числа участников Собора и не зная в точности, что они защищали папу, был убежден их словами, но обманут относительно грамот, присланных ему оттуда. Он одобрил и сам подтвердил слова епископов, и побуждал Патриарха к путешествию. Что касается легата, то он, сойдя с корабля, направился в приготовленный ему дом с честью и в сопровождении императорских архонтов. Ему предшествовал крест, а сам он шел, смело благословляя всех встречных. Всеми это было воспринято с тяжестью, и некоторые сообщили об этом Патриарху. Он не захотел о нем говорить, но месадзон Нотара благоразумно удержал его от благословения.

14. Император и Патриарх готовились к отбытию, а архиереи собрались в Константинополе по императорскому и патриаршему повелению. Лишь немногие были расположены к отплытию, а большинство просили и умоляли о том, чтобы им остаться в их собственных Церквах, чтобы из-за путешествия к латинянам не лишиться им их Церквей и самих жизней, как это потом и получилось. Тогда и я дважды и трижды спрашивал и просил месадзона Нотару о том, чтобы он обратился к императору и просил его, и облагодетельствовал меня тем, чтобы мне остаться здесь. Нотара доложил об этом императору и добавил с благовидным предлогом, что «необходимо, чтобы здесь действовал всеобщий суд. А он остановится, если сей уйдет, так как мы не имеем, кого другого оставить, равного ему. Те, кто вокруг него, имеют мало знания для того, чтобы судить». Император ни коим образом не согласился на просьбу, но ответил, что «ни он, никто другой, равный великому епископу, здесь не останется. А что касается суда, — сказал он, — то этому я не придаю большого значения. Ведь нет ничего страшного, если вы найдете кого поменьше, и он будет заниматься судом, пока мы не вернемся». Узнав об этом, а также и у Патриарха не найдя позволения и снисхождения, но по необходимости и против воли собирався и я, несчастный, чего не нужно было делать.

15. Прошло около пятнадцати дней после прибытия сюда кораблей, когда пришло сообщение о том, что идут корабли Собора и что они уже достигли Хиоса. Наши сообщили это посланникам папы. Они, а вместе с ними и Дисипат, сказали, что «это ложь, ведь мы знаем, что корабли Собора не придут». После этих разговоров, по прошествии четырех или пяти дней, появились четыре корабля. Когда убедился в этом капитан папских кораблей по имени Кондильмер (он приходился племянником папе), то захотел вступить с ними в бой. Император, узнав об этом, повелел кораблям Собора стать у Ипсوماфийского побережья¹, а Кондильмеру повелел оставить свой умысел и то, что он задумал совершить против синодалов: не подобает ему сражаться и начинать войну на императорской земле. Он этим не убедился и сообщил императору, что он имеет от папы повеление вести войну везде, где только найдет корабли Собора, и, если сможет, топить их и уничтожать. Но и посланники Собора, услышав об этом, стали готовиться к бою. Вот насколько истинно было то, что говорили легат, Кондильмер, епископы папы и наши послы! Итак, император приказал [Кондильмеру], что «если бы ты нашел их в другом месте, то ты мог бы сделать то, что захотел. Но сейчас, на моей земле и в особенности в нашем порту, никто не может развязывать войну». После многих слов и донесений, император едва остановил и умирил Кондильмера, а через день повелел, — и корабли Собора вошли в Кинег².

16. На берег спустились два епископа — посланники Собора, — секретари и капитан вместе с другими архонтами. Они встретились с императором, а затем они пошли к Патриарху и сказали: «Мы выполнили все то, о чем договорились, ведь мы выделили первые средства, и сейчас привезли и остальные для ваших нужд, а также корабли согласно условленному времени. Мы получили грамоты и буллы от королей и правителей, чтобы вы шли через их земли со всякой любовью,

¹ На Пропонтиде, недалеко от Золотых Ворот.

² Пристань в Константинополе на Золотом Роге, к востоку от Влахернского храма.

отдохновением и честью». Открыв ковчежец, они показали его полным грамот и булл: «С их помощью, — сказали они, — должны и вы вместе с нами оказаться на Соборе». К ним присоединился Иоанн, который объявил об обмане, которым обманули его послы папы. Он также просил не нарушать договоренности с Собором. С этого времени люди папы начали стараться, чтобы мы отправились вместе с ними к папе, а посланники Собора, напротив, влекли к своим. Между ними произошли большие прения.

17. Среди прочего сказали и то, что не могут участники Собора дать тех средств, которые имеют представители папы на содержание тех, которые туда придут, ведь они дали пять тысяч флоринов. Представители Собора, услышав это, показали некоторым из архонтов двадцать тысяч, которые они имели в распоряжении, и более десяти тысяч флоринов золотом, а также верительные грамоты, которые у них были для того, чтобы взять то, что нужно, в Галате. В отношении того, что они задержались по времени, они сказали, что «так нам сказал Дисипат, что «император согласен, чтобы вы оказались в Константинополе в октябре месяце после сбора всего урожая, включая вино. Чтобы, если вы придете раньше, не началась война, и запасы не были оставлены вове». Согласно его предложению, мы начали готовить корабли сразу после [праздника] святых апостолов Петра и Павла. А он отправился дальше к папе и делал там то, что хотел».

18. Когда наши это увидели, то почти все сказали, что «неполезно императору идти в Италию в настоящее время, и ни одна из сторон не может осудить его. Мы ведь имеем законную и благословенную причину сказать, что «мы договорились о том, что папа и Собор будут едины, дабы таким образом и мы пришли на Вселенский собор. А они разделены и сражаются друг с другом. Вы идите, и пусть сначала примирятся и объединятся они, а тогда придем и мы»». Это многие советовали императору и говорили, что от Бога это замешательство. Одобряли это и посланники Собора. Но император не захотел это принять.

19. Когда посланники Собора увидели, что император и Патриарх согласились идти к папе, то они сказали: «Мы предлагаем, чтобы наши

корабли оставались здесь до шести месяцев на наши средства. Пусть пользуется ими император, если пожелает, и пошлет к папе и к Собору посла, так как за это время он может уйти и возвратиться. Если посол, придя, подтвердит то, что они примирились, то пусть император идет в Италию. А если они не примирятся, тогда мы уйдем, а император пусть остается дома». Но и упоминавшийся Иоанн, придя к Патриарху, сказал: «Я оставался в этом городе более двух лет, и я люблю благо твоей святости, императора и Города. Если раньше я тратил средства, на которые те, кто здесь, собрались, и побуждал вас к путешествию на Собор, то сейчас, почитая любовь и прием, которые я нашел у вас, и заботясь о вашем благе, я советую, что не стоит вам в настоящее время отправляться к нам или к папе. Это я уже прежде сказал императору, а сейчас и твоей великой святости, будучи другом вашим».

20. В это время прибыл Дисипат кир Мануил, посланный от императора Сигизмунда. За сорок дней он с ревностью прошел из Венгрии через Сербию и Македонию, подвергая себя опасностям, чтобы быстрее донести совет германского императора. Ведь раньше он, как сообщалось, побуждал и подвигал нашего императора к усердию ради достижения единства, благодаря которому и сам он надеялся сподобиться величайших благ и воздаяний. А сейчас он посредством грамот и слов через Дисипата советовал не отправляться в настоящее время к латинянам. Казалось, что мы были настолько оставлены [Богом], чтобы видя не видеть и слыша не разуметь, с тем, чтобы, пребывая в разуме, сохранить нашу Церковь незапятнанной.

21. Я думаю, что видна вся скорбь постигших нас бед, когда и рукой, и языком было явлено величие несчастий, безумие и позор народа. Так и подобает это называть, ведь согласны были не только советы множества христиан и друзей, но и врагов. В то время Асан кир Панич¹ был отправлен послом к эмиру, и сказали ему визири: «Что побуждало императора отправляться к латинянам? Если есть у него какая

¹ Византийский дипломат. Эпарх Константинополя во время Флорентийского собора. Умер в 1441 г.

необходимость, то пусть скажет, — и самодержец поможет ему. У самодержца он найдет лучшую помощь, чем у латинян, и более полезна императору дружба с самодержцем, нежели с латинянами». Но случилось то, что предстояло, и советы всех вменялись будто бы ни во что. Советы посланников Собора и их корабли были отвергнуты и отосланы, вместе с которыми ушел и фра Иоанн. А наши готовились отплыть вместе с кораблями папы.

22. Патриарх позвал к себе отдельно лучших из архиереев, собранных в Городе, чтобы готовиться к Собору. Приготовил он их к отбытию без того, чтобы посоветоваться с ними либо раньше, как то подобало, либо сейчас, стоит ли и все ли согласны идти к латинянам и состязаться о догматах. Ни архиереи не просили [Патриарха] посоветоваться с [ними] и узнать, будет ли это к пользе нашей Церкви. Если бы они, будучи лучшей частью синода и обладая большей властью как по состоянию, так и по чину своему, искали совета относительно этих дел, то могли бы и мы привнести необходимое. Но поскольку братья не искали совета своего брата, то как сыны искали бы совета отца? И если братья следовали, то по необходимости последовали и сыны, будучи *душой несогласны*, как говорит поэт¹, а вернее сказать — последовали за пастырем как бараны.

23. Тогда были рукоположены и архиереи: кир Марк — Эфесским, кир Дионисий — Сардским и кир Виссарион — Никейским, чтобы им по преимуществу [сана] принимать участие в Соборе. А из архиереев те, которых избрал Патриарх и которые были на Соборе, суть следующие: Эфеса, Трапезунда, Ираклии, Кизика, Сард, Никомидии, Никеи, Тырнова, Монемвасии, Лакедемона, Амасии, Митилины, Ставрополя, Молдовлахии, Родоса, Маленика, Драмы, Ганка, Драстры, Анхиаала. Пришел туда и [митрополит] России с одним епископом². Так, эти отправились в путь и присутствовали на Соборе. Остальных созванных и пришедших в Константинополь архиереев Патриарх оставил

¹ Гомер. Илиада. IV. 43. ἀέκοντί γε θυμῷ.

² Имеется в виду епископ Суздальский Авраамий.

здесь, не сказав им, ради чего они призваны и почему они не пойдут вместе с ним, и не попросив их высказать свое мнение о предстоящем.

24. Из архонтов Церкви¹ [пошли] великий сакелларий², великий скевофилак³, великий хартофилак⁴, великий экклезиарх (который и пишет это), протекдик⁵, номофилак⁶ и почти все остальные архонты оффикия, кроме иеромнимона⁷, держимого здесь многодневной и сложной болезнью. Из иеромонахов — духовник кир Григорий, игумен [монастыря] Пантократора, игумен Калеи, игумен [монастыря] Святого Василия, иеромонах кир Пахомий, иеромонах кир Моисей из Лавры, иеромонах кир Дорофей из Ватопеда. Они наполняли Собор от лица Восточной церкви — и не более. Присутствовали и другие архонты Церкви, как было сказано, певчие и почти весь клир и некоторые иеромонахи и монахи. Итак, этих и других призвал Патриарх, одних лично, других — опосредованно, готовиться с честью и властью к отправлению в Италию, как это было угодно императору.

25. В те дни Патриарх сидел и распоряжался относительно вещей, нужных для отъезда, в присутствии некоторых архиереев, да и нас. Все почитали ужасным встречу и состязание с латинянами и опасались, как бы и жизни некоторых не подверглись опасности. А Патриарх увещевал нас не иметь никакого страха. Он утверждал, что имеет мужество и полную уверенность как от грамот, так и от слов людей, пришедших оттуда, что «когда мы с Божией помощью придем туда, то всех нас примут с великой честью и любовью и будут весьма о нас заботиться. Мы будем иметь всякую безопасность и свободу говорить

¹ Интересно, что в «Воспоминаниях» церковные архонты упоминаются обычно не по именам, а по должностям.

² Мануил Хрисокок.

³ Феодор Ксанфопул.

⁴ Михаил Вальсамон.

⁵ Георгий Каппадокийский. Умер на обратном пути из Италии.

⁶ Иоанн Евгеник.

⁷ Феодор Агаллиан.

то, что захотим, и, по милости Христовой, покажем наше чистейшее и светлейшее учение, и наши окажутся их учителями в отношении веры. Я уверен, что они будут убеждены и примут наше учение, и мы таким образом объединимся. Сколь многих мы удостоимся благ и венцов, если через нас, при содействии Божиим, произойдет такое благо! Если же они не примут наше учение, то мы вновь, по любви Божией, возвратимся светлыми, ясно возвещая истинное учение и храня нашу Церковь, и ни в чем не отступив от истины. Если же они прибегнут к насилию, то мы никоим образом ни в чем не уклонимся от нашего здравого отеческого учения, даже если они подвергнут нас пыткам, но все выдержим: [остаётся] либо преступить что-то из того, что мы приняли от святых и Вселенских соборов и святых учителей Церкви, либо умереть мученически, и мы по собственному произволению будем мучениками. Ведь что лучше для меня, чем быть как св. Георгий или как св. Димитрий? Что бы ни случилось из этих трех возможностей, оно принесет нам великую славу, честь и спасение души. Поэтому прошу, чтобы мы вверили Богу решение и рвение к этому делу и презрели труды и опасности ради Него, и Он даст исход делу на пользу нам. Тем не менее, вы знаете, что я всегда более всех отрицательно относился к этим делам и никоим образом не был склонен к путешествию в Италию. Теперь же вы видите, как я презрел всякую тяжесть и робость и стал благорасположен к этому. Я считаю, что и это от Бога».

26. Это он сказал многим и не один раз, готовя нас и побуждая к путешествию. «Мы и уйдем, — говорил он, — и вернемся с победой и трофеями». Однако тем, кто не решился или затруднялся следовать за ним, он весьма угрожал и обещал совершить против них ужасные вещи, если они не последуют. А тем, кто не мог ехать, так как, по их словам, они погрязли в долгах, он говорил: «Пусть они скорее едут, ведь оттуда они и погасят свои долги». [Митрополит] Ираклийский сказал: «Вот, великая святость твоя уезжает, следуем за тобою и мы. Поскольку мы монахи, то следует нам по-монашески и ехать, с рясами, мантиями и с [другими] монахами, как и подобает. Какой для нас смысл в важных и торжественных приготовлениях?» Патриарх ответил ему:

«Ты хорошо говоришь, если бы хотел так и император. Но он хочет, чтобы наша Церковь отправилась туда с честью. Он говорит, что если она окажется там с честью, то и те будут ее уважать, и нам это будет к почету. Если же она будет выглядеть бедно, то окажется в презрении и вменена будет ими ни во что». И ответил [митрополит] Ираклийский: «В таком случае, дайте нам достаточно средств, чтобы мы приготовились, как вы того желаете».

27. Патриарх распорядился приготовить все священные сосуды святейшей Великой церкви. Мы же переживали по этому поводу и говорили: «Какая необходимость в этих священных сосудах? Сколь великий по размеру престол понадобится для этих священных покровов? Зачем подвергать их опасности и, если что случится по попущению Божию, причинять убыток и лишать Церковь этих священных сокровищ?» Ответил Патриарх, что «они дадут нам один монастырь, в котором будет большой храм, и вот там нам понадобятся эти священные [сосуды]. Я уверен, что мы их вновь привезем сюда, да еще с прибавлением. Если же произойдет что другое, то пусть вместе с нами подвергнутся опасности и они».

Но еще до того, как они и мы испытали морские опасности, они подверглись крушению, находясь на суше в святейшей Великой церкви. Было три испорченных священных рипиды. Вместо того чтобы их утвердить на прочном основании и держать в готовности, как были устроены и остальные, с тем чтобы поместить их у святого престола, покрывать и обмахивать ими страшные, животворящие и пречистые Тайны согласно образу божественных шестикрылых, предстоящих Богу и крыльями закрывающих лица и ноги свои, их переделали в дивамвулон¹ после того, как их лишили, или, скорее, из них изгнали образ шестикрылых. Вместо того чтобы находиться у святого престола, словно священное приношение, они, светоносные, оказываются то там, то здесь и, как случится, их располагают и бросают. Можно сказать, что это было преддверие имевшего произойти уклонения от

¹ Опахало (?).

чистого и неподдельного учения Церкви, а также катастрофы, после этого с ней случившейся, — да не будет! — из-за безразличия предстоятелей.

28. Император же, взяв те многочисленные золотые, которые [митрополит] России кир Фотий посвятил [монастырю] Христа Пантократора, использовал их на свои нужды. На них он приготовил вышитое золотом покрывало для своей спальни и позолоченные скрепы для покрывала на его колесницу, чтобы, шествуя так среди итальянцев, он был сочтен ими за великого императора. С такими вот выходными дарами начальники наши молились Божеству, когда собрались выезжать из Константинополя. Правитель так воздал благодарность Вседержителю¹, хотя и параклесисы пели всей толпой в святейшей Великой церкви и честном монастыре Одигон, и к певшимся прошениям добавляли: «Еще просим о мире, споспешествовании, исправлении и единении Церквей Христовых». А мы говорили, что «Пантократор, оказавшийся в пренебрежении, как же управит дела тех, кто похитили принадлежащее Ему?» Если кто меня бранит, как опаленного этими событиями, то да не сочтет он это делом моего выбора, ведь это ошибка совершивших, а не рассказчика.

29. Посланники папы убеждали наших, склоняя к отъезду, и переправили во дворец пятнадцать тысяч флоринов. Император передал Патриарху, чтобы он взял шесть тысяч и раздал людям Церкви, идущим на Собор. Патриарх ответил через нас, что «многократно распоряжалось твое царское достоинство, чтобы приготовились люди нашей Церкви с властью и честью, а сейчас ты распоряжаешься, чтобы они взяли шесть тысяч. Кому их хватит для достаточных расходов: мне самому вместе с теми, кто в келии моей, архиереям или архонтам Церкви? Как они устроятся на это подобающим образом и со властью? Или чего ради мы получили из пятнадцати тысяч шесть? Вести это дело полностью будет на Церкви, на нее же ляжет необходимость слов и действий. Так ведь и надо, чтобы ей досталась большая часть

¹ Т. е. император. Игра слов: *κρατὼν* — Пантократор.

флоринов. К тому же, именно я был тем, кто советовал и способствовал тому, чтобы нам идти к папе. Теперь же, поскольку таково даяние, мне надо изменить мнение стремиться на Собор и, скорее, не надо идти вовсе ни к папе, ни на Собор».

30. Император ответил на это: «Я удивляюсь, что так говорит Патриарх, ибо мы не совершили ничего несправедливого в таком распределении. Мы дали брату моему деспоту две тысячи, и никто не может сказать, будто мы дали ему много или что излишне ему идти вместе со мной. Дали мы тысячу апокрисиариям — и это было необходимо. Оставалось двенадцать тысяч, и мы их разделили пополам, хотя и следовало дать Церкви меньшую часть, так как у нас больше расходов. Какой смысл идти от Церкви многим и бесполезным? Пусть пойдут немногие, но необходимые, и будет эта сумма достаточной. Стоит вспомнить и то, что написано в декрете, ведь они постановили кормить там семьсот человек, и не будут кормить ни одного сверх числа. Так, нам надо быть в меньшем числе, поскольку придут туда многие вместе с [митрополитом] России. Не подобает Патриарху говорить, что он не пойдет на Собор: ведь только в том случае он должен был бы не следовать мне в путешествии на Собор, когда увидел бы меня переходящим и другую веру». К этому добавил и месадзон Кантакузин, что «господин наш император не только это, но и из домашних средств издерживает многое, так как из собственных средств он готовит свой корабль и прочее, что необходимо для пути. Так что сейчас были бы неуместны и не благопристойны эти слова Патриарха к императору, так же как и мне не было бы благопристойно подражать актерам на рынке».

31. Когда мы сказали это Патриарху, он вновь передал через нас, что «поскольку уделено было столько, сколько повелевает твое царское достоинство, то я не могу, да и не подобает мне идти с немногими, так как слова и борьба будет за Церковь и со стороны Церкви. Сам он не отказывается от янычар¹, а как же я пойду без моей свиты? В общем,

¹ В данном случае заимствовано турецкое слово для обозначения охраны императора, речь не идет о сходной системе вербовки солдат.

определи, чтобы я мог из этого иметь, сколько тебе кажется достаточным и подобающим для устройства меня и тех, кто в келии моей, поскольку я буду вынужден нести большие расходы на корабле, и на нем многие будут уповать на мою щедрость. Повели и некоторым из твоих архонтов, чтобы они разделили оставшееся между архиереями, архонтами Церкви и остальными, идущими с нами».

32. Император, узнав это через нас, отказался приставить еще кого-либо к разделу. Он определил, что «нет нужды давать тем архиереям, которые богаты. Они имеют ежегодный доход в тысячу иперпиров и собрали многое, так как они много лет назад стали архиереями. Поэтому им не подобает ничего брать из этого даяния, но скорее они должны из своих давать нуждающимся. Ведь на какое другое более благословенное, нужное и благочестивое дело они могут истратить то, что собрали? Так пусть дадут флорины остальным, которые не могут подготовиться из домашних средств, и таким образом всем будет достаточно». Потом рассудил император, чтобы взял Патриарх тысячу флоринов и сделал, как он хочет, вместе с людьми из его келии. Пять тысяч будут разделены между остальными. Но и после этих слов император более богатым из архиереев дал больше флоринов, а нуждающимся — меньше.

Передают, что когда духовник кир Григорий занимался приготовлениями, то сказал: «Я знаю, что много ужасного произойдет как с теми, кто пойдет на Собор, так и с теми, кто останется здесь. Если они хотят, чтобы я пошел вместе с ними и страдал вместе с труждающимися, то я пойду». Затем сказал одному из друзей: «Но лучше будет, если они оставят меня здесь. Ведь если я туда пойду, то соделаю всякое зло». Ответил ему тот: «Зачем ты так говоришь? Пойди лучше и сотвори всякое благо». Но он вновь сказал: «Я говорю, чтобы вы знали: я соделаю всякое зло». Это было, как казалось, предвозвещением того, что произошло в дальнейшем. Затем распорядились император и Патриарх через меня и Хрисокефала, чтобы местоблюстители восприняли от [восточных] Патриархов местоблюстительство, и те дали им грамоты: Александрийский — [митрополиту] Ираклийскому, Анти-

охийский — духовнику кир Григорию вместе с [митрополитом] Рохии, когда тот придет, Иерусалимский — [митрополитам] Эфесскому и Сардскому. Они одобрили и приняли это. После раздела флоринов все приготовились и ожидали условленного дня отправления. Теперь остается прибавить к рассказу некоторые из событий, произошедших во время морского путешествия.

Часть IV

В которой [рассказывается] о происшедшем во время плавания и о встрече императора венецианцами и их совете. Об отправлении к папе и о приветствии, о порядке кафедр и положении местоблюстителей.

О промедлении в четыре месяца и о том, как произошло провозглашение Собора

Воспоминание четвертое

Намеченный день пришелся на воскресенье 24 ноября первого индикта 6946 г., когда капитанская триера бросила якорь в районе Евгения, ожидая Патриарха. Днем собрались у Патриарха мы и многие другие. Он вышел на побережье, чтобы говорить с нами при большом стечении народа. Прежде он дал указание, и для всех была составлена общая разрешительная грамота, которая там и была зачитана¹. Патриарх благословил и помолился за всех, и так мы взошли и уже оста-

¹ Συγχωροχάρτια — разрешительные грамоты — известны в позднеримской и византийской эпоху. Но здесь единственный упомянутый случай торжественного и широкого их провозглашения. Своего рода единичный случай «православной индульгенции».

лись на корабле. На следующий день галеры вновь пристали в Кинеге¹. К четвертому часу император взшел на свою галеру, и сразу же вновь произошло большое землетрясение — второй знак божественного гнева. Днем галеры с честью проплыли при рукоплесканиях и звуке труб и остановились у Топика², находясь там вместе со всеми нами понедельник и вторник, так как нам подобало в гавани поупражняться и привыкнуть к неудобствам корабля.

2. На четвертый день, это было 27 ноября, мы вышли из гавани вместе с солнцем и лишь к вечеру миновали Афиру. В самом начале плавания Христофор сказал одному из своих друзей, что наше предприятие «не попадет в цель». Что касается триера, то три из них принадлежали папе (из которых одна ушла раньше вместе с солдатами), одна принадлежала императору, три обычных — Прагматии и одна — Флоренции. В тот день [митрополит] Ираклийский, великий сакелларий и многие другие сидели на корабле, когда появился Христофор Коронский. Он трижды был посланником папы и принимал участие во всем том, о чем рассказывалось выше. Великий сакелларий сказал ему: «О, владыка епископ, ты совершишь великое дело, и папа должен быть тебе очень признателен». Тот спросил, почему он так считает, и великий сакелларий ответил: «Разве ты не считаешь великим делом взять и вывести из Города святого императора, самодержца ромеев, святого Патриарха, архиереев, архонтов, всю Восточную церковь, среди которых есть и старцы, и немощные, и всех их привести к папе? Велико это, и великое дело ты исполнил. Да будет у этого дела и конец благой. Ведь если даст Бог совершиться этому единству, то ты получишь от Него великую награду, а от людей — молитвы и похвалы за твои труды и подвиги во имя единства». Когда услышал это Христофор, то весьма возрадовался и сказал: «Да совершится объедине-

¹ Пристань в Константинополе на Золотом Роге, к востоку от Влахернского храма.

² В такой форме — единственное упоминание. Возможно, речь идет о Топи вблизи Константинополя.

ние с помощью Божией! У меня были сомнения, пока я не увидел императора и Патриарха, восходящими на корабль. А как увидел их восходящими, то более не сомневаюсь. Ведь я знаю расположение [к этому] властей и утверждаю, что объединение произойдет». Упомянутые люди, услышав это, не произнесли ни слова.

3. За первый день плавания корабли несколько не продвинулись: стояла безветренная погода, а корабли были нагружены, но не для удобства людей, а ради фрахта. Вечером набежавший собор звезд немало смутил и напугал церковный собор. К полуночи поднялась буря, пошел ливень, и наступила осязаемая тьма. Матросы боролись со всех сил и справедливо винили неразумное решение императора, который не захотел послушаться мудрого совета, что «если когда-либо решатся плыть (чего да не будет!), то пусть подождут месяц». Триеры без парусов кидало настолько сильно, что находившиеся на них боялись, как бы им в темноте не быть выброшенными на Проконнес и не разбиться. Для этого они ослабили сзади якоря, чтобы они волочились по морю и таким образом удерживали в пути. Но и после этого мы вновь подверглись опасности, если бы Господь, смилостивившись, не помог нам. Когда настал день, мы увидели Проконнес, оставшийся на значительном расстоянии позади нас, и воздали Богу хвалу и благодарность. Затем наступил более слабый попутный ветер, и нам было легко с легкостью продолжить плавание.

4. Когда мы проходили Галлиполи, и императорская триера проплывала максимально близко, то жители Галлиполи «приветствовали» ее градом стрел и метанием камней из защитного орудия. Когда мы достигли Мадита¹, то император отверг совет тех, кто предлагал идти до Тенеда, хотя погода была благоприятная и оставалась значительная часть дня, чтобы его достичь. Но он остановился в Мадите, и через короткое время вновь произошло большое землетрясение, которое было весьма ощутимым для всех нас, находившихся на кораб-

¹ Порт в восточной Фракии, на Дарданеллах. Окончательно был взят турками в 1416 г.

ле, и было нами воспринято как третье проявление гнева Божия. Патриарх захотел спуститься с корабля и остаться на твердой земле. Об этом сообщили императору, и он ответил, что пусть немного подождет, а потом выходит, если ему нужно. Когда моряки спустились на берег, чтобы набрать воды, то прежде чем они успели наполнить ведра, за ними погнались агаряне. Увидев агарян, матросы побросали свои ведра и на всех парах с помощью лодок помчались к кораблям. Затем были посланы хорошие люди с тем, чтобы найти воду или хотя бы пустыми принести ведра. Но они ни в чем из этого не преуспели. На кораблях уже готовились к войне, когда император воспрепятствовал им и, послав архонта к субаши¹, приветствовал его с почтением и, таким образом, получил от него позволение запастись водой. Тогда уже и Патриарх забыл об отдохновении на берегу. Там мы провели ночь. Нас окружало большое варварское войско, которое жгло на берегу огни и издавало крики всю ночь. Когда забрезжил день, остальные триеры подняли якорь и ушли, а патриаршей триере варвары не позволили отдать швартовые. Находившиеся на корабле много упрасивали их, но ничего не достигли. Тогда они стали готовить оружие, а другие взялись рубить канаты топором. Лишь увидев это, варвары позволили отпустить канат.

5. Флорентийская триера, сразу нас оставившая, поплыла другим путем. А мы весь день и значительную часть ночи шли под парусом и на веслах и едва достигли Лемноса, причалив в гавани Мудроса. Там мы оставались два дня, так что матросы превратили имущество несчастных лемносцев в добычу мизийцев и собрали трофеи. Ничего важного там сделано не было, да и времени не было оставаться, так что, подняв якорь, мы отплыли. Корабли Прагматии, загрузившись, ушли раньше, а о корабле императора у нас не было никакого представления. В рассказе я опушу несущественное, и на утро в субботу мы пристали к берегу в Эврипе. Там Патриарх тоже захотел выйти на

¹ Правитель города из турецкой военной администрации. Термин известен с XIII в.

берег и отдохнуть в замке, поскольку латинские архонты пришли к нему с почтением и, как он слышал, приготовили ему [место для] отдохновения. Не знаю, так ли это, но во всяком случае император воспрепятствовал ему, сказав, что не подобает ему входить в замок, а более прилично было бы, если он хочет, отдохнуть снаружи. Опечаленный, он поставил снаружи свою палатку и пребывал там два дня, а жители острова приносили ему плоды, яства и вино. Император же вовсе не спускался с корабля.

6. Оттуда мы отправились на Пелопоннес. Корабль императора постоянно шел впереди на приличном расстоянии, и казалось, что он летел над морем. Через двое суток в середине дня подул сильный и жестокий ветер, и императорский корабль исчез из виду и [скорее всего] отправился другим путем. Наши сразу поплыли к Пелопоннесу и, достигнув его, встали в гавани, называемой Сикки. Не найдя там императорского корабля, мы остались ждать его, пока Патриарх отдыхал на суше в палатке. Так прошло два дня, и мы ничего не узнали о нем [т. е. об императоре] ни на суше, ни на воде, и нас охватило великое отчаяние и скорбь. На третий день капитан, поощряемый многими из нас, приготовил шлюпку и отправил ее вместе с адмиралом¹, чтобы узнать что-то об императоре. На следующий день он вернулся и сообщил, что император ушел в Канхрею². Затем пришел корабль, и мы вышли по прошествии четырех дней. Причина его разлучения с нами была такова: император, увидев волнуемое море и бурный ветер, решил, что нужно где-то остановиться. Итак, он остановился у гик называемого Гадуронеса и оставался там, пока не стих ветер. Его спутники не знали даже места, в котором остановились. И затем отправились оттуда в Канхрею.

¹ В Византии термин известен с 1302 г., когда на службу были приняты каталанцы. Обозначал командующего флотом. В данном случае речь идет, видимо, о венецианском чине с куда более скромными служебными функциями.

² Один из коринфских портов в Сароникском заливе.

7. На том же острове находились две каталанские галеры и с другой стороны — два галиота, но люди императора ничего не знали об этом. Каталанцы увидели галеру, поняли, что на ней находится император и решили двинуться против него. Еще в ночной тьме они вооружились и с наступлением утра приготовились напасть на императора, когда он будет отплывать. Но когда они еще были там, один из них передумал и сказал: «Надо нам хорошо подумать о том, что мы собираемся предпринять, ведь император является великим государем. У него хорошее оружие и вместе с ним храбрые воины, а его галера кажется способной противостоять трем другим. Если же мы возьмемся за это дело и потерпим неудачу, то будет нам из-за этого вред и бесчестье. Поэтому я считаю за лучшее прекратить это начинание». Они, будучи убеждены этими словами, остановились. Это в самом деле была помощь Божия, ведь наши знают, насколько не в состоянии были оказывать сопротивление находившиеся на галере, так что об этом не стоит и говорить. Это мы в точности узнали по прошествии некоторого времени во Флоренции от одного достойного родосца, который в то время был захвачен каталанцами в плен, а потом бежал и оказался там вместе с нами.

8. Мы же продолжали плавание, борясь то с безветрием, то с бурей, и в субботу утром достигли Мефона¹. Пришел туда греческий епископ со множеством народа, и поклонились они Патриарху. Пришел к нему также с почестями кастеллан вместе с другими латинскими архонтами. Патриарх предписал нам собраться с честью и находиться рядом с ним, что мы и сделали до прихода кастеллана. Затем сказал, что «эти латинские епископы хотят поддерживать меня с обеих сторон согласно обычаю, а это есть вам принадлежащая честь. Но они побуждаемы к этому и самим папой. Как вам кажется: будет ли нас кто-либо обвинять за это? Это есть внешняя честь, это и забота со стороны папы, и я не думаю, что это чем-то послужит против нас». Поскольку нам предлагалось высказать свое мнение, то сразу с поспеш-

¹ 21 декабря 1437 г. Византийская делегация оставалась там две недели.

ностью ответил великий скевофилак: «Это — внешняя честь, и она не причинит вреда». То же сказал и великий сакелларий.

9. [Митрополит] Мефонский, поклонившись Патриарху, вернулся и, собрав всех священников и взяв святые иконы, пошел встречать Патриарха с крестным ходом. Когда мы сошли с корабля, он спросил меня, нет ли вместе с нами латинян, поскольку, сказал он, «когда мы совершаем крестный ход с молитвой, латиняне не ходят вместе с нами». Я же, зная, что произойдет, промолвил: «Не тебе сейчас заботиться об этом, так как с нами Патриарх. Пусть всё будет передано на его рассуждение». Когда мы шли по улицам, Патриарха поддерживали под руки, с одной стороны, Христофор Коронский, самым благопристойнейшим образом, а с другой — епископ Портогальский кончиками пальцев, как имеют обыкновение делать латиняне. Место, куда повели Патриарха, было древнейшими покоями, как говорят — архиерейскими, но уже в течение многих лет необитаемыми, весьма запущенными и неблагообразными. Первый этаж не запирался и служил обиталищем для свиней. В покоях было одно ложе, а на нем — войлочная подушка (безусловно, для Патриарха), очень грязная и жалкая. Мы вошли сюда, но, не найдя на что сесть, вышли. Патриарх с большим отвращением там пообедал и, не обретя там никакого отдохновения из-за досаждавшего ему хрюканья свиней, сообщил об этом Христофору и бранил его за это. Затем он попросил перейти во дворец кастеллана, поскольку слышал, что он большой и прекрасный. Христофор пошел, убедил кастеллана и принял Патриарха во дворце. Ко времени вечернего гимна пришли и мы. Произнося обычную ектению, дьякон быстро сказал: «И о святем доме сем». Это нам показалось досадным, и мы посмеялись над сказавшим это. Утром духовник кир Григорий прислал к нам своего монаха с запиской такого содержания: «Мы услышали, что сказал дьякон “и о святем доме сем”, и хотим узнать, произошло ли это по привычке или с рассуждением. Если по привычке, то пусть исправится. Если по рассуждению, то дайте и нам извещение, чтобы мы знали о том, что еще прежде отбытия ни Собор вы объединились, а мы сделаем то, что нам подобает». Мы

ответили, что «[это] произошло по привычке и нам тоже показалось досадным, так что мы посмеялись и исправили это, так как и мы придерживаемся того же мнения, что и ты». Там же мы торжественно совершили праздник Рождества Христова, поскольку дом был большим, и оставался там Патриарх тринадцать дней.

10. Некоторые откладывали путешествие в Италию, ссылаясь на тяготы и тесноту на кораблях из-за большого числа людей. В связи с этим Патриарх решил просить у людей папы найти и приготовить еще одну галеру из Навплия или из других мест, чтобы поместить на нее не имеющих отдыха и других многих, и таким образом на кораблях будет простор и отдых для их обитателей. Это понравилось большинству, но [митрополит] Сардский сказал: «Во-первых, им сложно будет найти корабль. А если найдут, то не смогут обустроить его менее, чем за месяц минимум, даже если очень будут стараться. И будет из-за этого задержка и большие расходы на корабли. А к тому же они даже не захотят говорить об этом, так как не имеют предписания от папы. Нам надо просить у них то, что они могут дать с легкостью. Если мы просим серьезных вещей и получаем отказ, а затем отказываемся и мы от того, что просили, тогда они будут нас считать легко отказывающимися от просимого, и мы получим от этого большой вред. Ведь мы дойдем и до важных церковных вопросов, и они, зная наши отступления назад, будут настаивать, и мы не сможем ничего сделать. Мне кажется, — сказал он, — есть два выхода. Во-первых, здесь стоят сирийские корабли, и их каюты — во власти официалов. Можно выкупить право пользования ими и ввести на них некоторых из наших, чтобы они отдохнули. Второй выход — чтобы они высадили рабов, которые тут находятся, и благодаря этому будет больше места. Нам нужно еще несколько дней выдержать недостаток пространства, не скрывая, что мы в немощи и стеснении».

Было решено просить их спустить на берег рабов и товары, какие у них были, чтобы таким образом на корабле появилось как можно больше пространства. Это было передано через нас капитану и Христофору. В отношении товаров они сказали, что их не будут брать на борт, да

и не имеют их, хотя они и имели, и брали. О рабах было сказано, что «мы не введем их на корабли, поскольку собираемся оставить их здесь, даже если бы вы об этом не просили: никто из рабов не прибудет в Венецию на корабле». Они поневоле сказали правду лишь в отношении второй части этого утверждения: они ввели на корабли всех рабов, но никто из них не достиг Венеции, поскольку бубонная чума всех их отправила на глубину моря. Притом, что люди всех возрастов жили вместе, самым удивительным оказалось то, что ни одного грека или латинянина болезнь не сразила, но только всех рабов: ни один из них не спасся.

11. Поднявшись на корабли, мы пришли оттуда в гавань Наварина, немного отстоящего от Мефона. Император, проехав Пелопоннес верхом от Канхреи и посреди пути пообщавшись со своими братьями, тоже прибыл в Наварин. Когда он взошел на корабль, мы продолжили путь. Я опущу то, что было посреди пути — бури и опасности, которым мы подверглись недалеко от Мефона и в Янинском заливе. Когда начал двигаться императорский корабль, за которым поневоле следовали и тоже стали разворачиваться два венецианских корабля, то у них тут же разорвались паруса и [повредило] мачты, которые мы восстановили, несмотря на сопротивление погоды. В один из дней мы все же благополучно плыли, сопутствуемые хорошим ветром и радуясь солнцу, чистому и ясному воздуху и скорости корабля. Было воскресенье и канун праздника Богоявления. Мы проплывали около острова Кефалления, и около второго часа пополудни императорский корабль остановился и стал в гавани, называемой Пиццакардо. Все кричали и разве что не плакали оттого, что благополучно завершилось такое плавание, так что и легат был вынужден сказать по-гречески: «Не можем ли мы теперь посылать ветер из нашей груди, когда пожелаем?» Но слова всех носились по воздуху подобно бессмысленным звукам и пустому шуму. Одна из триер, взяв разрешение и пройлив 30 миль, к вечеру вошла в порт и на следующий день продолжила путь, и так достигла Керкиры и получила желанный отдых.

12. А нас сопротивление ветров держало там пятеро суток, так что мы не могли даже запастись водой. Едва улучив момент и подняв якорь

среди ночи, мы сначала благополучно совершали путь, потом мало-помалу ветер крепчал, затем еще больше, море одичало, и началась страшная буря. Пока ветер позволял кораблям нестись прямо, они прошли 60 миль за 4 часа при сильнейшем ветре. Между тем, так называемый *сунис*¹, прикрепленный наверху, начал разваливаться. Что больше всего нас удивило, когда мы потом узнали об этом, было то, что в такой глубокой темноте, при такой силе и вое ветра и моря моряки узнали, что *сунис* разваливается, и при такой погоде они поднялись наверх, связали и укрепили его, притом что большая часть моряков не могла даже прямо ходить по палубе. Когда еще была тьма, внезапно ветер подул в противоположную сторону и поднял высокую и быструю волну. Встречные волны набегали на идущие им навстречу корабли и с силой гнали обратно. Насколько серьезной была тогда опасность, мы в точности даже не знали, усыпленные бурей и множеством волнений. Одно только было нам дано утешение — светивший нам в то время сладостный и необыкновенный свет, который некоторые из нас видели своими собственными глазами. Поскольку мы не имели, где бросить якорь, то вернулись в тот же самый город. И путь, который мы проделали за четыре часа, теперь мы едва прошли за четырнадцать — и вновь возвратились в Пиццакардо. Весь этот день нас кидала буря, во время которой ни мы, ни моряки не прикоснулись ни к еде, ни к питью. Все лежали с головокружением и в глубоком обмороке, словно мертвые. Лишь пять или шесть человек были в состоянии бодрствовать и направлять галеру, окруженную волнами, словно величайшими горами. Итак, мы вновь провели три дня в том же самом порту. Затем, воспользовавшись благоприятной погодой, мы с наступлением ночи отплыли при ясном и приятном свете луны. Когда мы еще не вполне вышли из гавани, то другая галера начала расправлять паруса, ветер подтолкнул ее и бросил на наш корабль. Она ударила его сбоку и сломала весла, словно соломой, едва не задев сам корабль. Но с помощью Божией мы были избавлены и от этой опасности.

¹ Значение этого корабельного термина нам не известно.

Мы плыли тот день и ночь, и следующий день и следующую ночь, и в тот день около второго или третьего часа мы причалили у Керкиры.

13. Когда Патриарх вышел на берег, к нему первым делом приблизились священники и латинские архонты. Затем священники вновь собрались, вышли со святыми иконами и ввели Патриарха с крестным ходом во дворец кастеллана. Мы поддерживали его, пресыщенного почетом со стороны латинских епископов и отказавшегося от дарованного ему со стороны папы. Там он совершил праздник св. Антония, оставаясь 11 дней, так что некоторые латиняне, видя такое промедление, спрашивали друг друга: «Сколько перепелов ты собираешься съесть?» А другие отвечали, что «если кто другой купит и даст их мне, то я съем десять. А если сам буду и покупать, и есть, то съем двух, отдав еще моему слуге головы и лапы». Это они говорили, насмехались, браня и постыжая наших как не щадящих папские деньги. А православные островитяне и жители Мефона нам говорили, что «вы теперь, как те 318 богоносных отцов [первого Вселенского собора] или как другие после них, просиявшие на иных Соборах». А что они говорили после нашего возвращения, об этом будет сказано в соответствующем месте рассказа.

14. Отплыв оттуда, через день мы начали входить в Рагузский залив. Через него мы плыли целый день и ночь, претерпевая с середины ночи и до утра тяжелую бурю. Корабли были разбросаны туда и сюда, и до наступления дня мы не в состоянии были видеть друг друга. Когда наступил день, оказалось, что мы находимся совсем близко к берегу, и около второго часа мы причалили в Корсоле. По прошествии достаточного времени пришел второй корабль. Потом, после четвертого часа, пришел и корабль императора, а затем и последний. Там мы услышали о смерти германского императора¹ и о том, что папа пришел в Феррару и ожидает нас там.

15. Тогда император и Патриарх сошли на землю, увидели друг друга и беседовали один на один долгое время: ведь император не ви-

¹ Император Сигизмунд умер в Австрии 9 декабря 1437 г.

дел Патриарха с тех пор, как они покинули Город, а после того прошло уже два месяца. Было сказано и то, что если бы они еще на Пелопоннесе узнали о смерти Сигизмунда, то не пошли бы на Собор. Пробыв там два дня и еще два следующих дня проведя в плавании, мы пристали к пустынному острову, где и поразила императора тяжелая болезнь. Был сильный мороз, так что выпал даже снег, и четыре дня мы там мерзли. Только после четвертого дня император с трудом был перенесен из шатра на корабль с тем, чтобы окончить плавание вместе с нами. [Затем] мы прибыли в город, называемый Зара, и пробыли там три дня. На следующий день мы плыли при волнующемся ветре, затем он стал дуть всё сильнее и с силой сотряс мачту императорского корабля. На нее забрались [матросы] и, насколько было возможно, закрепили ее. Вскоре мы прибыли в так называемые Рувиньи, где простояли этот и следующий день, пока изготавливались снасти. Пройдя оттуда немного, мы бросили якорь в Паренцо и стояли там три дня из-за начавшейся бури.

16. Тогда император захотел первым делом послать к венецианскому дожу Дисипата на галере виглы, которая за несколько дней до того нам повстречалась и следовала за нами, так как она была послана в Венецию. Патриарх, узнав об этом, посылает меня, чтобы в качестве патриаршего посла я предстал перед дожем рядом с послом императорским. Мы решили отправиться в определенный день, но нам помешала буря. На следующий день мы поздним вечером подняли якорь и отплыли, пользуясь попутным ветром и направляясь прямо к Венеции. Вскоре появились в виду и остальные корабли, находившиеся сзади нас на достаточном расстоянии. Плывя всю ночь при попутном ветре, мы, наконец, увидели Венецию. Когда день еще полностью не разгорелся, с нами поравнялась и обогнала нас императорская триера, а остальные нам вовсе не были видны. Где-то за две мили перед Венецией находятся так называемые Замки (Кастеллия), которые являются вратами и акрополем города. Они представляют собой две огромные крепчайшие башни, стоящие посреди моря недалеко друг от друга. Они могут либо разрешить, либо воспрепятствовать доступ к Вене-

ции, так как к ней не существует никакого другого морского пути. Итак, императорский корабль миновал их и встал с внутренней стороны у монастыря Св. Николая. Мы же около второго часа дня поставили наш корабль на рейде Св. Марка и, выйдя, очутились во дворце дожа. Узнав об этом, дож сразу распорядился, и мы пришли к нему. Он, как только увидел нас у ворот триклиния, сразу встал, и как мы шли к нему, так и он направился к нам. На середине триклиния мы поклонились и обратились к нему с речью.

17. Дожд принял нас радостно и приветливо. Одной рукой он взял руку Дисипата, другой — мою, а своим первым архонтам он повелел взять каждого из нас за другую руку. Другие архонты так же взяли следовавшего за мной архонта антиминосиев. И так, держа нас за руку и ступая, он ввел нас во второй скимпод (ложе), где и сам воссел, и прежде чем сесть, он повернулся и повернул с собой и нас, поскольку еще держал нас за руки. Он посадил Дисипата рядом с собой, а меня сразу после него, и только тогда отпустил наши руки. Мы обратились через переводчика¹ с приветствием к дожу, Дисипат — от лица императора, а я передал приветствие от Патриарха. Он поблагодарил и, как подобает, возрадовался о здоровье императора и Патриарха и о том, что они предприняли труды и лишения ради мира и единства Церкви Христовой. Сказав об этом кратко, он и от нас услышал то, что подобает. После беседы он встал и взяв нас, как и раньше, держа по обе стороны от него, вышел из триклиния и ввел нас в келию, в которой находилось замечательно убранное ложе. Там он нас посадил своими собственными руками, вышел, посоветовался со своим окружением и вскоре позвал нас через одного из бывших с ним. Когда мы к нему пришли, он сразу встал и стоял [все время], пока мы не сели. •Мы не знали заранее, — сказал он нам, — что император и Патриарх находятся уже недалеко от нас, так, чтобы приготовить и оказать подобающую честь к их прибытию. По этой причине пусть они подождут нас там у [монастыря] Св. Николая и приходят завтра, и мы ока-

¹ «через переводчика» — у В. Лорана опущено.

жем им честь, как это подобает. Я же отправляюсь сегодня увидеть императора, поскольку узнал, что он отягчен болезнью».

18. После этих слов дож отправил нас к императору и Патриарху. Мы же попросили посмотреть жилища, в которых будут отдыхать наши. Он определил двух архонтов, которые пошли вместе с нами и показали нам замечательный светлый дом, который приготовили для императора¹. В нем было 36 кроватей. И в другом месте — иной дом, для деспота². Затем повезли нас на другой берег от Св. Марка в монастырь св. Георгия и показали нам апартаменты для Патриарха и четыре меха с вином, которые приготовили заранее, множество хлебов (в большинстве — с ароматами), светильники и свечи для стола, большие и малые, много только что приготовленной рыбы и помещение, полное дров. Все это время водившие нас архонты беседовали с Дисипатом, знавшим их язык. Среди прочего они спросили, находятся ли вместе с императором месадзоны, т. е. Кантакузин и Нотара. Услышав, что с императором Филантропин, Ягарь и другие архонты, а те оставлены управлять Городом, они сказали, что «нам кажется необходимым, дабы здесь был кто-нибудь из них». Мы, осмотрев все это, вернулись к императору.

19. Патриарх, не желая оставаться на корабле, сошел с него. Мы встретили его посреди дороги, когда он направлялся к Св. Георгию. Вскоре после нас прибыл дож. Приблизившись к Патриарху, он воздал ему подобающее приветствие, и они немного побеседовали друг с другом. Затем дож отправился к императору, а Патриарх — к Св. Георгию. Было тогда 8 февраля, суббота Блудного сына. Они приготовили для нас ужин, а на следующий день — обед и ужин на средства Синьории, состоящий из мяса, птицы и рыбы для тех, кто не ест мяса.

20. В воскресенье после обеда дож вместе с первыми из венецианских архонтов отправился к императору на своем собственном кораб-

ле, называемом «Букентавр», который был по длине гораздо больше галеры и шире. У него было две палубы. Низ был отведен для гребцов, чтобы они, сидя там, могли грести через соответствующие окошки. Впереди шло два других корабля и тянули его веревками, когда он должен был куда-то плыть. Верхняя палуба была устроена наподобие триклиния для архонтов. На корме находился скимпод дожа, так, чтобы восседая на нем, он мог видеть всех архонтов. Напротив него был другой скимпод, расположенный так, чтобы между сидящими оставался свободный проход. От них по длине залы находилось множество других скимподов: два были у бортов, другие — напротив них, и остальные между ними, но так, чтобы везде оставался проход. Все скимподы были украшены латинскими тканями различных цветов и красок. Над всем этим были установлены пурпурные балдахины цилиндрической формы, поднятые на достаточную высоту и покрытые пурпурным шерстяным ковром, не без приятства выполнявшего роль щитного навеса. С внешней стороны борта были украшены вырезанными ветвями и другими резными позолоченными украшениями голубого и пурпурного цвета. [Также] были посажены вырезанные и позолоченные львы св. Марка: двое — с внешней стороны на корме по бокам и один — на носу.

21. Итак, на этом корабле находился дож и бывшие с ним, а множество других — на почти что бесчисленных кораблях. Они прибыли к императору и приветствовали его с трубами, песнями и всевозможной музыкой. Дождь вззошел на императорскую триеру и представил императору своего сына, хотя через несколько дней мальчику суждено было умереть. Дождь пригласил императора перейти на «Букентавр» и на нем войти в Венецию. Император не перешел, так как ему непросто было сделать это. Он принял дожа с радостью и посадил его со своей правой стороны, а своего брата деспота кир Димитрия — с левой. Так, по приказу императора, императорская триера подняла якорь и поплыла неспешно, словно шагом. Ей сопутствовали и охраняли ее «Букентавр» и другие корабли. Одни следовали сзади, другие находились кругом, а некоторые оказались впереди множества. Собралось

¹ Дворец маркиза Феррары Николо д'Эсте (1423–1441) в Сан-Джакомо.

² Старый дворец Лудовико даль Верме в Сан-Паоло.

такое количество кораблей, что море перед Венецией было почти полностью закрыто судами. Видящий это мог бы сказать, что этот берег моря превратился в другую, подвижную Венецию. Так, сопровождая императора с рукоплесканиями и песнями, ввели его в уготованное для него жилище. При этом звучали не только трубы, но и все колокола в целой Венеции звонили и переливались в течение долгого времени. Одно лишь некоторым образом омрачало светлость этой встречи — сырость и туман этого дня.

22. Патриарха они также не оставили непричастным праздничной чести. Они приготовили два небольших корабля и украсили их по всем бортам множеством маленьких патриарших инсигний. Посередине подвесили фиалы пурпурного цвета, а рядом с ними установили зеленеющие кедры, как бы у фиалов посаженные, орошаемые водами из них и покрывающие их тенью. С этим они встали перед патриаршим домом и стояли там в течение всего дня. Так они и Патриарху воздали праздничную честь, и [устроили] эскорт.

23. Все это прошло таким образом. Христофор, как только прибыл в Венецию, сразу отправился к папе, оставив вместо себя венецианского архонта Михелета Тциу¹ с тем, чтобы он заботился о нас. По прошествии двух дней он сказал Патриарху, как ему повелели, чтобы тот предоставил расходы на ближайшие дни, пока папа пришлет оттуда деньги. Итак, он передал это людям императора. «Я сейчас хочу знать, — сказал он, — что ты собираешься дать тем, кто находится рядом с твоей великой святостью?» Патриарх спросил его, как он поступил с людьми, находящимися при императоре. Тот ответил, что предложил императору определить, каким он хочет видеть даяние. Император определил пятьсот флоринов. Он сказал, что «ты определил 500, а я даю 600. Итак, я дал это там, чтобы разделили между людьми императора. То же самое я предлагаю, чтобы и ты определил,

¹ Известный венецианский дипломат и финансист, участвовавший во многих международных финансовых операциях того времени. В западных источниках орфография его имени различна (Zen, Zeno, Zono).

сколько ты желаешь». Патриарх определил, что «поскольку это даяние будет через несколько дней, то дай флоринов триста». Тот сразу сказал, что «ты определил 300, я же даю 400». Итак, они получили это и разделили между Патриархом и всеми остальными.

Затем пришел дож на встречу с Патриархом. Послал он ему и подарок: сорок голов сахара, сорок больших светильников и вино. Через несколько дней пришел кардинал Креста¹, посланный от папы, а вместе с ним — маркиз Феррары. Они встретились с императором и Патриархом. Когда он пришел к Патриарху, за ним следовал дож, держа края его кардинальского облачения. Кардинал пробыл в Венеции немного дней и затем вновь возвратился к папе.

24. В то время было много рассуждений о том, идти ли нашим к папе или на Собор в Василее. Дожд говорил императору, что «пусть Венеция будет для вас как собственный дом, и вы можете здесь оставаться и отдыхать, сколько вы хотите. Я вам советую, как лучшее для нас, чтобы вы остались в Венеции и испытали и папу, и Собор, потому что придут от обеих сторон, будут просить и умолять, чтобы вы пришли именно к ним. Тогда посмотрите и вы на состояние их дел, и что вы найдете более выгодным для себя, туда и пойдете. Итак, подождите, чтобы узнать, что вам скажут и те, и другие, и так вы узнаете полезное для вас». Это же сказали и первые лица в Венеции. И добавили, что «если вы хотите, то пусть Собор произойдет здесь, и будет это для вас к большей чести и отдохновению».

Император призвал Патриарха, чтобы им посоветоваться об этом деле, поскольку сам он был болен. Но Патриарх тоже оказался болен, и ни один из них не мог прийти к другому. И досадовал по этому поводу император. После второго и третьего приглашения Патриарх объяснил, что «пусть твоя святая царственность посоветуется с твоими близкими. Затем определи, чтобы и сам я узнал заключение совета. Тогда и я решу, что мне кажется более полезным». Но это не понравилось

¹ Николо Альбергати (1375–1443). Епископ Болонский, кардинал Св. Креста с 1426 г. Участник Флорентийского собора до октября 1438 г.

императору, поскольку он определил: «Как может быть принято хорошее решение, если не выслушать на совете всех мнений? Ведь на совете выдвигаются различные мнения, и люди приводят обоснования того, что, по их мнению, должно получиться. А другие им возражают и приводят причины того, почему, по их мнению, не должно получиться то, что для первых казалось подходящим. Когда причины будут хорошо изучены и члены совета услышат предложения и возражения каждого, тогда они смогут все соединить и выбрать из множества подобающее, как и в настоящем деле. Некоторые возражают тем, кто считает более полезным отправиться к папе. В данный момент кажется, что убедительнее говорят те, кто не советует идти к нему. Итак, пусть Патриарх обязательно придет, поскольку совещание об этом деле необходимо». Услышав эти слова, Патриарх сказал: «Я знаю, как и от кого исходят эти слова. Но когда я туда приду, то я одним словом их всех опровергну». Затем было доложено императору, что в тот день болезнь отпустила [Патриарха], а если на следующий день ему будет еще лучше, то через два дня он придет.

25. Как уже говорилось, Христофор отправился из Венеции к папе, но быстро вернулся. В Венеции он побуждал наших и в меру своих сил способствовал отправлению к папе. Он вновь дал людям Патриарха 500 флоринов для некоторого пропитания. Из них Патриарх взял 123 флорина и на 105 купил дискос и потир серебряные с позолотой, сделанные с удивительным искусством. Оставшееся он разделил между всеми остальными. Затем он [т. е. Христофор] отдельно дал императору 1000 флоринов и Патриарху также тысячу. На средства папы также было сделано для Патриарха серебряное блюдо для омовения его лица и серебряные чаши.

Патриарх в тот день, который был установлен, чтобы идти к императору, первым делом пошел в храм Св. Марка и увидел находящиеся там священные сокровища, богатейшие и драгоценнейшие. Среди них были величайшие и сверкающие драгоценные камни и любой вид священных изображений, изготовленных из лучших и драгоценных материалов. Одни были вырезаны в камне с величайшим искусством,

другие наилучшим образом сделаны из чистейшего золота. Там мы увидели т. н. «священный темплон» божественного написания, сияющий блеском золота, множеством драгоценных камней, величиной и красотой жемчуга, поражающий зрителя изяществом и разнообразием искусства. Все это во время захвата Города (когда он, увы, был взят латинянами) было привезено из него сюда по закону добычи и собрано в образе величайшей иконы¹ и помещено наверху главного алтаря. Икона была хорошо закрыта спереди и сзади величественными дверями и сохранена ключами и печатями. Двери открывались дважды в год — на Рождество Христово и на праздник Воскресения. Из всех, созерцающих там эту составленную из многих икону, для тех, кто ею владеет, это становится радостью, похвалой и наслаждением, а для тех, кто ее лишился, если они там оказываются, это бесчестие, скорбь и стыд, как и с нами это тогда произошло. Хотя нам говорили, что иконы темплона происходят из святейшей Великой церкви, но из надписей и портретов Комнинов мы с точностью узнали, что они из монастыря Пантократора. Итак, если эти вещи — из монастыря, то можно представить, насколько их превосходили иконы и предметы из Великой церкви по блеску и великолепию материала, по изяществу и искусству мастерства и превосходству цены.

26. Итак, Патриарх смотрел на все это со вниманием и, как казалось, радовался при виде этого. С ним вместе был дож. Раньше он отошел от императора и прислал корабли, на которых мы прибыли ко Св. Марку. [Затем] он пришел и сопровождал его, распорядившись открывать все то, о чем шла речь. После того как Патриарх изучил это и течение достаточного времени, он вместе с дожем отправился к императору. Дожд, увидев императора и дружески с ним побеседовав, отплыл восвояси, а Патриарх один оставался с императором достаточное время. Когда был приготовлен обед для Патриарха и для нас там, где жил Филантропин, мы, уйдя вместе с Патриархом, отобедали. После этого Патриарх вновь пошел к императору, а вскоре были

¹ Имеется в виду *Pala d'Oro*.

приглашены архонты сената, шесть архиереев и трое из нас. Обсуждалось, надо ли нам идти к папе. Когда об этом были высказаны различные мнения и большинство говорили, что идти надо, [митрополит] Ираклийский сказал: «Мы слышим, что от Собора идет кардинал Юлиан и что он уже близко. Мне кажется правильным немного подождать, чтобы получить от него известия. Тогда мы лучше рассудим». Император же сказал: «Мне кажется лучшим, если мы посоветуемся и теперь же определим то, что нам кажется подходящим, чтобы, придя, он нашел окончательное решение нашего совета и не старался нас склонить к другому. Итак, говорите о деле и оставьте то, что касается Юлиана». Император, будто забыв то, что он говорил раньше, весь был за то, чтобы идти к папе, так же как до него и Патриарх. И хотя трое из нас, с которыми Вуллот был четвертым, говорили, что лучше не идти сейчас к папе, все остальные высказывались в пользу того, чтобы идти, что и было решено. Через два дня после этого прибыл в Венецию Юлиан. Встретившись с императором, он пошел и к Патриарху в сопровождении дожа, который держал края одежды его. Затем он отправился к папе. Император отправил к нему сначала двух братьев Дисипатов, а Патриарх — Ираклийского и Монеувасийского [митрополитов].

27. В субботу Сырной недели Патриарх вошел в храм Св. Георгия. Первым делом он, как и все, окропился из их умывальницы тем, что кажется святой водой. Затем показали ему находившиеся там латинские монахи «великую и крепкую руку св. Георгия», как они говорят. Она находилась в выдолбленном в дереве углублении, была весьма красиво прикрыта и хранилась в ковчеге. Патриарх облобызал ее. Великий хартофилак сказал ему, что «не является это рукой св. Георгия, поскольку его святое мученическое тело сожгли, а пепел развеяли». Ответил ему с порицанием Патриарх: «Молчи, не знаешь, что говоришь». Затем монахи пропели длинную и торжественную вечерню, на которой стоял Патриарх и мы вместе с ним. Затем он взошел на амвон, осмотрел алтарь и то, что было в нем, и повелел нам снять головные уборы с наших голов, и мы сняли. Тогда же пришли Дисипа-

ты взять благословение на то, чтобы идти к папе, и Патриарх сказал им с суровостью: «Снимите скуфьи». Когда один из них возразил, что они не имеют такого обычая, то он ответил: «Если вы так поступите, то ненароком [опасаетесь] отпасть от вашей архонтии? Ведь для этого дела вы и стали теми, кем вы сейчас являетесь». Тогда один из них говорит другому: «Давай подойдем». И попросили они благословения.

28. Итак, они ушли. Архонты поцеловали ногу папы и получили от него хороший прием и расположение. Архиереи не поцеловали ногу папы, и он отнесся к ним весьма неприязненно. Об этом надо было сообщить Патриарху, но они не дали ему никакого известия.

По прошествии дней пяти император покинул Венецию и направился к папе. Маркиз встретил его в месте, называемом Франкулин, находящемся на расстоянии полутора часов от Феррары, ведь именно там император сошел с корабля. Маркиз принял его с великой честью. Его люди следовали пешком и несли над императором балдахин. Так они проводили его к папе, а затем повели его в его собственный дворец.

29. Патриарх с трудом перенес то, что император первым отправился к папе. Он сказал, что «или, по крайней мере, император и Патриарх должны были идти вместе, или Церковь должна была идти впереди, а не следовать сзади». На четвертый день Патриарх, и мы вместе с ним, вышли в подступающее к Венеции море, затем миновали Лагуну и, войдя в реку, пошли вверх по ней. Когда мы достигли пределов владений маркиза, то нашли там его корабль, ожидающий Патриарха. Корабль имел такую форму, что его нижняя палуба была плоской, тогда как ширину он имел достаточную, и соответствующую длину. По длине одна часть была отделена куртинами как комната, в которой находилось замечательно устланное ложе. Остальная часть была устроена наподобие триклиния. Скимподы стояли по стенам, украшенным разнообразными тканями приятных цветов. Посередине стояли две большие железные жаровни на колесах, где, когда было нужно, зажигали огонь. Борта корабля оказывались не выше голов тех, кто сидел в скимподах. Над ними находились одни лишь небольшие колонны, а все пространство между ними было поделено открывающи-

мися окнами. Они походили на двойные колонки, удивительные по красоте и выполненные с великим искусством. Они были украшены позолотой, а также голубыми и пурпурными цветами. Сверху они были скреплены друг с другом металлическими [детальями]. Пространство между ними закрывалось и открывалось с помощью ставен. Что касается колонок напротив, то по диагонали с каждой стороны находились металлические подставки, и таким образом они держали верхнюю палубу, которая перекрывала триклиний внизу, а наверху она служила кухней и местом отдохновения гребцов. Посередине стояла мачта, но она была установлена не ради парусов, поскольку паруса не использовались для плавания, а для того чтобы за канаты, привязанные сверху, ее могли через мелкие места снаружи тащить люди, идущие впереди. Иногда по реке ее тянул за канат другой корабль, движимый многочисленными гребцами. И так она плыла до места, установленного капитаном.

30. Маркиз отправил корабль вместе со своим архонтом и принял на борт Патриарха. Было уже к вечеру, и Патриарх остался на корабле. На утро Патриарх призвал архиереев и нас. Мы вошли и сели вместе с ним. Случилось, что в то время корабль, на котором находились монахи и багаж Патриарха, испытывал затруднения на реке и не сопровождал его. Патриарх велел всем нам остановиться и ждать, пока придет корабль. Поскольку корабль не приходил большую часть дня, Христофор сказал Патриарху: «Если ты хочешь, повели нам медленно отправляться, а он прибудет, ведь здесь нет ни опасности, ни страха». Сказал ему Патриарх: «Мой багаж стоит половину Венеции. Как я, оставив его, уйду? Необходимо ждать, пока он придет». Когда мы простояли еще день, а люди вознегодовали и стали готовиться тянуть корабль, то сказал Патриарх: «Я вижу, что они ни во что вменяют наши слова. Скажите, чтобы они выбросили нас вон, а сами пусть отправляются, куда хотят». Узнав об этом, все, хоть и поневоле, но остались ждать. Корабль пришел уже после полудня. Мы прошли еще небольшую часть реки, наступил вечер, и там мы провели ночь. С рассветом мы подняли якорь и, прежде чем наступил первый час, отпра-

вились в путь, вскоре увидели скачущего к нам на коне во весь опор Каристина¹, которого послал император. Подойдя к Патриарху, он сказал: «Папа ждет, чтобы твоя великая святость, придя, поклонилась до земли и затем облобызала ногу его. Император уже три дня бьется за то, чтобы это не произошло. Об этом извещается и твоя великая святость, чтобы ты решил, как ты подойдешь к нему».

31. Патриарх воспринял это очень тяжело, поскольку был уверен, что найдет у папы радушный прием, расположение и открытость. Поэтому еще в Венеции он говорил одному из близких к папе людей и собеседников: «Я остановился на том, что если папа старше меня годами, то я буду относиться к нему как к отцу, если у нас равенство в годах, то буду относиться к нему как к брату, если он окажется младше, то будет мне как сын. Я желаю, что если окажется хороший дом рядом с его домом, имеющий туда проход по мосту над улицей, то пусть бы мне дали его. Тогда бы я сам ходил к нему, или же и он ко мне, и я советовал бы ему необходимое. И будет это для него в большую пользу, ведь я знаю, что нет вокруг него хороших советников». Такую он надеялся найти открытость и с помощью папы уповал освободить Церковь от рабства, возложенного на нее императором через почести, как он сказал это некоторым из своих близких. Еще будучи здесь, он часто говорил, что «я там буду другим, и мою власть, какая мне подобает, возвращу». Когда же он услышал о целовании ноги, то был совершенно поражен, однако пошел, и в первой половине дня мы достигли Феррары и встали напротив замка рядом с мостом. К полудню пришли шесть епископов. Они передали Патриарху приветствие папы и рассказали, как подобает воздавать приветствие папе, которое все ему подают по обычаю. Патриарх ответил, что «я не должен ему этого целования, но поскольку мы братья, то надо обняться и облобызать друг друга по-братски». Патриарх сказал об этом еще несколько слов,

¹ Феодор Каристин, приближенный императора. Дипломат (и хороший охотник), участник многих дипломатических миссий на Запад после Ферраро-Флорентийского собора. Отличился при защите Константинополя в 1453 г.

посланники папы на них ответили и удалились. Таким вот пренебрежительным было это первое приветствие. Патриарху не учинили встречи, когда он был еще далеко, не послали кардинала, как это диктует обычай даже при встрече кардиналов, ни даже большой делегации епископов.

32. Патриарх, призвав к себе архиереев и нас, сказал: «Вы слышали, что нам советует папа? Он хочет, чтобы мы приложились к его ноге». На это [митрополит] Трапезунда ответил: «Ты это нам предписываешь сейчас? А что ты нам говорил в Константинополе о том, что всё мы там хорошо устроили, что нас примут с великой честью и любовью, и мы найдем всякую заботу и отдохновение у папы и латинян?» «Но как я мог такое представить?» — сказал Патриарх. Трапезундский [митрополит] продолжал: «Это и многие подобные вещи надо было там обдумать и решить. Когда мы спрашивали и хотели знать, как и на каких условиях мы отправимся к латинянам, ты говорил: “Приготовьтесь только, чтобы идти, и там найдете всё хорошо приготовленное и согласованное”. Мы думали, что не осталось ничего из необходимого, что не было бы невыяснено и несогласовано. Также Христофор много говорил там о месте представителя папы. Если не из-за чего другого, то уж из одного этого подобало думать твоей великой святости о своих правах». Затем он и все остальные заявили, что «это не является справедливым, и не должно, ибо не в наших интересах, чтобы это случилось, что бы за этим ни последовало». Сказал и Патриарх, что «невозможно мне снизойти к тому, что они сейчас говорят, ни в отношении меня, ни в отношении вас. Где ранее от нас посланные архиереи? Им подобало написать и известить нас об этом, когда мы были еще в Венеции. Они же до сих пор еще не показались перед нами. Пусть будет им предложено прийти сюда». Когда это было сделано, пришел один Ираклийский [митрополит], так как Монемавсийский был болен. Он рассказал, что когда они поклонились папе, то один из стоявших рядом с ними сразу приподнял край папского облачения, ожидая от них лобызания стопы. Когда он это сделал, они остались стоять, ничего более не предпринимая. Дисипаты приблизились

и облобызали ногу. После этого папа стал к ним расположен и принял их. К архиереям он отнесся с нерасположением, не смотрел на них и не оказал им никакого внимания. С того времени они лишь пребывали в жилище, которое было дано им по распоряжению маркиза. Когда Патриарх сказал, что «поскольку вы это знали, нужно было и нам рассказать об этом», [митрополит] Ираклийский ответил, что «нелегко нам было найти того, кто это расскажет».

33. Император вновь послал Вуллота известить Патриарха, что он борется с папой за него через тех посланников, и что он тоже должен возражать. Затем поздним вечером вновь пришли епископы от папы и настаивали на целовании. Патриарх ответил с подобающей твердостью: «Откуда это у папы? Или какой из Соборов дал ему это право? Покажите, откуда у него это и где это записано. Папа, однако, говорит, что он преемник св. Петра. Но если он преемник Петра, то и мы преемники отдельных апостолов. Разве апостолы целовали ногу св. Петру? Кто об этом слышал?» Епископы ответили, что это древний папский обычай, и все воздают ему это приветствие: и епископы, и короли, и германский император, и кардиналы, которые выше императора, и духовенство. Патриарх ответил, что «это новшество, и я никогда не признаю и не сделаю этого. Но если папа хочет, чтобы я его облобызал по-братски, сообразно нашему древнему церковному обычаю, то я отправлюсь к нему. Если он это не принимает, то я от всего отказываюсь и возвращаюсь». Итак, епископы отправились сообщить это папе и медлили достаточное время. Затем они вновь пришли, говоря то же самое и что, дескать, «как можно лишать папу такой чести?» Патриарх же противостоял прежними своими словами и сопротивлением. Когда было высказано множество аргументов с каждой из сторон, и Патриарх и его люди сильно противились целованию [ноги], Патриарх наконец заявил, что «если папа не откажется от целования [его] ноги со стороны наших архиереев и моих ставрофорных архонтов, то мне будет невозможно сойти с корабля, так как мне кажется, что не по воле Божией происходит это собрание и исследование, поэтому и послал нам Бог такое испытание. Я с неизбежностью

удалюсь отсюда, еще будучи на корабле, пока не подвергся другим страшным вещам». Епископы ушли и передали это папе. По прошествии достаточного времени они возвратились и сообщили, что «блаженнейший папа ради блага мира и для того, чтобы не возникло из-за этого какого-либо препятствия для сего божественного дела единства, отказывается от своего права и вот, зовет прийти твою великую святость. Он разве что оговаривает, что раньше хотел приготовить для тебя встречу и хотел сделать ее открытой, в присутствии множества архонтов и в большой зале. Сейчас он этого не сделает, поскольку отнято многое от его чести, и он не хочет, чтобы это стало известно многим. Но он примет тебя в своей келье в присутствии одних только кардиналов. Так, ты сначала приди с шестью из твоих близких, с кем ты пожелаешь. После того как они поклонятся, пусть войдут другие шесть и тоже поклонятся. А после того, как выйдут они, пусть войдут другие шесть и поклонятся. И пусть все, кого ты назначишь, поклонятся тем же образом».

34. Пришел и маркиз с епископами на эту последнюю встречу. Он приглашал Патриарха сойти с корабля и отправиться к папе, а затем домой для отдыха. Но поскольку был вечер (весь день прошел, пока мы вместе с кораблем стояли, ожидая решения упомянутых дел), мы вновь остались на корабле. Чуть свет мы причалили рядом с замком, и, выйдя, сразу сели на лошадей, приготовленных маркизом. Во главе с самим маркизом, с кардиналом (племянником папы Мартина) и другими епископами и архонтами мы вошли в преддверие папского дома. Сойдя с коней, мы пешком вошли во двор. Патриарх один оставался на коне вплоть до ступеней дворца. Там спешил и он, и мы вошли вместе с ним. Пройдя в первых воротах мимо служителей папы, державших серебряные топоры (числом их было более двадцати), мы вошли в триклиний. Пройдя через него, мы вошли в ворота другого триклиния и нашли в нем, я думаю, более десяти архонтов, державших жезлы длиной в пять футов, облаченных в бархатные пурпурные облачения и украшенных посередине серебром с позолотой. Они открыли двери второго триклиния и дали нам войти. Некоторые из них, идя

впереди, ввели в келью, в которой находилось замечательно убранное ложе. После этого они повели нас в другую келью. В другой триклиний они вновь ввели всех нас, притом что ключники папских покоев отворили двери триклиния, а после того как мы туда зашли, закрыли ее вновь. Таков их всегдашний обычай: входя и выходя, они закрывают двери изнутри и снаружи, а все служители папских покоев имеют связки ключей, подвешенные к их поясам. В этом самом триклинии они закрыли нас и повелели ждать, пока позовут Патриарха.

35. Патриарх вошел в сопровождении [митрополитов] Трапезунда, Эфеса, Кизика, Сард, Никеи и Никомидии. Двери кельи были открыты служителями и затворены ключами сразу после того, как они туда зашли. Патриарх, войдя вместе с указанными архиереями, поприветствовал папу, как было установлено, и [после того] сел. Так же поприветствовали его и бывшие с ним. Они немного побеседовали друг с другом: сначала папа обратился к Патриарху, а затем Патриарх к нему. Вскоре вошли служители вместе с [митрополитом] Никомидийским и ввели шесть других архиереев, которые поклонились и поприветствовали папу. Затем их вывели, и вошли остававшиеся архиереи, и вместе с их входом ввели и нас, ставрофоров. Мы увидели папу, сидящего на возвышенном троне, находившемся рядом с правой стороны от закрытой двери, ведущей в другую комнату. С правой стороны от папы, на расстоянии, достаточном для одной кафедры, сидели кардиналы на кафедрах, одинаковых и во всем похожих на подножие папы, которое по высоте было равно нашим сиденьям. С левой стороны было оставлено пространство для упомянутой двери и другое такое же, где стоял Христофор в качестве переводчика. За ним сидел Патриарх на одном из описанных подножий, а за ним стояли для услужения пришедшие с самого начала и находившиеся здесь архиереи. Поклонились и мы папе, поцеловали предложенную нам его руку и щеку и вышли. После нас уже никто не входил. Вскоре вышел и Патриарх, а папские служители каждый раз при входе или выходе кого-то из нас ключами отворяли дверь и сразу же ее закрывали. Выходя, мы все собрались в триклинии, в котором нас с самого начала закрыли. Когда

вышел Патриарх, они отворили дверь триклиния и предоставили нам свободу выхода. Спустившись таким образом из дворца и сев на лошадей, мы благополучно проводили Патриарха до приготовленного ему жилища, и каждый из нас отправился в данное ему пристанище. Была вторая суббота поста, когда все это произошло, 8 марта. Маркиз устроил для нас обед и ужин, как это было и на следующий день.

36. В тот же день, после полудня, Патриарх сказал папе, что «после того как мы вошли в пределы твоего Блаженства, мы не совершали ничего подобающего архиерейской власти, храня предписание божественных и священных канонов. Ныне же, придя сюда, мы хотим совершать привычное нам церковное последование, нашу литургию и весь чин, который мы имеем, по произволению и разрешению твоего Блаженства». Дело в том, что после того как мы миновали Керкиру, во время пения вечерни и при совершении всех последований и литургии на триере, на суше и в самой Венеции, Патриарх по окончании гимнов не давал обычного благословения нам и всем собравшимся. По этой причине он и просил такого разрешения. Папа даровал его и определил, чтобы Патриарх имел свой собственный чин, как он пожелает. Итак, во время торжественной вечерни и на следующий день на литургии Патриарх благословил всех собравшихся.

37. По прошествии четырех дней папа сообщил Патриарху, что «надо нам начать говорить о предстоящих делах». Патриарх объявил, что «пока еще, будучи изможденным от долгого морского путешествия, от произошедшей бури и немощи, я не могу говорить». Тогда кардиналы и епископы начали дружественно разговаривать с Патриархом. После этого Патриарх передал папе, что он хочет прийти и увидеть его, и чтобы тот назначил день, когда можно это сделать. Когда пришел условленный день, то привели лошадей с тем, чтобы мы верхом отправились к папе. Патриарх распорядился, чтобы сделали новое покрывало и покрыли им ту лошадь, на которую он собирался воссесть, от головы до ноздрей и ног ее. Он распорядился, чтобы перед ним несли дибамбул¹ и

¹ Дикирий.

деканикий¹. Великий хартофилак заметил, что «здесь нет никакого смысла их нести, так что, если ты прикажешь, пусть они будут оставлены». Патриарх ответил, что «пусть их возьмут и идут впереди вместе с ними». Великий хартофилак: «А сообщала ли великая святость твоя об этом папе?» «Сообщала, — сказал Патриарх, — и он ответил, что я могу во всем иметь здесь весь мой чин». И, тем не менее, дибамбул оставили, но Патриарх, сидя верхом на украшенной белым лошади, благословлял встречавшихся на пути. А это были ткачи, скорняки и сапожники. Их первым делом предоставила нам улица, по которой мы проходили. Они сидели в своих мастерских, но, увидев такую необыкновенную кавалькаду с благословением, немногие из них могли усидеть на своих местах.

38. Нас привели к другим воротам дворца, где мы сошли с лошадей. Патриарх поднялся верхом по подъему, напоминающему лестницу. Мы шли впереди него, а те сзади. Он спешил перед триклинием, взяв деканикий, вошел в келью, в которой собрались и мы. Оттуда Христофор повел его к папе, и они беседовали один на один, а Христофор был переводчиком. По прошествии достаточного времени Патриарх вышел. Пока готовили коня, чтобы он сел на него там же, где и спешил, Патриарх сказал: «Отведите его ниже». Когда Патриарх спустился туда сам вместе с нами и сел верхом, то повелел: «Скажите тому, кто держит деканикий, чтобы он спрятал его под своей одеждой так, чтобы он не был виден». И так он добрался до своего жилища. На следующий день спросили Патриарха, как был расположен к нему папа, и каким он думает найти его в церковных делах. «Хорошо, — ответил Патриарх, — за одно только он порицал нас, что мы подвергли Церковь такому рабству перед светской властью». Затем спросили о деканикии, и он ответил: «Вы помните, как легат благословлял в Константинополе, и некоторым это было тяжело? Я тогда сказал: "Оставьте его поступать так, как он хочет", но некоторые исказили мои слова и запретили ему. Так вот, сейчас он сделал нам то, что вы видите».

¹ Жезл.

Ответил на это [митрополит] Трапезундский: «Когда я увидел кафедру и тот чин, в котором тебя поместил папа, и какое он для себя устроил превосходство, то я с недоумением спросил самого себя: “Разве не кир Иосиф является Патриархом, что он соглашается на такое? И как он это терпит?” Тогда я понял, что ничего хорошего с нами не произойдет».

39. Затем папа повелел, что надо всем собраться в храме, провести Вселенский собор и рассмотреть спорные вопросы, чтобы повсюду было возвещено, что в Ферраре созван Вселенский собор. Это было сделано, чтобы через такую молву, с одной стороны, утвердился и укрепился папа, а с другой стороны — чтобы Собор в Василее уменьшился и ослаб в своем значении. Патриарх повелел [митрополитам] Никомидийскому и Тырновскому, великому хартофилаку и мне пойти и посмотреть, как собираются поставить кафедры. Итак, мы пришли в храм Феррарской епархии, огромный и длинный, удостоенный имени св. Георгия. Император, со своей стороны, послал кир Мануила Ягаря и кир Георгия Дисипата. Там мы нашли также кардиналов Юлиана и Фирмана и некоторых епископов. Итак, мы увидели с восточной стороны храма стоящий посреди алтарь. С правой стороны на возвышении находился трон, над которым был высоко поднятый дамастовый балдахин. Сзади от балдахина до трона [пространство] было украшено занавесом из того же материала. По длине он отстоял от алтаря на расстоянии около 25 шагов. После трона, на достаточном от него расстоянии, были вдоль каждой стены устроены скимподы, похожие на ступени, с тем, чтобы на них восседали епископы. Юлиан сказал нам, что «вот трон папы. Он сам и те, кто с ним, будут сидеть по одну сторону, а по другую — император, Патриарх и другие греки». Так он сказал в самом начале, а потом добавил: «Пойдемте сядем отдельно, чтобы поговорить об этом подробнее». Мы так и сделали. Они немного поговорили об этом отдельно, и затем вновь сказал Юлиан, что «поскольку одна сторона латинская, а другая — греческая, и одни сядут по одну сторону, а другие — по другую, то надо, чтобы папа сидел посередине как первый и соединяющий всех, чтобы объединять обе части».

40. Это не показалось нам хорошим делом, так что мы сказали ему: «Поскольку твое преосвященство сказало, что мы являемся двумя частями, то папе стоит находиться и сидеть вместе со своей частью, так же как императору и Патриарху — вместе со своей». Юлиан ответил: «Но между частями должна быть некая связь. Пусть папа будет посередине». Мы сказали: «Нет надобности в такой связи. Если папа безоговорочно захочет сидеть посередине, то с необходимостью следует, чтобы и император, и Патриарх сидели посреди и вблизи него, ведь по-другому им сидеть невозможно». Но Юлиан ответил: «Одна должна быть связь, через которую обе части соединяются воедино. А двое или трое единую связь не творят». Поговорив об этом много, мы ушли и сообщили об этом императору и Патриарху. С великим возмущением они начали по этому поводу борьбу с пришедшими к ним — в особенности к императору — кардиналами и епископами, которые спорили по поводу кафедр.

Итак, после долгих споров и настояний они сказали, что трон папы будет поставлен посередине ширины храма. Затем, с левой стороны от папы, на оставленном по ширине от ступеней пространстве, сколько нужно для императорского трона, там будет поставлен трон императора. Сзади по длине, где передняя сторона императорского трона против задней стороны трона папы, там надо поставить патриарший трон. Так вот они и будут сидеть на Вселенском соборе спинами друг к другу и таким образом состязаться.

Поскольку это было отвергнуто как смехотворное, то после многих слов и споров было решено, чтобы папа сидел вместе со своими с правой стороны, а император и Патриарх вместе со своими — с другой. Но и это было принято не просто и с легкостью, но со строгими дополнениями. Они сказали, что на некотором расстоянии от папского трона и его ступеней будет поставлен трон германского императора, за которым далее сядут кардиналы. А с левой стороны напротив, на том же расстоянии, что и германский трон, будет поставлен трон императора и далее — Патриарха.

Император досадовал и хотел сидеть напротив папы. «Какая нужда в германском императоре, — говорил он, — когда император не только

не присутствует здесь, но его нет вовсе?» (поскольку он уже умер). «Но необходимо, — ответили те, — всегда иметь и хранить место нашего императора, даже если нет его среди живых. Поставить кафедру по-другому или с иными предпочтениями, нежели мы здесь сказали, невозможно». Итак, император по необходимости принял это. Патриарх все еще негодовал и не мог смириться с унижением кафедры. Император же убеждал Патриарха смириться с этим. Патриарх просил устроить над его троном балдахин и занавес сзади, но даже это папа не позволил. Патриарх опечалился из-за этого, а император, вознегодовав, сказал, что «сейчас я доподлинно узнал, что спор о троне и кафедрах возник не ради устройства Собора, но скорее ради превозношения и мирского блеска, нежели нашего духовного благоустройства». Император послал архонтов (так как Патриарх не хотел посылать), и они отправились в храм и вместе с епископами папы измерили веревкой расстояние от германского трона — и на таком же расстоянии напротив него установили трон нашего императора. Затем, оставив небольшое расстояние, они установили патриарший трон, а после него — скимподы для местоблюстителей.

41. Затем составили грамоту провозглашения согласно тому, как хотели латиняне, т. е. с именем папы во главе. Грамота возвещала, что в присутствии тишайшего императора греков вместе с Патриархом и всей Восточной церковью, в Ферраре собрался Вселенский собор, и уже начали состязаться о различии учения. Но и другую грамоту составили Патриарх и император вместе с папой и кардиналами, в которой отдельно сообщалось, что с этого времени и на протяжении четырех месяцев после созыва [Собора] не будет никаких споров о вере. [Это было сделано], чтобы, как кажется, отправить послов к королям и государям, и чтобы от них пришли на Собор представители. А в этом промежутке пусть встречаются некоторые из участников Собора и обсуждают незначительные различия. Так, о тронах спорили и приходили к общему решению, как было сказано выше, более двадцати дней.

42. Когда наши прибыли в Феррару, император заботился о том, как мы, все греки, будем иметь наше пропитание, согласно содержанию

декрета. Люди папы сказали, что они будут ежедневно поставлять определенное количество хлеба, вина, мяса и рыбы. Император этого не пожелал, сказав, что это неудобно и непривычно для отдохновения архонтов и знатных людей. Но пусть они выдадут содержание по числу людей, чтобы каждый кормился, как хочет, вместе со своими людьми и слугами. Они же хотели выдавать не содержание, а ежедневную пищу, по соглашению, какое у них было с маркизом в том случае, если бы Собор был устроен в Ферраре. Маркиз согласился ради греков предоставить папе безвозмездно жилища, ложа и определенное количество пропитания, сколько — я не знаю. На этих условиях папа устроил там Собор. Маркиз увеличил коммеркий¹ вдвое против обычного и получил огромную прибыль, поскольку собралось более пяти тысяч иностранцев. Так же и торговцы удвоили цены на все продаваемые товары.

Итак, маркиз устроил всем нам жилища, но ложа только для тех, кто находился в патриаршем доме. Мы же, остальные, поневоле легли на земле на твердом полу. Если, опечаленные этим, мы что-либо говорили людям папы, то мы не слышали ничего другого, кроме *Ἀντὶ τῆς πίστεως*², т. е.: «Имейте терпение!» Этими словами они исцеляли наше лежание на голой земле. Так, люди папы захотели, чтобы маркиз предоставил и пищу, как они договорились. Но поскольку император совершенно этим не убедился, то они договорились дать дукаты. Установили давать по четыре дуката в месяц позванным и лично присутствующим при императоре и Патриархе, а помощникам и подручным — по три. Императору ежемесячно предоставляли 30 флоринов, Патриарху — 25, деспоту — 20. Латиняне назвали это прибавкой.

Это было решено в начале нашего пребывания в Ферраре, разве что о самом даянии они забыли. Венецианцы давали деньги легко и доброжелательно. А сейчас в Ферраре, по прошествии полутора месяцев после [последнего] даяния в Венеции, мы просили, но они ничего не хотели нам дать, прежде чем наши убедятся и последуют их мне-

¹ Коммеркий — совокупность государственных торговых пошлин, налогов на оборот и продажу товаров.

² *Лат.* Habeas patientiam!

ниям относительно кафедр и провозглашения Собора. Но когда сошлись на том, чего те хотели и к чему стремились, тогда они 2 апреля дали людям нашей Церкви на месячное пропитание 691 флорин.

43. Из-за нерасположения Патриарха провозглашение [Собора] было передвинуто на 9 апреля. Между этими днями император и Патриарх обдумывали, как расположить местоблюстителей. Прибывшие вместе с Антиохом грамоты давали [митрополиту] Ираклийскому и другому лицу местоблюстительство Александрийской кафедры, [митрополиту] Росии вместе с духовником Григорием — местоблюстительство Антиохийской, [митрополитам] Эфеса и Сард — Иерусалимской. Кир Иоанн Хрисокефал, будучи назначен со стороны императора, и я, со стороны Патриарха, передали эти грамоты указанным [людям]. Мы убедили их как указаниями пославших, так и своими словами, так что они приняли места и взяли грамоты еще до отбытия из Константинополя. В Ферраре были обнаружены другие грамоты (как я думаю — сомнительные, хотя вроде бы подлинные и подписанные Патриархами), в которых заменялись местоблюстителями. Итак, собрав грамоты, которые мы раньше раздали местоблюстителям, и другие, император вместе с Патриархом их внимательно изучили и выбрали из них три, в которых местоблюстителями Александрийской кафедры значились [митрополит] Ираклийский и духовник кир Григорий, Антиохийской — [митрополиты] Эфеса и Росии, Иерусалимской — один Сардский [митрополит]. Заверив грамоты, они направили их указанным людям через [митрополита] Тырновского, великого хартофилака и меня. С нами присутствовал кир Мануил Вуллот, посланный со стороны императора.

44. Итак, мы пришли к [митрополиту] Ираклийскому и передали ему слова императора и Патриарха, а также многое и от себя. Но мы не нашли его убежденным, хотя в Константинополе он убедился сразу. Из-за этого мы долго с ним спорили. Он сказал: «Я не хочу быть ничьим местоблюстителем, но предпочитаю сидеть просто как (митрополит) Ираклийский». Итак, мы вместе и каждый по отдельности должны были просить и умолять его принять местоблюстительство,

говоря, что, не достигнув цели, мы не уйдем оттуда. Наконец, после многих слов и по прошествии бесконечного времени он с трудом и против воли принял грамоту.

Видели мы и духовника и сообщили ему указания и распоряжения императора и Патриарха. Он ответил, что и раньше знал, а теперь и слышит об этом. Итак, он подумает и сделает то, что ему кажется подходящим. Позже, впрочем, он принял это.

Затем мы пришли к [митрополиту] Эфесскому и передали ему слова от императора и Патриарха о местоблюстительстве Антиохийской кафедры, однако нашли его совершенно нежелающим это принимать. Мы принялись уговаривать его просьбами и словами убеждения. Он возражал и скорбел, говоря, что «когда я был иеромонахом, меня сделали местоблюстителем [Александрийского] Патриарха, а сейчас, когда я [митрополит] Эфеса, меня понижают до Антиохии. Поэтому я не принимаю сего, а буду сидеть на Соборе просто как [митрополит] Эфесский». Мы много говорили и советовали ему, что не стоит ему возражать против этого, ведь это не свойственно его добродетели и духовному устройению, и что Патриархи еще не знали о том, что он рукоположен во Эфесского [митрополита], но писали ему еще как иеромонаху. Но мы совершенно не убедили его. Тогда, вознегодовав, я сказал, что «в Константинополе ты принял место Иерусалимского [местоблюстителя], будучи [митрополитом] Эфесским, и я передал тебе грамоту вместе с Хрисокефалом. А сейчас ты не хочешь принять местоблюстительство Антиохии?» Он ответил, что «и то я не принял. Но вы, оставив грамоту, ушли. Номофилак же ее сохранили и принес сюда». «Неудобно сейчас, — сказал я, — этому противоречить». Вновь мы стали обольщать его достойными словами и многочисленными советами, поскольку он уже умигнулся от прежних слов, и мы не оставили ему никакой возможности для бегства. Тогда он с трудом согласился и принял грамоту.

После него мы пришли к [митрополиту] Сардскому. По приказанию императора и Патриарха он сразу согласился и принял грамоту. Все это мы едва успели сделать в Вербное воскресенье от полудня до вечера. Монеувасийский [митрополит] был в печали, ведь когда убе-

дили его отказаться от Трапезундского трона и принять другое место, он искал получить это, но до того времени не давали ему, и по этой причине дали ему место [митрополита] Анкирского.

45. Здесь я хочу рассказать и о положении нашего чина. Первые архонты Великой Церкви, ставрофоры, которых называют экзокатакелами, принимали участие и в заседаниях, синодальных или личных, и в обсуждениях и собраниях, чтобы всегда быть близко к Патриарху. И подобно тому как пять чувств не отделяются от человека, так и эти пятеро никогда не отделяются от Патриарха. По этой причине они сидели перед епископами и избирались председательствовать на синоде, разве что они сидели на табуретках, а одни лишь архиереи сидели на сиденьях, похожих на троны, в особенности митрополиты. Когда в Ферраре сходились архиереи и мы у Патриарха, то мы хотели, чтобы наше положение сохранялось, но так не произошло. Мы второй раз представили это Патриарху, но он не ответил. Мы многократно говорили об этом, но он так и не давал нам никакого ответа, сознательно, как я думаю, делая это и отдаляя нас от себя. Мы спрашивали об этом и когда готовились кафедры на Соборе, но и тогда Патриарх не сказал о нас подобающего слова. Так, мы по необходимости садились, где случится. Во время речей, возражений и состязаний (ведь рядом с императором и Патриархом говорили и возражали) мы всегда оказывались, по меньшей мере, на пять, десять или тринадцать рядов дальше. Поэтому мы молчали и поневоле не могли кричать голосом Стентора¹ и возражать или же соглашаться с находившимися настолько далеко. Разве когда спрашивали о нашем мнении, мы высказывали его быстро, да и то было редко. Впрочем, они и это прекратили совершенно, не принимая [наше мнение], как дальше покажет рассказ. Так, наше редкое слово было совершенно праздным, так что по многим соображениям мы на самих себя накладывали молчание.

46. Патриарх попросил у папы большой храм в одном из монастырей, чтобы там совершать праздники. Большинству из нас это не по-

¹ Стентор — греческий воин, участник Троянской войны. Мог кричать так громко, как кричат одновременно 50 человек. Погиб, состязаясь в крике с Гермесом.

казалось хорошим делом, а более всего — духовнику кир Георгию. Он весьма возмущался и порицал такое дело, и отстранялся от принимающих его, как от совершающих раньше времени единство с латинянами. Среди многих других вещей, показывавших, что он не принимает мнения латинян, он перед лицом Патриарха, архиереев и всех нас говорил, что «когда я вхожу в латинский храм, то не поклоняюсь никому из тамошних святых, поскольку не признаю их. Одного Христа признаю, но и Ему не поклоняюсь, поскольку не знаю, как подписано. Но я творю [знамение] креста моего и поклоняюсь. Итак, кресту, который я творю, ему поклоняюсь, но ничему другому из всего, что там вижу». Такое вот расположение к латинским делам он показывал нам сначала и весьма оплакивал наше к ним прибытие.

47. Вот таким он был. Папа же ответил на просьбу Патриарха, что «то зависит не от меня, но от епископа Феррары. Пусть к нему будет вопрос». Епископ был извещен и ответил, что «в величайших храмах не одни только монахи, но и архонты собираются, и множество народа. Так что в праздники ни монахи не могут отказаться от своей литургии и псалмопений или служить где-то еще, ни внешние не могут быть октавлены без церкви и лишиться привычных для них богослужений. А из небольших храмов ни один им не подойдет и не понравится, поскольку мал. Поэтому я не могу дать Патриарху храм». Когда Патриарх вновь заикнулся о храме, то люди папы сказали, что «поскольку в декрете не написано, чтобы дать вам храм (мы ведь не говорили об этом), то мы и не дадим».

48. Папа настаивал на том, чтобы совершить открытие [Собора]. Поскольку Патриарх был болен и не смог прийти на Собор, — не знаю, из-за болезни или же он был поднят на воображаемое небо, — он написал архиереям поощрительное письмо, и они отправились в храм Св. Георгия. Впереди шли местоблюстители и присутствовали церковные архонты. Председательствовал папа в окружении своих людей, как и было установлено. С другой стороны находился император, местоблюстители и архиереи. Справа от императора — деспот, архонты сената и октавные. Все сидели сообразно своему чину. Из латинских еписко-

пов поднялся на амвон [епископ] Портогальский и прочел по-латыни грамоту провозглашения. Из наших — [митрополит] Митилинский, и прочел ее по-гречески (она была написана на двух языках). Так было совершено провозглашение [Собора] в Великую среду, 9 апреля.

49. Тогда же установленный порядок мест архиереев произвел большой соблазн для некоторых из них. [Митрополит] Эфеса был опечален, видя, что духовнику кир Григорию было дано место Александрийского [Патриарха], и он сидел впереди него, будучи архимандритом. Он не вынес этого и отказался от места Антиохийского [Патриарха], которое принял. Духовник, узнав об этом, сел не на табурет, но внизу, и также сел [митрополит] Эфесский, как [местоблюститель] Антиохийского [Патриарха]. Кроме того, соблазнился и духовник, что из-за него без причины опечалился [митрополит] Эфесский. И, вероятно, чтобы избежать соблазна, он больше не садился перед [митрополитом] Эфесским, но садился, где придется, и будто бы нес тяжкое бремя. Казалось, что он смиряется и не думает о месте. Так из-за этой ложной и никчемной причины произошло разделение среди наших, о чем речь будет через некоторое время.

[Митрополит] Кизика после праздничных дней Пасхи вышел из дома без мантии и, пересекая площадь и улицы Феррары, так вошел во дворец и искал быть представленным императору. За ним следовали два монаха и держали архиерейскую мантию. Архонты, увидев его и решив, что такая одежда недостойна его, просили его надеть мантию. Он же говорил: «Я не хочу больше быть архиереем, так как Монеувасийский [митрополит] оказался впереди меня. Я хочу увидеть императора и оставить здесь свою мантию». Архонты сказали ему, что «ты не можешь увидеть императора. Он в гневе, и даже мы не видели его». Но тот обещал, что не уйдет из дворца, пока не увидит его. Архонты вознегодовали, и после многих просьб, уговоров, советов и обещаний, что с их помощью император окажет ему подобающую заботу, они позднее и с трудом устыдили его. И он ушел домой, впрочем, без мантии.

Такое вот вступление к готовящемуся объединению предоставило нам провозглашение Вселенского собора. Ведь вместо того чтобы поло-

жить начало единства с теми, с кем мы были в разногласии, это для нас самих оказалось началом разделений и раздоров.

Часть V

В которой [говорится] о том, как [митрополит] Эфесский написал папе, и с каким негодованием воспринял это Патриарх; о состоянии дискуссий по поводу чистилища; о том, как эмир готовился напасть на Город, и папа ничего не сделал для помощи Городу, хотя его многократно просили; и о том, что произошло по ходу дискуссий о чистилище

Воспоминание пятое

1. Итак, когда все это, как сказано выше, было совершено, папа сразу же приказал переписать грамоту провозглашения [Собора] и послать ее ко всем латинским народам, что и было сделано. Послом во Францию он отправил епископа Критского Фантино¹ — одного из его советников и ближайших к нему людей, с тем, чтобы, как казалось, позвать и приготовить к прибытию оттуда посольство, подходящее и соответствующее такому Вселенскому собору.

Патриарх, видя, что [митрополит] Сардский заболел к смерти, стал просить храм, чтобы похоронить его в нем, или же кого другого, если случится [кому] умереть. После многих его просьб с трудом выделили

¹ Фантино Валларессо (1392–1443). Венецианец. Латинский архиепископ Крита. В 30-е гг. XV в. от имени папы выполнял несколько дипломатических миссий во Франции.

ему маленький храм, названный в честь св. Юлиана¹. Когда митрополит скончался, то, воспев над ним внутри храма все, что подобает, похоронили его снаружи напротив стены храма. Было это 24 апреля. Мы совершили над ним одну заупокойную службу, но не служили в нем [т. е. в храме] литургию. [Незадолго до этого], когда наши, занятые лечением [митрополита] Кизического, увидели, что [митрополит] Сардский при смерти, то они сказали ему, и он своей грамотой передал местоблестительство, каковое имел, Монеувасийскому [митрополиту], поскольку и это содержалось в грамотах Патриархов. Когда это было сделано и тот принял грамоту, упокоился и [митрополит] Кизический.

2. Папа предложил, чтобы было назначено несколько человек, которые встречались бы с людьми папы и обсуждали некоторые второстепенные различия, согласно существовавшему письменному соглашению. Император и Патриарх выслушали это, словно между делом. Через несколько дней было сообщено об этом вновь. Наши на словах согласились это сделать, а на деле забыли.

3. По ходу этих дней Патриарх сказал всем нам, что «если они как-нибудь будут звать вас на трапезу — не ходите». Так, Юлиан позвал великого хартофилака и меня, и мы отклонили это предложение насколько возможно любезно. Перед нами звал он и [митрополита] Никейского, мудреца Гемиста [Плифона] и Амируци. Во время ужина нашим предлагали философские вопросы, и они находили для них подходящие решения. Затем он позвал на пир [митрополита] Эфесского вместе с его братом — номофилаком и [митрополитом] Митилинским. Итак, эти двое склонили [митрополита] Эфесского и, взяв его, пришли к Юлиану. Согласно их обычаю, они [т. е. латиняне] стали мудро беседовать с ним через переводчика. Затем в качестве совета Юлиан предложил ему написать что-нибудь папе, восхваляя его за труды и на-

¹ Церковь *San Giuliano* находится на улице *S. Maria di Bocche (del Vissco)*. Возможно, что предпочтение именно этой церкви как места погребения было связано с тем, что в том районе с давних пор находилась греческая колония.

чало объединения, которое тот положил, а затем стал просить и побуждать его, чтобы и дальше он подвизался совершать это единство. [Митрополит] Эфесский, хотя и не был настроен писать, но убежденный просьбой Юлиана и побуждением со стороны Митилинского [митрополита] сказал, что «все же мне это кажется излишним (почему я и не настроен это делать), но если вам это представляется полезным, то я напишу и отправлю это тебе, — сказал он Юлиану. — И если это понравится твоему преосвященству, то пусть будет послано папе».

Итак, он написал папе в форме энкомия, восхваляя его заботу о созыве Собора, убеждая и советуя ему еще больше потрудиться, чтобы привести это благое единство к доброму и богоугодному завершению. В этом энкомии среди других благочестивых и мудрых предложений содержалось и то, что папа может легко совершить единство, если захочет, и без труда сможет достигнуть этого через величие, начало и власть, которую он имеет в своей Церкви, через послушание и подчинение, которыми обязаны ему все латинские народы, как преемнику св. Петра. Ведь если он захочет изъять прибавление из св. Символа, прекратить мертвую жертву на опресноках, то сразу совершится объединение, и будет оно одобрено всеми. Итак, папа может это сделать и всех христиан соединить в одной Церкви¹.

4. Написав и завершив [текст] таким образом, он послал его Юлиану. Тот принял его, словно сеть, и отправил императору. Император воспринял это как нечто ужасное и спросил Патриарха: «Откуда наши имеют наглость говорить и делать, что хотят? И кто дал им эту власть? Почему ты за ними не смотришь и не сдерживаешь их? Мы пока еще не решили предложить латинянам ничего подобающего, и когда мы еще ничего не сказали, почему [митрополит] Эфесский написал то, что написал?» Император выбрал находившихся в то время рядом с ним архиереев и посоветовал им ничего не говорить латинянам, а против [митрополита] Эфесского он захотел созвать синод и подвести

¹ Имеется в виду текст известного приветствия Марка Эфесского к папе в самом начале Ферраро-Флорентийского собора.

его под суд и осуждение. Но некоторые помешали ему, и больше всех [митрополит] Никейский, который сказал императору: «Не стоит и не подобает говорить об этом на синоде. Ведь что противоречит тому, что написал [митрополит] Эфесский? Он выразил собственное мнение, поэтому синод открыто тебе противостоянет». Так император оставил это дело.

5. Папа вновь предупредил, чтобы собрались, согласно договоренности, и рассмотрели незначительные различия. Поскольку от императора он слышал одни лишь обещания (ведь всё восходило к нему), а дело не двигалось, то решил и он слегка пренебречь договоренностью. Так, когда закончился провиант, и попросили другой, латиняне сказали: «Как папа выдаст вам провиант, когда вы сидите празднично и не делаете ничего из того, о чем мы договорились?» Тогда император спросил кардиналов, каким образом они хотят исполнить то, о чем идет речь. Было решено назначить из них десять человек и из наших десять, чтобы они встречались трижды в неделю в храме монастыря Св. Андрея и исследовали различия.

6. Затем император призвал Патриарха, архиереев и архонтов-ставрофоров, и мы встретились в присутствии советников сената. Он сказал, что «папа часто просил, чтобы некоторые из наших встречались с латинянами и рассматривали вместе с ними некоторые вопросы. По большей части папа делает это не столько ради пользы дела, сколько ради слухов, дабы они были возведены в Василее и повсюду о том, что Вселенский собор собрался и работает, и чтобы папа имел от этого успех, а собор в Василее — урон. Подобаает и нам это сделать, как раньше мы об этом договорились. Так, пусть будет выбрано из нас десять человек, поскольку и от них будет десять на этих встречах». Итак, выбрали [архиереев] Эфеса, Монебвасии, Никеи, Лакедемона и Анхиала, великого хартофилака, великого епископа, игуменов [монастырей] Пантократора и Калеи и из святогорцев иеромонаха кир Моисея. Император определил и из архонтов кир Мануила Ягрия и...¹, чтобы они собира-

¹ В тексте лакуна.

лись вместе с нами, разве что сидели в отдельном месте как слушатели и вроде бы как наши защитники. Император решил, чтобы [только митрополиты] Эфесский и Никейский говорили латинянам, что будет нужно, и никто другой. Когда мы услышим, что они нуждаются в нашем совете, то мы должны выходить и отдельно совещаться, и что мы постановим, то один из них пусть это и скажет. Только чтобы мы не говорили ни о чем, касающемся учения, а после окончания дискуссий чтобы мы приходили к императору и рассказывали ему то, что было сказано на каждой встрече.

7. Итак, был установлен день, когда мы пришли и сели по отдельности в скевофилаксии упомянутого храма. Секретарем был ответственный за церемонии¹, а переводчиком — кир Николай Секундин. С их стороны было два кардинала — Юлиан и Фирман². Вместе с ними — Андрей Родосский, учитель двора Иоанн Испанец³ и еще шесть человек. Они к нам обратились дружелюбно, и мы к ним со своей стороны так же. Затем они поднялись со скамей и приклонили колени по их обычаю, достаточное время помолились, взирая на восток и тихо шепча. Тогда мы тоже сошли с кафедр, оперлись локтями о скамьи и помолились, тихо прочитав подобающие псалмы. Затем сели и латиняне, и мы. Юлиан начал говорить вводное слово и убеждать, что дело объединения является божественным, необыкновенным и пожеланным, и что все должны с усердием способствовать ему, насколько кто может. «Ради этого, — обратился он к нам, — и вы презрели труды [преодоления] больших расстояний, морских опасностей и прочих ваших попечений. Мы тоже, со своей стороны, позаботились, чтобы вы смогли прийти для совершения этого божественного дела. Поэтому нужно с обеих сторон приложить к этому всякое стара-

¹ Имя неизвестно.

² Доменико Карпаника (1400–1458). Кардинал, епископ Фирманский с 1425 г.

³ Иоанн Торквемада (1388–1468). Дядя Великого Инквизитора Фомы Торквемады. Доминиканец, кардинал с 1439 г., епископ с 1440 г.

ние. Мы слышали, что еще будучи в Константинополе вы встречались с тамошними мудрецами и учеными людьми и с рассуждением нашли некую середину, через которую полагаете объединиться с нами. Итак, мы хотим, чтобы вы и нам сказали об этой середине, которую вы нашли для единства»¹.

Такого рода вещи Юлиан говорил весьма долго и разумно, со знанием и ораторским искусством. [Митрополит] Эфесский на это ответил: «То, что мы прибыли сюда, презрев труды и опасности ради совершения божественного дела единства, если оно будет угодно Богу, это очевидно. И мы тоже готовы явить ради Бога возможную заботу и труд, поскольку ради этого мы и пришли. Впрочем, на эти встречи мы договорились собираться лишь ради некоторых вопросов, слушать и говорить о них, но не говорить об учении, в котором мы от вас отличаемся, так как это было решено исследовать по прошествии установленного времени. Поэтому если есть у вас какие-либо иные вопросы, скажите, и мы ответим. Средин же мы никакой не нашли, но когда мы устроим собеседование об учении, то возможно, что из этих собеседований найдется некая середина, за которой последует единство».

8. Так ответил [митрополит] Эфесский. Дойдя до этой части слова, я свидетельствую тем, кому случится знать, что я на подготовительных встречах и во время подготовки дел, как и на других [встречах], по возможности точно, и часто дословно, передаю в то время сказанное и сделанное, и считаю самым полезным ничего не прибавлять к сказанному и сделанному тогда, и ничего не опускать. Что касается собеседований, то невозможно изложить их подробно, поскольку речи говоривших весьма простирались по длине, но я, касаясь их в главном, отправлю к [соборным] деяниям желающих знать сказан-

¹ В речи кардинала Юлиана есть фразы, очень похожие на цитаты из Флорентийского ороса: он, следовательно, стал впоследствии одним из его авторов. Интересны акценты (не то же ли будет у католиков и в XX в.?): все должны стараться ради единства, а также поиск «середины» для объединения.

ное на них подробно. Но основное желающие пусть ищут в этом [сочинении], поскольку в [моих] воспоминаниях о чистилище они в точности найдут то, что было сказано с обеих сторон. Пусть настоящее слово идет согласно положенной изначально цели.

9. Юлиан снова ответил на слова [митрополита] Эфесского. Первым делом он похвалил его, что тот разумно отвечал. Затем сказал, что «отныне нужно нам говорить об учении и не видеть препятствия в задержке, но разбирать и исследовать вопросы, создающие различия, говорить о них и разбираться. После промедления, когда соберутся те, кто должен прийти, пусть они выслушают приготовленные нами слова и легко перейдут к решению. И это весьма соотносится, — сказал он, — со словами [митрополита] Эфесского, ведь по ходу этих дискуссий будет найдена середина, как он сказал об этом, и [сказал] весьма хорошо, и с его целью согласен и я. Поэтому не следует из-за промедления удерживаться от дискуссий». Так он много распространялся об этом, взяв некоторые отправные точки из слов [митрополита] Эфесского и держась за понятие о середине.

10. Услышав слова Юлиана, талантливо и легко произнесенные с ораторским искусством, мы вышли, чтобы отдельно посоветоваться и решить, какой должно дать ответ на то, что мы услышали. Мы сказали [митрополиту] Эфесскому в качестве совета и просьбы, что «поскольку ты давал первый ответ, то пусть сейчас даст этот наш второй ответ [митрополит] Никейский, и это будет дружелюбно и с честью». Так мы возложили ответ на него. По правде говоря, нам казалось, что первый ответ [митрополита] Эфесского не имеет изящества в словах или мысли и недостаточно соответствует [по своим ораторским достоинствам] словам Юлиана. Поэтому мы и попросили отвечать [митрополита] Никейского.

11. Когда мы вошли и сели, [митрополит] Никейский начал [говорить]. Первым делом он восхвалил Юлиана за то, что он наилучшим и риторичнейшим образом составил и разделил свои первые и вторые слова. Затем он подытожил ответ [митрополита] Эфесского на слова Юлиана и на каждую главу дал благородный ответ. Он не только от-

ветил на вторые слова Юлиана, но по ходу вспомнил и первые слова, дал на них ответ и исправил то, что показалось слабым [в аргументации митрополита] Эфесского, укрепил это и отсек то, из чего Юлиан мог извлечь в них добычу. Среди многих других замечательных умозаключений сказал и это: «У нас нет никакой другой середины, кроме истины. Но поскольку у нас есть истина, то она будет у нас в качестве середины, а в другой мы и не нуждаемся, поскольку никогда не сможем найти середины лучшей, чем истина». И не только на вторые слова Юлиана, но и почти на все предыдущие он дал благородный, умный и развернутый ответ.

Сразу после ответа [митрополита] Никейского Юлиан вместе со своими людьми вышел, и они советовались достаточное время. Затем они пришли и сели. Юлиан сказал, что они хорошо приняли слово Никейского [митрополита] и хвалили его за то, что тот умно и рассудительно ответил. Высказав ему множество похвал, он на этом остановился, обещая на следующей встрече высказать то, что они думают. С этим мы ушли восвояси и, отужинав, пришли к императору и подробно пересказали ему то, что было сказано на встрече: как они продвинулись и как [те] настаивают на собеседовании об учении. [Император] одобрил ход бесед, но повелел, чтобы и мы на все давали ответ, что бы те ни спросили, но никоим образом не об учении.

12. Тогда некоторые из нас увиделись с [митрополитом] Эфесским и отчасти дружески бранили его, отчасти просили и побуждали его [сказать] разумно и изящно то, что подобает. Сказали ему, что «если бы были сейчас среди живых учитель кир Иосиф или священник кир Макарий Макр, то они сочли бы за благодеяние Божие им самим, если бы в их дни произошел этот Собор, так что они могли бы явить подвиг и ревность, которую имели к благочестивым догматам нашей Церкви, а также знание и силу, приобретенные от риторического образования. Можно сказать, что нынешние события похожи на те, о которых сказано в божественных Евангелиях, что «многие пророки и цари хотели увидеть, что вы видите, и не увидели, и услышать, что вы слышите, и не услышали» [Ср.: Лк. 10, 24]. Итак, если тебе послано от

Бога такое дело, то нельзя отвечать случайно, просто и без рассуждения, но (следует делать это) с ученостью и благородством, как премудрый. И ты сможешь это [сделать] хорошо, по благодати Божией. Так что постарайся, чтобы показать благородство, которое ты имеешь в отношении наших благочестивых догматов, и ученость, которую ты приобрел с помощью Божией от твоего усердия и заботы. И пусть тебе это будет в честь и воздаяние и во славу нашей Церкви. Обретешь ты и воздаяние от Бога, и благодарность от всех нас». На это он ответил, что давно уже отказался от красоты слов и возлюбил говорить просто, как монах. Да и сам предмет, как он сказал, не требует такого образа слов, но благородного и полемического по содержанию своему и по форме. Поэтому и ему нужно, [сказали мы], насколько он может, над этим стараться, так как от него зависит вся борьба, и если не сейчас он применит всю присущую ему мудрость и ученость, то где еще он их использует? Такие слова были обращены к [митрополиту] Эфесскому.

13. Мы сошлись на второй встрече, и вновь начал Юлиан и множеством слов убеждал, что надо говорить об учении, и уговаривал нас собеседовать об этом. [Митрополит] Эфесский ответил на другие слова кардинала разумно и благороднее, чем прежде. Затем сказал и о том, что касается учения: «Как мы говорили на прошлой встрече, так и сейчас утверждаем, что, поскольку было решено и письменно дали согласие, блаженнейший папа, святой император и святейший наш Патриарх, чтобы в течение четырех месяцев никоим образом не говорить об учении, как это в точности знает твое преосвященство, то не подобает и было бы несправедливо презреть то, о чем согласились много более достойные, нежели мы, и говорить о всеобщем вопросе, притом что мы в небольшом количестве и собрались ради некоторых второстепенных попросов, и назначены, чтобы о них слушать и говорить. Так что не подобает нам на этих встречах говорить об учении, поскольку это есть основное различие между нами, и нужно, чтобы в собеседованиях об этом все присутствовали». Этими и многими другими прекрасными словами [митрополит] Эфесский отверг собеседование об учении.

14. Но Юлиан не убедился этими словами, но вновь многими речами просил и принуждал собеседовать об учении. Среди прочего он сказал и то, что «соглашение не возбраняет всякое собеседование об учении. Есть ведь много способов, ведущих к исполнению цели бесед, и запрещен лишь наиболее всеобщий путь, ведущий, так сказать, прямо к разрешению [вопроса]. Остальные же пути оставлены невозбранными. В качестве примера — множество путей ведут к одной и той же гостинице. Запретили тот, что ведет к ней напрямик, но другие, ведущие к ней в обход и через холмы, не запретили. Поэтому мы должны упражняться и говорить относительно учения, сохраняя неповрежденным упомянутое соглашение». На это [митрополит] Эфесский сказал, что «поскольку многочисленны способы и пути, ведущие, как утверждает твое преосвященство, к разрешению, но разрешение неизбежно будет касаться различия, которое мы имеем в отношении учения, а соглашение говорит, чтобы мы никоим образом не говорили об учении. Таким образом, и другие пути, которые ты назвал, запрещены по причине соглашения, и нельзя нам говорить согласно тому способу, который ты предложил».

Итак, началось большое давление с их стороны, чтобы говорить об учении, а с нашей — чтобы не говорить о нем. На этом собрание было распушено. После ужина мы вновь пришли к императору и передали ему то, что говорилось на этой встрече, и аргументы, посредством которых они принуждают нас собеседовать об учении. Удивился этому император, как они поступают вопреки тому, о чем договорились. Нам он сказал, что «вы никоим образом не идите на такую беседу. А те придут ко мне, и я скажу им, чтобы они более не принуждали вас к этому, но оставили то, что касается веры, и перешли к другим вопросам».

15. Мы собрались на третью встречу, и Юлиан вначале сказал, что «когда люди отличаются друг от друга в отношении некоторых вещей, живут далеко и не касаются причин их различия, тогда каждая из разнящихся частей считает сама в себе, что велико различие между ними. Когда же они встречаются и исследуют то, чем они отличаются, то часто обнаруживают, что мало и невелико то разли-

чие, которое они считали большим. Это, мне кажется, произошло и с нами. Ведь при случившемся большом разделении из-за дальности мест, из-за прошествия большого числа лет и того, что мы давно не приходили из своих стран для обсуждения, и различие кажется большим. Но теперь, поскольку вы с помощью Божией пришли сюда, если мы обратимся к обсуждению и рассмотрению вещей, соблазвивших и приведших к разделению, то считаю, что небольшим окажется разделившее нас различие и легко исцелимым, если Бог управит. Поэтому нам следует и даже необходимо говорить и исследовать то, что касается различий. Итак, я считаю, что четыре вещи создают между нами различие: первое — то, что касается исхождения Святого Духа, второе — опресночной и квасной жертвы, третье — очистительного огня и четвертое — власти папы. Есть и некоторые другие различия, однако эти являются основными и самыми серьезными. Итак, о чем из них вы хотите говорить?»

16. Юлиан говорил подробно и с изысканным подбором слов, а затем попросил у нас ответа, который и дал [митрополит] Эфесский. Первым делом он похвалил его за то, что он замечательно сказал и хорошо устроил то, что хотел. Относительно же четырех глав [т. е. спорных вопросов] сказал, что «мы сейчас услышали это и нам надо о них подумать. Разве что о первой главе мы и сейчас говорим, что об этом твое преосвященство спрашивало и на прошлых двух встречах, и мы не согласились говорить об этом. И сейчас мы совершенно отказываемся от собеседования об этом, оставляя это на потом. В отношении остальных трех глав мы посовещаемся, доложим это остальным нашим и сделаем то, что покажется благом всеобщему собранию». С этим мы отправились домой.

Затем мы пришли к императору и передали ему сказанное. Все ведь зависело от его мнения и воли, и без желания и приказания императора ничего не совершалось из церковных дел. Поэтому и в данном деле он один принимал решение, тогда как Патриарх мало заботился о церковных вопросах. Итак, император определил: «В отношении исхождения Святого Духа мы часто говорили, чтобы ничего об этом

не говорилось, пока не соберется всеобщий Собор. Так и подобает постановить об этом. Но и в отношении опресноков и квасного (ведь здесь тоже различие кажется большим), и об этом не позволяйте устроить обсуждение. А что касается чистилища и власти папы, то пусть они [т. е. латиняне] скажут, что они предпочитают из этих двух. И вы, выслушав, ответьте: что возможно — сразу, а остальное — по рассмотрении».

17. Итак, мы собрались на четвертую встречу, и сказал [митрополит] Эфесский: «На предыдущей встрече вы предложили нам, честные отцы, четыре главы, чтобы мы выбрали из них ту, о которой будем разговаривать. По вашей просьбе мы рассмотрели эти и говорим, что пусть первая глава остается на окончательное рассмотрение Собора, которое с помощью Божией произойдет, как мы и раньше часто говорили вам об этом. Так же и с опресноком и квасным, поскольку различие в этом велико, нужно оставить и этот вопрос для Вселенского собора. А то, что касается двух других глав, то это мы оставляем на ваше усмотрение, чтобы говорить о том, что выберете вы. Итак, скажите, что вы предпочитаете».

18. Услышав это, они вышли и немного посовещались. Затем они вошли, и Юлиан сказал: «Согласно вашей воле, из двух оставленных на наше рассмотрение глав сначала нужно было бы нам сказать о власти папы. Но все же показалось нам лучше сначала сказать об очистительном огне, чтобы и нам как-то очиститься, беседуя о нем. Итак, пусть дискуссия будет об огне». [Митрополит] Эфесский ответил: «Пусть будет так, как вы решили. Но сначала скажите нам, откуда ваша Церковь имеет предание о нем, с какого времени она это приняла и исповедует и какое имеет об этом учение. Таким образом мы продвинемся дальше». Так это было решено, и мы разошлись.

По ходу этих слов [мы] просили деньги на пропитание, но они не были даны. Хотя мы и просили усердно, ради необходимости людей, но ничего дано не было, пока мы не дошли вот до этого момента обсуждения. Но когда мы до этого дошли, 12 мая было дано содержание второго месяца — 689 флоринов.

19. По ходу дела стали часто долетать ужасные слухи о том, что эмир готовится к походу против Города¹. Венецианцам писали с Эноса, из Митилен и с Хиоса, с Крита, Эврипа и отовсюду, что эмир готовит 150 кораблей и 150 тысяч войска и отправляется против Города². Венецианцы послали эти сообщения к императору и Патриарху. Затем и из Города пришли письма с тем же содержанием, призывающие императора и Патриарха скорее позаботиться о серьезной помощи. Услышав это, наши восскорбели, потеряли надежду на жизнь, стали изывать к Богу и просить о помощи, умолять с воплем и плачем, ища защиты от такой опасности. Чего только ни говорили императору и Патриарху! К кому ни зывали позаботиться о помощи Городу! Император многое сказал об этом кардиналам и передал через них папе, что «поскольку есть у нас в декрете соглашение о том, что пока мы пребываем в Италии, то если возникнет нужда в Константинополе, то вы пошлете корабли на помощь ему. Сейчас есть великая потребность и необходимость. Итак, пусть приготовит папа четыре галеры, или по меньшей мере три, чтобы они отправились на помощь Городу». Это же Патриарх сказал кардиналам и епископам. Когда же они дважды и трижды сказали это кардиналам и ничего не достигли, то послали к папе Филантропина, Дисипата и великого хартофилака просить, по крайней мере, две галеры. Они отправились к папе и сказали ему обо всем этом. С тех пор указанные люди не переставали день за днем появляться у папы и с великой мольбой просить его об упомянутой помощи.

20. За этими делами прошло около месяца. Мы тяготились таким промедлением и обращались к тем из них, кого считали друзьями.

¹ Имеются в виду донесения о приговлении султана Мурада к осаде Константинополя. До Венеции слухи дошли 1 мая 1438 г. вместе с галерой, пришедшей с Крита.

² Вероятно, цифры завышенные. По сообщению Франческо Филельфо французскому королю Карлу VII в марте 1451 г., султан тогда не был в состоянии выставить даже 60 тыс. вооруженных воинов.

Когда некоторые из нас просили фра Амвросия, то услышали от него: «Не скорбите, но постарайтесь сначала, чтобы совершилось единство, и тогда мы направим многочисленные корабли в великую помощь Константинополю». Кто-то сказал ему: «Чем нам поспособствует тогда великая помощь, если сейчас падет Город и будут взяты неверными в плен жены и дети наши, а все священное и имущество всех нас, находящихся здесь и пребывающих там, станет их достоянием и добычей?» Амвросий ответил: «Но тогда мы истребим и уничтожим неверных. И похитив их имущество, мы найдем ваших жен и детей и имущество и вернем каждому его с приумножением». Такую амброзию предлагал Городу Амвросий и так утешил своих скорбящих друзей.

21. Пока папу умоляли о помощи Городу, некоторые из наших сказали, что если будет среди архиереев сбор, то они все готовы, чтобы каждый дал по своим возможностям. Когда услышал это император, то сразу пошел к Патриарху, собрал нас всех и держал речь о совместном взносе, предварив ее тем, что он сам даст денег, чтобы приготовили и отправили его собственную галеру, так как он знает, что и папа отправит галеры. Поэтому нужно, чтобы и состоятельные дали сейчас на помощь родине. Первые из архиереев сказали, что «если бы мы сейчас были в Константинополе, то мы представили бы все по силе или даже сверх силы. Но поскольку мы находимся в чужой земле и не знаем точно, что с нами случится, то если некоторые из нас что и имеют, то надо, чтобы мы удержали это из-за неизвестного конца и времени нужды на чужбине. Но из-за случившейся нужды дадим и мы некую часть».

Так, четверо из них сказали, что дадут по 50 иперпиров каждый. [Митрополит] Никейский сказал, что «Иаков служил Лавану семь лет, и дал ему Лаван дочь и свои стада. Я служил старцу моему трижды по семь лет, и дал он мне 40 флоринов. 28 [из них] я потратил на плавание и пропитание на корабле, когда по приказу твоей святой царственности я возвращался с Пелопоннеса в Константинополь. Там я истратил оставшееся и не имею [даже] дуката. У меня есть три кубка, и из них я даю два». Сказал и следующий после него: «У меня нет

ни дуката, но вот у меня две мантии, и я даю одну». Когда услышал это император, то оставил это дело, поняв, что с пустыми надеждами он это затеял, а ведь он надеялся, что с архиереев будет собрана цена почти что одной галеры.

22. Тем не менее, упоминавшиеся архонты не переставали появляться перед папой и искать помощи. Даже сам император по причине этой необходимости пришел к папе и своими словами просил его о помощи Городу, добавив, что «если Город останется в своем чине, то я приму и единение Церквей. А если что другое случится с ним, то я сильно подумаю, быть этому или нет». Так, после месяца просьб и уговоров папа едва согласился послать две галеры и распорядился отправить их в Венецию и снарядить их там. Приближенные папы сказали, что «Блаженнейший Отец распорядился о помощи Городу, но кто знает, дадут ли венецианцы галеры? Они ведь деловые люди и имеют множество дел на Западе и на Востоке. Они наверняка будут бояться дать галеры, чтобы, когда эмир узнает об этом, они не подвигли его против самих себя и не получили от него большой вред». Папа все же отправил посла в Венецию, а император отправил вместе с ним Дисипата и Ягаря, дав им залог, чтобы они его ссудили и вооружили императорскую галеру.

23. Так они отправились вместе в Венецию и попросили галеры. Венецианцы отложили ответ относительно этого до тех пор, пока они посоветуются, а [пока что] дали им жилище для отдыха. Послы папы, оставшись, встретились с дожем отдельно и сказали ему, что «папа хочет, чтобы вы дали ему счет за галеры». Дождь ответил: «Если папа надеется получить от нас прибыль, то пусть будет ему сказано, что мы не дадим ему ни одного флорина». Когда услышал это посланник папы, то тайно покинул Венецию и отправился восвояси. А когда Дисипат и Ягарь после ужина стали искать посланника, то не нашли. Поскольку на следующий день они искали его и не нашли (узнали только, что он оттуда ушел), то написали об этом императору, а император сообщил папе. Папа сказал, что «там есть мой посол, и он делает то, что я ему указал». Император написал указанным архонтам, что «папа говорит,

что его посол на месте. Итак, потрудитесь и найдите его». Они опять много искали и не нашли, и вновь написали императору, что «здесь ни того посла, ни какого другого человека папы не находится». Император вновь сообщил папе, что не находится в Венеции его посол. Папа ответил, что есть у него там представитель, который займется о приготовлении галер. Император вновь написал архонтам, и они оставались в Венеции, ожидая увидеть приготовление галер. Когда прошло более сорока дней, и не нашлось никого, кто бы занимался галерами, то по необходимости возвратились архонты, поневоле праздные, в Феррару.

24. Такой оказалась первая помощь Городу со стороны Блаженнейшего, за которую и он сам принял достойное воздаяние. Наш Город был невредимым сохранен Богом, повернувшим в другое направление помыслы эмира и сохранившим Город от вреда, как и всегда он стоит Его помощью. Но два города были захвачены Николо Пичини¹ из тех, которые (относились) к Церкви Блаженнейшего — Болонья и Форли, из-за чего папа оказался в очень затруднительном положении. Говорили, что этот Николо идет против самого папы и Феррары. Из-за этого робость и страх великий напали на нас, боящихся пленения от него, так что большинство из нас отправили в Венецию все, что имели драгоценного и излишнего. Отправил и император большую часть своего имущества. Так же были отправлены святыни Великой Церкви и имущество Патриарха.

25. Слово коснулось этих дел как бы на бегу. Но я счел не праздным, а необходимым об этом напомнить, чтобы стало ясно тем, кто имеет надежды на помощь оттуда, какую мы обрели помощь в той безвыходной ситуации, в то время как там находились император и Патриарх вместе с лучшими людьми Города и все они вместе с мольбой просили о помощи. И это в то время, когда латиняне надеялись

¹ Николо Пичинино (1386–1444). Кондотьер. Служил сначала Флоренции, а после 1425 г. — Миланскому герцогу. В мае им были захвачены в пользу Миланского герцога Болонья, Имола и Форли.

привести наших к их Церкви. А сейчас слово возвращается обратно, чтобы заняться повествованием о Соборе.

26. Итак, после уже упомянутой встречи мы пришли к императору и объявили, что решили говорить о чистилище. «Итак, слушайте, — сказал он, — что они вам об этом говорят, и отвечайте, как подобает». [Митрополит] Эфесский спросил: «Как ты повелеваешь отвечать им — в более полемическом духе и с противодействием, или же по икономии? Ведь нам стоит знать: какой ты хочешь видеть направленность слов?» Император ответил, что «говорите полемически обо всех наших правах». Тогда ответил [митрополит] Никейский: «Я не имею, чего сказать об этом. В отношении учения у меня есть, что сказать, но об этом не знаю, что скажу». Эфесский же [митрополит] сказал: «Но у меня есть, что сказать и об этом».

27. Когда мы сошлись на следующей встрече, начал Юлиан говорить о чистилище и сказал: «Римская церковь издавна и с самого начала приняла и исповедует это учение со времен святых апостолов, приняв его от св. Петра и св. Павла, как будет показано из последующего, но и от учителей Церкви, бывших после них. Она учит об этом своим учением так: после исхода отсюда души умерших, те, которые чисты и от всякой скверны свободны, как души святых, те сразу идут ко вкушению [благ]. Души же тех, кто после крещения впали во грехи, а затем искренне раскаялись и исповедовались, но еще не успели исполнить правила, наложенные на них духовником, ни достаточными плодами покаяния воздать во умиловление за собственные грехи, такие души очищаются через очистительный огонь. Одни — быстрее, другие — медленнее, в зависимости от согрешений, и уже после очищения они отходят ко вкушению [благ]. Души же тех, кто [находился] в смертном грехе или скончались во [грехе] прародительском, сразу идут в мучение. Так, — сказал Юлиан, — учит Римская церковь о чистилище». Он изложил это подробно и разумно, со вступлением и доказательствами. В конце он добавил: «То, что я сказал до настоящего времени, сказал как преддверие слов и введение, а остальное скажет учитель Священного дворца (им был Иоанн Испанец). Он

скажет и представит их хорошо и со знанием, согласно ему присущему разуму и мудрости, и будет достойным участником этого состязания. Я же не в состоянии это делать». И [с этими словами] он закончил говорить.

28. [Митрополит] Эфесский ответил на это то, что подобает, и добавил ради большей икономии, сказав дружественно: «Хорошо сказало твое преосвященство, что когда одни имеют отличия от других и не общаются, то большим кажется между ними различие. Когда же они встречаются для бесед и каждая сторона внимательно слушает, что говорит другая, то часто оказывается небольшой между ними разница. Это, мне кажется, произошло и в данном случае: мы иначе слышали, что учит о чистилище ваша Церковь, а сейчас по-другому слышали об этом. Из рассказа твоего преосвященства я нахожу, что невелико различие между нами в этом вопросе, и надеюсь, что и оно будет исправлено, если Бог захочет. Итак, скажите об этом, как вам угодно». Упомянутый Иоанн начал и сказал об этом немного. [Митрополит] Эфесский перенес [свой] ответ на это на другую встречу, так что мы встали и разошлись.

29. В условленный день мы вновь сошлись, и [митрополит] Эфесский произнес на сказанное Иоанном замечательную ответную речь, составляя сказанное от Божественного Писания и свидетельств святых учителей Церкви. Так мы сходились и дальше, и было достаточно дискуссий между [митрополитом] Эфесским и Иоанном. Желющие знать найдут их в записях [деяний Собора] о чистилище. До определенного времени Никейский [митрополит] отчасти помогал в прениях [митрополиту] Эфесскому, пусть и вяло, и можно было видеть слово Писания, говорящее: «Братья, помогающие друг другу, подобны укрепленному городу». После нескольких собеседований латиняне пожелали письменно соединить то, что они хотели, и дали [нам в письменном виде] слово, содержащее их учение о чистилище. Получив [слово], мы его посмотрели, отнесли императору и прочитали перед ним. Он определил: «Есть необходимость, чтобы и вы написали. И в самом деле напишите». Сказал он это, обращаясь к [митрополиту] Эфесско-

му. «Если ты повелеваешь, — ответил тот, — то мы напишем. Но я не хочу, чтобы если случайно напишет и еще кто-то, то было бы дано его слово, а мое было бы оставлено. И я оказался бы трудившимся тщетно». На это император ответил, что «будет дано твое, а не другое».

30. Сочли правильным, чтобы некоторые из нас пришли к [митрополиту] Эфесскому, и он бы писал будущий [текст] при нашем присутствии, слушании и, если понадобится, помощи. Так сошлись [митрополит] Никейский, великий епископ, духовник кир Григорий и, в качестве секретаря, ответственный за священные церемонии. [Митрополит] Никейский начал говорить просто, но распространялся больше, чем следует. Затем слово принял духовник, [но] и он потщеславился распространяться за пределы должного. Один за другим принимали слово и состязались друг с другом в сотрясении воздуха пустыми словами, не имеющими никакого отношения к предстоящему делу. В промежутке и попросил оставить слова и перейти к написанию, но они не уклонились от своих избыточных слов. Когда значительная часть дня уже прошла за [этими] пустыми словами, сказал [митрополит] Эфесский, что «таким способом мы не сможем ничего написать, но я один, оставшись вместе с секретарем, напишу. А вы потом это посмотрите и исправите, если что будет нуждаться в исправлении». С этим мы и вышли.

Написал [митрополит] Эфесский, написал и [митрополит] Никейский по внушению духовника. И восхвалил духовник сочинение [митрополита] Никейского, и подвиг императора, чтобы дать латинянам его сочинение как более дружелюбное по форме и искусное. По приказу императора принесли ему и прочитали оба сочинения в присутствии избранных лиц. Сказал он [митрополиту] Эфесскому: «Хорошо твое сочинение, и есть в нем множество сильных глав. Но есть и такие, которые дадут латинянам повод для возражения. Такова история со св. Макарием, как он спросил сухой череп, и тот [ему] ответил. Ведь на это у тебя нет безусловного свидетельства, подтверждающего его, поэтому оно будет ими опровергнуто, так же как и некоторые другие главы. Поэтому лучше исключить легкоуловимое и добавить более надежное, пусть и в меньшем числе, нежели тщеславиться множеством глав и

приводить аргументы, притом что некоторые из них будут легки для опровержения, тогда как отвечающий, берясь за опровержение, будет выбирать слабые стороны, а не сильные. И если он опровергнет из аргументов два или три, то многим покажется (а скорее, будет и объявлено), что он все опроверг. Поэтому такое лучше устранить».

Это император сказал [митрополиту] Эфесскому. Никейскому [митрополиту] он сказал, что «и твое слово имеет свои недостатки. Ведь сразу во введении ты говоришь: “О, мужи латиняне”. А это не принято, так как нужно было сказать благообразнее: “Честные отцы” — или иное достойное и приятное для слуха. Есть и другое, нуждающееся в исправлении». В заключение он сказал, что «введение и деление текста лучше у Никейского [митрополита], тогда как аргументы, композиция и примеры сильнее у [митрополита] Эфесского. Так, мне представляется лучшим, — сказал он, — если вы возьмете вступление [митрополита] Никейского и выберете из его текста еще и другое, что окажется полезным. Вместе с тем, возьмете большую и лучшую часть из сочинения [митрополита] Эфесского, и таким образом составите произведение, которое нужно преподнести». Итак, он назначил [митрополитов] Эфесского и Никейского, мудреца Гемиста [Плифона], который некогда был их учителем, и Амируци, чтобы они собрались вместе, выбрали и составили текст, что они и сделали.

31. Из-за этого начался конфликт между [митрополитами] Эфесским и Никейским. Предшествовал ему конфликт между духовником и [митрополитом] Эфесским из-за местоблюстительства [восточных] Патриархов. Конфликт духовника раздул и расширил конфликт [митрополита] Никейского и приготовил его возрасти к худшему. Казалось, что духовник ни словом не упоминает местоблюстительства Александрийского Патриарха, уступает [митрополиту] Эфесскому и чтит его. На самом деле, он действовал подковерно и втайне копал против него, всегда возражая его словам. Когда он слышал слова [митрополита] Эфесского, которые тот сказал Юлиану, просто чтобы сделать ему приятное: «Согласно изложению твоего преосвященства, незначительным мне кажется различие между нами в вопросе о чистилище, и я надеюсь,

что оно будет исправлено, если благоволит Бог», то он [т. е. духовник] сказал: «Небольшой считает [митрополит] Эфесский разницу в вопросе о чистилище? Но она велика, и как он говорит о ее исправлении? Нам необходимо узнать, как он об этом говорит». С подобными словами он юродствовал в присутствии многих. В другой раз [митрополит] Эфесский был вовлечен в дискуссию и показывал, что различие велико и представлял свидетельства святых, через которые становилось ясно, что это учение противно учению нашей Церкви. [Митрополит] Эфесский от всех был прославляем, и все изумлялись, как благочестиво и наилучшим образом он ведет дискуссию. [Но] духовник, переменив мнение, сказал: «Что же это такое предлагает [митрополит] Эфесский? Это вовсе не так, и, дескать, хорошо то учение, которое латиняне имеют о чистилище. И не стыдится он это говорить? Хотите, я опровергну с помощью речений святых то, что он говорит?» — и он достал из-за пазухи, разве чтобы можно было ее увидеть, тетрадку и сказал: «Вот цитаты, противоречащие тем, которые привел [митрополит] Эфесский». Он ничего не зачитал и никому не дал эту тетрадь, однако еще раз показал, что и он радеет и горячо выступает за веру и нашу Церковь. Но еще и вначале, когда мы [только] прибыли в Феррару, и после восьми дней пребывания здесь, когда мы узнали, что номофилак, брат [митрополита] Эфесского, ходил во дворец к папе, [духовник] сказал: «Что означает посещение номофилаком папского дома? Какую он выполняет работу? Надо нам узнать, зачем он туда ходил. Ведь вот, [митрополит] Эфесский собирается на себя взять всю борьбу, а нам надо быть внимательными к тому, что делает его брат». Подобные вещи он говорил все время, выступая против [митрополита] Эфесского и восхваляя Никейского [митрополита], побуждая их к разномыслию.

32. Мы собрались вместе, прочитали латинянам и передали составленное слово. Они же опять написали другое, на которое [митрополит] Эфесский написал опровержение, а вместе с ним передал и другие свои слова об этом учении, которые все оказались необходимыми и наилучшими. Так прошло несколько встреч в этих собраниях, представлении им наших текстов и получении их ответов. По ходу этого

[митрополита] Эфесского попросили сказать и изложить мнение, которое наша Церковь имеет по поводу отошедших отсюда [т. е. из того мира]. Однако он не сказал этого, имея запрещение на это со стороны императора. Но чем больше латиняне видели его противодействие и нежелание открыть учение нашей Церкви об этом, тем больше они принуждали и просили изложить его, и, отыскивая причину, говорили: «Всякий каноник какой бы то ни было Церкви, будучи спрошен о том, какое учение имеет его Церковь по любому предлагаемому вопросу, сразу должен высказать его ясно и без сомнения. Тебя же не дважды и не трижды, но многократно и многими словами мы просили написать или сказать, что учит ваша Церковь по этому вопросу. Ты же совершенно не хотел ответить. Мы же недоумеваем, каково препятствие, из-за которого ты оказываешь такое противодействие». [Митрополит] Эфесский, что касается его самого, был как лидиец на равнине, но он, словно некой уздой, был связан повелением императора и досадовал.

33. [Митрополит] Никейский, не поддерживая такого противодействия и уклонения от слова, и к тому же не желая соглашаться с [митрополитом] Эфесским, сказал: «Что касается меня, то я имею возможность высказать свое собственное мнение. Итак, я говорю и считаю, что души святых восприяли подобающие им блага, а грешников — наказания. Остается лишь, чтобы они восприяли и тела, с которыми прожили в этой жизни. Праведники и тогда будут пребывать во вкушении [благ], а грешники вместе с телами — в наказании. И это будет во втором пришествии Христовом». Сказав это, он немного подожд и [затем] удалился со стороны, где был [митрополит] Эфесский, и сел на отдельном месте, где сидели и упоминавшиеся архонты сената.

34. Испанец Иоанн в полемическом духе разговаривал с [митрополитом] Эфесским, и от обсуждавшейся темы перешел к другой и предложил проблемы, никак не соответствовавшие имевшейся цели. Тогда он среди прочего спросил: «Где и как летают ангелы?» — и: «Огонь, который, по твоим словам, примут грешники, скажи нам, из какого вещества он будет возжжен, и как он будет жечь посылаемых в него?» На

эти вопросы Ягарь, возмущившись, ответил, что «узнает это спрашивающий, когда там [сам] окажется». Андрей Родосский ответил [ему] на это, что «ты сказал это не как благородный архонт. Не подобало тебе давать такой ответ». Все это Иоанн говорил скорее в качестве провокации, нежели для размышления. Он был велик во внешней мудрости и искусен в споре, находчив и способен умом, и ловок в использовании слов. Мы изумлялись, как [митрополит] Эфесский сразу находил решения с помощью свидетельств Писания, не зная заранее, что собиравшись предложить Иоанн. Кроме двух или трех проблем, на все остальное он дал [исчерпывающие] ответы и достаточные решения.

35. После всех этих многочисленных разговоров мы едва вышли, и все были удручены разномыслием, которое явил [митрополит] Никейский: он не только не захотел поддержать [митрополита] Эфесского хоть краткими словами, но и, оставив кафедру, ушел с гордой головой. Я же скорбел больше других, словно чувствуя, что из этого произойдет гибельное зло. Я знал, что на исправление этого нужно и мне самому обратиться, и других подвигнуть. Побудив к этому и [митрополита] Лакедемона, мы пришли к Патриарху и сообщили ему, что «[митрополит] Никейский несколько дней назад оказался плохо расположен к [митрополиту] Эфесскому, не заступаясь за него и не подавая ему ни малейшей помощи. А сейчас он показал это более явным образом, браня сквозь зубы то, что говорит [митрополит] Эфесский. Он не только не сохранил согласия с [митрополитом] Эфесским сам по себе и не последовал императорскому предписанию, но, высказав свое собственное мнение, как было ему угодно, одного [митрополита] Эфесского оставил бороться ради одобрения императора. Итак, мы видим, что произошло большое разделение из-за [митрополита] Никейского и боимся, как бы не возросло это к худшему и не привело к великой гибели. Ведь что может быть хуже, бесчестнее и мучительнее, чем наше здесь разделение? Какая последует за этим катастрофа? Поэтому нам показалось благом открыть происшедшее твоей великой святости, чтобы ты повелел — и они пришли сюда, и словами отеческого увещания, а вместе с тем

и поучения, ты удержал бы их от разномыслия, примирил и объединил бы их. Так и мы просим, чтобы твоя великая святость постаралась ради их примирения и согласия, ведь если она пренебрежет этим сейчас, то потом будет труднее».

36. Выслушав это, Патриарх посмотрел на нас и сказал, что «более страшным кажется мне то, что вы пришли и сказали мне это, нежели само происшедшее там. Ведь о сказанном там никто бы не узнал, поскольку это произошло частным образом. А то, что вы мне это сейчас возвестили, будет услышано и другими, а расширившись, услышано будет и латинянами, и будет нам это в стыд и осуждение. Итак, было бы лучше, если бы вы об этом деле умолчали». На это мы сказали, что «тебе мы сообщили это наедине, а другим ничего не будет нами сказано. Но что касается латинян, то они это узнали и на словах, и на деле. Ведь [митрополит] Никейский не просто словами сказал то, что хотел, вслух всех собравшихся, но и, встав со своей кафедры, сел вместе с архонтами сената, оставив [митрополита] Эфесского состязаться на арене. Так он сам объявил собравшимся о своем разномыслии. Что же мы сделали ужасного, если известное всем мы принесли твоей великой святости? И кому другому было бы уместнее возвестить это? Поэтому я возвестил прежде всего твоей великой святости и императору, что подготовка к беседам не проходит благополучно. Итак, повели, чтобы собирались и рассуждали вместе если и не все, то, по крайней мере, избранные, так как из-за этого произошло разделение. Но прежде всего мы молим, чтобы было попечение о мире и согласии между ними». И ответил Патриарх: «Я хочу, чтобы о происшедшем не стало известно. Я сказал то, что сказал. Но сделаю так, как вы мне говорите: соберу их, объясню им и примирю».

Это он сказал нам, но что касается их, то им не последовало ни слова, ни дела, но были они с тех пор разделены. По видимости они встречались и говорили, а на самом деле были разделены совершенно.

37. В отношении дискуссий многие говорили императору, что «латиняне многократно хотели узнать то учение, которое наша Церковь имеет об обсуждаемой проблеме. Несправедливо и неприлично, что

наши не объясняют его. Нужно, чтобы твоя святая царственность поделила, и они бы получили, что ищут». Он, наконец, позволил это, и [митрополит] Эфесский составил ответ в своих трех упомянутых выше словах, и это было передано латинянам.

Пропитание истощилось, но и после частых просьб они не давали его. Когда по их просьбе было предоставлено учение нашей Церкви об обсуждаемом вопросе, тогда было дано и пропитание за третий месяц — 30 июня, 689 флоринов.

38. Мы вновь сошлись с нашими собеседниками. Латиняне старались обосновать свое учение, и Андрей Родосский приводил множество аргументов в его защиту. К подтверждению своих слов он привлек и Григория Нисского, присоединив к этому и Василия Великого, сказав, что «поскольку он был братом Нисскому, а Нисский всегда то, что писал, сначала показывал брату и только потом это публиковал, то очевидно, что и [написанное] об очистительном огне он издал с ведома своего брата. Таким образом, получается, что это учение разделял и Василий Великий». Привлек он и апостольское речение о том, что «у кого дело сгорит, тот потерпит урон; впрочем, сам спасется, но так, как бы из огня» [1 Кор. 3, 15]. Он это превратно интерпретировал, привлекая к обоснованию очистительного огня. Об этом с обеих сторон были многочисленные речи на различных встречах.

Затем [епископ] Родосский после многих других тем перешел к вопросу о сущности и энергиях. Он спрашивал учение об этом нашей Церкви и побуждал [митрополита] Эфесского к ответу. Он изложил и собственное учение, сказав: «Наша Римская церковь учит, что триипостасный Бог, Отец, Сын и Дух Святой, обитает в достойных к принятию Ему. Итак, скажите и вы, какое учение имеете об этом». Изначально было провозглашено и предписано императором, что если будет вопрос об этом, то никоим образом никому на это не отвечать¹. Поэтому и

¹ Имеется в виду предварительный запрет императора (может быть, еще в Константинополе) на обсуждение вопроса о Божественных энергиях. Паламитское учение тогда отрицательно воспринималось латинской

сказал [митрополит] Эфесский, что «мы с легкостью могли бы ответить на то, о чем ты спрашиваешь. Но мы еще не собрались для того, чтобы говорить об этом, поэтому я сейчас не буду отвечать. Когда же и нашим покажется благовременным говорить об этом, тогда мы скажем, как нас управит Бог». На этом собрание было распущено.

39. Когда мы вновь рассказали об этом императору, то он снова предписал строжайшим образом, чтобы никто никоим образом не отвечал на это. На этом прекратились собеседования о чистилище: ведь мы больше не собирались, но так и не было сделано об этом вопросе никакого заключения. Поэтому и нам здесь стоит прекратить об этом слово и перейти к другому, сообразно тамошним делам и переездам.

Часть VI

В которой [говорится] о стеснениях в Ферраре и промедлении, о приготовлении к соборным собеседованиям и о том, как эти собеседования происходили.

О деятельности и образе действий духовника

Воспоминание шестое

1. Есть обычай в латинских областях и городах, соблюдаемый строго, чтобы не позволять кому-либо выходить или переходить из одной области или города в другую без разрешения и буллы тамошних властей. Это соблюдается всеми, от первых до последних, включая даже

стороной, а также могло иметь своих противников в византийской делегации среди латинофилов. Возникает вопрос: как Церковь могла согласиться с таким запретом, ведь вопрос о Божественных энергиях был решен еще на Константинопольских соборах середины XIV в.?

т. н. «пилигримов». Без буллы невозможно совершить никакого путешествия. Когда мы все собрались в Ферраре, император сообщил архонту города, маркизу, чтобы он повелел выдающим эту буллу людям, дабы они не давали ее никому из греков, если не увидят прежде императорской буллы. Маркиз сделал так, согласно пожеланию императора. Император приставил к этому делу Ягаря, которого имел там в качестве второго месадзона, чтобы если кто захочет выйти и куда-то еще отправиться, то приходил бы и говорил это Ягарю. Тот бы исследовал, куда и ради чего он идет, и сообщал это императору. Император, если захочет, давал бы повеление, и Ягарь выдавал бы буллу. А если нет, то чтобы он препятствовал. Это было выполнено со всем тщанием, и в этом мы увидели наше первое ограничение, хотя в будущем появятся и другие. Итак, мы сидели, страдая не только от имевшегося и предстоящего нам зла, но и от лишения свободы, так как были заключены, подобно рабам¹.

2. Так прошло месяца три и больше. Все изнемогали от бед пребывания на чужбине, стесненности в делах и недостатке пропитания. Наслушались и страхов от Николо Пичини. Трое [наших] клириков, будучи вынуждены [уехать отсюда] (ведь изобретательна и догадлива необходимость), нашли способ и, получив буллу, прибыли в Венецию. Когда Патриарх узнал об этом, то тяжело это воспринял и сразу написал венецианскому дожу. Тот нашел их и отправил обратно к Патриарху. Патриарх их бранил, являл великий гнев и страшно угрожал. Они же сказали ему открыто, что «мы больше не можем здесь страдать и не остаемся добровольно, не выносим лишения нас свободы и не несем оков рабства. Мы уйдем, а ты поступай, как хочешь». Через несколько дней они вышли и отправились в Константинополь. Патриарх же написал сакеллию, чтобы он отнесся к ним как к лишенным сана. Если же они пренебрегут лишением, то чтобы повелел слу-

¹ Эта приверженность императора к «визовому режиму» объяснима, учитывая его многочисленные попытки не допустить возвращения домой членов своей делегации до завершения Собора.

жителям выпороть их на земле на площади Милион¹. Так сей духовный муж умел почтить служителей Святого Духа и подобными надеждами утешал страждущих там.

3. Император просил дать ему от папы лошадей для верховой езды его самого и архонтов. По прошествии месяцев трех и после многих просьб он прислал ему одиннадцать лошадок, в которых не было ничего хорошего, никаких лошадиных достоинств. Поскольку ни одна из них не подошла императору, а Гудель как раз только что вернулся из России, император выкупил одну из его лошадей, восходя на которую, он упражнялся в охоте. Остальных лошадей Гуделя купил деспот кир Димитрий². Император нашел один монастырь, отстоящий от города где-то на шесть миль, и поселился в нем с немногими архонтами, воинами и янычарами, оставив большую часть людей в Ферраре³. Там он постоянно предавался охоте, совершенно не обращая внимания на церковные дела.

4. Папа позвал Патриарха провести день вместе с ним. Послал он и лошадей. Патриарх, архонты его клира и некоторые из архиереев прибыли верхом ко двору папы, и беседовали папа и Патриарх с глазу на глаз через переводчика Христофора до обеденного времени. Тогда отвели Патриарха в отдельную комнату и приготовили обед для папы. Кушанья были принесены из хранилища в запертых медных сосудах, а также вино и вода. И даже колодец, из которого набирали воду, и тот был закрыт. Затем приготовили обед и для Патриарха. Поев, он отдохнул в своей келье. Затем угостил и нас в другой комнате за двумя столами, в присутствии важных архонтов и писца, который сидел на возвышении и записывал сосуды, так как все было серебряным, вплоть

до ножей. Некоторые из наших ушли к себе, подозревая отравление. Вслед за послеобеденным сном Патриарх вновь вошел к папе, сидел и разговаривал с ним. К вечеру он вышел и сел в упоминавшейся зале. Нам принесли сушеные сливы и вино, и так мы вернулись вместе с Патриархом восвояси. Что касается испугавшихся [отравления], то они потом пришли сопроводить Патриарха, но сами все равно не захотели коснуться какого-либо фрукта и вовсе ничего не пили.

5. Маркиз, когда увидел безудержность императорской охоты и вред, наносимый имуществу, сообщил через кого-то императору, чтобы охота была более умеренной и чтобы они не причиняли вред собственности людей. Он добавил, что «я из других мест привез сюда большую часть животных, перепелов и фазанов, стремясь, чтобы они населили это место. Поэтому я прошу, чтобы охота была более бережливой». Однако император не позаботился об этом, хотя он всегда находил у маркиза максимальное почтение, заботу и дружелюбие. Когда ему через несколько дней вновь сообщили то же самое, то император лишь с еще большим усердием занялся охотой.

6. Мы же сидели праздно и впустую, бедствуя и негодуя, и испытывая стеснения от недостатка пропитания, так как памяти о его даровании не было ни у кого. Видя, что четырехмесячное промедление [с открытием Собора] подходит к концу, мы стали говорить Патриарху: «Вот, промедление кончается. Итак, нам надо посмотреть и решить, если что нуждается в исправлении для устройства грядущего Собора». Он же ответил: «Еще не кончилось промедление, и нам не нужно ничего говорить». Когда оно кончилось, мы сказали: «Вот, промедление кончилось. Итак, нам больше не надо праздно истощать время на чужбине». Патриарх медлил, говоря в качестве предлога, что «мы не можем ничего делать, пока отсутствует император». Через несколько дней мы вновь приступили к Патриарху и просили, чтобы он сообщил об этом императору, что он и сделал. Император же ответил, что «мы ожидаем послов от королей и властителей, ждем множество епископов и кардиналов. Как мы устроим Собор до их прихода? Мы ведь пришли не для того, чтобы устраивать Вселенский собор с

¹ См.: *Janin R.* Op. cit. P. 103–104. Место находится к северо-западу от Св. Софии.

² Скорее всего, речь идет не о том, что из России привозили лошадей (татарских, например), а о том, что после длительного посольства еще оставались хорошие кони.

³ Расположение этого монастыря неизвестно.

одними феррарцами». Итак, мы по необходимости и против воли остались сидеть.

7. Между тем, страну постигла заразная болезнь, и от бубонной чумы ежедневно многие умирали. Из страха смерти убежало большинство кардиналов и епископов. Так, если ко времени провозглашения Собора было 11 кардиналов и 150 епископов, то когда Собор начался, осталось только 5 кардиналов и 50 епископов. Все наши оставались среди умирающих, но никто не умер и не заболел во время этой смертельной болезни. И это казалось удивительным. В доме же Русского (митрополита), и только в нем, заболела и умерла большая часть русских¹.

8. Латиняне распространяли против нас слухи, будто мы имеем 54 ереси. Записывая это в тетрадах, они предлагали их на продажу на рынках. Услышали об этом и мы, и, сочтя дело серьезным, сказали Патриарху, что «какой же Собор устроят вместе с нами те, которые говорят и пишут, будто мы имеем такие ереси? Какой мы найдем с ними общий язык? Нужно это исследовать». И все мы много говорили об этом Патриарху. В то время были там и Дисипаты, и они пытались успокоить нас, говоря, что «[все] это — дела дурных людей, ведь ни папский синод, ни кто-либо из их значимых людей не говорил против нас ничего такого, но, напротив, они почитают и восхваляют нас. А то, что вы слышали, было сказано дурными и невоспитанными людьми, и нам не следует соблазняться словами дурных людей и расстраивать дела». Но мы возражали, говоря, что «в таком случае, надо исследовать и показать, что дурными являются люди, написавшие это, и что они нуждаются в воспитании со стороны хороших». Но Дисипаты советовали нам оставить это дело, а Патриарх насмешливо отстранял нас. Мы же сказали, что «то, что ими сделано, касается не только нас,

¹ В славянских источниках (например, Русский Аноним) об этом не упоминается. Вероятно, здесь есть преувеличение со стороны Сиропула. Но, судя по его описанию, у византийцев представления о гигиене должны были быть гораздо более высокими, чем у итальянцев и русских.

но всех греков. Но если вы отказываетесь от этого, то по необходимости будем молчать и мы, хотя и не следовало бы».¹

9. По прошествии нескольких дней, мы вновь обратились к этому делу [т. е. о задержке с открытием Собора] и дважды, и трижды просили Патриарха. Через [митрополита] Лакедемона и через меня он передал императору, что «прошло уже много времени, пока мы сидим праздными (ведь прошел месяц и больше после перерыва), а архиереи и все остальные страдают и мучаются. Поэтому, если захочет твоя святая царственность, приди сюда, чтобы нам посовещаться о том, что нам предстоит делать». На это император ответил: «В отношении времени я и сам знаю лучше вас. Но я знаю и то, что еще не подходящее время для проведения Собора. Когда увижу, что время благоприятно, тогда Собор и произойдет. А то, что вы говорите о страдании, это меня удивляет. Ведь сколько уже прошло времени? Ведь еще не два и не три года они здесь находятся. И какие же скорби они здесь претерпевают? И для чего они пришли сюда? Ясно, что для блага родины². Но оно не сразу достигается, а разве что трудом, страданием, да и по прошествии времени. И разве не являются они монахами? Тогда страдать — их дело. А что вы говорите о том, чтобы посовещаться, то совещаться — всегда дело хорошее, но сейчас ничто не торопит, так что пока это излишне. Когда настанет в этом необходимость, то будем совещаться по моей инициативе. Итак, идите и отдыхайте, и когда я увижу, что время подходит, тогда позабочусь о том, как это произойдет. Сейчас мы ждем послов от королей, и еще нужно ждать ради них». Ведь тогда, как казалось, прошло почти пять месяцев с тех пор, как [епископ] Крита отправился во Францию. За несколько дней

¹ Вероятно, речь идет об одном из полемических списков против греков, содержавших перечень «ересей». Кто был распространителем этих памфлетов, неизвестно. Возможно, кто-то из местного городского духовенства.

² *Благо родины...* Неужели в этом цель Вселенского собора, по крайней мере, для императора?

до того пришел человек из Франции, как говорили, к папе, императору и Патриарху, и, буду пользоваться его словами, сказал: «Сделано все, чтобы на Собор пришло посольство, какое не приходило из Франции за последние пятьсот лет. Идет триста лошадей, а я послан возвестить вам об этом». Через несколько дней пришел один критский [епископ], а кони посольства были, видимо, так многочисленны и тяжелы, что не успели прийти ни во время нашего пребывания в Италии, ни после нашего отбытия¹. Вернувшись от императора, мы передали ответы Патриарху. Когда я остался с ним наедине и рассказал все подробно, Патриарх сказал мне: «Видишь, он разве что со смехом берется позаботиться о бедных и несчастных».

10. Итак, проходили дни. Мы страдали от того, что даром уходило время, и отправились к Патриарху. По прошествии нескольких дней он опять сообщил императору через [митрополитов] Эфесского, Молдовлахийского и через меня, что «прошло много времени, и папа сказал мне, чтобы мы не сидели праздными, но продвинулись по направлению к Собору. Все наши страждут и испытывают нужду, поскольку нам не дают никакого пропитания. Поэтому мы просим твою святую царственность, чтобы ты пришел и оказался в дарованном тебе дворце, и мы могли бы посовещаться и заняться церковными делами, ведь ради них мы сюда пришли. Также и папа этого хочет и это советует [тебе]». Император ответил, что «знаю и я время, и оно еще не кажется мне подходящим для Собора. Вы говорите, что наши испытывают стеснения, а думаете вы, что люди с той стороны не стеснены? Я знаю, что многие из их епископов стеснены более, чем наши. И знаю, что один из них продал свой кубок, а другой — мула, который у него был, и с этого они кормятся. Из наших же до настоящего времени никто не продал ни кубка, ни чего-либо другого из своего. Так от какого же

¹ Происхождение слухов о столь многочисленном французском посольстве неясно. Карл VII, склоняясь к позиции Базельского собора, предпочитал оставаться нейтральным и не выказывать предпочтения ни одному из конкурировавших Соборов.

стеснения они страждут? И как это папа передал Патриарху относительно Собора, а мне ничего не сказал об этом? При этом почти ежедневно ко мне приходят кардиналы и епископы, и они сказали бы мне, если бы хотели что сообщить по поводу Собора. Я давал им возможность перейти к этому вопросу, но они совершенно не хотели к этому обращаться. И вот сейчас приходили к нам кардиналы — и ничего не сказали мне об этом. Но я знаю, откуда исходят эти слова, поэтому говорю [вам]: сидите и отдыхайте, и я, когда увижу, что время подходящее, приду и сделаю то, что нужно». Тогда мы обнаружили, что кардиналы находятся у императора, и ждали, пока они выйдут. Затем мы вошли, узнав, что и они говорили императору о Соборе. Придя, мы известили все Патриарху и остались праздны.

11. Затем папа, видя долгое и бессмысленное промедление, обратился к императору и потребовал от него предпринять действия в отношении Собора. Только после просьбы со стороны папы (не знаю даже, сколь многих) император пришел и совещался с Патриархом отдельно, и [затем] ушел. И вновь пришел и встретился наедине с Патриархом, и они договорились послать к папе [митрополитов] Эфесского и Русийского, великого хартофилака и меня, великого экклезиарха, со следующими словами: «Вот, твое Блаженство просит начать этот Вселенский собор и делать то, что предстоит ему исполнить. И мы не отказываемся от этого, поскольку ради того мы и пришли, разве что этот Собор в одних вещах подобен Вселенским соборам, а в других отличается от них. То, что на этом Соборе присутствует твое Блаженство и те, кто вместе с тобой, присутствуют также император, Патриарх, местоблюстители Патриархов Востока и лучшая часть Восточной церкви — в этом Собор по-настоящему и подлинно Вселенский. А то, что на тех Вселенских соборах все были едины и единомысленны, и была лишь небольшая отличающаяся часть, которая обсуждалась и осуждалась многими, а теперь на этом Соборе сами пришедшие и рассуждающие отличаются друг от друга и разделены на две части, то в этом он не похож и разнится с теми Соборами. По этой причине ни течение данного Собора, ни его завершение не должны

быть похожи ни на течение, ни на завершение тех Соборов, но должны иметь соответствующее отличие, поскольку вы многочисленны, пребывая в ваших странах, а мы немноги. Итак, вам надо знать то, что говорим мы, а нам знать то, чего желаете вы».

12. Пока [митрополит] Эфесский говорил это, мы стояли перед папой, сидевшим на высоком троне на возвышении, а ниже сидели кардиналы и епископы, бывшие ему советниками. Затем ввели нас в некую залу, и мы сели, а они совещались достаточное время. Потом нас позвали и поставили [перед папой], как и прежде. Папа дал ответ, сказав: «Я послал корабли, и они прибыли к вам в сентябре, и было достаточно [времени], чтобы вам прийти сюда к 18 ноября или в течение всего того месяца. Вы же пришли в феврале. Я полагал, что после того, как вы сюда пришли, будет достаточно двух месяцев для совершения единства, чтобы на третий месяц вы собрались и отправились к себе. Но вы столько времени сидите праздными и без дела. Мы просили, чтобы вы пришли, и мы бы составили Собор и провели дискуссии, а теперь вы говорите, что этот Собор отличается от Вселенских и нужно внести изменения в процедуру. А какое вы хотите внести отличие, этого мы не знаем. Мы договорились, что будет Вселенский собор, и он должен следовать предшествующим Вселенским соборам, а никакого другого чина мы сейчас не будем для него делать. Итак, идите, и пусть ваши позаботятся о том, чтобы устроить Собор и провести дискуссии». Когда мы, поклонившись, выходили, он [т. е. папа] сказал нам: «Вы находитесь в Италии [уже] семь месяцев и сделали для меня только одну *цетулу*, и я вам об этом напоминаю». *Цетулой* он назвал грамоту назначения дня Собора.

13. Вернувшись, мы сообщили это пославшим нас. Император же вновь предавался охоте. Через несколько дней он опять сообщил Патриарху, что «папа посылает к нам кардиналов, чтобы они передали его слова. Так что я приду туда, пусть соберутся и наши». Итак, император пришел и сел вместе с Патриархом. Собрались архиереи, ставрофоры и игумены, и император повелел: «Люди папы передадут слова, я не знаю, какие. Нужно, чтобы некоторые из нас ответили. Так,

пусть будут избраны отвечающие, чтобы они внимательно слушали и готовились к ответу». Были избраны [митрополиты] Эфесский и Никейский. И сказал Патриарх: «Нужно, чтобы [митрополит] Никейский сел вместе с Эфесским, поскольку они будут отвечать вместе». И тот сразу сел вместе с Эфесским. [Митрополит] России, увидев это, встал со своей скамьи и сел на землю.

14. От папы пришли два кардинала — Юлиан и Фирман — и шесть епископов, среди которых оказался [епископ] Родосский. Юлиан сказал, будто слова папы, об устройении Собора и [о том], что апостолы устроили Собор и передали святой Символ [веры]. Бывшие за ним Вселенские соборы не удовлетворились Апостольским символом, и Первый [Вселенский] собор составил Символ, а Второй [Вселенский собор] его переделал и дополнил. И о последующих Соборах он говорил много с достоинством и ораторским талантом, что сообразно им нужно провести и данный Собор, не медля и не откладывая его. На все слова Юлиана [митрополит] Эфесский дал достойные и достаточные ответы. В отношении Собора апостолов и их Символа он сказал, что «мы не имеем и не знаем Апостольского символа. А Собором апостолов ты называешь то собрание, сойдясь на которое, они определили воздерживаться от идоложертвенного, от удавления и некоторых других вещей? Ведь они встретились, определили, взяли за правило и постановили, а перед ними Дух Святой, как они говорят, чтобы воздерживаться от удавления и прочего. Но только не называется это Собором апостолов»¹.

15. После того как [митрополит] Эфесский дал ответы на все то, что сказал Юлиан, тот начал [вновь]. Первым делом он похвалил [митрополита] Эфесского за то, что тот разумно и мудро отвечал. Затем он разделил его ответ на 18 частей, говоря: «Во-первых, ты сказал это,

¹ Юлиан и Марк Эфесский спорят о терминах, но суть в том, что Юлиан пытался представить т. н. «Апостольский Символ веры», издревле используемый в Римской церкви, как восходящий к Иерусалимскому апостольскому собору середины I в.

во-вторых — это, в-третьих — это». И так дальше до восемнадцати. Потом он добавил собственные ответы, говоря: «В первой части ты сказал вот это, я тебе отвечаю вот это. Затем во второй, которая была вот такой, я отвечаю вот это». И так дальше. Так он давал ответы, на что-то благородные и сильные, но в большинстве гниловатые. О Соборе апостолов и об удавлении он умолчал, а Апостольский символ, сказал он, у них имеется. Все изумлялись его памяти, его разделению на главы и, опять же, порядку этого разделения. Что касается содержания слов, то, сказать по правде, слова [митрополита] Эфесского были сильнее слов Юлиана. На этом собрание было распушено, и мы отправились восвояси.

16. Император постоянно наслаждался охотой. За некоторое время до того номофилак Евгеник просился уехать в Константинополь и получил разрешение императора¹. Также и [митрополит] Ираклийский, видя промедление и праздность, попросил и получил разрешение поехать в Венецию. В один из дней [митрополит] Никейский пришел утром к Патриарху и сказал: «Я узнал, что [митрополит] Ираклийский уехал вместе со всем своим здешним имуществом, также и [митрополит] Эфесский и номофилак. Если они ушли, то Собор уже закончился, поскольку они оба — местоблюстители, и при их отсутствии оставшиеся здесь ничего не смогут сделать. И папа осудит нас с полным правом: он скажет, что мы по собственному желанию распустили Собор и [потому] должны компенсировать все расходы. И будет нам от этого великое зло. Поэтому нужно проявить большую заботу, чтобы догнали с усердием [уехавших] и вернули их. Патриарх сразу послал [людей], и в келье [митрополита] Ираклийского не нашли ни [одного] человека, ни [каких-либо] вещей. В келье [митрополита] Эфесского нашли монаха и немного вещей. Монаха спросили о [митрополите] Эфесском, но он ответил, что не знает, куда тот пошел».

17. Патриарх сразу послал меня к деспоту, чтобы я с чувством рассказал ему о происшедшем и об ожидаемом от этого зле, чтобы попросил коня, догнал и возвратил их. Придя к деспоту, я все ему расска-

зал. Это и ему показалось ужасным, но деспот, впрочем, коня мне не дал. Другого Патриарх послал к императору по этому же делу. Тот отправил верхом Ласкаря и [дал] коня, на которого я сел, и мы спешно отправились во Франкулин. Мы нашли [митрополита] Эфесского на берегу реки, беседующего с номофилаком, и [митрополита] Ираклийского внутри корабля вместе со своими вещами. Мы сразу вошли на корабль и передали [митрополиту] Ираклийскому повеление императора, чтобы он возвратился. Он же не хотел, говоря, что по воле императора идет в Венецию и затем вновь возвратится. Мы же сказали ему, что «то было предшествующее решение, и тогда не было никаких возражений, чтобы ты ушел. Но сегодня император и Патриарх повелевают, чтобы ты возвратился. Просим этого и мы, как друзья, поскольку [сейчас] готовятся к соборным встречам и дискуссиям». Он же много говорил в пользу бегства и о том, что они обманывают нас и не будет Собора, и что для него позор уйти и возвратиться вместе с вещами. Поскольку он не повиновался словам, мы арестовали корабль, и [митрополит] Ираклийский и номофилак по необходимости вернулись. [Митрополит] же Эфесский сказал, что он пошел ради сопровождения брата и [вот, он] возвращается.

Когда наши начальники увидели их неудачу и то, что некоторых нужно насильно удерживать от стремления к бегству, тогда император и Патриарх подумали и посовещались наедине о том, что лучше было бы нас увести в глубь страны, в лучшее и более безопасное закрытое пространство. Потому вместе с папой они тайно обдумывали перемещение [всех нас] во Флоренцию.

18. Прошло немного дней после описанной встречи с Юлианом и остальными, и вновь пришел император к Патриарху, собрал архиереев, нас и игуменов и повелел обсудить, как надо начать и проводить Собор.

Ответили, что начать и провести Собор — дело простое. Будет выдвигаться вопрос, нас разделяющий, и о нем будут говорить речи и ответы [на них], затем последуют дискуссии. Но надо, чтобы после дискуссий появилось общее заключение, и нам следует подумать,

¹ Иоанн Евгеник покинул Феррару 14 сентября 1438 г.

начиная прямо с этого момента, как общее решение может быть достигнуто при сохранении нашей пользы. Необходимо, чтобы все выражали свое мнение на Соборе. Но если нужно будет следовать порядку и обыкновению Соборов, что побеждает мнение большинства, то в скором времени латинской стороной будет собрано, если они захотят, более двухсот человек. В то же время наших — меньше тридцати. Итак, если те полностью согласятся и договорятся [друг с другом], то наши голоса при разномыслии с ними будут вменены ни во что, а их голоса превозмогут, как более многочисленные, и они вынесут решение и осудят наших. По этой причине надо оставлять решение не за большинством голосов.

Когда об этом было высказано множество мнений, было решено, чтобы голоса одной стороны были приравнены к голосам другой, и мнение наших двадцати равнялось мнению их двухсот. Но первым делом нужно было спросить мнения и одобрения этого у латинян. Но на этих совещаниях открылось еще и другое. Некоторые из наших сказали, что «если считать одну сторону равной другой, а затем случится, что один человек или многие из одной части присоединятся к другой (а мы всегда боялись, чтобы с кем-либо из наших этого не случилось), то в таком случае уже не равной, а различной будет сила мнений. Скажет представитель стороны, к которой присоединились [с другой стороны]: «Моя сторона значит столько же, сколько и твоя, но сейчас присоединился ко мне один из твоей части, и твоя сторона уменьшилась, а моя возросла. Поэтому за мной остается победа, и мои мнения превозмогают». Что мы тогда сможем сказать?» Об этом много было сказано, и почти все ощущали себя в затруднении. Император заявил, что «это будет в нашей свободе, чтобы использовать наших людей, как мы захотим. А латиняне — своих, как им будет угодно». Но и это было пустое и неисцеляющее лекарство¹.

¹ Интересно мнение императора: «В нашей свободе использовать наших людей, как мы захотим». Здесь опять речь не идет ни о выявлении истины, ни о каком «изволися Духу Святому...».

Затем обсуждалось, кто пойдет к папе, чтобы сообщить ему и обсудить как следует то, о чем было сказано. Все наши в один голос сказали, что если не будет это хорошо сделано, одобрено и подтверждено ими, то нам вообще не стоит идти на Собор. Император же сказал: «Мне кажется, что если приду к папе я вместе с Патриархом, то мы хорошо это устроим и утвердим, как и подобает». Все это одобрили. Да и кто бы стал возражать, пусть бы и хотел, когда император высказал такое мнение?

19. Этот вопрос исследовался нами и раньше, и мы прозревали из-за него большую опасность. Поэтому и спрашивали всегда друг друга, можно ли найти для него какое-либо решение. Когда услышал это от кого-то мудрый Гемист [Плифон], то сказал: «Двенадцать лет назад я сказал об этом императору. Когда император был на Пелопоннесе, то в одной из своих бесед он сообщил [мне]: “Мы из-за раскола Церквей отправили послов к папе. Предстоит и нам отправиться в Италию и устроить Вселенский собор. Скажи и ты мне, что ты думаешь об этом? Возвести, какую, ты думаешь, мы можем получить пользу от Собора?” Я ответил, что “совершенно не считаю правильным для нас идти в Италию. И не будет нам от этого, как я думаю, пользы. Если Собор произойдет, то все же по размышлении можно найти многое, что следует просить и искать для нашей пользы. И это найдут те, кто будет тогда совещаться об этих делах. Я же вот о чем сейчас думаю: если вы отправитесь туда, то идите совершенно небольшим количеством к ним, пребывающим в большом числе. Ведь если просто и без рассуждения вы пойдете и устроите Собор, то они сделают так, чтобы победило решение большинства, и в итоге вы окажетесь не на Соборе, а на осуждении. Поэтому нужно заранее просить и договориться о том, что побеждает не решение большинства, но что каждая сторона значит столько же, сколько и другая, будь она больше или меньше. В таком случае идите и устраивайте Собор”. Вот это мне сейчас вспомнилось, и я рассказал то, что мне кажется полезным»¹.

¹ Вероятно, это был 1426–1427 г. Гемист Плифон в то время жил и преподавал в Мистре, а Иоанн VIII был занят отвоеванием Морей у венецианцев, так что их встреча на Пелопоннесе вполне могла быть реальной.

Император тогда отметил, что «это и мне кажется верным, и мы позаботимся, как нам это устроить». «А я думал, — сказал Гемист, — что это было сделано до того, как мы покинули Константинополь».

20. Был назначен день, и пришли к папе император вместе с Патриархом и беседовали с ним достаточное время. Был с ними деспот кир Димитрий. На следующий день пришел император и встретился с Патриархом, и они беседовали наедине значительную часть дня. Пришел и деспот вместе с императором, но император его отпустил, и он верхом ждал во дворе, пока те двое советовались. На следующий день Патриарх вновь созвал архиереев, ставрофоров и игуменов с помощью посланных через меня служителей, собравших их ранним утром. Мне Патриарх сказал и то, что «не принимает этого император. Он говорит, что «не должен я советоваться об этих делах с архиереями. Они должны слушать то, что касается Собора, и об этом советоваться. А нынешние дела — исключительно мои, и от меня зависит советоваться о них с теми, с кем хочу. Но у меня нет необходимости советоваться об этом с архиереями». Я ответил, что «как раз архиереи должны знать и совещаться об этих делах, ведь это есть связь между ними и Собором. Ведь если не будет у них об этом знания, то как они будут бороться и преуспевать в делах Собора?» Патриарх сказал, что «поскольку им об этом объявлено, то они придут и услышат о происшедшем».

Итак, пришел император и остальные, как было сказано, ранним утром. Когда все сели, император начал и сказал, что он и Патриарх видели папу и передали ему множество хороших слов, и, в свою очередь, услышали от него дружественные и хорошие слова. И об этом деле они сказали ему то, что было подходящим. В конце он сказал: «Мы всё сделали хорошо, и [не просто хорошо, но] весьма хорошо». На этом он остановился. Когда прошло достаточно времени и он ничего более не сказал, то наши спросили: «Скажи нам подробнее, было ли принято дело, как мы о нем говорили, или не было принято?» Император ответил: «Поскольку мы говорим, что всё сделали хорошо и [даже] очень хорошо, то избыточно выяснять, как мы это сделали. Вот ведь и Патриарх [здесь], и пусть он скажет сам, если желает». Сказал

и Патриарх, что «с Божьей помощью мы всё хорошо сделали, как говорит об этом император, и весьма хорошо сделали то, что решили вместе с вами». Наши вновь спросили: «Скажите нам, как принял это папа, и каково общее заключение?» Император ответил, что «папа принял это хорошо, и мы нашли его в этом деле гораздо лучше, нежели мы надеялись, и хорошо это сделали». Мы же вновь сказали: «Поскольку вы всё сделали хорошо, как это [вам] кажется, то что [вам] мешает, и почему вы не сообщаете о происшедшем более полно?» Император ответил: «Поскольку здесь не присутствуют кардиналы, по этой причине папа не хочет слухов о том, что он что-либо решил в их отсутствие». Сразу мы сказали: «Так если придут кардиналы, то они не одобряют то, что вы, как говорите, хорошо сделали?» Патриарх ответил: «Они говорят нам так, что все, что бы папа ни сделал, они все это одобряют, будто это произошло от Бога. Так примите и вы, что мы хорошо сделали то, о чем вы спрашиваете». Мы же не переставали требовать, чтобы они сказали нам ясно, что же произошло. И император, и Патриарх сказали, что «мы весьма хорошо всё сделали, и сделали всё, что хотели. Должно вам быть уверенными, что мы сделали хорошо».

Духовник сидел рядом с деспотом на земле и тоже просил, вместе с остальными, разъяснения происшедшего. Обернувшись к деспоту, он сказал: «Может быть, твоя царственность скажет нам то, что мы ищем, поскольку и ты был у папы, когда было сделано то, что мы сейчас хотим узнать?» Деспот же ответил: «Не спрашивайте у меня, поскольку я не скажу ничего из того, что вы спрашиваете». Мы же все спрашивали, один за другим, и настаивали, желая ясно узнать то, что произошло. Император же и Патриарх не говорили ничего больше, разве что «мы всё хорошо сделали, ведь как мы можем не заботиться о том, что касается нашей пользы и не печься [об этой пользе] больше, чем вы все?»

После многочисленных слов, вопросов и ответов, Патриарх казал: «Вот смотрите, как же это так? У папы были два владыки, имею в виду императора и Патриарха, и, вернувшись, они говорят: “Мы хорошо

сделали всё, что хотели,” — и этого недостаточно для слушающих, но все исследуют и обо всем любопытствуют?» Духовник, сразу обратившись к деспоту, сказал ему: «И что теперь? Твоя царственность осталась ждать отдельно от владык?» Так за подобными словами прошла шестая часть суток, и многие из старцев досадовали. Вознегодовал более остальных, [митрополит] Монеувасийский сказал: «Избыточно то, о чем мы спрашиваем. Если посол отправляется одним правителем к другому, а вернувшись и будучи спрошен, что он сделал, отвечает, что все хорошо, то это принимается всеми. Сейчас ходили повелитель наш император и господин наш Патриарх, и они говорят, что все сделано хорошо. Разве не подобает и нам это принять и не любопытствовать слишком? Ведь в любом случае они должны были сделать всё хорошо». Присоединились к этому и остальные из простых людей. Таким образом, вопрос был закрыт и собрание распущено.

Желающим остается [только] догадываться, что это было за решение, о котором долгое время совещались наедине император с Патриархом после посещения папы, и думали, как они объявят это всем нам на следующий день. Они же сказали только то, что было многократно повторено: «Мы всё сделали весьма хорошо», — так что даже деспота не хотели иметь свидетелем этого. Ведь совещаясь об этом и готовясь, они оставили его верхом ожидать снаружи, чтобы он раньше нас не узнал, что «мы всё сделали хорошо». А поскольку он был вместе с ними у папы, когда они создавали это «хорошо», то, вроде бы, оно так и было.

21. После этого приготовления к Собору и исследования пошли в гору: кардиналы часто приходили к императору и говорили, и делали все необходимое для устройства и проведения Собора, поскольку они увидели, что Патриарх совсем мало в этом участвует, а все делается через императора и все зависит от его мнения. Император же призвал к себе шесть первых из архиереев, из церковных архонтов — великого хартофилака и меня, великого еkkлeзиарха, двух игуменов — Пантократора и Калеи, также иеромонаха Моисея Святогорца, и вместе с ними — учителя Гемиста [Плифона], учителя Схолария и Амируци.

Когда все собрались во дворце, император сказал: «Надо, чтобы мы с помощью Божией начали соборные встречи. С чего вам кажется правильным начать их? Как я думаю, наш вопрос разделяется на две части: на то, что касается учения, надо, чтобы было исследовано, согласно ли с преданием нашего благочестия то учение, которое имеет Латинская церковь, или же оно ошибочно. И на то, что касается прибавления [к Символу веры], имели ли они право, даже если [это учение и] здраво, присоединять его к Символу. Итак, что из этого, по вашему мнению, нужно исследовать сначала?» Одни говорили, что на первом месте должен быть вопрос прибавления, другие — что учение. Те, которые считали, что сначала нужно исследовать учение, говорили так: «Сначала нужно определить, здраво ли это учение или ошибочное. Ведь если они смогут показать, что учение это здраво, то мы, в таком случае, сможем сказать, что даже если оно здраво, все равно нельзя делать прибавление к Символу. А если они не смогут это показать, то уже тем более нельзя было это делать». Другие говорили, что «мы из-за прибавления отделились от латинян. Поэтому сначала стоит исследовать причину разделения, а затем уже то, что касается учения».

Обе стороны, и сам император, много об этом говорили, и вопрос был исследован, насколько возможно. Затем были опрошены мнения относительно этого. [Митрополит] Эфесский и Плифон сказали, что причина и начало схизмы произошли от добавления к Символу. Здесь и нужно положить начало переговорам. К этой точке зрения присоединилось большинство. [Митрополит] Никейский, учитель Схоларий и Амируци сказали, что сначала нужно исследовать учение. Вместе с ними сказал и я, что «всякое дело идет от причины к следствию. Так, нам сначала надо заняться причиной, к чему относится исследование учения, а затем также и следствием, к которому относится прибавление. Имеем мы и пример этого — св. [Нила] Кавасилу, который после того, как много сказал об учении, затем занялся прибавлением». На этом император подтвердил мнение большинства, поскольку и прежде поддерживал его. Спросил он и мнение деспота, говоря: «Скажи и

ты, братик, какое твое мнение об этом?» «Я не умею рассуждать об этом, — ответил деспот. — Что я скажу о том, в чем не разбираюсь? Но поскольку ты повелеваешь мне что-то сказать, то мне кажется лучшим следовать мнению большинства».

22. Через два дня император пришел к Патриарху. Позвали они и четырех первых архиереев, великого хартофилака и меня, затем духовника и шестерых членов сената. «Кардиналы пришли ко мне, — сказал император, — и мы решили, что будем собираться и заседать трижды в неделю обязательно. Если случится, что Патриарх или император будет болен в установленный день, то не присутствие одного из них не помешает заседанию. Если докладчик будет болен, то пусть его речь возьмет на себя другой из выбранных людей, или пусть речь будет на следующий день. Также если случится праздничный день, то пусть заседание будет на следующий день, но чтобы было три соборных заседания каждую неделю неопустительно. Мы будем собираться утром, и собеседование будет начинаться от половины второго и заканчиваться около шестого часа. Мы на этом сошлись и это установили. Они попросили у нас грамоту об этом, которую мы и написали в подтверждение соглашения. Затем они сказали, чтобы «мы выбрали: либо мы предлагаем вопросы, а они отвечают, либо наоборот. Итак, выберите, что вам кажется более полезным для нас», поскольку они нам доверили выбор.

Наши ответили, что «нам подобает предлагать вопросы, ведь мы некоторым образом обвиняющие, и нам надо спрашивать латинян, ради чего они сделали прибавление, а они должны отвечать. Это нам удобно и по другим причинам». Так было решено, чтобы вопросы предлагали мы. Затем император сказал: «Выберите тех, кто будет говорить». Было выбрано шесть: [митрополиты] Эфесский, Росийский и Никейский, мудрец Гемист [Плифон], великий хартофилак и я. Я же много просил императора и Патриарха, чтобы убрали меня из этого чина, затем и духовника я нашел в качестве союзника и едва смог устраниваться от такого труда. Поэтому вместо меня назначили великого скевофилака. Со стороны латинян назначили избранных [в составе] кардинала Юлиана, Андрея Родосского, епископа Фор-

ли¹, провинциала Иоанна и двух других. А затем император решил, чтобы говорили только двое — [митрополиты] Эфесский и Никейский.

23. Затем показалось правильным, чтобы некоторые пошли к папе и сообщили ему о сделанном. Император определил кир Андроника Ягря и меня, чтобы мы пошли к папе и первым делом сказали ему следующее: «Во-первых, мы готовы к Собору, и пусть будет назначен день, в который вы хотите собраться. Во-вторых, мы хотим задавать вопросы. В-третьих, мы хотим, чтобы соборные заседания проходили в храме епископии, если не все, то, по крайней мере, большая часть, или хотя бы первые три или два, или, по меньшей мере, первое, чтобы мы обязательно постарались провести это в соборе». Итак, мы пришли в курию. Когда к нам подошли кардиналы и спросили, зачем мы пришли, мы им передали то, о чем речь шла выше, и особенно попросили, чтобы заседания проходили в соборе. Они пошли, возвестили это папе, а затем вернулись и сказали нам: «Мы одобряем, что вы будете задавать вопросы, день назначаем — понедельник (это было 6 октября). Заседания же и встречи будут происходить в этом дворце папы». На это мы сказали, что в том храме, в котором произошло провозглашение [об открытии Собора] и о котором повсюду было заявлено, что в нем будет происходить Собор, в нем должно произойти и начало». Они ответили, что в этом нет необходимости. «Но нам это кажется необходимым, — ответили мы, — так как все Вселенские соборы собирались в священных храмах, и этот Собор, будучи Вселенским, должен следовать чину предшествовавших». Ответом их было: «Оставьте это, потому что не будет так, как вы хотите». Мы же вновь принуждали их устроить первые три встречи, или хотя бы две, в соборе. Но они отвечали: «Не сделает этого папа, потому что это не соответствует и несообразно величию и значению папы — идти в собор и проходить через толпы людей с четырьмя или пятью кардиналами и немногими

¹ Лодовико да Пирано. Францисканец, епископ Форли в 1437–1446 гг. В отличие от других, он зачитывал свою речь. См.: *Buggetti B. I Francescani nel concilio di Firenze*. Firenze, 1938. P. 4; *Gill J. The Council of Florence*. Cambridge, 1959. P. 144–145.

епископами». В тот момент там присутствовало около пятидесяти епископов, а собор находился на расстоянии броска камня. И чем больше мы настаивали, чтобы хоть первое заседание прошло в соборе, тем усерднее они отрицали это, говоря, что «и первое, и все остальные [заседания] пройдут во дворце папы».

24. Вплоть до настоящего положения дел советные архонты императора принимали участие, когда император совещался с Патриархом и архиереями. С начала же соборных собеседований император запретил архонтам входить в церковные разбирательства, сказав, что «в церковных делах мне не кажется уместным участие архонтов, чтобы люди Церкви не говорили, будто были принуждаемы архонтами действовать против своей воли. Пусть люди Церкви одни это обсуждают и делают, поскольку это является их делом». Это было сделано для того, чтобы тяжелое бремя искусно переложить на одну Церковь, поскольку сам император всегда присутствовал, и его одного было достаточно вместо всех архонтов. Он сам всех держал, ревностно занимался выступлениями и предметами обсуждений и все влек и готовил по своей воле. Никто не имел свободы говорить то, что хотел, не дерзая противоречить императору.

25. Итак, наступил назначенный день, и они послали лошадей для Патриарха, архиереев и архонтов Церкви, и поэтому мы все отправились верхом во дворец папы. Поскольку весть о Соборе уже разнеслась, туда собралось множество народа, и все части дворца, верхние и нижние, оказались полны людьми. Патриарха вместе со всеми его людьми повели в залу, и мы там сели, пока не пришел император. Он был вне [дворца], в монастыре, откуда мог легко отправляться на охоту. Император прибыл в папский дворец верхом. Люди папы стояли и ждали, что он спешится в начале первого триклиния, где он спешивался в предыдущий раз, когда приходил к папе. Император же хотел проехать первый зал и следующий, непосредственно к нему примыкающий, и келью, а из кельи войти в другой великий триклиний, который папа перегородил решеткой и он имел [теперь] вид храма, и там был алтарь. Рядом с ним император хотел спешиться и сразу сесть в

приготовленный для него трон и так присутствовать на Соборе. Слуги папы увидели, что император хочет проехать внутрь верхом, и благоразумно помешали ему и не позволили проехать дальше. Увидев, что император пренебрегает их уважительным противодействием и побуждает коня идти вперед, они взяли за узду, решительно удержали движение коня и совершенно не позволили продвигаться вперед. Таким образом, император был вынужден спешиться. Его люди повели его в какую-то комнату, и уже оттуда они смотрели через комнаты, в которых не было людей, как они [т. е. слуги папы] поведут его к соборной кафедре. Они вошли в комнату, в которой сидел Патриарх, и попросили его вывести оттуда всех нас, чтобы через нее прошел император. Патриарх же сказал: «Пусть выйдут все лишние, а архиереи и мои архонты не будут выведены». Затем пришел деспот по этому же делу. Патриарх повелел, — и вышли все, кроме архиереев и ставрофоров. И вновь пришел Дермокаит, и затем вновь деспот. Патриарх сказал, что «не подобает мне выгонять ни архиереев, ни ставрофоров». И по необходимости император согласился пройти сквозь нас. Вскоре мы увидели келлиотов Дермокаита и Мануила, держащих его под руки. Казалось, что они поддерживали его, а на самом деле несли, так чтобы он никоим образом не мог ногами коснуться земли и встать. Таким образом, словно бегом, они без всякого почета провели его сквозь нас и ввели в другую комнату, полную людей, затем из нее швели в триклиний, где стояли кафедры, и, словно неся тяжелый груз, воздвигли императора на уготованный ему трон. Затем пришел и Патриарх вместе с архиереями и со всеми нами. Вскоре пришел папа. Предшествовали ему крест, каноники, протонотарии и те, кто держали серебряные жезлы¹, раздвигающие и приводящие в порядок народ, и после всех них — папа. За ним следовали кардиналы, один из которых держал края папской мантии. За ними следовали епископы.

26. Кафедры были поставлены так же, как они были расположены во время провозглашения Собора: с правой стороны сидел папа вместе

¹ τράλας.

с кардиналами и епископами, с левой — император и Патриарх, и далее — местоблюстители, архиереи и ставрофоры, как получалось. В промежутке же между папой и императором было поставлено две скамьи, одна более к восточной стороне, другая — напротив нее — к западной. Они имели достаточную длину для того, чтобы могли усесться шестеро говорящих, имея достаточное расстояние между друг другом, и были они поставлены так, чтобы папа, император и Патриарх могли легко видеть как друг друга, так и каждую сторону из говорящих. Итак, на скамьях сели участники дискуссии: латиняне — на восточной скамье, имея с правой стороны от себя папу, а наши — на западной, справа имея императора. Против них, на полу, [сидели] переводчики и секретари Патриарха и латинян, записывавшие слова говоривших. Весь пол был затянут зеленым войлоком. Выше восточной скамьи с говорящими напротив алтаря было воздвигнуто высокое сиденье, покрытое со всех сторон золотым и красным бархатом. На нем лежала одна подушка, и против него другая лежала прямо на полу, обе из одной и той же ткани. Дойдя досюда, папа преклонял колена, опираясь руками на сиденье, и молился про себя. Затем, встав, отходил и садился на свой трон. Так он делал всякий раз, когда мы собирались на заседание. На алтаре лежало открытым св. Евангелие. Справа от него стояла небольшая серебряная статуя с позолотой, держащая ключи, по образу св. Петра. Слева — другая, подобная ей, держащая поднятый меч, также по образу св. Павла. За ними находились небольшие драгоценные серебряные светильники с позолотой. Три [светильника] находились с одной стороны алтаря, три — с другой. Первые, с каждой стороны, были наиболее высокими, вторые — поменьше, а следующие за ними — самыми низкими. На них были установлены лампы и возжигался свет.

И вот таким образом был устроен зал, вмещавший Собор: сидел император на своем троне, как было сказано (рядом с императором стоял Филантропин, держа меч, по обычаю), за императором — Патриарх, затем — местоблюстители и архиереи. Справа от императора — деспот и с ним архонты на полу. Пол между скамьями был занят сидящи-

ми людьми, в первую очередь — латинскими скорописцами. А кругом стояло множество случайных людей.

27. Итак, на первой встрече, которая состоялась в октябре, Андрей Родосский сразу же прочитал приветствие по-латыни, которое он составил для папы и Собора. Затем [митрополит] Никейский прочел по-гречески другое, которое он написал для императора, для папы и для Собора, а Секундин переводил его на латинский язык. После того как были зачитаны эти приветствия, [митрополит] Эфесский начал свое выступление так: «Должно говорить с любовью, поскольку речь идет о мире, и его оставил нам Господь, словно некое наследие, когда шел на страдание, говоря “мир Мой оставляю вам, мир Мой даю вам” [См.: *Ин.* 14, 27]. Но за него Он просил нечто другое, что является словно плодом нашего преуспевания, — это любовь. Итак, нам следует это всегда исполнять, и особенно в нынешней материи слов, и от начала до конца хранить любовь». Так он, сделав вступление и еще что-то сказав в этом роде, объявил, что хочет держать слово о прибавлении и показать, что не подобало им [т. е. латинянам] делать добавление к Символу.

Ответил Андрей Родосский. Он тоже восхвалял собеседования, [совершаемые] с любовью. Затем захотел ответить и о прибавлении. Но [митрополит] Эфесский сказал ему: «Мы не просим сейчас ответов, поскольку не сказали то, что собирались. После того как мы скажем то, что хотим, тогда получим и ответы». Но Андрей все равно хотел дать ответ. Когда же вновь помешал ему [митрополит] Эфесский, только тогда он сдался и перестал говорить.

Итак, [митрополит] Эфесский первым делом сказал о том, насколько необходим мир, который оставил нам наш Господь Иисус Христос, и любовь. Во-вторых, что Римская церковь повредила любовь и разрушила мир. В-третьих, что Римская церковь, призывая ныне оставленную тогда любовь, потрудились, чтобы мы сюда пришли и изучили различия между нами. В-четвертых, что невозможно призывать мир, если не устранена причина разделения. И в-пятых, что нужно будет прочесть определения Вселенских соборов, чтобы и мы оказались согласными с отцами тех Соборов, и нынешний Собор — сообразным с

теми. Об этом [митрополит] Эфесский говорил развернуто и разумно. Желаящие узнать об этом в точности найдут это в деяниях данного Собора. На все это немного ответил Андрей [Родосский], и на этом заседание было завершено.

28. Император весьма скорбел от того, что было совершено в отношении его на этом первом заседании, так как был ему учинен позор великий. Поэтому он и не хотел прийти вновь в установленный день. Патриарх передал ему через меня, что «не кажется мне правильным не прийти на второе заседание в установленный день. Поэтому прошу твоего приказанья, чтобы нам прийти завтра на заседание, дабы не показалось многим, что мы с первой же встречи отказываемся от наших договоренностей или что не имеем достаточно аргументов для предстоящей борьбы и поэтому уходим». Император ответил: «Не пойду, пока мне это не покажется уместным». Когда же я вновь умолял его, согласно повелению [Патриарха], император сказал опять: «Я тогда пойду и [тогда лишь] пройдет заседание, когда латиняне поймут, чем было то, что они совершили». Так прошло несколько дней праздно. Латиняне, принужденные этим, срыли стену в первом входе первого зала, где император спешивался, и открыли ворота, через которые вводили его сразу в келью. Оттуда, неся его на носилках, проходили сквозь десять комнат, в которых не было никого, разве только предназначенных для этого и привычных людей. В последней из этих келий была дверь, ведущая в зал, в котором проходило заседание. Сразу же за углом этой двери находился императорский трон, а впереди стояли некоторые архонты, закрывая от взора многих, пока утверждали его на троне. Тогда они отходили, давая всем возможность видеть его беспрепятственно.

29. Итак, когда это все было приготовлено и был устроен доступ императора к его кафедре, как было показано, император и Патриарх пришли на второе заседание. Было 13 октября, понедельник. Когда Андрей [Родосский] начал [свою речь] и хотел изложить ответ, [митрополит] Эфесский помешал ему, сказав, что «будет» справедливо, чтобы сначала сказали мы, что считаем нужным, о тех вопросах, кото-

рые мы предлагаем, а после этого получили бы от вас ответы». Но [епископ] Родосский настаивал и считал необходимым ответить. Сказали и [митрополиты] Эфесский и Никейский, что «прежде чем мы сказали бы то, что хотим, и утвердим то, что предлагаем, а именно что нельзя вам было делать прибавление к Символу, не следует вам отвечать». Много об этом было сказано слов, пока [митрополит] Эфесский искал развить то, что было им предложено и прочитать определения Вселенских соборов, а [епископ] Родосский в еще большем запале препятствовал [митрополиту] Эфесскому, стремился ответить и не хотел даже краем уха слушать чтение определений, говоря, что это [дело] излишнее, неразумное и ведущее к соблазну: «Что вы выиграете, — говорил он, — если провозгласите на нас анафему?»

После множества слов и состязаний о них, Юлиан сказал императору: «Блаженнейший Отец [т. е. папа] повелевает мне сказать: “Поскольку мы согласились позавчера, что [епископ] Родосский собирается отвечать, и он к этому готов, поэтому мы не дали говорить более подробно то, что вы хотите. Так как [епископ] Родосский неоднократно просил — и без результата, то верховному архиерею кажется за благо, чтобы мы разошлись, а в другой день поговорят отдельно избранные [люди]”». Император кратко на это ответил [согласием], и таким образом мы разошлись.

30. На следующий день, это было 14 октября, собрались у Патриарха император, кардинал Юлиан и Фирман, некоторые из латинских епископов и все наши архиереи, экзокатакелы¹ и игумены. Латиняне всеми способами боролись за то, чтобы постановления Вселенских соборов не были зачитаны или, по крайней мере, были прочитаны в частном собрании. Наши все возражали и сказали, что не будут двигаться дальше, что бы то ни было, если сначала определения не будут прочитаны перед всеми. После долгих речей и споров те едва согласились с тем, чтобы прочитать определения [Вселенских соборов] соборным образом.

¹ Высшие церковные архонты.

31. Итак, уже в третий раз собрался Собор в четверг 16 октября, и были прочитаны соборные определения. К этой встрече латиняне постарались, чтобы не собралось большого множества людей, собираемого обычно из их числа. К тому же они оставили св. Евангелие лежать закрытым на алтаре, статуи апостолов оставили лежать навзничь и не зажгли лампы. [Митрополит] Эфесский начал и сказал, что «как мы постановили прочесть определения, по нашей просьбе и при вашем согласии, так они и будут прочитаны. Просим и вас слушать определения и наши слова с великодушием». Затем, когда он собирался сказать еще что-то, Юлиан сказал: «Как мы согласились позавчера, поступайте по вашему желанию. Хотя [епископ] Родосский должен был бы ответить на то, что прежде сказал [митрополит] Эфесский, пусть будут прочитаны определения, но по вашему требованию, а не по общему или по нашему решению». Итак, были прочитаны определения, а [митрополит] Эфесский в начале и в конце каждого определения давал разъяснения, которые были для нас удобны. Когда читали определение Седьмого [Вселенского] собора, то латиняне приготовили книгу, содержащую деяния [этого] Собора на греческом языке, где в Символе присутствовало «от Отца и Сына исходящего». Они демонстрировали эту книгу как древнюю и [написанную] на пергамене, поскольку они считают пергамен достойным доверия. Из подписей и некоторых других признаков они утверждали согласие с нашим [учением] и настаивали, что так и был прочитан Символ на Седьмом [Вселенском] соборе. Юлиан утверждал так же, что «эта книга древнейшая и невозможно предположить, что в нее было внесено какое-либо изменение. Есть у нас так же древний и ученый муж историк¹, писавший о многих других вещах, который говорил и об этом, что Символ

¹ Речь идет о *Chronicon pontificum et imperatorum*, составленной Мартином де Тропо (de Troppau, Martinus Oppaviensis), умершем в 1278 г. архиепископом Гниезно. Конечно, в его сочинении и речи не идет о *Filioque* в Символе веры на Седьмом Вселенском соборе, однако в той рукописи, которой пользовались латиняне на Флорентийском соборе, оно уже содержалось.

был именно таким образом установлен на Седьмом [Вселенском] соборе, и мы утверждаем это и на основании его свидетельств.

Мудрый Гемист [Плифон] ответил на это, что «если бы Римская церковь могла доказать то, что вы сейчас говорите из книг и от историка, написавшего об этом, то тщетным бы делом занимались писавшие в пользу латинян, имею в виду Фому [Аквинского] и бывших перед ним, которые многими словами и книгами старались показать, что прибавление благословенно и по праву сделано вашей Церковью, опускающая главное доказательство того, о чем они собирались говорить, как ничего им не прибавляющее. Ведь вместо всех доказательств, какие они приводили, и силлогизмов, достаточно было сказать, что прибавка к Символу была прежде, и что с прибавкой был прочитан и утвержден Символ на Седьмом [Вселенском] соборе. Но поскольку на Седьмом [Вселенском] соборе не произошло ничего из того, что вы говорите, то по этой причине и писавшие в пользу латинян ничего об этом не вспомнили». На этом собрание было распущено.

32. Те, кто тогда оказался из избранных латинян и достойных монахов (а у них многие ведут подлинно монашеский образ жизни), как только услышали определения [Соборов] и сказанное о них [митрополитом] Эфесским, то сказали, что «мы этого никогда не знали и не слышали, и наши учителя не учили нас этому. Сейчас мы видим, что греки говорят более правильно, чем мы». И все дивились [митрополиту] Эфесскому.

А наши испытывали недостаток в необходимых вещах, и одни проливали, другие же закладывали свои вещи, вплоть до одежды. Такой вот была память о пропитании со стороны [латинян], обещавших устроить для нас богатые расходы.

17 октября избранные люди собрались в сокровищнице св. Франциска. Первым делом Юлиан попросил и получил от наших речи снятых [отцов], которые были письменно приготовлены на заседании 16-го, затем было сверено и сравнено сказанное устно с каждой стороной: ведь таким образом было решено поступать всякий раз, как будет происходить собеседование.

33. Когда определения были прочитаны, то латиняне, поскольку узнали, как было сказано, что многие из них соблазнились, постарались как можно скорее собрать следующее заседание. Когда оно было собрано, они стали давать ответы, а скорее составлять многословные речи на соборные определения и слова [митрополита] Эфесского. Эти пространные речи говорил [епископ] Родосский, дабы ублажить слух многих. Это была четвертая встреча, на которой, среди прочего, были представлены Соборы (один — состоявшийся в Толедо, другой — не знаю, где), которые подвергли анафеме не принимающих прибавление [к Символу]¹. И многое другое они говорили в пользу устройства их собственной Церкви и в поношение наших.

34. 20 октября, в понедельник, прошло пятое заседание. И вновь Андрей Родосский давал ответы на сказанное [митрополитом] Эфесским. Он еще не успел закончить, как собрание было распущено. Было решено, что на следующем заседании он дополнит свои ответы.

Наши были теснимы нуждой, ведь деньги на пропитание удерживались в течение более чем четырех прошедших месяцев, когда они не давали необходимого. Все наши испытывали недостаток и скорбели от того, что они часто обращались с просьбами, но их отвергали. Только после пятого заседания, когда мы пришли к нынешнему уровню собеседования, они дали 21 октября 1218 флоринов на пропитание за два прошедших месяца, т. е. за четвертый и пятый.

35. 25 октября, в субботу, прошло шестое заседание. [Епископ] Родосский держал ответ, который не успел закончить в предыдущей речи. Он впал в большое многословие и приводил речения святых [отцов] для поддержания своих слов. Среди прочего он привел часть письма св. Максима [Исповедника] к Марину [пресвитеру Кипрскому], оправдывая через это Римскую церковь, поскольку в то время уже было прибавление к Символу, как свидетельствует Максим. Тем не менее, Восточная церковь пребывала в единстве, ни в чем не упрекая

¹ Имеются в виду Толедские соборы в Испании VI–VII вв., на которых *Filioque* было введено в Символ веры для местного использования.

Западную. [Епископ] Родосский старался также показать, что не из-за прибавления произошла схизма, но по другим причинам. По ходу дела его поддержал и Юлиан, так что Андрей с трудом завершил речь на том втором заседании. Мы же как великую пользу приняли то, что они привели письмо св. Максима, так как мы затруднялись приводить его, когда было нужно, поскольку письмо сохранилось не полностью. Но так как они использовали его, то мы сказали, что будет признано и ими, когда мы будем его приводить. Так же мы подумали, когда они привели книгу Седьмого [Вселенского] собора с прибавлением к Символу. При этом мы сказали, что уже можем из-за этого бранить их за то, что они исказили речения и западных святых.

36. Когда мы вновь встретились в сокровищнице св. Франциска, то наши испытали их в отношении письма и сказали им: «Если вы принимаете это письмо, то и объединение произойдет легко». Но латиняне отвергли его, сказав, что «мы и [епископа] Родосского побранили за него, поскольку он вопреки нашему мнению использовал его. Но мы не принимаем его, поскольку оно содержится не полностью». А о книге [соборных] деяний, содержащей Символ с прибавлением, они больше уже не вспоминали, хотя в других обстоятельствах часто говорили и повторяли об этом то же самое.

37. Во время собеседований наши собирались время от времени у Патриарха и обсуждали некоторые вопросы, так как император удалился из города в монастырь и [своим] делом имел охоту. Когда и я начал что-то говорить во время такой встречи по поводу обсуждаемого вопроса, то [митрополит] Никейский сразу мне сказал: «Если ты находишься среди избранных [для этого дела] людей — говори. Если не находишься — не говори ничего». Я же ответил: «Поскольку ни здесь, ни на собеседованиях мы не имеем разрешения ничего сказать, то излишне нам здесь находиться. Так пусть нам позволят идти домой. Если мы останемся молчать, как ты и хочешь, то ты без труда составишь и выскажешь, как ты желаешь, свое мнение, мы же будем несогласны». И в другой раз, когда я на заседании сказал что-то [митрополиту] Эфесскому для памяти, то [митрополит] Никейский повторил:

«Мы не хотим, чтобы здесь говорил кто-либо, кроме избранных [для этого]».

38. 1 ноября, в субботу, прошло седьмое заседание. Речь держал [митрополит] Никейский, благородно и разумно опровергая сказанное Андреем [Родосским]. Все это было приготовлено и составлено учителем Схоларием: он дал это императору, а тот, со своей стороны, [митрополиту] Никейскому, который это и озвучил. Когда слова затянулись надолго, он прекратил речь, оставляя оставшееся для следующего времени.

39. Когда мы собрались 4 ноября, во вторник, [митрополит] Никейский восполнил все то, что не успел сказать на прошлой встрече, опровергая то, что сказал Андрей [Родосский], и продолжил речь в форме вопроса. Он спросил, относятся ли определения и прещения Вселенских соборов к Символу веры или к чему-то внешнему, и просил на это ответить. Встав, избранные из латинян подошли к папе, посовещались достаточное время с кардиналами и епископами, и [потом] сели. Им надо было ответить на вопрос [митрополита] Никейского, а вскоре и на остальные его слова. Но они ничего на это не ответили. Разве что Андрей [Родосский] начал говорить, но не сказал ничего подходящего, занимая слух пустым празднословием, и, зря потратив отведенное время, распустил собрание.

40. 8 ноября, в субботу, состоялось девятое заседание. Епископ Форлийский возражал на сказанное [митрополитом] Никейским. Он имел перед собой написанный текст и смотрел в него, обращаясь к нам через переводчика. В подтверждение своих слов он приводил [блаж.] Августина и Бонавентуру.

41. И вновь, 11 ноября в среду, было десятое заседание, на котором Юлиан объяснял и доказывал, что прещения [соборных] определений запрещают прибавлять иную веру, т. е. противоположную, но не истинную и не как развитие [учения]. А развитие не есть добавление. Он требовал, чтобы мы прекратили обсуждение того, можно ли делать добавление, и перешли к рассмотрению следующего вопроса: «Истинно ли то, что и от Сына исходит Дух, или ложно. Если это будет

признано ложным, тогда и сам он исповедует, что и *от Сына* в самом деле является прибавлением. Если же это окажется полезным и истинным, то это будет развитие».

42. 18 ноября, во вторник, состоялась одиннадцатая встреча. Во время нее духовник и Амируцци еще с кем-то отошли [от своих мест] и сели в самом восточном углу триклиния, далеко и позади всех, однако напротив [митрополита] Эфесского. Они подшучивали над его словами, сквозь зубы смеясь и издеваясь. Так вот наши сочувствовали и помогали защитнику нашей Церкви, сражавшемуся на арене за благочестие. Все же [митрополит] Эфесский начал отвечать на сказанное Юлианом, строя речь как вопросы и ответы и прося Юлиана ответить. Тот отчасти избегал [ответов], а если отвечал, то растягивал ответы так, чтобы помешать [их восприятию], забыв о форме вопросов и ответов. Итак, беседа получилась долгой из-за не соответствующих по длине ответов Юлиана, в которых он вновь требовал оставить разговоры о прибавлении и перейти к обсуждению учения. На этом он прекратил свою речь.

43. 27 ноября, в четверг, было заседание, и пришли на поклонение папе послы от Бургундского короля. В посольстве было четыре епископа, один архидиакон, два знатных рыцаря и прочие вместе с ними иеромонахи и миряне. Зал, в котором проходили заседания [Собора], был разделен решетками. Около них изнутри и вокруг стояли скамьи, но на некотором расстоянии друг от друга. Дверь в решетках находилась с той стороны, где сидел император. С этой стороны был проход, который вел до императорского трона, затем поворачивал и шел между скамей говорящих, останавливаясь перед папским тронном. Другие части [прохода] были заняты скамьями и сидящими. Один из латинян, одетый в белый стихарь, был назначен для того, чтобы поддерживать порядок во время заседаний и провожать входящих. Когда вошли указанные послы, то он, идя впереди них, провел их по проходу до императора, затем повернул и провел к папе. Сам он не подал им никакого знака, чтобы воздать честь императору. И они, со своей стороны, не выказали ему никакого почтения, но только посмотрели на

него, когда проходили мимо, сразу повернули и направились к папе. Там они совершили земной поклон и все облобызали ногу, руку и щеку папы и вручили ему послание от короля. Затем указанный латинянин повел их и расположил на скамье у решеток. Стоя там, они в течение достаточного времени обращались к папе самым почтенным образом. Когда положенное время истекло, они вышли. Ни в первый раз, ни после они не поклонились и вообще не подошли к императору. Это привело его в большую скорбь, так как множество латинян и греков собрались посмотреть, как послы будут подходить к папе и к императору, тогда как Патриарх не присутствовал, держимый болезнью. Все сочли обидным такое пренебрежение императором, и сам он весьма досадовал на папу из-за этого. «Следовало, — сказал он, — чтобы подобающий поклон был воздан и мне, а так же грамота от послов». Узнав об этом, папа ответил: «Они пришли ко мне, поскольку ко мне были посланы». Послы же сказали, что «мы не имели грамоты к императору, поэтому и не дали ее».

44. Итак, император сидел, препятствуя заседаниям, пока не будет ему удовлетворения. Будучи вынуждены, они сделали вымышленную грамоту, чтобы дать императору. Некоторые из нас советовали отказаться от этого, поскольку многим стало известно о подделке. А если он не думает отказаться, то чтобы послы вручили грамоту императору, когда бы он находился во вверенном ему дворце. Он же настоял, чтобы ему принесли грамоту в присутствии папы, его самого и всех на соборных местах, как и произошло через несколько дней. Присутствовали папа, император и все, кто собрались на Собор, кроме одного Патриарха. Послы пришли не все. Следящий за порядком подвел их к императору. Они средние, как говорится, поклонились ему и просто вручили послание, ни от себя, ни от своего короля не прибавив совершенно никакого приветствия. Вручив, они сразу ушли, но и на собрании не было сказано никаких слов ни до их прихода, ни после того, как они ушли. Мы быстро собрались и [также] быстро разошлись, так что нам это вышло скорее в осуждение и позор, ведь казалось, что император пошел к папе, чтобы в его присутствии получить

на руки послание, за что даже любой из знатных архонтов, если позволил бы такое, подвергся порицанию. Были и еще две или три встречи, а затем прекратились. Латиняне же требовали говорить об учении.

45. Приходили на заседания и некоторые из пустынников и монахов-отшельников, которые выходили [в мир] из-за важности беседований. Когда они слышали то, что говорили наши, то сказали: «Греки, несомненно, придерживаются истинной веры и сохранили здравые догматы». Когда это стало известно, то людям из курии показалось опасным, если это будет шириться. Они призвали монахов в курию и сказали им: «Вы — монахи, и знаете о монашеском житии и как его проводить. О богословии же вы не знаете, но знают это образованные в богословии. Поэтому папа повелевает: «Молитесь, и не смущайте народ, так как вы не знаете, как говорить о богословских вещах»». Так они насмеялись над ними и заставили их молчать.

46. Через несколько дней император пришел к Патриарху, собрал архиереев, нас и игуменов и сказал, что «латиняне ищут оставить беседования о прибавлении и [хотят] говорить об учении. Поскольку вы достаточно говорили о прибавлении, рассмотрите, стоит ли и нам сделать то, что они просят». Наши отвечали ему: «Латиняне, увидев, что этот вопрос является для нас надежным и не имея на него подходящих ответов, решили выбить нас отсюда и заняться тем, что им более подходит. Так что и нам следует держаться за подходящее для нас и не отказываться от нашей силы». Один лишь духовник сказал, что «поскольку латиняне и Юлиан потребовали этого, то пожелает этого и папа, и будет им это дано по необходимости. Итак, лучше для нас дать им это сейчас легко и со свободой, чем потом — с необходимостью».

47. Однако здесь стоит рассказать о сложном и неоднозначном характере духовника. Этот кир Григорий, когда увидел наших страждущими и скорбящими, особенно самых простых людей, после того как мы пробыли два месяца в Ферраре и говорили, будто эмир собирается идти на Город, тогда он словами и делами стал жалеть и соболезновать несчастным. Он всегда говорил Патриарху и императору в пользу их и в пользу Города. И всеми силами он просил и убеждал заботиться

о страждущих на чужбине и о самой родине. Так, говоря это часто Патриарху и выражаясь просто, он среди прочего сказал, что «пока он будет видеть людей страждущими, то будет об этом как человек говорить, как осел — реветь, как собака — лаять и как петух — кукарекать, и не перестанет вопиять о нужном для людей». Таким образом, он сначала приобрел благоволение многих, и на многих устах постоянно было имя духовника, и все подходили к нему с великим почтением, любовью и благоговением. Поначалу он хорошо говорил о церковных делах и, казалось, советовал и содействовал нужному. Но после того как он привлек к себе многих, он начал насмехаться над архонтами. В особенности, если случалось кому из них сказать что-то о церковных делах, то он намекал, что им нельзя говорить о церковных делах, и нам не следует им разрешать вообще что-либо говорить об этом. Итак, он укорял их дерзко и бесстыдно, как в присутствии, так и в отсутствии императора и Патриарха. Они же, устыженные, молчали. Шествуя таким путем, он затем начал делать то же архиереям и архонтам Церкви, то укоряя, то иронизируя, а иной раз браня и прерывая [чужую] речь до того, как говорящий успевал высказать свое мнение. Таким образом, он принуждал его молчать против воли. Вот такими действиями и таким способом он добился всеобщего молчания. Когда же он сам говорил, то несказанно ширил свои слова и делал, что хотел и как хотел. Если же говорил кто-то другой, то он нарочно брал слово, препятствовал и мешал осуществлению воли того человека. Противоречить же ему никто не дерзал, боясь его бесстыдных острот. Такими вот разнообразными путями и словами он делал то, что хотел. Но пока он еще здраво мыслил о догматах, то был хорошим советчиком Патриарху. Ведь несправедливо умалчивать о том, что было в нем хорошего, поскольку я избрал обо всем писать правду.

Итак, он часто говорил Патриарху: «Нехорошо нам сидеть праздными. Надо нам думать и советоваться о церковных делах». И в конце собеседований о прибавлении он сказал Патриарху в присутствии [митрополита] Никейского и меня: «Прошу, чтобы мы вовсе не сидели праздными, но если ты прикажешь, хорошо нам было бы размышлять

и советоваться. Так, мне кажется нужным знать, можем ли мы применять икономию, или нет. Если мы имеем от святых [отцов] позволение и дерзновение применять икономию, чего, как я считаю, нам не дано, то все же, если это окажется так, пусть нами соблюдается неукоснительно. Если же мы не имеем права следовать икономии, к чему и я скорее склоняюсь, то пусть это будет отсоветовано и императору, дабы и он был извещен, что не найдет с нашей стороны икономии, чтобы знал, как устроить дело, больше не дерзая устроить дела Собора по икономии. Итак, если ты прикажешь, то пусть здесь соберутся пять или шесть лучших, способных хорошо все рассмотреть. И пусть через строгое исследование и поиск они посоветуют и постановят, что нужно делать».

Патриарх на это ответил, что «нам не стоит советоваться в отсутствии императора, поскольку кажется, что может быть несогласие между нами и им. К тому же император хорошо влияет на дела Собора, так что необходимо и его присутствие». Духовник сказал: «Делом Церкви является рассуждать и советоваться о церковных делах. Твоя великая святость должна созвать наиболее знающих, исследовать необходимое и принять решение. Так твоя великая святость должна поступать в церковных делах согласно канонам. И не будет из-за этого никакого несогласия, ведь это является делом Церкви, и она сама заботится о себе всякий раз, как принимает решение о церковных делах. Я же боюсь еще и другого, — говорил [духовник], — поэтому и обращаюсь к тебе. Слышно, что папа собирается переехать в другое место. Я думаю, что и император имеет об этом какую-то информацию. Так, если папа переедет и увлечет и нас дальше, то из этого не произойдет ничего хорошего для нашей Церкви, но они сделают все, что только латиняне захотят. Поэтому умоляю тебя — рассуди хорошо об этом и о том, что я сказал прежде. Ведь если ты отсоветуешь эти две вещи императору: первое — относительно икономии, что он не найдет ее у нас, так как мы, как я думаю, не имеем на нее позволения от святых [отцов], второе — о переходе [папы в другое место], что мы не переедем глубже, что бы ни произошло. Если это будет сообщено

императору как единогласное и не подлежащее изменению решение, то он вновь позаботится о нас, освободит нас отсюда и вернет на родину. Ведь император — самый рассудительный и находчивый из всех, кто пришел оттуда в эти места, и благодаря своему удивительному знанию он изыщет способы и средства, чтобы вернуть нас благополучно домой».

Когда услышал это Патриарх, то сказал: «Ты мне говоришь то, о чем сам только подозреваешь. Но как я могу сказать что-либо императору, не будучи в этом уверен, но исходя только из твоих слов или еще чьих-то предположений?» Духовник же ответил: «Я не хотел бы что-либо говорить твоей великой святости или святому императору, если бы прежде не удостоверился в том, что я говорю. И в данном случае я был сначала оповещен одним из тех, кто в точности знает о том, что делает император, и таким образом я тебе это сообщаю». Патриарх сказал: «Если ты мне назовешь это лицо, тогда я смогу что-нибудь сказать императору, а без этого мне не стоит и говорить». И сказал духовник: «Лицо мне назвать невозможно, но само дело несомненно, так как я информирован об этом хорошо знающим человеком. И вообще ясно, что папа собирается уйти отсюда в другое место». Патриарх сказал: «А что мне до того, если папа уйдет, когда он не сообщил мне об этом? Пусть он идет, куда хочет. Если он сообщит мне об этом, тогда я скажу, что “я не знал и не совещался об этом деле, поэтому я не последую за тобой”». «Боюсь, — ответил духовник, — что император заранее не предупредит и не даст слово папе об этом деле. Ведь если тогда окажется, что император заранее дал согласие, то будет невозможно позволить кому-либо поступить иначе, т. е. против того, на что император уже согласился. И раньше всех остальных повлекут твою великую святость». Патриарх же сказал: «Первым делом мне нужно убедиться, что будет так, как ты говоришь, и кто это узнал и передал тебе. А просто так говорить императору пустые слова мне не подобает». Таким образом, [Патриарх] отвел слова духовника.

Но до тех пор, пока он, как я говорил, находился в здравом расположении, он был хорошим советчиком, помогал и чтит всех. Когда же

он уклонился в другую сторону, то [уже] делал противоположное этому: обижал, издевался и бесстыдствовал. И сколько раз мы собирались для бесед и обсуждений перед лицом императора и Патриарха, столько раз духовник тянул свои слова, а речам других препятствовал, прерывал их, возражал и прекращал. Однажды, когда [епископ] Анхиалы начал говорить небольшое слово, а тот стал мешать, то он [вознегодовав] сказал: «Господи, помилуй! Ты на всех встречах говоришь слов больше, чем подобало бы, ты присваиваешь и истощаешь большую часть установленного времени на свои слова. Я же на всех встречах вместе сказал слов меньше, чем в “Отче наш”, так что, может быть, ты разрешишь мне закончить моих два или три слова?» Духовник сразу сказал: «Хорошо, хорошо ты говоришь. И вообще мне стоит помолчать». С тех пор он явным образом замолчал, а видя [епископа] Анхиальского, говорил: «Вот мой воспитатель». Затем и Патриарх поблагодарил [епископа] Анхиальского за то, что он отчасти ограничил того, и он [т. е. духовник] до времени не распространялся. Когда же начали говорить о способах единения, то он еще больше, чем прежде, говорил и делал, и все, что касалось унии, было приготовлено им.

48. Однако, надо вернуться к рассказу там, где мы его оставили. Когда собеседования завершились, мы вновь оказались в праздности и в великой нужде, поскольку выделенное пропитание подошло к концу. Мы просили Патриарха, говоря, что «мы видим, что латиняне не уступают ни в чем из того, что они успели сказать. Слышали и о том, что они хотят увезти нас дальше, поскольку начала шириться весть о том, что папа хочет переехать. Поэтому мы просим, чтобы твоя великая святость занялась этим вопросом с усердием и убедила императора, чтобы мы вернулись отсюда домой, поскольку мы уверены, что не будет исправления в церковных делах». Патриарх же сказал: «Не имейте об этом никакой заботы, так как мы возвратимся [домой] и дальше никуда не переедем».

Часть VII

**В которой [говорится] о промедлении
в собеседованиях и что об этом говорили;
(о том), как вернулся император из монастыря
в Феррару, и о переходе от дискуссий о прибавлении
[к Символу] к дискуссиям о вере,
и о переезде из Феррары во Флоренцию**

Воспоминание седьмое

1. Хорошо было бы рассказать и о переезде, как он прошел и как его скрывали, когда он уже готовился некоторое время. Приведшие нас туда видели, как [митрополиты] Эфесский, Ираклийский и номофилак пытались убежать, о чем я уже сказал. Они замыслили это не из-за чего другого, как предвидя разорение нашей правой веры. Из-за этого они замыслили и договорились с папой увезти нас как можно дальше от границы [с родиной], чтобы больше никто не пытался сделать подобного, как стало ясно из [последующих] событий. [Для этого] папа послал иеромонаха Амвросия¹, который был искусным и хитрым, прикрываясь видимостью благоговения. Он не был чужд образованности в эллинских науках и являлся преданнейшим в отношении папы. Отправившись во Флоренцию, он заключил с флорентийцами договоренность о приходе туда папы и о завершении Собора. Из наших вместе с ним следовал иеромонах Макарий с Крита. Когда они ушли и больше не появлялись, мы спрашивали друг у друга, куда же они пошли. По прошествии многих дней мы спросили [об этом] у Патриарха.

¹ Амвросий Траверсари. Активнейший участник Собора и его подготовки, в первую очередь — в деле организации. Один из главных составителей и редакторов Флорентийского ороса.

Он же сказал, что «во Флоренции есть множество греческих книг, хороших и полезных для данного дела. Мы решили, что дадим, если им нужна будет какая-либо из наших книг, а они, со своей стороны, то же будут делать в отношении нас. Ради этого священник Макарий вместе с Амвросием отправились во Флоренцию, чтобы найти и принести нужные нам книги». Так прошло два месяца и больше. Когда после этого они пришли, то ни сами они, ни пославшие их уже о книгах не вспомнили.

2. Но собеседования прекратились. Император с усердием старался убедить архиереев оставить разговоры о прибавлении [к Символу веры] и перейти к беседам о самой вере. Одних он убеждал сам, других склонял через посланников, давая советы и привлекая к своему мнению. К Патриарху приходили каждый день неопустительно: утром — Христофор, после полудня — Андрей, в другое время — Амвросий, когда был там, и так они один за другим беседовали с Патриархом. Так, мы услышали, что они и его убеждали отправиться во Флоренцию. Мы же страдали от этого и, подходя к Патриарху, упрекали его за нашу пустую праздность и пребывание на чужбине, указывали на недостаток самого необходимого и всеми способами противодействовали перемещению. Мы говорили, что оно не только не будет полезным, но и принесет великий вред. Множеством слов, с упреком и отчасти жестких, но все же справедливых и с благоговением, мы просили его помешать переезду. На это мы потратили достаточно времени. Один за другим мы говорили об этом, все расписывали и объясняли трудность переезда, употребляя все слова, какие были, чтобы помешать этому делу.

После многих слов мы умолкли, ожидая ответа Патриарха. Он же не отвечал вовсе, ни звука, изображая бессилие. Но был он и в самом деле болящим, ведь с 10 августа он был охвачен болезнью и боролся с постоянными немощами, будучи время от времени изнуряем температурой. Больше он вовсе не вернулся к обычному здоровью, покуда не отмерил все время жизни своей. Но все же, даже будучи в таком состоянии, он мог говорить и беседовать, когда хотел. Но нам он не

дал вначале никакого ответа. Поэтому мы, негодуя, поднялись и вышли оттуда, много досадуя на его безмолвие. Затем мы пришли на следующий день, или через день, и вновь говорили то же, досадуя по поводу перемещения и сомневаясь в отношении его пользы. Не обнаружив ее и вовсе, мы всеми путями отклоняли отъезд и просили позаботиться о возвращении на родину. И лишь после множества слов и просьб мы едва сумели замолчать.

3. Уже к вечеру и неспешно Патриарх упрекал нас и бранил, говоря: «Разве вы не христиане? Разве не добрые люди? Разве нет у вас понимания и совести? Не видите ли вы мою болезнь, чтобы пожалеть меня? Я вижу надвигающуюся ночь и не знаю, застанет ли меня [следующий] день. Приходит день, и я не верю, что смогу прожить его, — и вы говорите, что я собираюсь переезжать дальше? Но с какими силами и с каким здоровьем я смогу это сделать? Не стыдитесь вы, говоря это? От кого вы это услышали? Я ничего не знаю о перемещении, и никто не говорил мне об этом». Когда же мы ответили, что многие говорят это и слышат, он сказал вновь, что «каждый может свободно говорить, что он хочет, но до настоящего времени я не знал и никто не говорил мне то, о чем говорите вы. Меня заботит моя болезнь, и я не буду думать о переезде, поскольку не вынесу его». На этом мы разошлись.

4. Мы часто и в течение многих дней приходили к Патриарху, пели ему те же самые песни и получали от него тот же ответ. В конце концов, он уступил и сказал: «Мне кажется благом, если вы пойдете к императору, ведь и я тоже не могу больше пребывать здесь в праздности и страдать. [Скажите ему, что] моя болезнь и многое другое побуждают меня к тому, чтобы вернуться отсюда. Наши, имею в виду архиереев и архонтов Церкви, тоже не могут больше находиться вне родины и своих домов и страдать здесь. Поэтому и я прошу, и они умоляют твою святую царственность, чтобы ты позаботился и отыскал способ, как нам вернуться отсюда домой. Итак, пусть кто-нибудь из архиереев идет вместе с великим епископом и они сообщат это императору». Когда мы сделали это, император с негодованием отнесся к таким словам и укорил нас, говоря: «Кто же говорит и способствует

таким делам? Что мы здесь сделали, что вы хотите уйти? Мы до настоящего времени не сделали ничего. Неужели вы хотите только того, чтобы уйти отсюда и вернуться без результата? И как только вы об этом помышляете? Как мы сможем сделать что-то хорошее, если не после долгого размышления и досуга? Ведь вы, когда выращиваете свой виноградник, не говорите “вырастите его, как придется, чтобы мы могли быстро возвратиться”, но повелеваете вскапывать его хорошо и со вниманием. А в этом деле как мы сможем сделать что-либо доброе просто и как придется, без долгого размышления, пристального внимания и наилучшего совета? А все это сможет устроиться хорошо разве что после досуга. Итак, идите, оставайтесь [у себя] и прекратите подобные слова». По необходимости, мы сидели молча.

5. По прошествии [нескольких] дней, негодуя на такое бездействие и пренебрежение, мы вновь собрались и сказали то же самое. Патриарх отнесся к нам точно так же, как было мной описано выше. После многодневных просьб он [снова] отправил нас к императору со словами [укоризны], [но] по видимости — приятными. Тот вновь был удручен, порицал нас и отослал с уже сказанными словами. Это мы терпели на протяжении двух месяцев, пока не были возобновлены собеседования. Император в течение этого времени отправил кир Иоанна Дисипата, чтобы тот посоветовался с флорентийцами, и они сделали ему *salvo conducto*, так чтобы он мог отправиться вместе с нами во Флоренцию и вновь уйти оттуда беспрепятственно, когда захочет. Так они и сделали, притом что никто из нас об этом не знал.

Церковные архонты третьей пятерки и следующие за ними, видя, что мы часто просим Патриарха в присутствии некоторых архиереев, но ничего не достигли, вознегодовали и сами пошли, и просили всех архиереев, в особенности первых и славнейших, чтобы они все пошли [с ними], просили и вынуждали Патриарха ходатайствовать перед императором и освободить нас от бездействия на чужбине. Итак, мы все собрались в резиденции Патриарха и сказали: «Мы видим, что здесь не произойдет никакого исправления. Ведь были уже собеседования, и наши говорили много и убедительно, но латиняне не поддаются убеж-

дению. Поэтому и прекратились собеседования. Какая польза от того, что мы здесь пребываем в праздности и страдаем, притом что Город, наша родина, подвергается опасности? Кто знает, не захочет ли эмир двинуться против Города наступающей весной?» Итак, они сказали много нужных слов Патриарху о том, что нужно позаботиться о Городе, дабы он не подвергся опасности и чтобы наше пребывание здесь, устроенное для блага Города, не обратилось скорее против него из-за нашей нерешительности. Они просили и умоляли, чтобы Патриарх ходатайствовал об этом, насколько возможно, перед императором.

6. Патриарх, как казалось, принял сказанное с радостью и сам был, по его словам, того же мнения и воззрений. «Кажется мне благом, — сказал он, — чтобы пошли вы, старшие и почтеннейшие, к императору и передали [ему] от меня и от вас самих то, что вы сейчас мне сказали. Итак, идите, [архиереи] Трапезунда, Ираклии, Монеувасии, Кизика, Лакедемона, Молдовлахии, а также великий хартофилак и великий еkkлeзиарх. Пусть это будет после полудня».

Прочие согласились, а [митрополит] Трапезунда сказал: «Не могу я идти, прости меня». Просил его Патриарх, говоря: «Во имя твоего спасения, не отделяйся от этого сообщества». Тот же говорил: «Мне препятствует болезнь ног моих, так что я едва смог прийти сюда». Вновь сказал ему Патриарх: «Потрудишься хоть немного, да спасен будешь. Дай твое усердие, и даст тебе Бог силу. Прошу этого и я, в качестве просьбы: пусть так будет, да спасен будешь». Итак, мы там договорились, что после трапезы встречаемся и идем к императору. Но тот, о ком шла речь выше [т. е. император], [сам] пошел к Патриарху и пребывал с ним до вечера.

7. На следующий день архиереи пришли к Патриарху и спросили, передал ли он императору то, о чем они договорились. Тот ответил, что «мы говорили о других вещах. Император сказал мне, что вчера собирались его архонты и пришли примерно к тому же решению, так что император готов к этому». Тогда мы сказали Патриарху: «Так нужно было бы твоей великой святости сказать, о чем и мы договорились». Он же ответил: «Это не показалось мне правильным. Лучше, чтобы

вы пошли и сказали это сами, ведь император, таким образом, увидит устремление многих». «Из того, что ты говоришь, — сказали мы, — мы понимаем, что вы говорили о том, что мы обсуждали, так что излишне нам идти к императору». «Мы говорили лишь о части, — сказал Патриарх, — не обо всем, так что хорошо, если вы пойдете и скажете все сами. Итак, сделайте это после трапезы». И вновь, как и прежде, Патриарх обращался с просьбами к [митрополиту] Трапезундскому, чтобы он обязательно пошел вместе с нами.

8. Мы пошли и передали сказанное выше императору во многих и красивых словах и просили его обратиться к благосостоянию и помощи Городу, что будет возможно лишь через наше возвращение, поскольку мы видим, что не будет у латинян никакого исправления их ошибок. Император, готовый, по словам Патриарха, к помощи, оказался весьма разгневанным и полным ярости на говорящих такое, в первую очередь — на первых архиереев, и сказал сурово: «Разве для этого мы сюда пришли, чтобы возвратиться без результата? Сколько речей наши произнесли? Еще ничего не сказали об учении, — и вы через такие речи и за такое время хотите исправить разделение стольких лет? Не должно вам было такое говорить, но если бы вы слышали это неразумие от других, то вам следовало бы упрекнуть и прервать говорящих». И после таких прискорбных и оскорбительных слов император всех отослал. Архиереи же весьма опечалились из-за Патриарха, поскольку предполагали, что это произошло с его участием.

9. Мы же опять страдали от праздности и приступили к Патриарху. «Если ты желаешь, — [говорили мы ему], — то ничего не сможет сделать здесь император, даже перейти к [вопросу] об учении, если твоя великая святость противостанет этому, как [это и] следует. Ты должен устроить настоящее сопротивление, поскольку в вопросе об учении они имеют некоторую поддержку (как они считают, но и мы слышали это от некоторых) от западных отцов. А в отношении прибавления — не имеют, и нам следует этого держаться. Итак, если твоя великая святость окажется в противлении, то ты имеешь с собой архиереев и нас». Когда мы это и подобное часто говорили Патриарху,

то он ответил: «Вы правильно говорите, и нужно мне это сделать, если я имею и других, сражающихся вместе со мной. Я боялся того, что я восстану, буду оставлен один и поврежу себе самому, но и Церкви не помогу, ведь я знаю архиереев и полагаю, что как только им кивнет император, они сразу же повернутся к нему»¹.

10. Так проходило время, и мы много и часто говорили, ничего не достигнув. Император еще был в монастыре вне Феррары. Там страдали и те, кто был вместе с ним, будучи в зимнее время лишенным того, что необходимо для отдохновения. Также страдали монахи и крестьяне, которым причиняло вред и ущерб нашествие такого множества, находящегося в стесненных условиях. Мучились и наши из-за того, что не могли с легкостью видеть императора и получить от него какую-либо помощь, поскольку о даровании прокорма [латиняне] вновь забыли. Итак, маркиз сообщил императору, чтобы тот удалился оттуда, поскольку земледельцы скорбели, видя свои участки земли попираемыми и терпящими вред от мчащихся охот, и взывали к маркизу. Перед этим [также] папа и Патриарх призывали императора вернуться во дворец, чтобы усерднее шли церковные дела и собеседования. Но он не утруждался страданием ближних, не стыдился упреков других, не уступал просьбам маркиза и не повиновался словам папы и Патриарха, но все это вменяя ни во что, оставался в монастыре и наслаждался охотой.

11. Затем так случилось, что возникла ссора между сыном солдата по имени Новак и одним юношей из монастырской братии. От слов они перешли к рукопашной. К монаху присоединились другие помощники из монастыря, также и к Новаку с его стороны, которые и надавали монаху кровавых ударов. Когда монахи увидели это и не смогли прекратить или ограничить возмущение, то один из них побежал и стал бить в колокол тревогу. Сразу же сбегалось более пятидесяти вооруженных людей и монастырь наполнился людьми и оружием.

¹ Хороший пример страха за свое положение, а также системы церковно-государственных отношений в поздней Византии.

Когда император услышал об этом, то возмутился и спросил у игумена, как такое произошло и [почему] собралось столько вооруженных людей. Тот ответил, что «монахи увидели пребывающую толпу и попытались ее рассеять. Когда же у них это не вышло, то один из них побежал и стал бить тревогу, вопреки мнению остальных и при моем неведении. Пришедшие являются крестьянами монастыря и имеют обыкновение, что когда они слышат сигнал тревоги, то сразу собираются вместе со своим оружием. Так что они пришли по своему обычаю и вот снова расходятся». Они и в самом деле разошлись, а император, увидев происшедшее, сразу отдал повеление, и собрали багаж [для отправки] в Феррару. Пошел и он сам, так что возмущение, связанное с Новакидием¹, сделало больше, чем просьбы маркиза, Патриарха и папы. Так император вышел из монастыря и прибыл в Феррару.

12. Патриарх же собрал архиереев, нас и игуменов и сделал такое предположение, говоря: «Не кажется мне полезным для нас вот так сидеть праздными и ждать, что же мы услышим от латинян. Они ведь находятся у себя и ведут образ жизни, какой пожелают. А наши страдают на чужбине и терпят нужду. Так, мне кажется нужным посоветоваться о том, что бы нам предпринять полезное для нас». Мы же сказали Патриарху: «То, что говорит твоя великая святость, хорошо весьма. И мы часто искали этого, но не нашли. Поскольку ты сейчас делаешь это благое дело, то укажи первым делом и способ, который кажется твоей великой святости подходящим для дела. Ведь ясно, что ты обдумывал это, так как ради этого ты и призвал нас. А затем скажем и мы». «Что касается меня, — молвил Патриарх, — то я знаю, насколько наши сказали о прибавлении много, сильно и почти что невозразимо, и показали, что нельзя было делать прибавление к Символу. А то, что сказали латиняне — плохо и слабо. Поэтому мне кажется за благо, чтобы мы настаивали на этом и объявили папе и его окружению через глашатая, что “наши показали через многие соборные

¹ Две формы одного и того же имени: славянская (Новак) и эллинизированная (Новакидий).

определения и речения святых отцов, что не подобало вам делать прибавления к Символу. Поэтому мы и просим устранить прибавление, и без этого не продвинемся дальше. После устранения прибавления мы перейдем к исследованию учения, если вы пожелаете. Если же вы не извергнете прибавления, то мы не будем говорить ни о чем другом, но отправимся домой". Если мы будем на этом по-настоящему и решительно настаивать, то они будут вынуждены либо устранить сейчас это прибавление (если они вообще собираются его когда-то устранить), либо откроют цель, которую они имеют, и тогда мы будем знать, как действовать в дальнейшем. Нужно дать и срок дней в пятнадцать, чтобы за это время, получив желаемое, мы продвинулись дальше, либо, не получив, приготовились к возвращению».

Другие тоже многое об этом сказали, обсуждались также и их возражения. Всем понравились слова Патриарха, не соглашался лишь один [митрополит] Никейский, который говорил, что надо провести собеседование об учении: «Ведь мы же можем сказать много и хорошо об учении, и не надо нам бояться латинян. [Нил] Кавасила говорит о прибавлении на четырех листах, а то, что об этом сказали мы, составляет книгу. Об учении он тоже написал целую книгу. Разве не сможем и мы сказать много и хорошо?» Но остальным не понравились слова [митрополита] Никейского, он же настаивал на том, что надо говорить и об учении. Все же словами [митрополита] Никейского пренебрегли, и все присоединились к предложению Патриарха и утвердили его. Тогда Патриарх сказал, что «поскольку всем нравится такое решение и все единомысленны, то пусть это будет сообщено императору, чтобы и он был согласен с нами и помогал». Итак, определили [митрополита] Митилинского и меня, чтобы мы пошли и подробно рассказали императору [о нашем решении]. И если ему покажется решение хорошим, как и всем показалось, то и он пусть его утвердит и через кого-нибудь сообщит его папе. Если же не будет у него желания, то пусть это будет [сообщено папе] со стороны Церкви.

13. Итак, мы пошли и возвестили императору мнение Патриарха и всей Церкви. Император ответил: «А что это за совещание? И кто им

сказал совещаться? Где был я, и откуда у них позволение устраивать совет? Надо было и мне присутствовать на совете или, если вообще была в нем нужда, по меньшей мере стоило спросить и меня. Что это такое, что они спрашивают мое мнение о том, что они уже решили? Разве так происходит совет? Или нужно было мне присутствовать и слушать говорящих и их аргументы, на основании которых, как они говорят, должно так произойти. А если возникают противоречия, то обсуждать их и избрать то, что нужно делать. Так что первым делом я не принимаю за совет то, что они устроили, поскольку они не имели права и позволения совещаться¹. Затем я утверждаю, что не только не сообщу папе то, что они говорят, но всеми способами буду возражать, если они сами это сделают». Затем он добавил: «Почему они не хотят устраивать собеседование об учении? Что им мешает и для чего мы сюда пришли? Разве мы пришли не для исследования учения? Разве вы не знаете, что если мы так и вернемся, ничего не сказав об учении, то мы сами скорее утвердим правильность латинского учения, а все то, что было сказано о невозможности делать прибавление, будет напрасным? Поскольку мы сюда пришли, то необходимо исследовать учение».

14. [Митрополит] Митилинский начал соглашаться с императором, я же молчал. Император стал распространяться, переменявшись к мягкости, найдя себе в союзники и [митрополита] Митилинского. Он спросил, что же мешает тем, кто не хочет перейти к [обсуждению] учения. [Митрополит] Митилинский ответил: «Ничто не мешает. Но если прикажет твоя святая царственность, мы соберемся перед тобой и ты скажешь об этом слово, то [так и] будет». Император же сказал: «Я хочу знать, что говорят те, кто не хочет перейти к обсуждению учения». Поскольку, говоря много подобных слов, он обращался в первую очередь ко мне, молчащему и несчастному, то поневоле отве-

¹ Сама инициатива встречи Патриарха и его архиереев должна была исходить, получается, от императора. И сами архиереи в такой ситуации против этого ничего не возразили.

тил я: «Наши знают, что сказали много подлинных и сильных слов по поводу прибавления, но не достигли ничего. Ведь что они могли найти сильнее, чем соборные определения, анафематствующие прибавляющих или отъемлющих? Итак, они говорят, что в таком деле, где мы имеем столь убедительную силу, они измышляют ответы и утверждают, что им не мешают [соборные] определения. Но если мы перейдем к [обсуждению] учения, где они, как слышно, хвастаются, что имеют помощь от западных святых (хотя мы уже и не знаем, какую), то они скажут все, что только захотят, имея к тому же силу и власть папы. Они повсюду разгласят: “Мы блестяще доказали, что наше учение здраво”. Если, ничего не доказав ныне, они все же не стыдятся говорить это и даже больше, чем должно, то насколько больше они возвестят тогда? Мы же, что бы ни сказали, будем вменены теми людьми в ничто и окажемся ничего не достигшими, поскольку не имеем арбитра. Так что, насколько я знаю, это и является препятствием. Но остальные могли бы сказать и много другого».

15. Император же сказал на это: «И что нам от того, если они скажут, будто хорошо доказали то, что говорят, когда это недоказуемо?»¹ Пусть наши скажут, что имеют сказать, — подлинное и сильное, и если те люди будут убеждены, то мы будем иметь приобретение, превосходящее любой избыток. Если они не захотят убедиться, то мы от этого не потерпим вреда, поскольку и они не будут [нас] принуждать. А если они и применяют силу, то воля наша насилию не подвержена. Ведь если тело может подвергнуться насилию, то произволение ему неподвластно». Тут я сказал: «Но из этого будет следовать другое. Ведь если состоятся собеседования и будут на них латиняне распространяться, как они имеют обыкновение, и возвестят их избранные люди, что они в достаточной мере и блестяще доказали здоровое свое учение,

¹ Судя по всему, позиция императора в богословских вопросах сводилась именно к этому: это все равно недоказуемо, так что церковные дела можно свободно приспосабливать к политическим и государственным нуждам.

то они не позволяют вести об этом дискуссии бесконечно, но потрудятся ее завершить и попросят проголосовать. Если наши не захотят давать свое мнение и соглашаться с ними, а все они [т. е. латиняне] поддержат мнение, что то, что говорят латиняне, здраво и православно, то они осудят нас как не подчиняющихся им». Император сказал: «Но пусть это не угнетает вас: это же не будет соборным решением. Что касается меня, то я сочту за соборное решение [только такое], когда согласятся обе стороны. Но если они выскажутся без согласия и в разделении, то я не сочту это решением Вселенского собора». [Тут] я ответил: «Замечательно определяет твоя святая царственность, ведь и нами не будет сочтено это за соборное и законное решение. Даже если подвергнет нас папа отлучению, мы не подумаем об этом. Но мы опасаемся другого. Ведь если произойдет то, что я предположил, то твоя святая царственность не обладает здесь ни галерами, ни средствами, чтобы доставить нас в Константинополь. Ведь ты сможешь приготовить разве что одну галеру и взять на нее немногих. А множество людей рассеется в поисках торговых кораблей, которые доставят их в Город. А если папа захочет объявить нас еретиками и побудит встречающих нас арестовать как не повинующихся ему и его слову, то кто сможет достигнуть Константинополя, притом что у нас нет другого способа вернуться, кроме как на латинских кораблях через их места и народы?» Тогда император повелел: «Не думайте вовсе о том, о чем ты сейчас говоришь. Я не думаю, что произойдет что-то из того, что вы предполагаете. А если и произойдет, то я могу вас вновь вернуть в Город». Во всем этом [митрополит] Митилинский соглашался с императором. Потом я попросил дать какой-либо ответ Патриарху. Император же сказал: «Я сам пойду и отвечу ему». На этом мы разошлись.

16. Через день император пришел и говорил с Патриархом один на один достаточное время. Не было больше и воспоминания о состоявшемся совете, но император еще больше и сам, и через некоторых людей старался убедить архиереев перейти к обсуждению учения. Узнав об этом, мудрый Гемист обратился к императору и к Патриарху и всем нам сказал: «Не подобает просто так и как попало переходить к

обсуждению учения. Нашим нужно встретиться отдельно, рассмотреть и обсудить то, что будет сказано латинянами. Ведь некоторые из нас знают, что те скажут, и могут это выразить и обосновать¹ лучше их самих. Так пусть они дадут услышать сильные аргументы латинян и [затем] перейдут к их опровержению. Если наши смогут сказать сильнее и согласно решат, что отвергнут аргументы тех, то пусть, таким образом, переходят к беседам. Но если они решат, что латиняне в таких делах имеют силу, то пусть не переходят к беседам, но подумают, как иным способом достичь пользы».

17. Патриарх же призвал отдельно Гемиста, притворился, что сомневается в отношении того, что латиняне и наши говорят об исхождении Святого Духа, и сказал ему: «Ты являешься учителем и мудрецом и имеешь точное знание в таких вещах как от многолетнего опыта, так и от трудов, коими ты сам потрудился в этом. К тому же ты старец и добрый человек и истину ценишь больше всего. Поэтому мне показалось правильным призвать тебя отдельно, чтобы ты убедил меня в том, в чем я сомневаюсь. Итак, скажи мне ясно, во имя твоего спасения, что из этого тебе кажется более истинным?» Гемист ответил на это, что «не должно никому из нас сомневаться в том, что говорят наши. Ведь вот, мы имеем учение, первым делом, от Самого Господа нашего Иисуса Христа, затем и от апостолов, и это является основанием нашей веры, на котором стоят все наши учителя. Поскольку наши учителя причастны основаниям веры и ни в чем не отклоняются, тогда как основания — самые достоверные, то не нужно нисколько сомневаться в том, что они об этом говорят. Если же кто сомневается в этом, то не знаю, в чем он являет веру. Ведь и те, кто отличаются от нас, не сомневаются в том, что содержит и возвещает наша Церковь. Ведь и они соглашались, что то, что говорим мы, хорошо и наиболее истинно, и стараются показать, что их [мнения] согласны с нашими. Так что не нужно никому из нашей Церкви сомневаться в нашем учении, когда и с теми, кто отличается от нас, этого не происходит. А в отношении их

¹ δεφευδειςαι.

учения совсем не стыдно сомневаться, и именно оно подлежит исследованию и доказательству, ведь оно совершенно несогласно с нашим»¹. Эти [доказательства] и еще большие и сильнее он изложил Патриарху, утверждая, что никто не должен сомневаться в том учении, которое преподает наша Церковь об исхождении Святого Духа.

18. Но еще когда были собеседования о чистилище, то многие из нас собрались перед лицом императора, и он говорил нам, что «нужно изгнать из нашего образа мыслей предубеждения: не считать, что латинское учение ошибочно, и не предполагать, что наше безупречно, но к обоим подходить с сомнением, пока они не будут исследованы. А то, что будет предпочтено соборным решением и исследованием, то должно возлюбить как истинное и несомненное». Тогда присутствовал Гемист, и, услышав это, он сказал нам и в особенности — [митрополиту] Никейскому: «Сколько лет я знаю императора — и не слышал от него ничего хуже, чем то, что он сейчас сказал. Ведь если мы будем сомневаться в учении нашей Церкви, то не стоит и верить в то, чему она учит. А что может быть хуже этого?»

19. Но вернемся к тому, о чем идет речь. Прошло несколько дней, и император захотел собрать нас, чтобы приготовить и волей-неволей принудить к беседам о вере. Сам он лежал больным и не мог прийти к Патриарху, так что позвал его [к себе]. Патриарха принесли на носилках поздним вечером, и он ночевал там. А утром пришли мы, будучи призванными во дворец. Мы сопровождали, я и протекдик,

¹ Это обоснование совершенно не противоречит «проязыческим» вкусам Плифона. Он утверждает истинность православного учения в сравнении с латинским, основываясь на античном по своему происхождению «принципе большей древности». Позиция Плифона, как и позиция императора, описанная чуть выше, похожа в этом смысле на точку зрения Варлаама Калабрийца в XIV в.: о недоказуемых реалиях богословия не может быть настоящего спора. Конечно, это противоречит позиции отцов Церкви, говоривших о богословии как на основании знания, так и на основании подлинности своего духовного опыта.

[митрополита] Ираклийского и других архиереев. По пути мы сказали [митрополиту] Ираклийскому: «Вот, ныне предстоит борьба, чтобы мы замолчали о прибавлении и говорили об учении. Поэтому нам предстоит выбрать более полезное и удобное для нашей Церкви. Поскольку мы видим, что латиняне требуют от нас отказаться от бесед о прибавлении, — так как совершенно не имеют ничего сильного, что бы им противопоставить, и это очевидно, — то нужно и нам наипаче держаться этих слов, как надежнейшей крепости, и не оставлять противникам наш акрополь. И более всех других нужно бороться и выступать за полезное для нашей Церкви твоей великой святости как представителю Александрийского Патриарха, проэдру ипертимов, первому митрополиту, старейшему, знающему и всеми уважаемому. Если противостанет твоя великая святость, как должно, то ты будешь иметь в единомышленниках большинство архиереев, а нас — в первую очередь». [Митрополит] же Ираклийский ответил: «Что вы говорите, люди Божии? Разве вы не знаете образ действий и мыслей императора? Он с вечера и до полуночи продержал у себя Патриарха, и они [все] обсудили и постановили, как хотели. И они сделают, как они постановили, хотим мы того или не хотим. А ныне они призвали нас, чтобы посмеяться над нами. И что мы на это скажем? Что бы мы ни сказали, это будет вменено ни во что, а они поступят так, как захотят».

20. Я же сказал ему: «Знаем, о, владыка святой, и мы образ мыслей и действий императора. И в том, что подлежит его власти, пусть он поступает, как хочет. Но нынешние дела являются церковными и соборными, и ему неподвластны. Так что если он не имеет всех единомысленными в том, чего он желает, то не сможет поступить так, как задумал. Итак, не говори, что если ты что скажешь, то это будет вменено ни во что. Но, скорее, если те что-либо скажут и соберутся что-то сделать, ты ясно и свободно выскажи свое мнение об этом деле, и последуют за тобой многие. Так, либо будет воспрепятствовано решению, которое они отдельно приняли, и будет принято мнение многих, как правильное и верное, либо они пренебрегут желанием многих, как и ты говоришь, и исполнят свое желание. Если это произойдет,

то, во-первых, вы будете иметь совесть чистую и безупречную и перед Богом, и перед людьми, потому что ни милость, ни страх не заставили вас молчать о том, что вам кажется полезным для Церкви Христовой. А затем, когда они пригласят вас на другое совещание, вы сможете смело сказать, что “поскольку вы спрашиваете наше мнение, но пренебрегаете тем, что мы говорим, и делаете, что вы хотите, то нам вообще излишне говорить что-либо на собрании”. Поэтому необходимо, чтобы твоя великая святость, остальные и мы вместе с вами сказали то, что, как мы знаем, полезно для нашей Церкви. При этом мы выиграем в любой из двух ситуаций — произойдет ли всё по всеобщему решению, а решенное ими наедине упразднится, или же мы не позволим увлекать нас и водить за собой, когда делающие такое с нами поймут, что и мы можем блюсти свою честь и положение». Когда услышал это [митрополит] Ираклийский, то сказал: «Хорошо ты говоришь, встанем и мы за полезное для Церкви. Только бы и другие последовали за нами».

21. Итак, мы собрались во дворце, сели, как придется, и разговаривали с теми, кто там был, пока не были позваны зайти к императору. Поскольку все знали, какому вопросу будет посвящено совещание, Гемист сказал: «Вот, этот день нам несет смерть или жизнь». Вскоре мы вошли к императору и сели. Никого из архонтов с нами не было, так что все было устроено, как мы договаривались. Итак, император начал и произнес речь, говоря: «Нужно говорить об учении. Ведь ради этого мы прибыли в Италию, чтобы исследовать все то, что отличает нас от латинян, а в первую очередь основное и главное — то, что относится к учению. Ведь к этому относится и вопрос о прибавлении, и эти два вопроса являются одним: это я разделил их на два, тогда как всеми это воспринималось как одно. Не должно одну часть изучать, а другую оставлять неисследованной, ведь так мы сами будем виновниками великого нашего обвинения и осуждения, что выдержав такие труды, опасности и трудности из-за далекого пути и долгого пребывания на чужбине и введя привезших нас сюда в большие расходы, вновь не совершится то, чего всегда искали со дней схизмы. И сейчас, когда

это свершилось вопреки всякой надежде, неужели мы не захотим исследовать это учение, из-за которого мы сюда прибыли?

Поскольку дискуссии уже начались, то если мы оставим учение неисследованным, то некоторым образом будем его утверждать. Но на беседах о том, что нельзя было делать прибавления к Символу, был выдвинут тезис, что если даже прибавляемое верно, то все равно нельзя было делать прибавления. Если после тех беседований мы ничего не скажем об учении, то будет казаться, что мы оставляем тот тезис как здравый, и будет это к их утверждению. И к тому же покажется, что мы не имеем сказать ничего надежного в защиту нашего учения. Все это логичным образом повлечет упреки, порицание и осуждение на нас, а через нас — на весь наш народ и на всех, принадлежащих нашей Церкви». Так широко витийствовал император, готовя нас к тому, что надо перейти к беседам о вере.

22. Затем взяли слово [митрополиты] Росии и Никей и распростирались об этом, (особенно Никейский), поддерживая императора. После долгих слов и подобных приготовлений император определил: «Сказанного достаточно для прояснения вопроса. Пусть [все] дадут свое мнение». Архиереи сказали: «Пусть Патриарх скажет свое мнение первым». Патриарх же сказал: «Сначала высказывайте свое мнение вы сообразно чину, а после скажу и я свое мнение». «Сейчас, — ответили они, — речь идет о догматах Церкви Христовой. А в этом первом должна говорить твоя великая святость, а мы — после тебя. А чин, о котором ты упомянул, применяется в других случаях».

Сам Патриарх сказанного не принял, но все же первым высказал следующее мнение: «Я вижу, что латиняне являются людьми, любящими споры, тщеславными и неподдающимися убеждению. Этот раздел о прибавлении является сильным для нас, и наши сказали много хороших и подлинных слов об этом. Но латиняне не пристыжаются нашими словами и не хотят следовать истине. Что мы надеемся в них найти, если перейдем к следующей теме? По этой причине мне не кажется правильным оставлять наше сильное место, которым является слово о прибавлении, и переходить к [обсуждению] учения. Тако-

во наше мнение, но пусть скажут и остальные. После того как я услышу слова всех, то если нужно будет сказать вновь, я скажу».

Затем был спрошен [митрополит] Ираклийский, и [он] сказал: «Что касается меня, то я тоже считаю за лучшее и более нам подходящее не оставлять слов о прибавлении и не переходить к [беседам] об учении. Но если будет сочтено за правильное устроить дискуссии об учении, то последую и я. Но кроме этого, я слышу, будто бы решено, что мы отправляемся во Флоренцию. Для нас это тоже большое дело, и сначала надо точно знать, отправимся мы [туда], как мы об этом слышим, или нет. А после этого будем совещаться в отношении дискуссий». Император тут же заметил: «Нет, владыка, нет. Прекрати такие слова, ведь мы ничего не знаем такого. И выскажи свое мнение». Тот ответил: «Мы слышим, будто папа открыто собирается отбыть во Флоренцию. Говорят, что и твоя святая царственность согласилась туда отправиться, поэтому нужно и нам знать об этом». Император сразу же сказал: «Да будут со мною твои молитвы, в отношении папы я не знаю. А обо мне знай, что до настоящего времени никто мне ничего не говорил об этом. Если папа отправится [туда] и захочет, чтобы и мы последовали за ним, то вот, вы здесь услышите об этом и посоветуетесь. И если это всем покажется правильным и подобающим, то так и произойдет. Если же не понравится вам, то не произойдет. Ведь вы сейчас присутствуете здесь и не будете обвинять посланника, сделавшего что-то против вашей воли, но сами выработаете собственное решение, вам свойственное. Так что хватит об этом, поскольку и сам я не знаю, и выскажи твое мнение». «В общем, — сказал [митрополит] Ираклийский, — если это покажется правильным, пусть говорят об учении».

Затем спросили мнение духовника. Он же ответил: «Пусть скажут другие, а я скажу, когда захочу». Спросили [митрополита] Эфесского, и он сказал: «Поскольку говорят, что хорошо перейти к беседам об учении, то говорю и я — если кажется за благо, пусть так и будет». Затем высказался [митрополит] Росии и всеми способами старался, чтобы это произошло. После него сказал и духовник, что «я присоеди-

няюсь к мнению святого [митрополита] Эфесского, и если он что сказал, то это говорю и я». Затем высказались остальные архиереи, и все согласились устроить собеседование об учении. Это же сказали великий сакелларий и великий скевофилак. Великий же хартофилак избегал высказывать свое мнение, но все же не высказался за то, чтобы были собеседования о вере.

23. Когда спросили и меня, я сказал следующее: «Я знаю, каким будет голосование большинства. Но поскольку мнение каждого не подвергается принуждению, то и я, будучи спрошен, должен сказать ясно, какое мнение имею по этому вопросу. Поэтому я утверждаю: мы поняли и знаем четко, насколько латиняне любят споры и совершенно не подвергаются убеждению. А раздел о прибавлении для нас сильнейший, как выяснилось из соборных определений и из других речений святых [отцов]. Если в этом деле, в котором наши привели такие неоспоримые доказательства, на которые они не могут ответить ничего убедительного, они все же измышляют ответы и, предлагая их в качестве доказательств, провозглашают: “Мы доказали блестяще, четко, яснее солнца и достаточно”. И вереницей подобных слов они венчают себя в качестве победителей. Если мы перейдем сейчас к собеседованиям о вере, где они, как думают, имеют некоторую силу от западных святых, то они смогут говорить против нас, что угодно, и себе припишут победные трофеи, имея опору и в своей власти, тогда как мы не имеем судьи в истинности. По этой причине, если до начала собеседований о прибавлении я примыкал к тем, кто считал, что надо начинать с собеседований о вере, то сейчас, когда я узнал точнее их обыкновения, я больше не считаю нужным говорить об учении».

На это сказал император: «А до каких пор, ты считаешь, нужно говорить об одном и том же?» «До тех пор, — ответил я, — пока не будет в этом решения. Мы заслуживаем большого упрека и осуждения, поскольку ни в вопросе о чистилище, ни в вопросе о голосовании, ни сейчас о прибавлении мы не пришли ни к какому заключению, и это при множестве слов и борьбы в каждом случае. И мы заслужили большого смеха со стороны самих латинян, что, берясь за

темы и подымая борьбу, мы отказываемся от заключения и переходим к следующему». «Мне кажется более необходимым, — ответил император, — оставить заключение об этом на время, которое, как я считаю, нам будет куда более полезно». За моим мнением последовал и протекдик.

После нас говорили игумены, и они последовали за мнением архиереев. Кроме Патриарха и нас троих, все высказались за то, чтобы перейти к собеседованиям об учении. Это и было решено, а император вновь сказал, что «для нас очень удобно то, что дискуссии о прибавлении остались без заключения».

24. На этом мы вышли из императорского дворца, скорбя о происшедшем, и попрекали [митрополита] Ираклийского, говоря: «Разве об этом мы тебя просили? Разве такое мнение было у тебя о данном вопросе? И твоя великая святость считала, что Патриарх скажет и будет действовать так, как он постановил с императором. Но вот, Патриарх высказал доброе мнение. Надо было и тебе последовать за его мнением. Но если бы даже Патриарх говорил что другое, тебе следовало сказать свое мнение, которое, мы знаем, ты имеешь по этому вопросу». И ответил [митрополит] Ираклийский, что «и я сказал то же, что и Патриарх». Ответили мы ему: «Как то же, когда Патриарх отсоветовал собеседования об учении, ты же одобрил?» И он сказал: «Я не расслышал, как следует, что сказал Патриарх». На это мы заявили ему: «Отныне мы не будем иметь дерзновения говорить что-либо Патриарху».

Император, когда говорил, что не знает ничего о переезде во Флоренцию, уже послал туда кир Иоанна Дисипата, который вернулся через три дня, доставив императору *salvo conducto* от флорентийцев.

25. Прошло два дня после возвращения Дисипата, и, по приказу императора, мы все собрались у Патриарха. Пришел сам император и виделся с Патриархом отдельно. Затем он собрал всех нас, посадил в другой келии и сказал: «Дела папы ухудшились, потому что приходящие к нему издалека доходы оказались ограничены. Два его города захвачены Николо Пичини, и папа испытывает недостаток в средствах. Поэтому он не может поставлять пропитание, и мы лишены

его [уже] пять месяцев. [От этого] страдаете и вы, и все наши. В этом он не нашел помощи нигде, кроме как во Флоренции. Ведь флорентийцы добрые и состоятельные люди, и они договорились с папой, что если переедет туда Собор, то они помогут ему в расходах, дадут [средства] и упокоят его. Итак, папа хочет, чтобы мы вместе с ним переехали во Флоренцию. Если мы последуем за ним, то он обещает выделить нам достаточные и превосходные средства для возвращения в Константинополь и организовать большую помощь Городу, послать ее вместе с нами и все хорошо устроить, что будет к нашему отдохновению и чести. К этому он выделит нам и пропитание, сколько нам не хватает. Ведь мы ради этого и поехали, презрели таковые опасности и труды, и многочисленные стеснения, чтобы приготовить что-то хорошее и полезное для родины. Стремясь к этому ныне, мы все должны потрудиться, чтобы достичь этого. И те из вас, кто являются старцами и немощны для трудностей пути, должно и вам подняться и подъять труд на четыре или пять дней, чтобы мы приобрели полезное для родины. А если сказать точнее, то вы возьмете на себя даже не четырехдневный труд, поскольку два дня вы будете плыть по рекам, сидя на кораблях и отдыхая, как только захотите. Остальные три дня вы будете совершать путь на лошадях с большим удобством. Итак, рассудите и решите, будет ли для вас неукоризненно и похвально из-за малого трехдневного труда пренебречь благом родины, обесмыслить такое плавание, подъятые труды и длительные трудности и вернуться пустыми и без результата»¹.

Говоря эти и другие подобные слова, император просил о переезде во Флоренцию. Архиереи же скорбели как из-за продолжительности путешествия, так и из-за вновь возникшего промедления [в даче содержания], и пытались возражать. В отношении пути император сказал, что он равен полуторадням, как между Городом и Ираклией: «Скажем, трем дням для вашего отдохновения. А промедления не возникнет, поскольку,

¹ Вновь в речи императора многократно упоминается о «благе родины» как цели Собора.

придя туда, мы сразу перейдем к беседам и быстро закончим все то, что мы имеем сказать, и до праздника св. Георгия уже будем готовы к возвращению. А оттуда мы вернемся легко и быстро, поскольку море находится на расстоянии шестидесяти миль от Флоренции. У флорентийцев там есть галеры, и они быстро снарядят их на средства папы, и мы отправимся домой. Так что не должно вам сокрушаться ни из-за расстояния, поскольку оно соответствует расстоянию от Города до Ираклии, а ведь и самый старый и немощный из вас доберется от Города до Ираклии, а здесь большая часть путешествия будет на кораблях, ни из-за промедления, так как до св. Георгия остается много времени.

26. На это возражали некоторые архиереи. [Митрополит] Ираклийский сказал: «Поскольку флорентийцы, как добрые люди, хотят помочь папе, то пусть они выделяют ему средства, и он здесь совершит то, что нужно исполнить». Император ответил на это: «Но флорентийцы дают деньги папе лишь на том условии, что он прибудет во Флоренцию и устроит Собор там. Но по-другому — никоим образом. Что же сделает для нас папа, если он не найдет средств со стороны? Вот, нам не хватает пропитания пять месяцев, и он сам не может дать нам ни на это, ни на последующие наши расходы и [тем более] на возвращение. Как же мы сможем позаботиться о нас самих, если не последуем за папой? Папа обещает, что если мы договоримся и согласимся идти во Флоренцию, то он даст нам здесь пропитания за пять месяцев и необходимые средства на путь во Флоренцию. А там папа устроит так, чтобы каждый получал [средства] на пропитание, когда захочет, из банка¹, не отправляя при этом никакого прошения к папе, но просто будет посылать каждый своего слугу в банк по истечении месяца, либо посередине, либо каждую неделю, и получать оттуда [средства] на пропитание, как каждый хочет.

27. Поскольку [все мы] не могли долго возражать доказательствам императора, кажушимся красивыми и убедительными, то все согласились исполнить предписанное. Затем император послал узнать мнение

¹ ἐκ τοῦ πύγκου.

Патриарха, поскольку тот, недомогая, находился в другой келье. Болящий Патриарх тоже согласился отправиться во Флоренцию, но добавил: «Я обращаюсь с отдельной просьбой к папе, чтобы, когда все оттуда начнут возвращаться в Константинополь, я бы не делал этого. Но хочу, чтобы папа доставил меня в Венецию». Когда посланные передали такое желание Патриарха, император сказал: «[Если] хочет этого Патриарх, пусть будет по его воле. Да пребудет со мной его молитва. Излишне то, чего он ищет, так как оттуда мы вернемся с большой легкостью». Итак, переезд во Флоренцию был решен и согласован.

28. Император призвал своего брата и деспота прийти из Венеции и сопроводить его во Флоренцию. Ведь деспот, не вынеся пренебрежения со стороны императора (когда он три часа ждал верхом во дворе, пока император совещался с Патриархом, как было сказано выше), уехал в Венецию. Получив извещение, он не захотел возвращаться, что привело императора к размышлениям. Поэтому самодержец, пользуясь помощью Патриарха и послав клятву, едва уговорил его вернуться.

Патриарх повелел архиереям готовиться к путешествию и избыточные вещи отослать в Венецию, в путь же взять немного и [самое] необходимое, а также архиерейские знаки отличий, поскольку, сказал он, там и произойдет объединение. Когда услышали это, то присутствовавшие там (хотя и не все присутствовали) соблазнились и сказали много жестких слов. [Епископ] Ахиальский сказал также: «Что же это мы услышали? Мы знаем, что латиняне никоим образом не убеждаются изменить что-либо в своем учении. Как же произойдет объединение? Ясно, что наши согласились принять их учение. Не для этого ли ведут нас туда, чтобы мы предали наше благочестие за эти одежды? Я возражаю и отдаю их, чтобы не погибла душа моя из-за того, каким способом, я слышу, произойдет объединение». Из-за него и из-за других произошло много шума по этому поводу. Сказал также и Гемист: «Сейчас архиереям, кажется, тяжело слышать, что произойдет объединение и ради этого нужно нести знаки отличия. Я же считаю, что с тех пор, как они договорились о переезде во Флоренцию и

собеседованиях о вере, с того времени им надо было уходить [домой], и не просто неся с собой знаки отличия, но надев их».

29. На следующий день большинство архиереев, первые и старейшие, собрались в Патриархии и искали видеть Патриарха. Он, будучи раздосадованным, не позволил им войти. Они же, сев там, сказали множество слов, похожих на сказанное прежде, и ушли. Когда эти слова дошли до императора, то на следующий день он пришел в Патриархию, повелев прежде, чтобы там оказались все, составляющие наш синод. Сначала он встретился с Патриархом, затем, выйдя оттуда и сев с нами отдельно, спросил: «Что вас соблазняет, заставляет волноваться и говорить, как я слышу, неподобающее?» Первые из архиереев ответили: «Патриарх сказал нам, чтобы мы принесли наши священные знаки отличия во Флоренцию, поскольку там произойдет объединение, и тем весьма смутил нашу совесть. Мы ведь знаем, что латиняне никоим образом не меняют ничего в своем учении. Какое же произойдет объединение, когда латиняне остаются такими, какими они являются? Это нас смущает, и мы хотим знать, как и ради чего мы отправимся во Флоренцию».

Император ответил на это: «Я не знаю, произойдет объединение или не произойдет. Но к чему я стремлюсь — чтобы оно благополучно состоялось. Утверждаю, что и все должны быть так расположены, хотя я до сих пор не знаю, произойдет ли это. Не имею представления, как сказал такое Патриарх, ведь никто из здесь присутствующих не знает этого — ни из греков, ни из латинян. Ни они, ни мы еще не знаем, произойдет ли это. Не знаю только, не имеет ли Патриарх сведений об этом из божественного Откровения. Итак, не стоит вам беспокоиться из-за слов Патриарха, так как все это неясно. Нужно отправляться во Флоренцию и говорить с неизбежностью об учении и хорошо исследовать дело. И будет то, что докажет исследование и состязание в словах».

30. Сказал тогда [митрополит] Эфесский: «Поскольку нам предстоит говорить об учении, то нужно нам здесь посоветоваться об этом и каждому высказать свое мнение, чтобы мы знали, как расположен каждый в отношении вероучения. И если со мной все единомыслен-

ны, и я имею их поддержку, то в таком случае я вступаю в бой. Если же я не имею всеобщей поддержки, то я буду просто сидеть, как и остальные». [Митрополит] Эфесский еще не успел окончить свое слово, как сразу духовник повернулся к императору и сказал с пылом: «Владыка мой святой, ты и экзархом Собора его назначил? Если это так, то повели, чтобы и мы все знали, что находимся под ним. Ведь откуда он имеет дерзновение спрашивать нас об этом?» Подобное говорил и [митрополит] Никейский. Затем император сказал [митрополиту Эфесскому]: «Как ты спрашиваешь меня? Кто дал тебе эту власть? Даже Патриарх не имеет дерзновения спрашивать здесь мнение, а ты как это делаешь, будучи равен остальным архиереям? Я не поставлял тебя экзархом. А если бы ты и был экзархом, то не следовало бы тебе спрашивать это таким образом. Какие выскажут мнения те, кто не услышал словесного исследования, пока сам вопрос не исследован и не выслушаны речи оппонентов, [когда] хорошо не исследовано и не рассмотрено все, относящееся к этим делам?»

Сказав эти и другие подобные им слова, выбрав и осмеяв вместе с [митрополитом] Эфесским и других, император молвил, наконец, полагая предел этой беседе: «Мы отправимся во Флоренцию и устроим собеседования, как установили, и будет то, что устроит Бог. На это взирайте и к этому готовьтесь, и перестаньте говорить лишнее».

Тогда сказал духовник: «Время, владыка мой, чтобы ты облагодетельствовал меня, как ты решил. Поскольку говорили некоторое время назад твоей святой царственности, чтобы ты меня облагодетельствовал, [и ты согласился], то и я доложил, что приму твое благодетельство в подходящее время. Вот, ныне время пришло». Итак, император облагодетельствовал его должностью великого протосинкелла, чтобы благодаря этому иметь ему больший вес.

31. Архиереи, поскольку не смогли ничего исправить, нехотя согласились и по необходимости готовились. Тогда папа был в точности извещен, что все согласились последовать за ним во Флоренцию, и он выдал [нашим] пропитание. Когда до этого все кричали и просили, теснимые нуждой, латиняне считали просьбы нуждающихся неяс-

ными голосами и пустым шумом. Хотя и полагалось нам пропитание за пять месяцев, и они обещали выдать его всё без остатка, то все же они дали нам 12 января 2412 флоринов за четыре месяца и попросили направиться во Флоренцию.

32. «Поскольку происходит перемещение Собора, — сказали латиняне, — то надо возвестить это в церкви, в которой было первое провозглашение [об открытии Собора]». Итак, они составили небольшую грамоту, и когда все собрались в кафедральном соборе, зачитали ее. Грамота оповещала, что Собор переезжает по причине чумы. Чума же прекратилась два месяца назад. Так они были правдивы!

16 января папа вышел и направился во Флоренцию, предполагая идти по тому пути, по которому он выслал всех слуг и свои пожитки. Сам же он по другому пути прибыл во Флоренцию неузнанным, как обычный человек, вместе с 28 [приближенными к нему] людьми: Блаженнейший боялся злоумышлений¹.

33. Затем готовился [к отбытию] император, и он сказал: «Пусть и старейшие из архиереев приготовятся идти вместе со мной, дабы они имели хороший отдых вместе с нами». Услышав это, большинство архиереев искали уйти вместе с императором. Я записал по именам желающих идти, доложил императору, и он их принял. Затем я вновь пришел на следующий день и доложил императору, что они будут готовы, как только он прикажет. Император же сказал, что «архонты не берут столь многих: они говорят, что возьмут четырех или пятерых первых, как [митрополитов] Трапезунда, Эфеса, Ираклии, Моне-васии, Кизика, а также еще кого-то, чтобы они отдыхали вместе с ними как их друзья и отцы, но они не обязаны покоить чуждых и незнакомых для них. Итак, воспрепятствуй остальным, и пусть пойдут те, кого мы упомянули, и хорошо отдохнут». Император сказал это, опасаясь, чтобы кто-нибудь из них не убежал, так как в те дни он сообщил маркизу [свои опасения] и говорил ему, что если кто примет грека на свой

¹ Скорее всего, были опасения в отношении Николо Пичинино и миланцев.

корабль, идущий в Венецию, то корабль будет сожжен. Вот и второе наше ограничение.

34. После этого Патриарх сообщил императору, что он сам пойдет первым. Император же ответил: «Так устроено, что первым пойду я. Мы установили это вместе с папой, и не нужно делать по-другому». Опечалился при этом Патриарх и сказал: «Церковь должна повсюду быть впереди, и ей воздают первую честь. Император же делает обратное: он поступил так в Венеции и здесь хочет сделать так же. Вот так разделяется Христос». Когда великий протосинкелл сообщил это императору (поскольку именно он был посланником), тот позволил Патриарху уйти первым. 25 января выдали нам всем, кроме разве что Патриарха, по два флорина на дорожные расходы, всё вместе — 340 флоринов: плату за фрахт кораблей и за лошадей они внесли сами.

35. 26-го к вечеру Патриарх взошел вместе с архиереями и всеми нами на корабль. После всей ночи и следующего дня мы прибыли к концу реки и оставались там на кораблях два дня, ожидая лошадей. Когда они прибыли, мы проехали на них расстояние около трех часов пути и остановились в замке. На следующий день вновь, проехав расстояние около пяти часов пути, мы достигли Фаэнцы. Там мы тоже пробыли несколько дней, ожидая других лошадей из Флоренции. Когда они прибыли, мы опять ехали на них три дня и достигли Флоренции 7 февраля к вечеру, в субботу Мясопустной седмицы. Множество тягот, перенесенных в дороге, не позволят мне передать их, так как я желаю быть кратким.

36. Патриарх, терзаемый усталостью и болезнью, оставался четыре дня в монастыре, находящемся у ворот вне города. Затем прибыли флорентийские архонты, сопровождали и привели Патриарха с честью и гулом труб к приготовленному для него жилищу. Все праздничные колокола звонили до тех пор, пока он не пришел в свой дом. Затем, 14 февраля, приехал император, и он тоже оставался в том же монастыре. 15-го числа, которое было воскресеньем Масленицы, флорентийские архонты приготовились и около второго часа по-

полудни отправились, чтобы ввести императора [в город] и проводить в приготовленный для него дворец. Все мужчины и женщины сбежались на [эту] встречу, [предвкушая для себя] зрелище и удовольствие, и можно было видеть группы архонтисс, одни из которых великолепно восседали на балконах и черепицах крыш (ведь во Флоренции без страха ходят и сидят на черепице), другие, также великолепно наряженные, заранее занимали лучшие места, чтобы видеть императорскую процессию. И повсюду был устроен великолепный праздник ко входу императора. Но и день с утра и до третьего часа пополудни сиял, будучи освещаем солнцем.

После же третьего часа облака стали закрывать лучи солнца, день потемнел и стал пасмурным. Когда император вышел на путь ко Флоренции, начал моросить дождь, он все усиливался, и когда император входил в ворота города, разразился проливной ливень, так что оказавшиеся там люди бегом бросились в дома прятаться. Император проходил через город, поливаемый дождем. Рядом с собой он имел двух кардиналов, сопутствующих ему. Сверху — тканый балдахин, не укрывающий от дождя, сам, можно сказать, поливаемый и капающий дождем. Итак, император бежал бегом, чтобы достичь данного ему жилища и избежать сильного и жестокого ливня. Таким образом, ни звон колоколов, ни звуки труб не принесли ни приходящим, ни смотрящим никакого удовольствия, но мрачным и не праздничным оказалось торжество входа императора, а проливной дождь расточил раньше времени все собравшееся и любящее праздники общество.

Часть VIII

В которой [рассказывается] о собеседованиях во Флоренции, и как император прекратил их и перешел к компромиссам ради объединения.

В это время прибыл посол с просьбой о помощи Городу; император с великим усердием просил папу об этом и ничего не достиг, и как он [т. е. император] насмеялся над [митрополитом] Ираклийским, и как Юлиан, придя к императору, доказывал, что папа делает даже больше уговоренного, тогда как мы не соблюдаем договоренности; и как император пришел отдельно вместе с несколькими архиереями к папе, и они тайно обсуждали пути объединения; и как латиняне прислали нашим исповедание веры, а наши, со своей стороны, — им

Воспоминание восьмое

1. После нашего прибытия во Флоренцию нам дали возможность отдыхать первую неделю поста. На следующей неделе готовились собеседования, и латиняне просили, чтобы они имели возможность предлагать вопросы. Император согласился прежде, чем поставил вопрос об этом на синоде. Узнав об этом, наши сказали императору, что нехорошо нам отказываться от возможности предлагать вопросы. Император же ответил: «Сначала предлагали мы. Сейчас справедливо, чтобы предлагали они». Наши на это ответили: «Мы являемся убеждающей и обвиняющей их стороной, поэтому следует нам сначала высказать наши обвинения и вызвать их к ответу». Император возразил: «Следует нам сохранять равенство каждой из сторон: на первых заседаниях предлагали мы, а сейчас следует предлагать им». И подтвердил это, сказав «ведь так будет справедливо».

2. Итак, 26 февраля второго индикта, в четверг второй недели поста, состоялась первая встреча. Юлиан начал, говоря во вступлении: «Блаженнейший Отец повелевает мне рассказать, что когда мы договорились о перенесении этого священного Собора из Феррары во Флоренцию, император сказал, что он очень желает, чтобы это дело единства было завершено и доведено до конца. Папа принял это с радостью и сказал, что для этого нет другого более подходящего способа, чем постоянные собеседования. Наконец, было решено, чтобы мы обязательно встречались трижды в неделю, и собеседования продолжались бы по три часа каждое. Затем императору показалось более полезным, чтобы с каждой из сторон было выбрано по несколько человек, которые бы отдельно и келейно старались найти путь, которым мы бы пришли к единству. Если мы таким способом сможем объединиться, то пусть будет реализовано то, что мы постановим, если же не будет таким образом найден способ объединения, то мы будем следовать к объединению через собеседования. Поскольку император это предложил первым, то ясно, что он нашел и способ объединения, и папа просит, чтобы он нам открыл его».

3. Император ответил, что «я первым делом сообщу то, что собирался высказать до того, как кардинал сказал то, что сказал. Затем отвечу и на его слова. Итак, я утверждаю, что мы сказали по поводу прибавления [к Символу веры] много сильных слов, и могли бы сказать еще больше и сильнее, но оставили их по вашей просьбе, так что в нашей власти остается сказать об этом, когда мы захотим. Поэтому я и решил сообщить об этом заранее, чтобы, если нам случится вернуться к тем словам, не оказалось, будто мы возвращаемся к тому, от чего отказались. В отношении остального, что ты сказал, соглашаюсь и я, что это так: способа же объединения мы не нашли и не имеем его, поскольку не искали. Если же имеете вы, то мы просим вас явить его нам».

4. Услышав эти слова, они, встав, приблизились к папе и тихо совещались. Затем они сели, и Юлиан сказал: «Кротчайший владыка император¹, твоя кротость убеждена, что сказанное твоими о прибавлении

¹ γαλνότητε κύριε βασιλεῦ.

сильно и подлинно, а многое другое они оставили по причине того, что мы просили перейти к беседам об учении. И твоя кротость позволяет нам это сделать, с тем, однако, чтобы, когда твоя кротость захочет, вернуться к тем речам. В отношении первого Святейшему Отцу и всем нам кажется, что различие относительно прибавления было великопечно разрешено и объяснено, а то, что вам кажется сильным, было с ясностью ниспровергнуто, так что мы просили перейти к беседам об учении, чтобы не терять время. Пусть ваши сейчас скажут, если они имеют, что сказать: мы готовы слушать и разрешать, с Божьей помощью, проблемы, которые будут предложены».

Император ответил: «О прибавлении мы сказали, что вопрос остается открытым, поскольку он не решен, так что ему следует оставаться открытым. О пути единения мы не говорили, что будем его искать одни: мы обязательно должны найти способ объединения, но — вместе».

5. То, что было сказано на этой и на других семи происшедших во Флоренции встречах, содержится в записях, которые ежедневно велись назначенными писцами, и если кто захочет узнать, то найдет их там. На заключительной встрече [митрополит] Эфесский, побуждаемый императором, сказал слово, представляющее [на основе цитат] из Св. Писания и [творений] святых [отцов] истину и чистоту нашей веры и догматов нашей Церкви, и положил конец дискуссиям¹. Это он сделал, видя убежденность латинян, их софистичность и склонность к раздорам, а по большей части, как было сказано, побуждаемый императором. Были и другие две встречи, на которых латиняне предлагали речи западных святых из каких-то тетрадей, подтверждающие их учение, т. е. исхождение Святого Духа и от Сына, и просили ответа. Но никто из наших не дал ответа. Сказали только: «Мы будем отвечать, когда увидим подлинники». На этом собеседования прекратились.

6. Император собрал всех нас перед лицом Патриарха и сказал [митрополиту] Эфесскому, чтобы он ответил на то, что предложили лати-

няне. Он же заметил: «Я вижу, что эти собеседования никогда не закончатся и не принесут нам ничего хорошего. Поэтому я предлагаю не говорить впустую и не сражаться зря. Ради этого я взял у твоей святой царственности разрешение на то, чтобы сказать, что я сказал в заключительной беседе, и остановиться [на этом]. Если ты повелишь, пусть скажет кто-нибудь другой и даст им ответ». Поскольку император склонял именно его сделать это, он добавил: «Я не знаю, принадлежат ли представленные цитаты указанным ими святым. Если я буду отвечать, то скажу, что они поддельны». И тут же некоторые сказали ему: «Если ты скажешь, что они поддельны, то оскорбишь святых, воздвигнешь разномыслие и спор между святыми, и будет большой соблазн». Он же ответил: «Я не оскорблю святых, но поскольку мы не имеем текстов, в которых содержатся эти цитаты, и они нам неизвестны (ведь мы не слышали о них до сих пор), то я объявляю, что сомневаюсь в них, так как я не знал их, а [западным] святым воздам подобающую честь».

Но слово это не понравилось окружению императора. По прошествии двух дней император пришел к Патриарху. Собрались вновь и мы, чтобы говорить и советоваться о тех же вещах. Когда опять многое было об этом сказано, то [митрополит] Эфесский сказал: «То, что из цитат западных святых согласно с письмом к Марину св. Максима [Исповедника], то я приму как подлинное. А что не совпадает, я не приму»¹. Это не понравилось протосинкеллу и большинству [присутствующих], кроме немногих. Поэтому и было отвергнуто.

¹ Очень интересное мнение св. Марка Эфесского и, возможно, определяющее для православного богословия в его диалоге с латинским учением: подобно тому, как Ареопагитский корпус принят Церковью в контексте комментария преп. Максима Исповедника, так и латинский филиоквизм может быть принят в тех рамках, которыми его очертил этот св. отец неразделенной Церкви. Суть мнения св. Максима такова: *Filioque* может быть православно истолковано, если его понимать как «через Сына» в контексте исхождения Св. Духа в истории, но не сущностно. Т. е. св. Марк Эфесский

¹ Текст речи св. Марка Эфесского см.: *Gill J. Acta. P. 354–393; Hofmann G. Acta. P. 184–196.*

Мы вновь собрались на третью встречу у Патриарха в том же составе и по тем же вопросам. Император присутствовал и просил [митрополита] Эфесского дать ответ на представленное латинянами. Об этом было произнесено много слов, и [митрополит] Эфесский сказал: «Я могу дать ответ, в котором объясню и докажу, что эти цитаты не согласуются с учением, которое имела вся Христова Церковь, тогда единая, даже если услышанные нами сейчас цитаты имели место и тогда». Император спросил: «Откуда представленное твоими силлогизмами будет иметь убедительность и достоверность?» Тот ответил: «От Вселенских соборов». Это не понравилось императору и некоторым другим, так что вскоре это было отвергнуто, и мы расстались. Выходя, [митрополит] Эфесский сказал вслух императору, Патриарху и всем [остальным]: «Я открыто выскажу свою точку зрения и мнение, которое имею о данных вещах. Если это понравится и остальным, хорошо. Если нет, то я все же последую за моей Церковью».

7. Так у нас обстояли дела, когда к императору прибыл посол Факраз¹ Кантакузин с грамотами от императриц, деспота и месадзонов. Смысл посольства был в том, что сенату показалось правильным и во всех отношениях нужнейшим, чтобы к концу весны в Константинополе оказалось, по меньшей мере, две папские галеры, поскольку таким образом будет сдержан натиск на Город. Кантакузин развернуто рассказывал это императору и просил скорее позаботиться об этом, так как уже начиналась весенняя пора. Через несколько дней он сказал нам, открыто хвастаясь, что вскоре он вернется вместе с кораблями. Когда мы несколько усмехнулись, зная расположение к нам латинян и их помощь, он сказал вновь: «Я совершенно уверен, что через 15 дней уеду отсюда с кораблями». Он не знал, что выедет вместе со всеми

предлагает поверять католическое богословие его согласием с общими древними св. отцами.

¹ Распространенное в XIV–XV вв. византийское имя тюркского происхождения. Этот посол, впрочем, неизвестен из других источников.

нами через шесть месяцев и достигнет с нами Константинополя к следующей весне на кораблях Прагматии.

8. Однако император принял это посольство с радостью, так как и сам заботился о подобных вещах. Воспользовавшись этим поводом, он передал папе [просьбу] о помощи в таких словах: «Наши договоренности, скрепленные и утвержденные изданным вами [т. е. латинянами] декретом, среди прочего содержат и то, что, пока мы пребываем в этих краях, то если понадобится послать корабли на помощь Городу, Твое Блаженство пошлет их на собственные средства. Сейчас великая нужда и необходимость послать туда корабли, так что мы имеем право просить Твое Блаженство, чтобы ты послал корабли, согласно соглашению в декрете. Сам я сейчас не прошу этого, но свидетельствую, что на расходы на арбалетчиков и галеры, охраняющие Константинополь, ты должен 11 000 флоринов, так как именно этой суммы не хватает находящимся там. Пусть выделяют сейчас эти флорины и снарядят на них две галеры, и они отправятся в Город. Я же напишу, чтобы охраняющим [Город] выдали из моих доходов причитающееся им от Твоего Блаженства сообразно нашим соглашениям». Император говорил это папе с большой мольбой, часто и в течение многих дней — и ничего не достиг. Таковую вот помощь для нашей родины император нашел у латинян при острой необходимости, присутствуя там лично вместе с сенатом и всей Церковью, прямо говоря с ними и прося.

9. Латиняне требовали ответа и говорили, что если наши убеждены тем, что они сказали, то нужно объединиться, а если сомневаются, то нужно говорить еще. Император знал, что если будет говорить [митрополит] Эфесский, то он будет говорить тем же образом, каким, как было сказано выше, он и говорил, а не так, как этого хочет сам император. Так что он не хотел больше возвращаться к собеседованиям, а искал каких-либо способов объединения и компромиссов, совещаясь ежедневно с великим протосинкеллом, [митрополитом] Росийским или Никейским, каждый из которых приходил к нему отдельно. Остальные же сидели праздно. Если они когда и сходились для совещания по приказанию, то, скорее, они получали упреки от императора как не-

убеждаемые, [якобы] не помогающие на путях единства и не пекущиеся о том, что кажется полезным для блага родины. Упомянутые трое устаивались принятия и благосклонности как находящиеся постоянно с императором, дающие удобные советы и помогающие [ему]. [Были с императором] сами они и те, кто за ними следовал. Остальным же доставались гнев и тягость.

10. Некоторые писали из Анконы и Венеции к своим друзьям, говоря: «Вы там находитесь под арестом и не подозреваете [об этом]». Захотел как-то [митрополит] Никейский выехать верхом ради небольшой прогулки, и когда он достиг ворот города, привратники помешали ему, сказав: «Мы имеем приказ от Синьории, чтобы не позволять ни одному греку выезжать конным». Сказал им [митрополит] Никейский: «Какую власть имеет над нами ваша Синьория, чтобы устраивать такое ограничение?» Они же ответили: «Не наша Синьория делает это, но ваша царская власть: император попросил Синьорию сделать это, а Синьория приказала нам, и мы храним это». Так поневоле возвратился [митрополит] Никейский к Патриарху, а следовавшие за ним слуги рассказали нам о происшедшем. Мы очень были этим огорчены и встревожились, осознав уже третье ограничение.

11. Однажды мы все собрались по приказу в патриарший дом, и император начал так: «Я являюсь защитником¹ Церкви. Дело защитника Церкви, которое при других обстоятельствах разделяется на множество, в данном случае состоит из двух вещей: первое — хранить и защищать² догматы Церкви и предоставлять свободу тем, кто хочет говорить в их пользу, дабы беспрепятственно способствовать тому, что они избирают сказать как правое учение, а также высмеивать и удерживать любящих споры и враждебным образом противоречащих. Второе — удерживать и сохранять всех наших в единомыслии, чтобы все были согласны в едином произволении и едином помышлении. В настоящее время это является моим делом как защитника Церкви,

¹ δεφέντωρ.

² δεφενδεύειν.

поэтому я заранее сказал вам, дабы вы знали, что противоречащий, любящий споры и не подчиняющийся решению большинства, найдет со стороны моего царства гнев, насмешки и все остальное, подобающее для его стеснения и смирения, чтобы он не буйствовал, как придется, но знал свою меру и следовал большинству». После такого вступления император объяснил, что нужно найти некий компромисс, с помощью которого будет достигнуто единство.

12. Об этом некоторыми из сотрудников императора были сказаны разные слова. Пока об этом говорили, Патриарх был сражен [своей] обычной болезнью и ушел в свое жилище. Желавшие говорили об этом деле, и посреди этих речей император сказал: «Если окажется, что латиняне согласны с тем, что св. Максим излагает о Святом Духе в письме к Марину, то не кажется ли вам за благо, чтобы мы объединились через это?»

[Митрополиты] Росийский и Никейский, а также великий протосинкелл брали слово и спешили объявить это [решение] правильным и убедить всех принять его. [Митрополиты] Эфесский и Ираклийский и немногие другие возражали. [Митрополит] Эфесский утверждал, что латиняне учат противоположное тому, что говорит св. Максим: «Как же мы объединимся с теми, кто только на словах соглашается с речением св. Максима, а у себя учит противоположному и даже провозглашает это в церквях? Надо, чтобы они сначала ясно и несомненно исповедали наше учение, и таким образом объединились с нами». Император сказал на это, что «мы должны у них просить исповедания устами и довольствоваться этим, а не исследовать помышления в глубине сердец их». На это [митрополит] Эфесский ответил: «Если мы в помышлениях расходимся в отношении веры, то мы не сможем объединиться».

13. После многих речей и этой, как казалось, дискуссии, император заявил: «Вопрос исследован достаточно: пусть [все] голосуют». [Митрополиты] Эфесский и Ираклийский сказали, что «недостаточно нам объединяться на одном лишь высказывании св. Максима». А [митрополиты] Росийский и Никейский и великий протосинкелл

утверждали обратное и представляли это как вполне достаточное. Поскольку император знал, что он заранее подготовил большинство, чтобы они последовали его мнению, и лишь некоторые возражали, то он приказал не говорить по одному, но чтобы все высказали свое одобрение, если они соглашались с тем, что сказали [митрополиты] Росийский и Никейский. Немногие воскликнули: «Одобряем и принимаем!» Император настаивал: «Пусть скажут это все». И на этот раз сказало большинство: «Это хорошо. Принимаем». Но император, смотря и обращая внимание, кто говорит, сказал: «А те, кто сидят сзади, не могут говорить? Почему они не подают голос?» Побуждающий их согласиться с постановленным, а это был [митрополит] Никомидийский, сказал: «Все одобряют и принимают это».

14. Таким вот образом и с такой свободой император спросил мнение всех по данному вопросу. Если некоторые и склонялись к мнению Эфесского и Ираклийского [митрополитов], то не нашли храбрости сказать то, что они хотели. Затем вновь перешли к другим разговорам о единстве, которым противоречил [митрополит] Эфесский, и завязалась ссора. Спорящие [с ним] показали несогласие в выборе мест: на этих встречах, устроенных [нами] отдельно, они сидели напротив Эфесского [митрополита] и тех, кто с ним. [Митрополит] Ираклийский, видя страстность и любовь к спорам у тех, кто противоречил [митрополиту] Эфесскому, сказал им: «Вы, в самом деле, все говорите это ради страсти». Услышав это, [митрополиты] Росийский и Никейский воскликнули: «Посмотри, как он нас оскорбляет! И что мы говорим плохого, что мы подвергаемся от тебя оскорблениям?» И начал [митрополит] Росийский поносить [митрополита] Ираклийского. Император, призвав [митрополита] Росийского к молчанию, сам весь устремился с гневом на [митрополита] Ираклийского и сказал: «Владыка, откуда ты имеешь [право] так говорить, укорять и бесчинствовать? Ты не знаешь, что дерзишь архиереям? И откуда взял ты такую власть? Ты не знаешь своих границ и не представляешь, докуда простирается твое знание и образование? Но ты являешься неотесанным и простецом, поэтому ты и решился такое сказать, ведь если бы ты был разумным и

воспитанным, ты бы не говорил так дерзко и не бесчинствовал перед лицом императора. До каких пор я буду терпеть эти твои бесчинства? До каких пор буду это выносить? Или ты думаешь, что я не знаю того, что ты говоришь и устраиваешь, чтобы воспрепятствовать этому божественному делу единства? Я в точности знаю, как ты к этому расположен и что ты делаешь против единства, и я поистине знаю, что ты избрал даже продать мантию, которую носишь, чтобы воспрепятствовать единству. Мы пришли сюда не для того, чтобы каждый говорил и делал, что ему вздумается, но чтобы потрудиться вместе для общего блага, а то ты не стыдишься, не стесняешься и не боишься говорить и делать противоположное? Но то, что ты устроил во время встречи в Палатиани и сказал мне перед лицом моей госпожи и императрицы-матери то, что ты мне сказал, я перенес с великодушием, ты же не подумал и не устыдился того, что ты сказал. Так и сейчас ты, не стыдясь, говоришь то, что тебе не подобает, так как являешься простым человеком, невоспитанным, неблагородным и диким, и ты не догадываешься и не знаешь, что за слова ты говоришь. Но виновным во всем том, что ты говоришь и делаешь, являюсь я. Ведь если бы я устроил тебе, что следовало, за то, что ты сказал перед лицом моей госпожи и императрицы, то и сам ты, и всякий, подобный тебе, думал бы и следил за тем, что говорит. А сейчас наше великодушие и кротость сделали тебя еще более невоспитанным и бесстыдным».

15. Эти и множество других слов, полных гнева и досады, император с негодованием изверг на [митрополита] Ираклийского, возвращаясь и повторяя дважды и трижды одно и то же в неудержимом порыве гнева. На это он потратил полтора часа. Наконец, к вечеру, как только император остановился, сказал ему [митрополит] Ираклийский: «Благодарю тебя, владыка мой святой, что за работу, которую и для тебя сделал, и за труды, какими потрудился, за трудности, опасности и прочие обстоятельства, которым я подвергся, исполняя и ревностно выполняя твои пожелания, я услышал от твоей святой царственности такие определения и такие получил воздаяния и благодеяния». Затем все остановились и достаточно времени сидели безгласны. Потом

архиереи, сидящие близко к деспоту, просили, чтобы он стал посредником и примирил императора с [митрополитом] Ираклийским. Так и произошло. После просьб деспота и некоторых архиереев, император сказал: «Я прощаю на этот раз и сочувствую по этому поводу, ему же впредь надо быть внимательнее». Так император почтил представителя Александрийского Патриархата и проэдра ипертимов.

16. За этим нас вновь застало бездействие, и мы сидели, бедствуя и страдая. Прошел и заранее определенный срок, т. е. память св. Георгия, и не было совершенно никакого ни дела, ни слова. А о пропитании вовсе не помнили обещавшие поставлять его дважды в месяц, как только мы попросим. Когда прошло уже три месяца и больше, то все пострадали от нужды, а более других — янычары императора, как наиболее нуждающиеся и бедные. Поэтому они приступили к великому протосинкеллу, как влиятельному человеку при императоре, и просили его обратиться к самодержцу, чтобы он дал им что-то на пропитание. Он просил дважды и трижды и ничего не достиг. Когда же они еще более просили его, то он дал им из своих средств один флорин и через день вновь поступил так же. Когда же они опять из-за нужды пришли к нему и просили, чтобы он на средства императора или на свои собственные позаботился о них, то великий протосинкелл, зная расположение императора и не решившись к нему обратиться, дал им от себя свои священнические поручи и сказал: «У меня нет больше ничего, чтобы дать вам. Поэтому, взяв их, продайте и используйте на пропитание их цену». Они, взяв их, пошли, показывали их архиереям и просили купить, рассказывая о заботе великого протосинкелла. Поскольку там ни у кого не было надобности купить поручи, они вернули их давшему. Через несколько дней опять, теснимые нуждой, они приступили к великому протосинкеллу и оплакивали свою крайнюю нужду и то, как один из них продал оружие, другой заложил одежду, третий — еще что-то. Он же сказал им: «Идите к [митрополиту] Эфесскому и к великому сакелларию, поскольку [именно] они препятствуют объединению, и сделайте с ними, что хотите. Из-за них страдаете и вы, и все остальные, и мы не можем вернуться домой».

Они, услышав это, сразу побежали к [митрополиту] Эфесскому, будучи числом более двадцати человек, но не нашли его. Оттуда они отправились к великому сакелларию, вооруженные гневом, и говорят [ему]: «Почему вы не даете совершиться объединению, но хотите, чтобы мы умерли здесь? Разве хорошо, если мы погибнем от голода? Или вы не знаете, что мы не потерпим здесь страдать из-за тебя и другого, тебе подобного?» Когда великий сакелларий спросил: «А кто сказал, что я помешал или мешаю единству?» — они ответили: «Великий протосинкелл говорит, что ты и [митрополит] Эфесский мешаешь произойти объединению, и послал нас к вам». Он, испугавшись и затрепетав, не знал, что и делать. Он едва смог их устыдить и заставить молчать, когда и они разобрались и поняли злоумышленный образ действий великого протосинкелла. Великий же сакелларий пошел к Патриарху, чтобы обвинять и судиться соборным образом с великим протосинкеллом по поводу этого злоумышления. Мы же, заботясь о репутации нашего чина, просьбой и словами воспрепятствовали ему.

17. Когда же в другой раз сидели вместе [митрополит] Никомидийский, великий сакелларий, великий протосинкелл и некоторые другие, скорбя по поводу недостатка продовольствия и великой нужды наших, великий протосинкелл сказал: «Это я позаботился, и они удержали пропитание». Услышав это и изумившись, великий сакелларий сказал ему: «Савас!»¹, сделав знак большим пальцем в подтверждение и похвалу его попечения и заботы о наших. Тот же сказал: «И что я сделал плохого? Вы хотите проедать флорины папы, будучи праздными и совершенно не заботясь о единении?» Великий сакелларий, изумляясь не меньше, нежели иронизируя, сказал: «Ты хорошо сделал, поэтому я и говорю тебе “Савас!”», хваля и изумляясь тебе, [твоему] состраданию и помощи соотечественникам и единомышленникам, и заботе о нуждающихся». Вот такие советы наши предлагали тем, кто отличаются от нас, и всеми способами стараются нас подчинить и борются, чтобы одержать над нами верх.

¹ Некий положительный возглас, происхождение и буквальный смысл которого остается неясным. Здесь употреблен с сарказмом.

18. Поскольку дела обстояли таким образом, то мы, страдая и терпя нужду во всем, просили и умоляли Патриарха, чтобы он сообщил императору и просил его позаботиться о делах и в особенности о нашем возвращении, поскольку мы увидели, что бесполезным для нас будет решение латинян. После второй и третьей беседы Патриарх послал к императору [митрополита] Молдовлахийского, великого скевофилака и меня, чтобы сказать ему следующее: «Прошло много дней, что мы сидим праздными, и я вижу, что не произойдет ничего хорошего. Все наши страдают, а я больше остальных: я немощен и не нахожу здесь подходящего отдохновения, и потому я требую возвращения, так как не хочу быть похороненным в Италии. Поэтому я прошу твою святую царственность позаботиться о нашем возвращении, ведь ни я, ни наши не могут больше здесь оставаться и страдать, к тому же мы не видим, чтобы могло произойти исправление в различии учения. Поэтому надо оставить это и подумать о возвращении».

19. Император, когда услышал это, сказал: «Что касается меня, то я не сижу праздным, но постоянно говорю и борюсь по поводу этого дела. Ко мне постоянно приходят люди от папы и говорят, а я отвечаю. И если другие спят, то я борюсь. Что мы бездействуем и что прошел назначенный срок, зависит не от меня, а от вас, поскольку вы устраиваете задержку. Вы утверждаете, что не будет [благополучного] завершения, и чтобы из-за этого я позаботился о возвращении: но это не мое собственное дело, а Церкви. Если это дело разорю я и произойдет какая-либо оплошность, то вся брань падет на меня. Если будет ошибка и порицание в отношении моих собственных дел, т. е. государственных и мирских, которые я делаю вместе с моими людьми, то мне это не покажется чем-то серьезным. Но данное дело есть дело церковное, и оно заслуживает внимательного рассмотрения и церковного совета. Итак, я не хочу испортить это один и позже получить брань и порицание от многих, которые решат, что иное решение было бы нам полезнее. Ведь проще сказать: "Мыотрежемэто", — но ведь надо думать, какой следует наносить удар, чтобы не грубо и будто бы топором, но как можно мягче и легче, если он и понадобится. К тому же я не при-

знаю эти слова словами Патриарха, но, как мне кажется, другие вынудили и заставили его, чтобы он сообщил это мне. Так что я пойду сам, послушаю его и отвечу пространнее».

20. Я все же боюсь, что в этих делах нас не миновало то, о чем говорил учитель Иосиф¹. Он часто говорил, что «если благоволит Бог состояться Собору, то я скажу там слово, которое несомненно и бесспорно объединит нас. Оно безупречно², так что никто не сможет отвергнуть его как враждебное или ошибочное». В келье, где мы сидели, под потолочной балкой висело сферообразное зеркало, и он сказал: «Подобно тому, как это зеркало безупречно (ведь никто не сможет одним прикосновением взять и удержать его), так и слово то, — сказал он, — безупречное и объединяющее». Я просил, чтобы он сказал мне то слово, но он не захотел. Я сказал ему: «Ты говоришь мне дело великое и труднообретаемое, скорее, даже не обретенное до сего дня. Да сохранит тебя Бог до того времени, чтобы, если есть на то воля Божия, это благое дело было совершено через тебя. Но если ты, как человек, воздашь долг смерти и не передашь кому-либо то, о чем ты говоришь, то я думаю, что ты сам будешь иметь большой грех и нам нанесешь великий урон. Итак, я прошу тебя, открой мне это, а я сохраню, как тайну». Он же не захотел сказать мне эту тайну, ответив: «Не думай об этом. Прежде, чем уйти, я позабочусь о том, чтобы у вас было то, о чем я говорю, когда оно понадобится вам. Вы найдете это написанным, но позаботьтесь и вы, чтобы такое благо вас не миновало».

21. Итак, поскольку латиняне ежедневно просили и весьма настаивали, чтобы мы либо приняли то, что они сказали на последних беседах, и таким образом объединились, либо вновь вернулись к беседам, то император был вынужден отправиться к Патриарху. (О чем они совещались наедине, мы не узнали. На следующий день он повелел, и мы собрались у него: [митрополиты] Эфесский и Росийский,

¹ Иосиф Вриенний (ок. 1350 — до 1438).

² ἄμωτος. Скорее — *непостижимо*. Но смысл этого загадочного предположения Иосифа Вриенния так и не ясен.

великий хартофилак и я, и он сообщил через нас папе, что «мы пришли сюда и оставались до настоящего времени, ожидая, что с Божьей помощью совершится объединение. Состоялись (и в достаточном количестве состоялись) собеседования, и наши сказали множество хороших и необходимых слов о прибавлении и об учении. Так же и ваши сказали многое. Мы видим, что не придем к одному и тому же заключению, так как ни вы ни в чем не соглашаетесь с приводимыми нами доказательствами, ни мы не убеждаемся вашими словами. И, как можно заключить из собеседований, мы не сойдемся на едином заключении. Поскольку мы [все] сделали, согласно тому, что заключали в себе наши соглашения, а из собеседований стало ясно, что не получится единства, то мы просим, чтобы вы позволили нам вернуться к себе».

22. Когда услышал это папа, то воспринял с негодованием и передал через нас обратно: «Я считаю, что наши достаточно доказали то, что они предлагали. Должно было и вам убедиться услышанными вами ясными и истинными доказательствами. Если у вас в них есть сомнения, то спросите об этом у нас, и наши с легкостью дадут на каждое из них слово, разъяснение и решение. Ведь никогда не было и не будет у Римской церкви недостатка в силе слов, достаточных для разъяснения и решения любого затруднения, которое поднималось или будет подниматься кем бы то ни было. Тем не менее, как мне кажется, наши ясно доказали, что то, что мы говорим и учим, является истинным учением Церкви, и они предоставили доказательства из слов ее святых и учителей.

И я предлагаю, чтобы был назначен день, и собрались здесь вы, относящиеся к священному чину, вместе с переводчиком. Пусть будет лежать открытым св. Евангелие, и каждый пусть подходит и, положив на него руку и клянясь, скажет, каково его мнение о том, что он услышал от наших. Таким образом, я считаю, все легко придут к общему решению. Итак, идите, передайте это императору и вашим. Я же вскоре сообщу вам и нечто другое».

23. Когда мы пришли и сообщили это императору, Патриарху и остальным, то они не приняли такое предложение: ведь как они могли

на самом св. Евангелии делать дело, им запрещенное? [Митрополит] же Росии возражал, говоря, что «мы находим в Писании, что и Бог клянется». Этот вопрос о клятве был предложен прежде [митрополитом] Митилинским, так как он за много дней до того предложил это и говорил, что надо поступить таким образом.

24. Император пришел к Патриарху, собрались и мы там по его приказу. Папа послал трех кардиналов — камерария¹, Юлиана и Фирмана, — и десять епископов. Юлиан начал, и от начала до конца обращался к императору с дерзновением, красноречием и риторическим умением. Пусть будет из его слов передано то, что осталось в нашей памяти, если невозможно изложить их дословно. Итак, он сказал, словно от имени папы², что «блаженнейший папа послал галеры, согласно договоренности, которые и пришли туда к вам в сентябре месяце. И хотя вы могли прибыть на них сюда в течение всего ноября, вы прибыли в феврале, и потому произошли очень большие расходы из-за такой задержки. Затем, когда вы прибыли в Феррару, мы сказали, что надо устроить провозглашение Вселенского собора, и вы потратили на это больше месяца. Мы просили перейти к дискуссиям, и вы [опять] не захотели, а попросили отсрочку в четыре месяца с тем, чтобы [только] после нее вы говорили. Вместо четырех месяцев прошло семь, и вы [снова] не захотели перейти к дискуссиям. Но и по ходу четырех месяцев вы согласились, что будете встречаться с нашими дважды в неделю и что мы будем говорить о различиях между нами. И вы дали нам об этом грамоту. Тем не менее, вы встретились восемь раз, а затем прекратили. Было установлено, что мы будем говорить на Соборе трижды в неделю неопустительно, но вы и это не соблюли, но встречались с промежутками, а потом и от этого отказались. Показалось правильным, чтобы нам отправиться во Флоренцию. Зная ваши отсрочки и промедления, мы попросили, еще будучи в Ферраре, и вы

¹ Франческо Кондульмер. Камерарий (камерлинг) с 1431 г. по 1440 г.

² *Греческие акты* вкладывают основные идеи этой речи в уста самого папы. См.: *Gill J. Acta*. P. 422–424.

письменно обещали, что мы неопустительно будем дебатировать трижды в неделю, и что никакая причина, или же болезнь императора или Патриарха, или оратора, не воспрепятствует определенной и установленной встрече и собеседованию. Если оратору воспрепятствует болезнь, то другой пусть восполнит его речь. И если значительный святой праздник придется в установленный день, то чтобы на следующий день произошло собеседование, дабы мы скорее пришли к общему решению. Вы же не соблюли даже письменного соглашения, но после немногих встреч остановились, не придя к заключению. Блаженнейший же Отец исполнил и исполняет то, о чем было договорено, а скорее даже — гораздо больше. Вы же не сохранили ни первого соглашения, о чем письменно обещали на провозглашении Собора, ни второго, когда перешли к собеседованиям, ни третьего, которое дали письменно при переезде во Флоренцию. И сейчас, после прошедших здесь собеседований, что другое вы любите, кроме праздности, придерживаясь ее, будто бы для вас полезной? Итак, мы утверждаем, что наши доказали блестяще и достаточным образом, что то, о чем мы говорим, является истинным учением Церкви и ее святых учителей. Если вы убеждены тем, что услышали, то приходите к заключению; если же вы еще сомневаетесь, то возвращайтесь вновь к дискуссиям».

25. Такой была цель и [таков был] плод слов Юлиана. Он говорил долго и с риторическим искусством более двух часов, восхваляя папу и превознося его, нас же упрекая и браня, как ничего не делающих из того, о чем мы договорились. Император пожелал сам ответить с риторическим искусством на эти слова, но он словно бежал пешим подле лидийской колесницы. Все же он закончил речь, сказав о прекращении дискуссий и добавив: «Поскольку я понял, что с помощью дискуссий мы не приходим к заключению, то я отказался от них». Юлиан опроверг сказанное императором и вновь утверждал, что благодаря собеседованиям мы приходим к заключению. Император вновь сказал, что «с помощью дискуссий мы не достигнем решения, я знаю это точно и уверяю вас. Возможно, что каким-либо иным образом мы можем достичь заключения». На это вновь возражал Юлиан, добавив,

среди прочего, что «то, что говорит твоя кротость, будто мы через собеседования не достигнем решения, то для этого надо быть пророком. Мы же не знаем твою святую царственность в качестве пророка». Затем и многими другими словами он показал и доказал, что собеседования необходимы и неизбежны, и что император должен действовать для их возобновления. На этом собрание было распущено.

26. После этого император пришел к Патриарху и говорил с ним достаточное время наедине. А затем отправился к папе. После этого он вновь пришел к Патриарху, собрались и мы по его приказу, и он сказал нам примерно следующее: «Мы пришли сюда ради божественного дела единства, чтобы по его исполнению, с помощью Божией, для родины последовало некое благо. Мы уповали, что через дискуссии придем к объединительному решению. Но получилось обратное, поэтому мы и отказались от них, хотя латиняне настаивают и требуют от нас участия в дискуссиях. Мне показалось за благо искать другие способы, с помощью которых возможно найти некоторую середину и через нее объединиться. Я сообщил это папе, и мы решили, чтобы он выбрал из своих десять [человек], кого он хочет, и я десять из архиереев, и я сам буду ежедневно ходить вместе с ними и с переводчиком, и мы будем заседать отдельно в келье папы. На первой встрече один из них или из нас выскажет от своего имени способы и методы, благодаря которым, по его мнению, может состояться объединение. Затем — другой, потом — третий. И среди этих способов и методов, возможно, будет найден хороший способ, с помощью которого мы объединимся. Каждый из говорящих пусть скажет и засвидетельствует в начале и в конце своих слов, что он говорит это от себя. И все слушающие должны воспринимать это как его собственное мнение, пока это не будет передано остальным, не присутствующим, и понравится им или же нет. И если [что-то] понравится всем, то мы через это объединимся. Но они должны ежедневно оповещать там не присутствующих о том, что каждый день говорится». Сказав это, император ушел.

27. [Император] избрал [митрополитов] Ираклийского, Эфесского, Росийского, Монеувасийского, Трапезундского, Кизического, Ни-

кейского и других, числом до десяти, и вместе с ними отправился к папе, на четыре или пять заседаний. Затем они прекратились, когда император понял, что и это бесплодно. Нам, вопреки обещанию, не сообщалось абсолютно ничего из того, что там говорилось. Расспрашивая, мы узнали, что на первой встрече [митрополит] Никейский с помощью множества слов убеждал, что обе стороны должны принять то, что говорит св. Максим об исхождении Святого Духа в письме к Марину, и объединиться согласно смыслу сказанного им. Латиняне же не приняли этого совершенно.

На другой встрече [митрополит] Эфесский сказал, что если будет изъято прибавление из св. Символа, тогда возможно нам объединиться, что они [снова] не захотели слышать даже краем уха. Больше этого мы ничего не узнали. Предложили ли латиняне какие-либо способы [объединения], об этом мы ничего не услышали.

28. Пока это все происходило, мы собрались однажды, по обыкновению, у Патриарха и просто беседовали. Патриарх сказал: «Единство и мир Церквей совершенно необходим и полезен для нас. Так что и нам нужно использовать некоторую икономию, чтобы это обрести. Ведь если мы сделаем некоторое снисхождение и с его помощью обретем дело, которое будет в великую помощь нам и в устроение и возрастание родины, то, услышав об этом, и враги наши испугаются, убоятся и вострепещут и станут услуживать нам и искать нашей дружбы. Мы никак не обесчестим себя, если и сделаем некоторое снисхождение».

Когда мы сказали, что в делах веры недопустимо снисхождение (поскольку снисхождение наносит ущерб вере), то Патриарх ответил: «То, что снисхождение наносит некоторый ущерб, это так. Но если мы посмотрим на выгоду, которую приобретаем благодаря снисхождению, то мы не найдем никакого ущерба. Ведь если мы пренебрежем одним из двадцати четырех коккиев¹, то остальные двадцать три восполнят недостаток одного, а через нехватку этого одного мы обретем великое

¹ Коккий — двадцать четвертая часть иперпира, который, в свою очередь, является третьей частью флорина.

приобретение, которое будет к великой помощи и пользе нашего народа». И в другой раз Патриарх дважды и трижды говорил подобное, склоняя доверяющих ему к соглашению с латинством.

29. Когда упомянутые выше встречи также прекратились, латиняне написали изъяснение (эктесис), наилучшим образом провозглашающее их учение. Отправив его императору, они сообщили: «Если вы принимаете и одобряете содержащееся в нем, то мы сразу объединимся». Прошло несколько дней, пока ухаживали за болящим императором. Некоторые начали говорить о содержании эктесиса и возбудили и взбудоражили всех. Говорили, что император хочет собрать всех, испытать и взять письменно мнение каждого о том, в чем бы он явил снисхождение ради блага родины. Затем император призвал Патриарха и нас, и мы собрались. Император был так плох, что не мог даже поднять свою голову с подушки. Он был всегда немощен, но всегда говорил, что он в хорошем состоянии. Тогда же он сказал только: «Стражду», — и не знал, сможет ли он со свободой сказать то, что он хочет. Все же он молвил: «Латиняне прислали нам эктесис, чтобы, если нам понравится, мы объединились на его основе. Поскольку я болел, то дни проходили, а [те] настаивают, прося ответа. Поэтому мне показалось за благо, чтобы вы пришли сюда и посмотрели эктесис. Если вы одобрите, чтобы мы объединились через него, скажите. Если вам покажется за лучшее изменить некоторые слова и [лишь] таким образом одобрить его и объединиться, то если одобряют это и латиняне, то пусть будет изменено. Если же вам покажется, что это не уврачевать с помощью незначительных изменений, то вы составьте [новый] эктесис, который понравится и вам, и им, чтобы мы объединились, если получится, через него». Итак, император повелел, и нам дали эктесис, содержащий буквально следующее¹.

30. «Поскольку мы, латиняне и греки, по благодати всемогущего Бога сошлись на этот священный и Вселенский собор, чтобы достигнуть между нами святого единства, то мы, и те, и другие, потрудились

¹ В отношении этого текста см. также: AG. P. 413 и AL. P. 224.

для того, чтобы с великим тщанием и внимательным рассуждением исследовать тот раздел об исхождении Святого Духа. Собрав свидетельства от Священных Писаний и множество цитат святых учителей, восточных и западных, мы, греки, объявляем, что когда мы говорим, что Дух Святой от Отца исходит, то мы говорим не в том смысле, будто мы исключаем Сына. Мы не отрицаем, что от Него Дух Святой превечно исходит и имеет сущность, подобно как от Отца. Но поскольку мы предполагали, что латиняне говорят об исхождении Духа Святого от Отца и Сына как от двух начал и двух дуновений, то мы воздерживались от такого способа выражения, т. е. что Дух Святой от Отца и Сына исходит.

Мы же, латиняне, утверждаем, что когда мы говорим, что Дух Святой от Отца и Сына исходит, то мы говорим это не в том смысле, будто мы отвергаем, что Отец является источником и началом всего Божества, т. е. Сына и Святого Духа, или то, что Дух Святой [только] от Сына исходит, Сын же не имеет [исхождения] от Отца, или объявляем, будто есть два начала или два изведения Святого Духа, но утверждаем одно начало и одно изведение.

Итак, во имя Святой Троицы — Отца и Сына и Святого Духа — мы, латиняне и греки, соединяемся друг с другом, наконец, в этом святом и боголюбивом единстве, в том же образе мыслей, той же душе и том же помышлении, и соглашаемся, что все христиане должны почитать и принимать эту истину веры. И таким образом мы исповедуем именно то, что Дух Святой превечно есть от Отца и Сына, и что Свою сущность и бытие Он имеет вместе от Отца и от Сына, и от обоих превечно исходит, как от одного начала и единого изведения. И поскольку все, что есть Отцово, Сам Отец дал в рождении Своему Единородному Сыну, кроме того, чтобы быть Отцом, то значит и исхождение Духа Святого от Сына Сам Сын превечно имеет от Отца, от Которого Он превечно рожден».

31. Когда текст был прочитан, все слышавшие его отчаялись. Кроме [митрополитов] Росийского, Никейского, Митилинского и великого протосинкелла, которые выслушали и умолкли, все остальные

отказались, сказав: «Как мы примем это? Ведь это содержит противное тому, что учит наша Церковь?» Упомянутые выше сказали: «А если мы изменим что-то в содержании [эктесиса], разве мы не сможем его принять?» Наши ответили: «Какое же изменение исправит это? Это неисправимо». [Митрополиты] Росийский и Никейский принялись утверждать, что восточные святые говорят «через Сына», западные говорят «от Сына», и соглашались, поскольку из того же самого образа мыслей одни говорят «через Сына», другие — «от Сына». [Митрополит] Эфесский ответил, что не говорят они этого из [одного и] того же образа мыслей, поскольку «от» (ἐκ) обнаруживает один образ мыслей, а «через» (διὰ) — другой.

32. Итак, они предались этому спору, и об этом было много слов и борьбы. [Митрополиты] Росийский и Никейский и великий протосинкелл говорили, что эти предлоги являют тот же смысл, [митрополит] же Эфесский доказывал, что другой. Патриарх, поприбывав немного на прениях, отправился в жилище Филантропина как болящий. Император, лежа, смотрел и внимательно слушал говорящих и старался понять расположение слушающих. Он и сам произнес что-то слабым голосом, среди прочего повелев: «То, что каждый хочет сказать, пусть он не говорит просто, но предоставляя объяснение, почему он так говорит, и [отчего] это представляется ему уместным и подходящим». И еще он определил: «Пусть каждый знает, что он предоставит свою точку зрения письменно вместе с ее обоснованием». На это сказал [митрополит] Ираклийский: «Зачем я буду излагать письменно свою точку зрения? Это Вселенский собор. Если было это и на других Вселенских соборах, то сделаем это и мы. Если не бывало, и мы не будем делать». Император ответил: «Но я хочу, чтобы так было. Хочу иметь мнение каждого в письменном виде, чтобы по прошествии времени никто не переменил его».

33. Вопрос о предлогах [т. е. о «через» и «от»] ширился и превратился в великое состязание. [Епископ] Лакедемона, видя, что ничего не достигают противоречащие [митрополиту] Эфесскому, сказал сквозь зубы: «Хорошо, если бы ввели сюда и других секретарей» — он

призывал их в помощь тем, кто был против [митрополита] Эфесского. Вскоре он вновь повторил это. Протекдик же сидел рядом с ним и страдал за [митрополита] Эфесского, а скорее — из-за борьбы против истины. И он прошептал [епископу] Лакедемонскому: «Ты скажи это яснее, и так и сделают». Император сразу же заметил это и, посмотрев грозно, сказал с тяжестью: «Что он сказал?» Я передал то, что было сказано [епископу] Лакедемона. Так император, [даже] лежа и страдая, следил и обращал внимание на каждого, и никто не имел права сказать или выслушать другого, или спросить, или обдумать хоть что-нибудь.

34. Поскольку дискуссии продолжались бесконечно и времени было уже много, император сказал: «Идите, отдохните и, пообедав, вновь приходите сюда». Так мы и поступили. Когда мы пришли, вместе с нами были введены Гемист, Схолярый, Амируци и секретари Патриарха. Патриарх был в жилище Филантропина. Вновь начались споры о предложениях. [Митрополиты] Росийский и Никейский, а также духовник возражали [митрополиту] Эфесскому. Помогали им и другие, в особенности Амируци. Им противостоял один [митрополит] Эфесский и приводил множество свидетельств из святых [отцов] в поддержку своих слов. Среди них предложил и цитату св. Максима. На это [митрополит] Никейский сказал: «Мы не принимаем это, поскольку не сохранилось письмо целиком». Затем он привел цитату божественного Дамаскина: «Не как от Него, но как через Него исходит, так как единственная причина — Отец», и с наилучшим искусством показал разницу между «от» (ἐκ) и «через» (διὰ). Но [митрополит] Никейский сказал и на это: «Лишь один говорит это, и мы не удовлетворяемся свидетельством одного. Представь и других, если имеешь».

35. Кое-что говорили и те, кто был на стороне [митрополита] Эфесского. Сказал и [митрополит] Ираклийский императору, что «мы слышим то, что говорят, и понимаем расположение говорящих, и мы выскажем свое мнение, когда ты попросишь. Если мне и случилось сказать, что я не напишу своего мнения, то сейчас я говорю, что пусть, в качестве частного лица, я напишу по твоему совету, насколько меня управит мое разумение и совесть. Я не обязан перед Богом и не считаю

ужасным, если погрешу против правильности языка или по-варварски выражусь, но изложу то, что я сам думаю об этом деле. Мне кажется, что так должны сделать и остальные». Была большая полемика до самого вечера, который только и положил конец собранию.

Император повелел, чтобы мы собрались с утра. Так и произошло. Вновь начались те же дискуссии, и упомянутые выше люди прилагали все усилия, чтобы либо убедить [митрополита] Эфесского, либо заставить его молчать. Он же возражал, приводя речения святых учителей Церкви и ими подтверждая то, что он говорил, хотя противоречащие и не убеждались. Среди прочего, показывая, как святые [отцы] используют предлоги διὰ и μετὰ, [митрополит] Эфесский привел в подтверждение своих слов отрывок из божественного Григория Нисского, который говорит: «Отец безначален и нерожден и всегда мыслится Отцом. Из Него, нераздельно во времени, мыслится вместе с Отцом Единородный Сын. Через Него и вместе с Ним, до какого-либо пустого и не ипостасного промежутка, сразу постигается Дух Святой, не отставая от Сына в отношении бытия, так чтобы Единородный Сын мог когда-либо помыслиться отдельно от Духа. Но от Бога всех и Он имеет причину Своего бытия, откуда и Единородный является Светом, светящим от истинного Света: ни промежутком [во времени], ни разностью природы Он не отделяется от Отца или от Единородного».

36. Тут [митрополит] Никейский опять сказал: «Приведи и другие речения, согласные с этим, если имеешь, и тогда мы согласимся с тем, что ты привел сейчас». И, обратившись к нам, сказал: «Излишне то, что мы сейчас делаем и спорим с [митрополитом] Эфесским, так как и он согласился с латинским учением». На это я спросил: «И когда это произошло?» Тот ответил: «Когда мы вместе с императором встречались с папой отдельно». Я же сказал: «Но мы этого не слышали и не одобрили этого. Ведь мы не обязаны одобрять все, что бы ни сказал [митрополит] Эфесский». [Митрополит] Никейский ответил: «Но так мы договорились, чтобы все, что бы мы ни сказали, утверждалось всеми». Я же сказал: «Вы договорились, чтобы каждый, кому бы ни пришла в голову благая мысль, говорил это латинянам как бы от себя. И если это будет

принято ими, то чтобы он сообщил это и нам. И если всем понравится, то принять это таким образом». Когда же он досадовал по поводу этих слов и сказал: «Излишне нам встречаться, трудиться и говорить зря, так как вы не примете того, что мы говорили», — я ответил: «То, что я говорю — неопровержимо, поскольку так установлено нашим владыкой императором перед всеми нами, и вы так постановили, чтобы и в начале, и в конце говорил и свидетельствовал каждый из говорящих, что он говорит от самого себя, что бы он ни сказал, и не знает, будет ли это одобрено всеми». Также и [митрополит] Эфесский ответил на это перед императором и всеми нами неуклончиво: «Я стремился к тому, чтобы убрать добавление из св. Символа, зная, что это не может произойти с латинской стороны. Если бы это произошло, то не иначе, как если бы перед тем латиняне осудили свое учение. Ведь именно оно возвещается через прибавление к Символу, а по его устранении оставлено было бы и учение. Поэтому хорошо, если бы мы объединились таким образом. А если бы и остались исповедующие это учение, то это было бы ничто в сравнении со всей полнотой Церкви. Ведь поскольку Церковь не возвещала бы это учение через Символ, то оно бы постепенно угасло и во всеобщем сознании, или же после небольшого труда Церковь упразднила бы его». Об этом [митрополит] Эфесский говорил подробно и с дерзновением, приводя необходимые доказательства. И ни император, ни [митрополит] Никейский не сказали, будто он иначе сказал это латинянам, или просто признал их учение как правильное. Те же вновь вернулись к своим прежним дискуссиям, и император, вознегодовав, сказал: «Я вижу, что дискуссии беспочвенны, и не принимаю этого: хорошо, если бы так было раньше. Поскольку мы сейчас должны постановить, что мы скажем латинянам, то составьте ответ, а эти дискуссии поберегите на потом».

37. [Митрополит] Росийский тут же спросил: «Если мы найдем речения восточных святых, примиряющие нас, не будет ли это благом? Если наши святые сказали бы об этом, неужели мы не согласились бы с ними?» Когда многие сказали, что это очень хорошо, то, побуждаемый императором, он достал из-за пазухи книжицу, полную

всякой пагубы, которую составил Векк¹, и прочел изречения: некоторые из них — искаженные, другие же — изувеченные и словно неполные, и похвастал, что вся книжица полна подобными изречениями. Это понравилось императору, и он повелел: «Оставьте множество и выберите одно или два, чтобы на основании их вы сделали ектесис». Итак, было выбрано речение Первого [Вселенского] собора, которое Векк сильно сократил, а [митрополит] Росийский представил. Оно говорило: «Должно и то думать, о, философ, друг истины, что Дух Святой оказывается исходящим от Отца, свойственным Сыну и исходящим (ἀναβλύζων) от Него». Хотя тот святой Собор дал определение иначе. Так же они избрали изречение св. Кирилла [Александрийского], говорящее, [что] «по сущности Дух Святой изливается из обоих, т. е. от Отца через Сына». И сказали они: «Вы одобряете эти изречения или не одобряете? Вот это принадлежит нашим святым, и разве не хорошо, если мы придем к согласию и объединимся через них?»

38. Когда некоторые сказали, что это очень хорошо, а большинство молчало, император молвил: «Пусть проголосуют, и каждый скажет, как он хочет, одобряет он эти речения или не одобряет». Он приказал секретарю, чтобы тот записывал мнения и писал только «такой-то одобряет» или «такой-то не одобряет». Многие сказали просто, что они одобряют это. Сказал и я, что «я одобряю эти речения, ведь как я могу не одобрить сказанное Первым [Вселенским] собором или св. Кириллом, учителями нашего благочестия, когда сам я стремлюсь быть благочестивым. Но некоторые дают двусмысленные объяснения этим [высказываниям], и если представить это латинянам, то они обязательно спросят, каким образом наши это объясняют, и они с неизбежностью должны будут это объяснить. Поэтому я предлагаю, чтобы назначены были те, кто будет объяснять, и они дали бы сначала комментарий. И если мы все с ними согласимся, тогда я за то, чтобы представлены были эти изречения. Если же нет, то я против». Император же сказал:

¹ Иоанн Векк, Патриарх Константинопольский (1375–1382). Участник Лионского собора (1374 г.) и сторонник унии. Низложен и умер в ссылке.

«Что это за слова? Скажи кратко, чтобы записать, одобряешь ли ты это или не одобряешь». «Я прошу, — сказал я, — чтобы записали то, что я сказал. Ведь и ты повелел раньше, чтобы каждый говорил, что он хочет, и объяснил, почему. Поэтому я очень прошу записать то, что я сказал». Император определил: «Не сможет секретарь вспомнить и записать это. Скажи другими словами, одобряешь ты или нет». Я ответил: «В таком случае, я против предоставления этих [цитат]». [Митрополиты] Анхиа-ла и Молдовлахии внимательно выслушали мои слова и сказали: «Так что же они хотят, если остается прибавление? И мы это не одобряем». Последовали за моим мнением протекдик и главные из игуменов.

39. Мнение большинства все же возобладало, и император определил: «Пусть будут избраны те, кто сделает изложение [эктесис] на основании этих цитат. Пусть это будут [митрополиты] Росии, Никеи, великий хартофилак, Гемист и Схолярый». Поскольку время не было подходящим, все отправились трапезничать, а после трапезы, собравшись, сели отдельно писать ектеcис. Пока один представлял другому честь начать, Схолярый сказал: «Недавно я, поразмыслив, составил нечто. Если хотите, выслушайте это. И если понравится, пусть это будет представлено императору и собранию. А если нет, то пусть будет написано иное». Итак, Схолярый прочел. [Митрополиты] Росийский и Никейский приняли это, похвалили и одобрили. Гемист же и великий хартофилак не одобрили. Тем не менее, это принесли и прочитали перед лицом императора и всех нас. Текст был буквально следующим¹:

40. «Поскольку мы, греки, предполагали раньше, будто латиняне говорят, что Дух Святой от Отца и Сына исходит как от двух источников и двух дуновений, а еще, что они не считают Отца началом и источником всего Божества, т. е. Сына и Святого Духа, то мы сторонились их прибавления, или разъяснения, к Символу, так же как и от общения с ними. Ныне же, собравшись по благодати Божией на этот священный и Вселенский собор ради святого единства, после многих

¹ Проуниатские тексты Схолария см.: *Œuvres Complètes de Gennade Scholarius / Publiées pour la première fois Mgr Petit L., Sideridès X. A., Jugie M. Paris, 1928–1936. Vol. I. P. 296–372.*

споров и собеседований и предоставления цитат из Св. Писания и святых учителей Церкви, мы, латиняне, утверждаем, что когда мы говорим, что Дух Святой от Отца и Сына исходит, мы говорим это не в том смысле, будто мы отвергаем, что Отец является началом и источником всего Божества, т. е. Сына и Святого Духа, или то, что Дух Святой [только] от Сына исходит, а Сын будто бы не имеет [начала] от Отца, или что мы обнаруживаем два начала или двух изводителей Святого Духа. Но мы исповедуем, что Дух Святой превечно исходит от Отца и Сына как от одного источника и единого изведения. Мы же, греки, исповедуем и верим, что Дух Святой от Отца исходит. Мы утверждаем и верим, что Он свойственен Сыну и из Него исходит (*ἀναβλίσκειν*), и сущностно — от обоих, т. е. от Отца через Сына, изливается (*προχέουσαι*). И вот, с этого времени мы объединяемся друг с другом и боголюбиво сочетаемся, и более не считаем никого отстраненным от единства и общения с другими, но вновь соединяемся друг с другом, пребываем в единомыслии и, по благодати Божией, все восстанавливаемся в единую Церковь».

41. Когда текст был прочитан, большинство хвалило его как хороший, а некоторые возражали. Много было сказано слов теми, кто сражался за его принятие, и они старались убедить всех.

Тогда сказал [митрополит] Ираклийский: «Твоя святая царственность определила, чтобы оставался вопрос о прибавлении, и мы бы имели его как большую помощь. Сейчас как же мы будем иметь его, если одобрит этот ектеcис?»

Император же ответил: «Но мы все равно имеем его».

[Митрополит] Ираклийский [возразил на это]: «Как же мы имеем его, владыка мой святой, ведь мы отдаем всё через этот ектеcис?»

Император [сказал]: «Так имей его ты».

[Митрополит] Ираклийский [снова спросил]: «Как буду иметь его я, когда он всеми оставлен?»

И сказал [ему] император: «Поставь его в своем иконостасе».

Тогда [митрополит] Монеувасийский, осознав цель императора и слова помогающих ему, сказал: «Прошу, владыка мой святой, будь

внимателен, чтобы ты не сделал сейчас то, что сделал император кир Михаил Латинофрон»¹. Император не ответил. После множества слов и приготовлений со стороны тех, кто боролся за утверждение эктесиса, император сказал: «Пусть высказывают свое мнение».

42. Итак, одни говорили: «одобряю», другие — «не одобряю» (среди них был и я). Мнения были записаны. Затем [митрополит] Лакедемонский сказал императору: «Владыка мой, прикажи, чтобы и секретари высказали мнение». Император сказал: «Пусть выскажут». И [митрополит] Лакедемона сразу же сказал: «[Император] позволяет — говорите». И тотчас каждый из них воскликнул: «Одобряю!» Было двенадцать не одобвивших и двадцать четыре, вместе с секретарями, одобвивших. Затем император послал [митрополита] Никомидийского и великого хартофилака в жилище Филантропина, чтобы вместе с ним и Патриарх передал свое мнение. Вернувшись, они сообщили, что и Патриарх одобряет этот эктесис. Говорит он еще и вот что: «Я удивляюсь, что не все его одобрили, так как не могу представить, что в нем может быть неверного. Затрудняюсь, почему некоторые не одобрили его». Итак, было решено отправить его папе. И сказал император: «Пусть его доставят два архиерея вместе с великим хартофилаком и великим еkkлeзиархом». Но прежде чем он закончил свое слово, а мы ответили, великий протосинкелл сказал: «А как его доставят неодобряющие? Назначь других». Он защитил нас там, где мы этого хотели. Итак, [император] назначил великого сакеллария и великого скевофилака, которых никогда прежде до настоящего времени не отправляли к папе отдельно, и двух архиереев. И они доставили эктесис.

43. Латиняне, увидев этот документ и поразмыслив, решили, что его не следует принимать. Они попросили либо одобрить тот, что был послан ими, либо истолковать тот, который был составлен нашими, о чем я и говорил заранее. Они предложили в письменном виде двенадцать вопросов следующего содержания²:

¹ Речь идет о Михаиле VIII Палеологе (1259–1282), основателе династии, который отвоевал у латинян Константинополь, но заключил Лионскую унию (1274), за что и был лишен церковного погребения.

² Ср.: AG. P. 416.

«1. Так как в начале вашей грамоты содержится, что “поскольку мы предполагали, будто латиняне говорят, что Дух Святой от Отца и Сына исходит как от двух источников” и т. д., то поэтому вы сторонились прибавления или разъяснения, произошедшего в Символе, и от общения с нами. Но поскольку вы удостоверились, что латиняне придерживаются противоположного [этому мнению], вы более не должны сторониться указанного прибавления или разъяснения. Ведь при упразднении причины упраздняется и следствие. На это мы просим ответа.

2. Вы излагаете веру латинян. Мы просим вас ответить, считаете ли вы ее истинной и желаете ли к ней присоединиться.

3. Вы излагаете вашу веру, говоря, что Дух Святой от Отца исходит. Мы просим вас ответить, верите ли вы в то, что Он превечно исходит от одного Отца, но не от Сына.

4. Вы говорите, что Дух Святой свойственен Сыну. Мы просим вас ответить, что вы имеете в виду под “свойственен”: только ли то, что Он единосущен, или “свойственен” в том смысле, что от Самого Сына превечно имеет бытие, так же как и от Отца?

5. Вы говорите, что “из Него исходит (ἀναβλύζειν)”. Мы просим разъяснения, относятся ли слова “из Него” к Отцу или же к Сыну?

6. Если относится к Отцу, то считаете ли вы, что от Сына изливается превечно, сущностно и личностно, или же нет?

7. Мы просим разъяснения, что означает у вас слово “изливаться”. Имеет ли [Дух Святой] и получает сущность и ипостасность от Самого Сына? И означает ли это то же самое, что и “исходить”? А если в чем-то отличается, то в чем?

8. Вы говорите, что [Дух Святой] сущностно от обоих, т. е. от Отца через Сына, изливается (προχέσθαι). Мы просим разъяснения, считаете ли вы, что это сущностно и превечно?

9. Что означает сущностно и превечно изливаться (προχέσθαι) от обоих? Если [это значит] иметь и получать сущность от обоих, то в таком случае одно ли и то же изливаться (προχέσθαι) и исходить? И если это в чем-то отличается, то в чем?

10. Было бы истинным такое утверждение: “Дух Святой изливается (προχέεται) и исходит превечно от Отца и Сына”, без этого объяснения “от Отца через Сына” или какого-либо другого объяснения?

11. Когда вы говорите “через Сына”, значит ли это выражение, что Сын является причиной и началом Святого Духа?

12. Вы говорите, что мы уже объединяемся и боголюбиво соединяемся. Мы просим разъяснения: в чем мы объединяемся и соединяемся? В том ли, что утверждаем мы, или в том, что утверждаете вы? Ведь когда мы храним то, чего мы придерживаемся, а вы придерживаетесь того, чего придерживаетесь, то, в конце концов, невозможно соединиться, если мы отличаемся друг от друга. Ведь должно быть одним и тем же самым то, в чем происходит объединение двух, пребывающих в разномыслии. Или мы придерживаемся нашего исповедания одновременно с вашим, а вы — вашего одновременно с нашим? Но это не может быть одновременно. Ведь если эти исповедания разнятся в восприятии и в объекте, то каким образом мы будем придерживаться противоположного? Поскольку же одно из двух противоположных должно быть ложным, то каким может быть богоугодным единением придерживаться лжи вместе с истиной в делах веры? Но возможно, что вы видите единство в одном лишь общении, как показывают выводы из вашей грамоты. Но каким было бы это единство при восстановлении сношения телесно, но разногласии в восприятии и словах, необходимых в делах веры ко спасению? Итак, кажется подходящей и необходимой латинская грамота, в которой сначала излагается образ мыслей обеих частей, и затем дается истинное и общее исповедание одной и той же веры в едином помышлении и в тех же словах. Итак, мы очень просим, чтобы вы на каждую из указанных глав дали ответ без двусмысленности в словах и определились в вашем образе мыслей как можно быстрее. Или же просто примите грамоту, которую мы вам дали».

Часть IX

В которой [описываются] частые келейные встречи и аргументы, которые готовили к принятию «от Сына»; и как наши сначала проголосовали и не пришли к согласию, как некоторых [потом] убедили, и проголосовали вновь, и большинство одобрило «от Сына». Среди них также голоса Патриарха и императора. И как Патриарх принуждал нас принять объединение и по ходу этого скончался

Воспоминание девятое

1. Грамота латинян, которую они послали прежде к Патриарху, содержала то, о чем было сказано выше. Патриарх на собрании¹ ничего о ней не сообщил, но просто сказал, что латиняне ищут объяснения того, как учат греки, и что у них есть по этому поводу 12 вопросов. Мы, после того как высказали указанные выше мнения, были отлучены от собраний и сидели втроем как отвергнутые и презираемые. По прошествии пятнадцати дней мы пришли к Патриарху, каждый в отдельности, и просили, чтобы нам было разрешено вернуться на родину, поскольку мы не участвовали в совершаемых делах. Патриарх, как казалось, милостиво нас принял и взял дело к рассмотрению. К этому нас склонил великий хартофилак, будучи сам введен в заблуждение: он просил первым и получил, как ему казалось, разрешение вернуться.

2. На следующий день ранним утром императорская стража повела нас в резиденцию императора по его приказу: великого хартофилака, меня и протекдика. Филантропин вышел к нам и сказал: «Государь наш император спрашивает: почему вы беспокоите Патриарха,

¹ σύναξις.

стремитесь вернуться домой и побуждаете других беспокоить его и искать возвращения, а через это замышляете разрушить начатое нами дело? Я опускаю все другое, что вы делаете против этого дела. В чем ошибается Патриарх, и почему вы испытываете его? Или вы считаете, что мы пришли просто поговорить и вернуться без результата? Так, вы побуждаете меня сказать: “Уезжайте”, — а затем написать в Город, чтобы не позволили вам войти в ваши дома. А когда вернусь и я сам, то поступлю с вами как государь, как мне покажется лучшим. Или вы не знаете, что я ваш государь и имею над вами власть? Будьте внимательны, чтобы мне не сделать с вами то, что не покажется вам приятным, так как я много имею против вас».

3. Когда [император] сказал эти страшные слова с гневом и негодованием, то мы ответили: «Мы прибыли сюда, надеясь вернуться через год или, максимум, через два. Сейчас, видя такое промедление, мы опасаемся, как бы ни прошел и третий, пока мы здесь сидим. Что удивительного, если мы захотели вернуться восвояси, будучи непривычными к страданию на чужбине и не принося здесь никакой пользы? Мы открыто говорим, что не можем здесь больше страдать. Мы не занимаемся разрушением этого дела и не мешаем тем, кто хочет ему способствовать, и не побуждаем других к возвращению, поскольку их самих побуждает страдание и бедствие, от которого и сами они бедствуют, а также разлука и нищета их семей¹. В другом стимуле они не нуждаются, ведь что другое может быть сильнее? И мы признаем то, что кажется благом родины, однако боимся опасности для души, так как весь мир не стоит одной души. Мы знаем, что святой император является нашим государем и может многое, но и за это мы не продадим наших душ и за все блага мира не поступим против того, что мы считаем полезным для души».

4. Эти ответы были переданы императору через Филантропина. Затем он пришел вновь и передал от императора более умеренные и утешительные слова и отпустил нас. Через немного дней мы все сиде-

¹ φαμίλιαν.

ли там, где был Патриарх, и обсуждали вопрос о пропитании, так как все страдали от того, что прошло четыре месяца, а мы ничего не получили. [Митрополит] Митилинский сказал Патриарху: «Я сам говорил с этим камерарием, и он ответил, что готов отдать приказание, чтобы нам это выдали. Задержка вышла из-за нерадения тех, кто должен был это заказывать и получать». Мы ответили: «С того дня, который установил Христофор, чтобы нам явиться к нему и взять флорины, мы приходили к нему семь раз, и он всегда переносил это на следующий день. Мы же отнюдь не проявляли нерадения в том, чтобы приходить и просить». [Митрополит] Митилинский сказал Патриарху: «Прикажи, кому ты хочешь, и пусть он пойдет со мной к камерарию, и мы это уладим». Итак, Патриарх вновь назначил нас, мы же отказывались. Когда он приказал, мы все же пошли, но почти поневоле. [Митрополит] Митилинский много сказал о даянии, с великой просьбой и лестью, — и ничего не достиг. Даже намеком не обмолвился камерарий о том, что нам будет дано. Произошло это поздним вечером.

Когда наступило утро, вновь пришли стражи с приказом от императора и повели меня и протекдика в императорскую резиденцию, и спросил нас через Вуллота император: «Скажите, зачем вы ходили к камерарию?» Когда мы сказали причину, что это было из-за пропитания, и это было сообщено императору, то он вновь передал через того же: «Я иное слышал о вас, и хотел учинить вам соответствующее тому делу, о котором слышал. Я принимаю то, что вы говорите и отказываюсь от того, что собирался сделать. Итак, идите, но будьте внимательны».

5. Проходили долгие дни, и [митрополиты] Росийский и Никейский не переставали встречаться ежедневно с великим протосинкеллом, тайно совещаться и готовиться. Когда было не без труда выдано пропитание, то камерарий сказал, как мы слышали у Патриарха: «Пусть дадут и эту папскую милостыню: это все равно что выбросить ее в море». Итак, нам дали 22 мая 1208 флоринов за два месяца. При этом Христофор сказал, чтобы не давали [митрополиту] Эфесскому, который словно Иуда ест хлеб папы, но противится и враждует про-

тив него. Настолько сей ничтожный наговаривал против праведника, что даже советовал выдать ему саулу¹, т. е. веревку.

6. Через несколько дней, когда наши собрались по приказу императора к Патриарху, было приказано прийти и нам, и начали говорить об объединении. Итак, император сказал, что латиняне ищут разъяснений к грамоте, которую они нам послали. При этом он не указал и не упомянул тех сложностей, которые они через это ищут. Итак, он говорил: «Мне кажется лучше, чтобы мы подумали о способе объединения, так как если мы предадимся разъяснениям, то это все равно что мы вступим в бескрайнее море. Итак, рассмотрите, возможно ли нам принять “от Сына”?»²

И начали исследовать этот вопрос. Как казалось, было обсуждение предлогов *εκ* и *διὰ*, но получилась скорее распря, нежели обсуждение. Тогда присутствовали и архонты, поскольку император повелел: «Я хочу, чтобы отныне присутствовали и архонты, дабы они видели, кто старается ради блага родины, а кто противодействует». Когда Ягарь увидел трех человек, возражающих [митрополиту] Эфесскому, а он один отвечал и одолевал их, то он сказал тем, кто находился рядом с ним: «Это тот, о ком говорят, будто он вышел из ума? Я не был уверен, может ли он ответить хотя бы одному, а он отвечает всем». Дело в том, что раньше распустили слух, будто [митрополит] Эфесский повредился умом и не соображал, что говорил.

После долгих споров император, увидев, что словопрение оказывается бесплодным, призвал к тишине и сказал: «Я считаю, что нам не прийти к соглашению иначе, как если мы прежде установим, являются ли речения западных святых, которые латиняне приготовили к Собору, подлинными или поддельными. Поэтому подумайте об этом пока, памятуя о том, что тот, кто хочет объявить их поддельными, дол-

¹ Итальянский морской термин, обозначающий веревку (в венецианском и тосканском диалектах): *σαούλα* (*σάγουλα*) — *sagola* (*sagora*).

² Позиция императора и здесь сводилась к попытке избежать богословских дискуссий на поставленные латинянами вопросы.

жен будет показать, чем они поддельны, и для этого ему нужно будет иметь книг больше и лучше, чем те, которые имеют латиняне. Они смогут представить две тысячи, а вы даже одной [книги] не имеете, так что я не знаю, каким образом кто-либо сможет доказать их подложность¹. Все же, пусть кто хочет, докажет».

7. Сразу же стремящиеся к латинству взяли слово и распространялись, как только могли, чтобы утвердить это и заключить слух «невежд». Затем они внезапно потребовали голосования, не устраивая разбирательства и не попросив подлинных [текстов], о которых латиняне говорили раньше и которые они собирались дать, как только о них спросят. Но [эти] сразу требовали голосовать. Как только первые пятеро или шестеро высказали свое мнение, они предписали остальным сказать кратко, просто считает ли каждый высказывания западных подлинными или подложными. Когда вопрос дошел и до меня, то я ответил, что «я весьма изумляюсь, видя святых архиереев с легкостью бегущих на такое дело, тогда как я считаю его одним из наиболее важных вопросов, предстоящих в таком деле. Ведь отличие подложного от подлинного связано с большой трудностью и требует серьезного научного рассмотрения. Книги фальсифицируются, и во введении к логике говорится, какими способами они фальсифицируются. Об этом гораздо лучше меня помнят мои владыки, опытные в слове и наученные логике». Император перебил: «И какой смысл в таких речах? Скажи что-нибудь по делу». Тогда сказал [митрополит] Эфесский: «Он очень хорошо говорит». Когда я сказал, что если я не могу высказать свое мнение, как хочу, то я умолкаю, император мне молвил: «Давай, продолжай». «Однако, — сказал я, — тот способ фальсификации, который ныне предлагается, не находится среди перечисленных здесь способов. Если книги фальсифицируются множеством способов, и поддельность обнаруживается [даже] в некоторых сочи-

¹ Речь не идет о подлинном количестве рукописей в распоряжении латинской и греческой делегаций, да и цифры не стоит воспринимать буквально.

нениях божественного Златоуста, хотя не такая уж была необходимость это делать, тогда мы не можем различить это с точностью, да и не только мы, но и учителя, которых мы застали, среди которых великий в божественной и во внешней мудрости Патриарх кир Евфимий¹: и он сомневался в некоторых сочинениях, и иногда называл их поддельными, а иногда — подлинными². Так, если в Златоустовых словах, которые мы смолоду и до нашей старости читаем и знаем их способ выражения и мысль, мы не можем наверняка различить сфальсифицированное от подлинного, то как с западными святыми, чьи писания мы не знаем и никогда не читали (поскольку мы изначально не имели их переведенными и поэтому у нас нет о них никакого представления), как мы дерзнем сказать, подлинное ли это или сфальсифицированное, когда мы ни о способе выражения, ни о мысли, ни о замысле и построении сочинения ничего не знаем? Мы видим, что это предлагается теми, кто привнесли св. Символ в деяния Седьмого [Вселенского] собора искаженным и утверждали, что таким вот образом, т. е. с прибавлением, он и был прочитан на том святом Соборе. Это дело с легкостью обличает совершающих его и не оставляет им никакого извинения, и скорее убеждает всех не принимать все остальное, что предлагается ими. Так что из-за этого и я сам не могу различить, подлинное ли это или подложное. Но если необходимо сказать то, что соответствует моему размышлению и совести, то я утверждаю, что принимаю как подлинные те из этих цитат, которые согласны с посланием божественного Максима [Исповедника] и с текстами св. Кирилла [Александрийского]. А те, которые им противоречат, я не принимаю, как интерполированные (ὡς νόθα). Моему мнению последовали и те, кто говорил после меня. Все же превзошло мнение большинства, и [тексты] были приняты как подлинные.

¹ Евфимий II, Патриарх Константинопольский (1410–1416).

² Речь идет о так называемом Псевдо-Златоусте, т. е. сочинениях, бытовавших в рукописной традиции под именем св. Иоанна Златоуста, однако принадлежавших в действительности не всегда ему самому.

8. Итак, император понял, что кроме четырех или пяти архиереев все остальные следуют мнениям Росийского и Никейского [митрополитов] и воспринимают их в качестве путеводителей. А те, кто с нами — по большей части следуют за нашими словами и от нас имеют некое водительство, и, следуя за нами, они разногласят с теми. Он понял, что надо воспрепятствовать нам высказывать свое мнение, решив, что таким образом он приведет тех, кто с нами, к согласию с большинством архиереев.

По прошествии трех дней вновь произошла встреча всех нас по императорскому повелению, и самодержец сказал примерно следующее: «Что касается меня, то я считаю настоящий Вселенский собор ничем не хуже предшествующих семи Вселенских соборов. Поэтому я хочу, чтобы и этот во всем следовал за ними и чтобы не произошло ничего вопреки тому, что было на тех Соборах. Итак, пусть принесут деяния, и те, кто голосовали и подписывали на тех Соборах, пусть таковые говорят и здесь и подписываются в будущем оросе. Я не хочу, чтобы здесь было что-то самочинное, но чтобы во всем сохранялся порядок Вселенских соборов. Итак, пусть принесут деяния, чтобы мы увидели, из каких чинов были говорившие на них и подписывавшие». Когда я сказал еще до того, как принесли деяния, что мы-то знаем, кто там говорил, император повелел строгим тоном: «Пусть сначала принесут их». Все просидели достаточное время в молчании, пока не принесли их от [митрополита] Никейского. Когда они были принесены, великий протосинкелл взял их и, сев посередине, прочитал часть подписей. Поскольку лишь епископы и архимандриты были обнаружены среди подписывавших, то император повелел им одним говорить в настоящее время и в соответствующее время подписать, а всем остальным — молчать. Так он нас заставил молчать, а скорее — освободил от [обязанности] говорить.¹

9. Сразу же выдвигается вопрос о «и от Сына», и они стараются доказать, что это то же самое, что «через Сына», и что предлог «через»

¹ Тем не менее, позже император будет вынуждать и «светских» участников Собора поставить свои подписи.

равносилен «от», и с большим жаром противоречат [митрополиту] Эфесскому. В то время [митрополит] Ираклийский достал книгу и, показав ее императору, сказал: «В этой книге содержится то, что здесь стоит прочитать, чтобы знала это и твоя святая царственность». Великий протосинкелл сразу обратился к нему и с великим гневом сказал: «Это ты сейчас принес, чтобы прочесть на Соборе? Ты сначала анафематствуй [Нила] Кавасилу, а затем читай это. Сейчас ты это нашел? Когда ты был в Константинополе, тогда нужно было показывать это, а не здесь. Вот еще, смотрите, что он принес прочесть на Соборе! Если он хочет, пусть анафематствует сначала Кавасилу, а потом это зачитывает». [Митрополит] Ираклийский, видя его дерзость и бесстыдство, и поднимающееся волнение тех, кто был вокруг него, притом что и тот пылал гневом, также и отстранение императора, умолк и отдал книгу. Мы же не узнали, что это было. Потом, расспросив, узнали, что это было соборное определение, принятое против Векка и произошедшего в Лионе объединения, о котором ни мы, ни участники Собора, кроме трех или четырех человек, никогда не знали и ничего не слышали¹. Так что известный злоторец и враг наш постарался, чтобы и тогда помешать нам узнать об этом.

10. В другой раз мы вновь собрались, по обыкновению, у Патриарха. Речь шла об объединении, и стремящиеся к латинству восхваляли согласие и мир. [Митрополит] Ираклийский сказал: «Хорошо, если бы вы дали нам ектесис, который отправили латинянам, мы ведь только один раз услышали его, а надо было бы многократно его читать и обсуждать». [Митрополит] Никейский сразу ответил: «Позор для вас так считать, поскольку вы слышали и забыли об этом. Вам не подо-

¹ Речь идет о соборном томосе, принятом против Патриарха Векка в 1285 г. при Патриархе Григории Кипрском (1283–1289). Опубликовано в PG. Т. CXLII. Col. 233 A — 246 B, подписи с комментарием В. Лорана опубликованы в журнале ЕО, XXVI, 1927. Р. 143–149. Неудивительно, что во время Ферраро-Флорентийского собора многими сторонниками унии пересматривалось отношение к прежним латинофилам и их противникам.

бает так забывать то, что мы здесь говорим и слышим». Так он искал и отверг предложение [митрополита] Ираклийского. Они считали, что таким должно быть размышление и исследование об изложении и соглашении о вере. Некоторые другие сказали: «Невелико между нами и латинянами различие. Если наши захотят, то оно с легкостью может быть исправлено». Когда [митрополит] Эфесский ответил, что оно велико, ему сказали: «Это не ересь, и ты не можешь называть это ересью, поскольку бывшие до тебя значительные и святые люди не называли это ересью». [Митрополит] Эфесский сказал: «Это ересь, и так к ней и относились бывшие прежде нас, разве что они не захотели провозглашать латинян еретиками, ожидая их возвращение и являя любовь. Если же вы хотите, я вам докажу, что они считали их за еретиков». [Митрополиты] Митилинский и Лакедемонский сразу исполнились гнева и сказали: «Что ты за человек, чтобы называть латинян еретиками?» И они встали перед лицом Патриарха, приблизились к [митрополиту] Эфесскому и стали с дерзостью и бесстыдством осыпать его словами и упреками: «До каких пор мы будем терпеть молча такие твои слова?» — сказали они, разве что ни поднявшись, чтобы зубами и руками растерзать его. И прибавили, наконец: «Мы скажем папе, что ты называешь его еретиком. И ты либо докажешь это, либо претерпишь то, чего ты достоин». С такой бравадой они вышли. Вышел и протосинкелл, который, еще будучи рядом с Патриархом, сказал: «Я знаю, что если мы совершим объединение, то они нас анафематствуют прежде, нежели мы достигнем Венеции. Если же и не совершим, то все равно они нас анафематствуют. Так что лучше нам совершить это, и пусть они нас тогда анафематствуют». Будучи спрошен протекдиком, он вновь изъяснил это еще более ясно, и слышавшие его недоумевали.

11. По прошествии двух дней мы вновь собрались, по обычаю, у Патриарха. Много было сказано об объединении, и [митрополита] Эфесского побуждали и просили прибегнуть к некоей икономии и снисхождению. Он же возразил: «Непозволительно снисхождение в делах веры». После того как многие просили [митрополита] Эфес-

ского о снисхождении, а он спорил и отказывался, ревнующие о единстве сказали, что «различие невелико, и небольшое снисхождение объединит нас, если и ты захочешь прибегнуть к нему». [Митрополит] Эфесский ответил: «Это походит на то, что сказал епарх св. Феодору Начертанному¹. Он ведь сказал ему, что “причастись [ты и твои единомышленники вместе с нами, не почитающими иконы] только один раз, и иного мы ничего не требуем: идите, как наши друзья”. И святой сказал ему: “То, что ты говоришь, похоже на то, как если бы кто просил другого, говоря — не прошу у тебя ничего иного, как только один раз отрезать тебе голову, а после этого иди, куда хочешь”. Ведь в этих делах не является малым даже то, что кажется таким». Так, из этого мирного, как казалось, вопроса и просьбы возникла распря, и [митрополит] Никейский дерзко оскорбил [митрополита] Эфесского. После долгого спора встав, [митрополит] Никейский сказал: «Я зря спорю с человеком одержимым, он ведь безумствует, и я не желаю с ним спорить». И вышел в гнев. Сказал и [митрополит] Эфесский, что «ты — мальчик, и поступил по-мальчишески». На этом мы вышли. Патриарх, видя это, не вмешался и не прекратил распрю, ни эту, ни предшествующую: он лишь сидел, глядя на это и ничего не говоря.

12. На следующий день император пришел к Патриарху, и по его приказанию мы все собрались. Вновь начались речи об объединении. [Митрополит] Эфесский возражал, с ним спорили [митрополиты] Росийский, Никейский, великий протосинкелл и Амируци, которые нападали на него [самым] бесстыднейшим образом. Когда Гемист [Плифон] начал было говорить и заступаться за [митрополита] Эфесского, Амируци нагло надсмехался и над ним, и тот умолк. Все изумились, что император не осадил дерзость Амируци: он ничего не сказал для утешения достойнейшего Гемиста.

13. Когда [митрополит] Эфесский начал зачитывать из [Нила] Кавасилы по поводу обсуждаемого вопроса, [митрополит] Росийский сразу

¹ Исповедник эпохи иконоборчества. История с епархом рассказывается в Житии св. Феодора Начертанного (PG. T. CXVI. Col. 677).

сказал: «Мы пришли сюда ради единства и мира, а не ради схизмы и раздора. Мы хотим, чтобы здесь читали сторонников единства, а не схизматиков и сторонников разделения. Кавасила же схизматик, и мы не хотим, чтобы его читали». Его поддержал [митрополит] Лакедемонский, сказав: «Кто для нас Кавасила? Мы не держим его за святого. Он был архиерей, и для нас он как один из нынешних архиереев, как [митрополит] Монеувасийский, например, или кто другой, так что мы не обязаны соглашаться с его писаниями». [Митрополит] Эфесский сказал на это: «Тогда давайте почитаем Векка». Досадуя на их дерзость и наглость и поняв, что почти все сдались и готовы на одобрение латинства, он умолк.

14. Вновь [все] мы сошлись через день и говорили об объединении. [Митрополит] же Эфесский молчал. Некоторые предлагали голосовать. Присутствовал тогда и Патриарх, во все время этой встречи и полемики, притом что на других встречах он лишь однажды появился на короткое время, но затем, как болящий, ничего не сказав по поводу выступлений, ушел в свои покои и скрывался, словно под волнами. Итак, он тогда присутствовал, по поводу голосования просил помедлить и сказал: «Я хочу, чтобы здесь были зачитаны цитаты, чтобы я сам послушал и понял, как об этом говорят святые». Так и сделали.

15. Через день мы [снова] собрались. [Митрополит] Никейский приготовил книгу и прочел некоторые цитаты из св. Кирилла [Александрийского], сокращая их и умалчивая в начале, обрезая и калеча в конце. Затем он прочитал некоторые искаженные и несогласованные цитаты из св. Епифания [Кипрского], наполнил уши тех, кто собирався голосовать и добавил, что святые говорили это во многих местах. Повитийствовал и император, что «это божественное дело единства не с меня началось, но начал его готовить государь мой император — мой отец. Каким он был в мысли, слове, деле, добродетели, в понимании божественных и человеческих вещей, и каковы все его достоинства, вы хорошо знаете, как и я знаю. Именно он начал готовиться к объединению и стремился совершить его как благое, богоугодное и во многих отношениях для нас полезное. Он не успел увидеть его завер-

шенным, поэтому завещал мне исполнить его. Так что это его дело, и словно от него делаю это я. Не только он, но и все разумные и мудрые, и учителя нашей Церкви, из которых и я застал Патриарха кир Евфимия и учителя кир Иосифа, каждый восхвалял единство и говорил, что обладает этим непостижимым способом единения. Итак, все разумные и мудрые восхваляли и желали видеть дело единства как благое и наилучшее. Поэтому и я трудился до настоящего времени и говорю, чтобы вы были внимательны, дабы нам не лишиться того, что кир Иосиф называл непостижимым». Затем добавил и [митрополит] Никейский, что «я молод и не застал более старших, но слышал, что и те, древние, считали единство благом. Знал я [митрополита] Силимврийского Хортасмена, который был один из [самых] ученых и из [поистине] великих учителей, и я знаю хорошо, что и он восхвалял единство». Затем сказал и Патриарх, что «мы сейчас услышали речения святых. На следующей встрече мы скажем то, что нам кажется подходящим». На этом мы расстались.

16. По прошествии пары дней мы [снова] собрались. Сразу сказали, что «святые говорят про “от Сына”. Нужно и нам это одобрить», и сразу потребовали голосования. Архиереи просили, чтобы первым высказал свое мнение Патриарх, он же откладывал это на потом. Когда же упрасивали его, говоря, что «речь идет о вере и о догматах, и первым должен говорить ты», то он высказал свое мнение, но туманно и неясно, и большинству показалось, что он не одобряет «от Сына». Затем высказали [свои] мнения архиереи и после них игумены: десять было одобвивших «от Сына», семнадцать — не одобвивших. Когда об этом узнали император и Патриарх, то они погрузились во многие помыслы: император говорил, чтобы голосовали также и архонты, Патриарх же возражал против этого. Они вдвоем там совещались тайно, сидя долгое время. На этом собрание было распушено.

17. После этого [митрополит] Росийский пришел к Патриарху и сказал: «Вот, мы разделились, и отделившиеся от нас в большинстве. Поэтому мне кажется правильным, если ты прикажешь, а мы соберем синод и отлучим их, так как мы имеем с нами твою великую свя-

тость, пока они не пересилили и не отлучили нас». Патриарх же посмеялся над ним и сказал: «Молодец, [митрополит] Росийский. Такой-то ты мне даешь совет? Ты бы так поступил, если бы это зависело от тебя? Я же этого не говорю и не хочу, чтобы судачили, будто мы разделились (это было бы бесчестьем для нас и разрушением единства), но должно по икономии действовать с инакомыслящими». И начали император и Патриарх работать с одними напрямую, с иными — через посредство других. Так, Патриарх призвал [митрополитов] Тырново, Амасии и Молдовлахии, побранил их и сказал им: «[Вот так-то] вы хорошо поступили. Или вы — не близкие мои? Или не я старался и продвигал вас? Или вы не от меня имеете то, что имеете? Или вы не от моего дома¹ и не из моей семьи²? Почему же вы не последовали за моим мнением и позволили, что меня могут отлучить, если захотят? А я был уверен, что если вы увидите меня, бросающимся в море, то вы вперед меня броситесь в пучину. Вот так я надеялся, что вы поступите со мной. И зачем я вас взял и держу рядом с собой? Чтобы иметь вас спутниками в словах и соработниками в мыслях моих, или же как противников? Или вы захотели показать, что имеете лучшее знание догматов Церкви? Я хорошо знаю, как говорят об этом святые, и поэтому я сказал то, что вы услышали, и вы должны за мною следовать». Они ответили о других вещах, что подобало, об учении же сказали, что «мы не противились мнению твоей великой святости, но скорее последовали ей и пребываем в единомыслии: ведь ты не одобрил “от Сына”, и мы [также] высказали противоположное этому [учению]. Но на основании того, что мы знаем и как понимаем, мы имеем то мнение, которое мы высказали, и мы не одобрили “от Сына”. Из того, что ты сказал, мы решили, что к этому же ведет мысль твоей великой святости». «Ну и что же? — сказал Патриарх. — Если я и не высказал это буквально, то нужно было увидеть, что слова, которые я произнес, вели к этой цели. Но я еще скажу и больше, и яснее на другой встрече

¹ τοῦ κελλίου μου.

² τῆς φαμίλιας μου.

и дам мое мнение письменно. Итак, надо, чтобы и вы последовали за моим мнением». Так он их убеждал, приводил и привлекал к своему мнению. Затем [Патриарх] встречался с [митрополитом] Эфесским и просил его со всеми просьбами и мольбами, ссылаясь на молитвы святых и на его собственного отца, и, заклиная ими, упрашивал и умолял, чтобы и он согласился с объединением. Как говорит пословица, он двигал каждый камень и прибегал к любым хитростям, чтобы убедить сего несокрушимого. Но ничего не достиг.

18. [Митрополит] Российский позвал к себе [епископов] Мельника, Драмы и Дристры и других, предложил им великолепную трапезу и, угостив, объяснил им, научил и убедил их сказать то, что соответствовало его мнению. Поэтому [епископ] Мельника и сказал при своем голосовании, что он одобряет исхождение «от обоих». [Епископ] Драмы [сказал], что одобряет «от Сына», если сохраняется неповрежденно Святая Троица. Потом, будучи порицаемы своими друзьями, они проклинали научившего их такому.

Император, со своей стороны, устроил нечто подобное некоторым архиереям и послам трапезундцев и молдовлахов.

19. Это было сделано за два дня. Затем император отдал приказ, и была устроена [новая] встреча у Патриарха: было 2 июня второго индикта. Сначала император и Патриарх сели отдельно и немного поговаривались. Затем они призвали [митрополита] Кизического, так как он был опечален императором: когда он хотел место в пределах Софении, он его не получил. Итак, император уврачевал его, а тот согласился [на уговоры императора], и когда был спрошен, высказал такое мнение: «Пусть они уберут “от” и вставят “через”, чтобы нам быть в мире». После того, как [митрополит] Кизический был приобретен, они позвали всех и сразу попросили голосовать. Сначала немного сказал Патриарх и завершил [словом] о снисхождении, сказав: «Происходящее ныне подобно сказанному в древности, что произошло снисхождение божественное, а не перемена в месте». И затем он письменно представил следующее мнение: «Мы услышали цитаты из восточных и западных святых [отцов]. Одни говорят, что Дух Святой

исходит от Отца и Сына, другие — от Отца через Сына, притом что “через Сына” — то же, что “от Сына”, и “от Сына” — то же, что “через Сына”. Таким образом, оставив “от Сына”, мы утверждаем, что Дух Святой исходит от Отца через Сына вечно и сущностно, как от одного начала и причины, притом что предлог “через” означает здесь причину в исхождении Святого Духа».

20. После этого спросили архиереев, и они высказали свои мнения, которые были записаны секретарем. Первым сказал [митрополит] Ираклийский как местоблюститель Александрийского Патриарха — и не одобрил «от Сына». Вторым — великий протосинкелл как местоблюститель того же [Патриарха] — и одобрил «от Сына» и объединение с латинянами. Все удивлялись, как это он за три дня до этого устроил большую дискуссию с Петром Калабрийцем по поводу святого крещения и показал, что латиняне не крещены, и доказал это первым делом из речений святых, описавших, как это должно происходить и что и почему происходит. Затем он сказал Петру: «Ты хорошо научен в греческом образовании и языке. Вот скажи мне, что означает само слово *βάπτισμα*, крещение? Означает ли оно изливание воды на голову из некоего сосуда или же погружение в воду и вновь извлечение из нее?» Когда же Петр ответил: «Нет, отче. То, что ты говоришь, называется *καταβάπτισμα*, полное погружение», — великий протосинкелл возразил: «*Καταβάπτισμα*, полное погружение, означает погрузить кого-то в воду полностью и не извлечь. *Βάπτισμα* — крещение или погружение, т. е. [означает] погрузить в воду и извлечь...». В тот день, когда было первое голосование, он не одобрил «от Сына», поэтому все изумлялись, как это после трех дней он принял объединение с некрещеными.

Затем высказывали свое мнение и остальные архиереи. [Митрополит] Трапезундский был болен. Император и Патриарх много и часто просили его высказать свое мнение, но он не высказывал. Итак, кроме [митрополитов] Ираклийского, Эфесского, Монеувасийского, Трапезундского и Анхиальского, остальные архиереи проголосовали за то, что принять «от Сына» и объединение с латинянами. Одобривших было тринадцать и отказавшихся — шесть.

21. Затем великий хартофилак спросил императора, хочет ли он, чтобы и игумены голосовали. Поскольку во время предыдущих голосований они не одобрили «от Сына», император определил так: «Я слышу, будто Патриарх вовсе не одобряет, чтобы они голосовали. Он говорит, что они не имеют рукоположения, и даже не хочет, чтобы их называли игуменами. Я вот о таком не знал. Знаю только, что когда мы вручали игумену жезл, то он сразу и повсюду становился игуменом. А сейчас я узнал то, о чем сказал». Великий протосинкелл ответил, что «действительно дело обстоит так, как услышала твоя святая царственность: после получения жезла от твоей святой царственности они шли к Патриарху за рукоположением. Но теперь что ты о них прикажешь?» Император же сказал: «Спросите у Патриарха, и пусть будет так, как он скажет». Патриарх, проголосовав, ушел в свое жилище. Когда к нему пришел с вопросом великий хартофилак, он ответил: «Я изумляюсь, как вообще их называют игуменами, а теперь я скажу, чтобы они голосовали в качестве игуменов? Это не заслуживает ни вопроса, ни ответа». Итак, их отставили как нерукоположенных. Те, кто еще вчера и даже третьего дня назывались игуменами, и которые в качестве игуменов из Константинополя доехали до Флоренции вместе с императором, Патриархом и всей Церковью и благодаря игуменскому званию принимали участие в заседаниях и работе [Собора], те вдруг сразу оказались не настоящими игуменами и, как нерукоположенные, недостойными голосовать.

Затем император попросил деспота высказать свое мнение, но тот не захотел. По приказу императора спросили архонтов, и высказались [все], вплоть до портных, врачей и критянина-дворецкого, и все одобрили объединение с латинянами как благое дело. Мы же сидели молча, одни будучи лишены возможности высказываться во время работы. И ни одежда, ни чин, ни знание, которое мы имели в отношении догматов, ни священный сан, который имеем мы по благодати Всесвятого Духа, не удостоили нас сравняться с мирянами в делах церковных. Затем мы все, по обыкновению, встали, чтобы император мог высказать свое мнение, и он сказал следующее:

22. «Этот святой и Вселенский собор я считаю ничем не меньше всех предшествовавших. Если те Соборы превышали этот по чину собравшихся там отцов и весьма превзошли качеством, будучи богаты Кириллом [Александрийским] и богословом Григорием и иные — другими учителями, то я все же считаю и этот ничем не менее святым и почтенным и воздаю ту же, не меньшую, честь и тем, и этому. Предстоящее ему [т. е. Собору] дело является величайшим и божественным, и те, кто над ним работал, суть мужи священные и честные, начиная с первого — святейшего Патриарха. Поскольку же этот Собор является таким, как о нем сказано, то я, будучи императором по благодати помазавшего меня Бога, должен следовать решению Собора и его большинства, а также защищать постановленное большинством, согласно установленному на древних Соборах чину. Поэтому я говорю и утверждаю силой и властью священной царской власти, что я неуклонно последую за решением этого священного Собора и его большинства, так что всеми способами я буду его [решения] защищать по указанной выше причине, и поскольку я считаю, что святая Церковь, вместе и соборно рассуждающая, никоим образом не может заблуждаться в отношении священных догматов. Одному, двум или трем, или большому числу собравшихся и рассуждающих самим по себе людям заблуждаться возможно, но всей Церкви вместе, о которой Господь сказал Петру: «Ты — Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» [См.: *Мф.* 16, 18] — заблуждаться совершенно невозможно. Если же нет, то спасительное слово потеряло силу и вера наша утверждена на ненадежном фундаменте. Но поскольку и то, и другое абсурдно, то Церкви Божией невозможно ошибаться, а нам необходимо следовать за ней и ее решением, и прежде всех мне, облеченному по благодати Божией в царскую одежду, — следовать за ней и защищать ее. При этом латиняне не принуждают нас прилагать их добавление к нашему священному Символу или менять что-то из обычаев нашей Церкви».

23. Таковы были мнение и речь императора. В то время, когда император говорил, произошло нечто достойное рассказа. Одна из охотни-

чьих собак по привычке следовала за императором всякий раз, как он приходил в дом Патриарха, и дремала на вышитой золотом подушке, которая была положена перед императорским тронем и служила подножием. Император же всегда складывал ноги вместе на троне и на них сидел. Итак, собака всегда приходила на собрания в Патриархии и всегда лежала молча, молчал ли император или говорил. Когда же император начал высказывать это свое мнение, собака сразу начала лаять и скулить. Хотя многие пытались помешать ей и заставить молчать, в особенности офицеры, пугавшие ее и голосом, и палками, она отнюдь не замолчала, но непрерывно пела собачью песнь, громко выла и скулила, жалостно подвывая императорским приказаниям. Казалось, что она равностью своего голоса содействовала говорящему и собачьей музыкой поддерживала его ритм. Подобно тому как ученики певцов своим детским пением и стройностью голосов украшают красоту пения своих учителей и делают его еще стройнее и звучнее, так и собака тихо скулила, громко лаяла, выла и подпевала говорящему, или скорее плакала, скорбела и горевала, и не прежде прекратила, чем остановился говорящий. Некоторыми это сразу было расценено как дурное предзнаменование.

24. Затем император вновь с усердием испрашивал мнение деспота, говоря ему среди множества других слов: «Скажи и ты, братик». Деспот, зная, с каким усердием стараются устроить это объединение, совершенно не хотел оставаться во Флоренции, но [стремился] вернуться в Венецию, однако ему препятствовал император. По этой причине он печалился и скорбел, и делал все, чтобы не оказаться там во время объединения. Он часто приходил к Патриарху и говорил: «В обещании, которое изготовил для меня император, он пишет, чтобы я вернулся в Венецию, когда захочу, беспрепятственно и с полной свободой. Так вот император держит свое обещание? Ради этого твоя великая святость мне написала, чтобы я пришел к императору, дабы мне лишиться своей свободы?» Когда Патриарх увидел, что деспот часто и с усердием ищет возвращения домой, то он тоже стал просить императора [за него], — и тот позволил ему вернуться.

25. Когда деспот готовился уйти, случилось, что к императору пришли кардиналы и говорили об объединении: это были Юлиан и камерарий. Присутствовал также и деспот. Посреди их беседы император сказал кардиналам: «Брат мой деспот уже отбывает в Венецию». Сразу приступили к нему кардиналы и просили, чтобы он остался до завершения Собора. Он же не соглашался. Когда они вновь и вновь с великим усердием просили его об этом, император сказал: «Поскольку с такой мольбой просят, чтобы ты остался, следует тебе исполнить их просьбу». Поэтому он, устыженный, остался. Таков был образ действий императора. Вскоре он пришел к Патриарху, прежде двух последних соборных заседаний, где присутствовали и мы все. Император [как раз] рассказывал, как усердно просили кардиналы, и что и он со своей стороны прибавил, что должно быть по их прошению, и вот, деспот согласился и остался. Деспот сразу же ответил, что «я остался по приказу твоей святой царственности, а не из-за слов кардиналов, так как они немного для меня значат». Через какое-то время император вновь повторил, что «деспот был убежден словами кардиналов». Деспот же сразу [сказал]: «Не был я убежден словами кардиналов, как я уже сказал, но остался, чтобы не показаться послушником приказания твоей святой царственности». Поэтому деспот недобровольно присутствовал на последних заседаниях и не хотел высказывать свое мнение. По просьбе императора он сказал все же, что «я не имею ни знания, ни опыта в отношении догматов святой Церкви, и не знаю об этом ничего, поэтому я не могу различить, это ли лучше, или то. Другие [лучше меня] знают об этих вещах, и пусть они и скажут. Я же об этом не знаю, поскольку не мое дело рассуждать о подобной материи. С другой же стороны, если бы меня спросили, полезно ли нам объединение в отношении внешних и светских дел, я бы ответил, что в отношении мирских дел оно полезно». Итак, деспот оставался до кончины Патриарха, он присутствовал и шел впереди во время его погребения. Через четыре дня он отбыл в Венецию, отказавшись от [средств] на пропитание, так как не был согласен остаться на подписание ороса или на объединение. Вместе с ним ушли мудрейшие

учителя Гемист [Плифон] и Схолярый, которые тоже не хотели при этом присутствовать¹.

26. Затем были спрошены послы, и [они тоже] высказали мнение в пользу объединения. Первым — Менон от деспота кир Феодора и затем — Неагог, от молдовлахийского воеводы. Между ними Макродука, посол Трапезундского императора, сказал, что «мы всегда имеем митрополита от Константинополя, и наша Церковь всегда следует за святейшей Великой Церковью, и если ей что-то представляется правильным и почтенным, то так же думает и та. Я думаю, что и владыка мой император одобрит то, что ныне одобряете вы, как мне кажется, хотя я и не знаю точно, не решит ли он по-другому».

Что касается грузинских послов, то их с нами пришло двое: один — епископ, а другой — светский архонт². Поскольку епископ, после того как прения прекратились, каким-то образом узнал, что объединение готовится дурным способом, то он первым делом пришел отдельно к архиереям и к нам и показал всем грамоту Антиохийского Патриарха³, заповедующую им ничего не прибавлять и не убавлять, вплоть до единой йоты и одной черты. Затем он те флорины, какие имел, тайно отдал в залог, свою одежду и личные вещи раздал между нуждающимися, сам прикинулся безумным и ходил до времени как вышедший из ума и бродяга. Затем он тайно удалился, и мы даже не слышали о том, где он. Поэтому мы все считали, что он где-то дурным образом

¹ Плифон и Схолярый, будучи мирянами, могли легче других получить разрешение императора, так как не должны были подписывать орос. Вопрос, действительно ли Схолярый ушел из Флоренции заранее, чтобы не оставаться на провозглашении объединения, остается открытым. Но по возвращении в Константинополь он все еще оставался на проуниатских позициях. Возможно, он покинул Флоренцию раньше из осторожности.

² Светский архонт — Георгий Ивер, племянник грузинского царя Александра и его представитель на Соборе.

³ Интересно, что, таким образом, еще и в середине XV в. сохранялась изначальная связь между Грузинской церковью и Антиохийским Патриархом.

скончался. Он же проходил через итальянские области и города, и около трех месяцев мы о нем ничего не знали и не слышали. Когда же мы вернулись в Венецию, то прознали, что он нашелся больным в городе, называемом Модена. [Митрополит] Тырновский, движимый дружбой и состраданием, придя туда, взял его и привел в Венецию. Он же пришел в себя, когда захотел, забрал залог и вернулся вместе с нами. Мирской же архонт в те дни, в какие, как он узнал, будет совершено объединение, ушел в Рим. Итак, ни один из двух грузин не принял участия в объединении, поскольку они [разными путями] избежали этого.

27. Этого грузинского архонта папа призвал отдельно до завершения дел и сказал ему: «Я слышал, что вы [т. е. грузины] христиане и хорошие люди и подлинно любите Церковь. Римская церковь есть мать всех Церквей, и ее предстоятель является преемником св. Петра, наместником Христа, пастырем и вселенским учителем всех христиан. Поэтому и вам нужно следовать за матерью Церквей, принимать все, что она принимает, и подчиняться ее архиерею, дабы он учил и вас, чтобы вам обрести душевное спасение». И другое подобное он, ораторствуя, говорил. На это грузин ответил: «Мы, по благодати Божией, являемся христианами и любим, и следуем нашей Церкви. А наша Церковь хорошо сохраняет то, что она получила от учения Господа нашего Иисуса Христа, от предания святых апостолов, Вселенских соборов и святых, провозглашенных учителями Церкви. Она никоим образом не отошла от их учения и ничего не прибавила и не убавила. Римская же церковь прибавила и перешла пределы святых отцов. Поэтому мы и отсекли ее, или отошли от нее, сохраняя чистое [предание] отцов, а она из-за этого лишена многих добрых чад своих и потеряла их. Так что твоему Блаженству надо позаботиться и потрудиться, чтобы призвать тех, кого ты лишился, примириться и объединиться с ними. А это легко произойдет, если ты выбросишь прибавление из св. Символа. Ты сможешь это легко сделать, если хочешь, так как все латинские народы одобряют твое решение и повеление, поскольку считают тебя преемником св. Петра и почитают твое учение. Итак, если

ты уберешь прибавление, то не только грузины, но все христианские народы подчинятся Римской церкви и воистину объединятся и прославят тебя как истинного ученика Христова и подлинного преемника св. Петра, и все последуют за тобой с искренней любовью. И тогда ты будешь подлинно папой и отцом всех христиан и единым пастырем, и все будут под тобой единым стадом». Папа был совершенно уверен, что подчинит и приобретет грузина как иноязычного, простого, неученого и варвара. Услышав же от него такое, он остался безмолвен.

28. Тот же грузин присутствовал в другой раз на соборной встрече, когда совершалась праздничная литургия перед лицом папы, и благородный муж, протонотарий Иоанн, говорил большое поучение на латинском языке. Там же рядом сидели и мы. Иоанн часто приводил Аристотеля в подтверждение того, что он говорил и чему учил. Грузин, услышав это дважды и трижды, толкнул меня рукой. Когда я повернулся к нему и знаками поинтересовался, чего он хочет, он сказал: «Что Аристотель, Аристотеле. Нехорошо Аристотеле». Когда я спросил словами и жестами, а что же хорошо, грузин сказал: «Святой Петр, святой Павел, святой Василий, богослов Григорий, Златоуст. Не Аристотель, Аристотеле». Жестами, рукой, мимикой он передразнивал говорящего, а наипаче всех нас, перебежавших к таким учителям. Этот рассказ появился как бы на ходу, чтобы показать, что латиняне посрамлялись не только значительными людьми из наших, но и иноязычными и простецами. А неученый и варвар оказался учителем папы. Но пусть [наш] рассказ вновь обратится к продолжению.

29. После того как подача голосов была завершена и утверждена императором, он сказал: «Вот, с помощью Божией оказалось, что вера латинян хороша. Собор показал это и постановил, чтобы мы объединились. Итак, подобает, чтобы об этом никто более не спорил. До решения Собора любой желающий имел свободу говорить, что он хотел, после же решения никто не имеет возможности говорить против соборного решения. Я слышу, что некоторые отцы устраивают возмущение и шум, поэтому я говорю вам, офицерам: смотрите и будьте внимательны, и если кого найдете возмущающимся и говорящим что-

либо против объединения, то сообщите об этом мне, и я распоряжусь, чтобы было подобающее воздаяние и этому лицу, и этому делу».

30. На следующий день император пришел к папе и рассказал, как все произошло. Он надеялся, что папа примет это с радостью и весьма одобрит его. Папа принял происшедшее лишь отчасти и сказал: «Мы слышали, что вы ныне признали истину и приняли ее к душевной пользе. Я радуюсь этому, а какое было бы счастье, если бы ваши предшественники совершили это благое дело. Но одно то, о чем вы сейчас говорите, недостаточно для объединения, но есть между нами и другие различия. Нужно исправить и их, и тогда [уже окончательно] объединиться друг с другом». Это показалось императору удивительным, поскольку вышло против того представления, которое было у него в отношении этих дел.

31. Через день после того как было принято указанное решение, т. е. на следующий день, Патриарх позвал великого хартофилака, меня и протекдика и начал рассказывать и увещевать. Начал он с флоринов, сказав что «папа уже дает то, чего нам не хватает, т. е. [содержание] за пять с половиной месяцев, снаряжает также пять галер и отдельную галеру для императора. Дадут и венецианцы, будут следовать также [корабли] виглы, и мы возвратимся с честью вместе с пятнадцатью галерами». Затем Патриарх показал нам письменное обещание папы и кардиналов, в котором говорилось, что в марте они дадут для Города двадцать галер, чтобы император имел их там, где ему будет нужно, и что еще [папа] сделает многое для Города, так как он много и доброму о нем заботится, и будет большое благо для [всех] христиан. Затем он добавил: «Вы видите, как оказалось, что то, что говорят латиняне, является учением святых [отцов]: это утверждают и западные, и некоторые из восточных [святых]. Итак, это было безупречно доказано и одобрено Собором и всеми. Вы же — ближние мои и чада мои, члены мои и друзья мои. Никто еще не говорил вам об этом, но я счел за благо и говорю вам, что дело по благодати Божией устроилось хорошо, и решено, что мы объединяемся с латинянами. Итак, надо чтобы и вы как добрые люди, как чада Церкви и мои ближние одобрили

произошедшее ради благого мира, пользы христиан, ради помощи родине и того блага, которое последует за единством, и чтобы вы были согласны и единомысленны со мною, как вы и были раньше. Говорю это вам как ближним моим и чадам моим, ведь кому другому подобало сказать это вам, если не мне, вашему предстателю и отцу?»

32. Когда другие ответили, сказал и я, что «я рожден, вскормлен и воспитан, по благодати Божией, замечательнейшими родителями и церковными учителями, которых твоя великая святость, конечно же, знала. Я всегда научался от них и от других знающих и удивительных людей, которых я застал и видел на родине, но также и из того, что я читал у святых [отцов], говорящих о различии между Церквями и о том, каким образом истина находится в нашей Церкви. Если я и мал в слове и по нерадению моему не смог сравняться с моими родителями и учителями, то все же с помощью Божией я могу размышлять о том, что я читаю, поскольку я не из самых неученых. Итак, из всего — из того, чему я научен и о чем думал, из того, что я читаю и о чем рассуждаю — я не нахожу, что учение латинян здраво, но что оно противоречит преданию нашего Спасителя и научениям святых. Как же я, презрев все, одобрю учение, противоречащее святым, и нанесу душевный вред себе самому? Если бы опасность была внешняя или даже телесная, я последовал бы за твоей великой святостью и одобрил произошедшее. Но здесь я вижу опасность для души: я не могу чего-либо отвергнуть или одобрить, кроме того, что я уже одобрил».

33. На это Патриарх сказал: «Хорошо то, что ты говоришь. И я был внутри себя такого же мнения, и вы все меня слышали, как я считаю, и вы знаете, что я всегда возражал и не соглашался более других. Но когда я услышал, что говорят об этом святые, которых мы празднуем и любим как [истинных] святых, то принял это и я: ведь как я не приму святых?» На это я ответил: «А кто знает, что святые это говорят? Откуда мы знаем, что то, что они приготовили, является речениями святых, когда они предоставили нам испорченный св. Символ в деяниях Седьмого [Вселенского] собора? Какое они представили нам доказательство этого? Как же мы пренебрежем ясными, четкими и не вызывающими

возражений речениями восточных святых и примем то, что мы не читали и не слышали, но почитаем за сомнительное и испорченное?»

«Они не являются сомнительными, — сказал Патриарх, — подлинны и речения западных святых. Ведь это говорят и св. Афанасий, и св. Кирилл, и св. Епифаний». Я же сказал: «Не говорит этого св. Афанасий, скорее даже он говорит обратное, не говорит и св. Кирилл, и мы знаем точно, что он говорит». «Я читал св. Афанасия, — ответил Патриарх, — и он говорит это ясно, и св. Кирилл говорит это во многих местах. В отношении св. Епифания я много спрашивал учителя кир Иосифа, и он сказал мне: “О других у меня есть, что сказать, об этом же моем святом не знаю, что сказать. По правде говоря, я не считаю так, как он говорит. Но поскольку он святой, то мне лучше принять его слова, а не наши”. А он говорит это яснейшим образом. Итак, я говорю вам как ближним моим и чадам и совету — примите произошедшее».

34. Когда мы вновь возражали и противились объединению, Патриарх сказал: «Вы делаете так, чтобы мне не вернуться в Город». Когда мы ответили, что «твоя великая святость имеет здесь большинство единомышленников. Чем же мы мешаем?» — он ответил: «Если не все мои ближние будут единомысленны, то я не вернусь в Город. Но я говорю вам и объясняю по-отечески, дружески и с заботой: если вы послушаетесь меня, то все будет хорошо. Если же нет, то Собор, узнав об этом, не отпустит вас просто и как попало, но поступит, как [ему] подобает». Мы же ответили: «Мы готовы вынести все, если Собор определит». «Все же защитники Собора, — сказал я, — которые и приготовили это объединение, говорят, что высказывания восточных и западных святых согласны друг с другом. Я прошу тебя повелеть, чтобы предстал я и кто-нибудь из них, кого ты определишь, перед твоей великой святостью, и я выскажу затруднения, какие я имею в отношении некоторых речений святых. Если он разрешит мои затруднения и согласует цитаты, [хорошо]. Если же нет, то я не приму все произошедшее, как оно было».

35. Патриарх сразу сказал: «Вот, ты ищешь собеседования, и рассуждай без стеснений. Собор и все архиереи удовлетворились выска-

званиями святых, и ты один не хочешь [за этим] следовать?» «Я знаю архиереев, — ответил я, — и кроме двух или трех, остальные каковы? Или ты прикажешь, чтобы я последовал сказавшему: “Я принимаю ‘от Сына’, если неповрежденной сохраняется Святая Троица”? Будучи спрошен трижды, он трижды это неизменно ответил и вызвал смех, впад в противоположное первоверховному апостолу. Недостаточно для меня, — продолжал я, — следовать архиереям, которые так умеют богословствовать. Я прошу того, о чем сказал, если же нет, то другого я ничего не скажу». Он же вновь сказал: «Невозможно мне сделать то, что ты просишь, ведь я должен последовать Собору. Если же у тебя есть сомнения и ты ищешь, как говоришь, их разрешения, то пойди к кому ты хочешь, скажи, в чем нуждаешься, и исцелись от него. Только пусть это произойдет быстро, и чтобы не узнал кто другой, так как я не хочу оказаться между жерновами».

36. Итак, на следующий день я пришел к великому протосинкеллу и рассказал ему все подробно о [словах] Патриарха и о наших [прениях]. Он же сразу начал ударять себя по лицу, скорбеть и оплакивать себя, и отказываться от жизни, когда услышал, что Патриарх стал [таким вот образом] обрабатывать нас, начиная с флоринов и галер. Он бил себя в грудь, плакал и терзался, как недавно овдовевшие, так что даже меня довел до слез, и я был вынужден удерживать его руки и препятствовать тяжким ударам, и умерять его плач, скорби и рыдания. Когда в таких занятиях прошло много времени, он с трудом проговорил: «Я одержим скорбью и не могу более ни слушать, ни говорить об этом. Приди в другое время, и мы рассмотрим эти вещи». Когда я поздним вечером вместе с другими пришел к Патриарху, то Патриарх сказал мне: «Ну, что ты скажешь?» Когда я ответил, что я еще не нашел то, что искал, то он мне сурово повелел: «Позаботься об этом быстрее».

37. Я вновь отправился к протосинкеллу на следующий день, имея в руках тексты, чтобы показать ему. Он же сразу начал говорить одно за другим, рассказывая старые истории и сплетая бесконечное многословие и излишние рассказы, переходя с одного на другое, так что

большая часть дня прошла зря. Как только я начал говорить о том, чего я просил, он сразу сказал: «Сейчас не время говорить об этом, ведь это требует другого времени. Когда мы вернемся в Константинополь, тогда эти вопросы будут изучаться. А сейчас ты следуй своей Церкви». И отослал меня с такими словами. Я же опять сказал: «Когда мне кто-либо покажет, что это объединение не противоречит тому, что говорят святые об исхождении Святого Духа, тогда и я последую». По ходу этих дел скончался Патриарх, и больше мне никто не говорил об объединении. Вот так был к нам расположен Патриарх, а мы — к объединению, как это показано выше.

38. [Между тем] латиняне, получив от наших согласие с их учением, перешли к другим вопросам и просили наших, чтобы они исправили нечто из нашего церковного чина, что было им неуютно. Император и Патриарх, услышав об этом, скорбели и раскаивались в согласии с [их] учением: тем не менее, Патриарх, после того как сказал и выразил указанное выше мнение, готовился к возвращению и [даже уже] отправил большую часть своего багажа в Венецию. Он говорил, что осталось немного дней до того, как он подпишет будущий орос и сразу отбудет из Флоренции. Но он не сподобился ничего из этих двух, поскольку, не успев подписать, он умер и был там погребен. После того как он подал тот голос, который подал, он прожил восемь дней и умер внезапно во время ужина. Было 10 июня второго индикта, патриаршествовал он 23 года и 20 дней. Подробный же рассказ о его длительных и многообразных болезнях, о том, как по ходу конного переезда из Феррары во Флоренцию с ним приключилась водяная болезнь, и каким образом настигла его смерть, я оставляю другим, желающим это рассказать более доброжелательно¹.

¹ Патриарх Иосиф был погребен 11 июня 1439 г. во флорентийской церкви *Santa Maria Novella*. Как раз в монастыре при этой церкви находилась во время Собора резиденция папы.

Часть X

В которой [говорится] о совершении святых таинств и о других вещах, которых требовали латиняне; о составлении ороса, и как он был подписан; как затем была отслужена латинянами литургия единства, и как император добивался, чтобы и мы, [духовенство] Восточной церкви, [тоже] отслужили литургию, и папа не захотел [в ней участвовать]. И как папа требовал, чтобы он мог судить [митрополита] Эфесского, и чтобы мы взяли в качестве Патриарха латинского [епископа] Константинополя или чтобы император, еще будучи там, поставил Патриарха из наших

Воспоминание десятое

1. Итак, после смерти Патриарха остался один император, чтобы устроить написание ороса и завершение объединения. В качестве советников и соработников в этом деле он имел [митрополитов] Росийского и Никейского и великого протосинкелла, а вернее сказать — в качестве умелых махинаторов, поскольку они искусно толкали императора на многое из того, что он не принимал. Кардиналы также ежедневно приходили к императору и просили исправления во всем, что только хотели, а император старался отделаться от них. Они настаивали и боролись, и на каждый вопрос уходило шесть или пять дней, пока они не отказывались от искомого или не достигали его, когда латиняне шли в бой, а император отбивался от них. После многих возражений, противоречий и соглашений они сошлись на четырех главах, которые содержатся в оросе после определения о вероучении. Из них одна — о прибавлении (что законно и благочестиво было прибавление к Символу); другая — о квасном и пресном хлебе (чтобы каждая из Церквей,

западная и восточная, совершала богослужение по своему обычаю, будь то на пресном или на квасном хлебе); третья — о чистилище, и четвертая — о власти папы. Этого требовали от императора, — и это было им утверждено. Наш Собор не имел об этом ни малейшего представления, разве что упомянутые выше советчики.

2. Затем они пытались исправить нас и устранить при совершении Бескровной Жертвы троекратное благословение и призывание Святого Духа, совершаемое священником, так как говорили, что Господни слова освящают ее, т. е. «примите, ядите, сие есть Тело Мое» и «пийте из нея вси». Поэтому латиняне порицали наших как поступающих ошибочно, когда после произнесения этих Господних слов они молятся и благословляют святые [дары], и хотели, чтобы запретили нашим священникам молиться и благословлять после произнесения этих Господних слов. Между императором и латинянами была большая полемика на многих встречах, когда император среди многих слов сказал и то, что «если вы хотите убедиться в том, что и великий Василий и благословенный Златоуст так передали совершать и освящать божественные дары, то вы обнаружите, что это содержится во всех литургических рукописях восточных Церквей, а их более двух тысяч». Юлиан сказал на это: «Может ли твоя святая царственность засвидетельствовать с клятвой, что книги, о которых ты говоришь, были с самого начала изданы святыми в том виде, в котором они находятся сейчас, и совершенно не переделывались за это время? А без этого как мы поверим книгам?»¹

3. Пока шли дни в обсуждении этого вопроса, папа распорядился — и произошло собрание императора и нас у папы, отсутствовал лишь [митрополит] Эфесский. Много слов было сказано на эту тему. Латиняне всеми способами старались отстоять учение, которое они

¹ Вероятно, представители латинской стороны и в самом деле могли считать, будто эпиклеза в восточной литургии является поздним добавлением (как некоторые из них считали, что и *Filioque* было изъято из Символа веры восточными).

имеют по данному вопросу, а также заставить и наших служить таким образом. [Митрополиты] Росийский и Никейский возражали отчасти, в чем-то соглашаясь. Среди прочего, они сказали следующее: «Подобно тому как божественное повеление, сказанное Богом однажды: „Да произрастит земля плод свой, каждый по роду своему“ — действует от начала и доныне, и будет действовать до скончания [века], и мы верим, что божественное повеление является тем, что наделяет землю силой взращивать и приносить плод, тем не менее, необходим земледельческий труд (мы знаем, сколь много помогает он земле приносить плоды), так и об этой священной жертве мы говорим, что те божественные слова являются освящающими ее, содействуют же этому молитвы и призывания священника к ее совершению, подобно тому как попечение земледельца содействует плодоношению земли». Когда они сказали это, то не были удовлетворены ни наши все, взвешивающие на смысл того, что написано в божественных литургиях, ни тем более латиняне, знающие лишь заранее установленный ими смысл. Поэтому они и не пришли к согласию. Тогда папа выбрал наших, в особенности архиереев, сказав: «Я удивляюсь, как вы, придя сюда, столько времени провели праздно и без дела и не заботитесь о том, чтобы завершить то, что вы предложили и ради чего пришли сюда. Вас не заботит пребывание на чужбине, и о домашних своих вы не думаете, не вспоминаете о возвращении, но вас не беспокоит все это. Что происходит в ваших Церквах, вы не считаете [важным знать, так же вас не беспокоит], сколько нелепых, неисправимых и страшных прегрешений совершается живущими в них в течение такого времени, и что вы должны будете ответить перед Богом за совершенные там грехи. Я не понимаю, что мешает вам [исправить все это], и почему вы не стараетесь вернуться к себе». Сказав множество других, подобных этим, оскорблений, он распустил собрание.

Император же призвал [митрополита] Эфесского и попросил, чтобы тот написал об этом вопросе. Он согласился, написал и доказал, что святые учителя Церкви [именно] так заповедали освящать святые дары, как освящают их наши священники.

4. Оставив в стороне рассмотрение этого вопроса, они занялись тем, как должен быть издан орос. Император и наши сказали, что сначала должно быть поставлено царское имя, согласно чину в определениях Вселенских соборов, а затем — имя папы. Но латиняне не хотели слышать этого даже краем уха, утверждая, что папское достоинство многократно превышает достоинство царское. Как же теперь это примирить? Император и наши сказали, что «созывать Собор является привилегией императора, поэтому его имя и поставляется впереди, что ясно [это следует] из [соборных] деяний». Латиняне же ответили, что «нынешний Собор собран папой, он созван по его повелению и на его средства. По этой же причине его имя должно быть впереди, а в особенности надо написать в оросе, что папа созвал Собор, и благодаря ему [т. е. папе] произошло объединение». На это император сказал, что «если папа и дал средства, но если бы не были посланы наши послы и повеления, то ни восточные Патриархи не отправили бы местоблюстителей, ни из относящихся к нашей Церкви архиереев и народов никто бы не пришел или никого бы не послали на Собор по воле или повелению папы. Так что и в этом смысле именно я собрал Собор и мне нужно быть поставленным впереди, но и без этого мне достаточно того, что во всех Вселенских соборах имена императоров предшествуют, а этому Собору, как Вселенскому, нужно следовать за ними». Латиняне на это ответили: «На тех Соборах папа не присутствовал лично, и поэтому определения подписывались так, как вы говорите. На этом же Соборе он лично председательствовал, и ему надо предшествовать и в определении». Когда император увидел в этом вопросе сильное противодействие, он сказал: «Пусть тогда напишут два определения в тех же самых словах, только на одном [впереди] будет написано имя папы, а на другом — императора». Но [латиняне] этим не удовлетворились, и в конце концов они нашли прибежище в грамоте провозглашения [Собора] и сказали: «В этой грамоте впереди поставлено имя папы, так это и распространено среди всех латинских народов. Тогда вы об этом ничего не сказали, а теперь, после того как это повсюду передано и распространено, как же мы изменим этот порядок? Это невозможно». После множества слов и

возражений император, увидев, что [латиняне] не откажутся от того, что они предложили, поневоле и против желания уступил, и те составили орос, как они хотели.

5. Написал его монах Амвросий, латинянин, поскольку был опытейшим в греческом образовании. [Митрополит] же Никейский захотел изменить некоторые слова [только] для большего изящества греческого языка. Итак, собрались ученые из латинян, и если [митрополит] Никейский предлагал слово, то они исследовали и проясняли его долгое время, иногда до двух часов. И если избранные для этого латиняне соглашались со словом, то оно утверждалось, если же кому-то из них оно не нравилось, то оно отвергалось. Это происходило в течение десяти дней, и они написали определение, каким его можно [сегодня] видеть. Желющие могут понять, для какой цели составили [они] определение, и в ряду с кем поставили имя императора.

6. В эти дни исследовали еще некоторые темы, среди которых — [тема] о чистилище и о власти папы, что очень огорчило императора, поскольку [митрополиты] Росийский и Никейский сказали, что «право апелляции принадлежит папе, и он должен исправлять, если Патриарх или император сделает что-то недолжное, и латиняне хотят, чтобы и об этом было сказано в определении». Император страдал от этих заявлений, и на одном из обсуждений этих вопросов он сказал: «Если бы латиняне не имели разъяснений со стороны наших, то они бы не говорили об этом и не требовали такого. Но я знаю, кто их подстрекает». И во время другой беседы, говоря о давлении и требованиях латинян, император проговорил: «Я вижу, что есть неверные люди, вечно готовые настаивать на своем мнении [т. е. отстаивать мнения латинян]. Они до такой степени стараются опровергнуть все сказанное другими, что если бы кто из наших сказал, что Христос есть истинный Бог наш, то они стали бы спорить и день, и два, и всеми способами старались бы это опровергнуть и доказать, что Христос не есть истинный Бог наш». И это при том, что вначале, говоря с ними и испытывая их, император утверждал, что они легко убеждаются и что будет легко вести с ними диалог и привлечь кардиналов, с которыми он

говорил, на нашу сторону. Этими кардиналами были камерарий, Юлиан и Фирман.

7. На следующей встрече, на которой обсуждались те же вопросы, император сказал с суровостью: «Я знаю, кто советует такое, но ничего не скажу о них, поскольку я вижу людей, которые не приемлют объединение и поэтому прикрываются то одним, то другим. Мы уступили и сделали даже больше, чем стоило. Так следовало бы и тем с радостью и без излишнего вмешательства в чужие дела устремиться к единству. Они же предлагают и говорят такое, что кажется, будто это объединение не по воле Божией, поэтому оно и встречает препятствия. Но я объявляю папе со своей стороны, что если он удовлетворен тем, до чего мы договорились и на чем согласились, то единство состоится; если же нет, то я объявлю флорентийцам, они снарядят нас, и мы отправимся домой». То же самое он сказал и на следующей встрече, досадуя и тяготясь, как казалось, тем, о чем договорились.

После того как император умолк, по прошествии достаточного времени [митрополит] Никейский сказал угрюмо: «Будет ли это хорошим и почетным делом, что снизойдя в важном и большом вопросе, из-за которого мы вначале разделились, мы будем настаивать в малом и частном вопросе настолько, чтобы погубить великое, в котором снизошли? Кто нас [за это] похвалит?» Такими словами он умирил императора.

Пока мы этим занимались и говорили, и речи не было о [средствах] на пропитание: ведь после даяния в мае никому не было дано никакого содержания, пока мы не вышли, чтобы возвращаться в Венецию, выполнив предварительно все, чего хотели латиняне.

8. Но [митрополит] Митилинский, ревнуя, конечно же, о единстве, сказал: «Если папа хочет, пусть даст мне флорины, и я их раздам лично, кого знаю, как благодеяние папы, и приготовлю их легко отнести к подписанию ороса и к объединению». Папа узнал об этом и повелел дать ему флорины, не знаю сколько, но как некоторые говорят — двести, и он дал некоторым из наиболее нуждавшихся архиереев. Дал он и великому скевофилаку девять флоринов, никому же другому из церковных архонтов не дал. Также Христофор и Амвросий после объеди-

нения дали флорины некоторым наиболее нуждавшимся людям Церкви как благодеяние папы. Узнав об этом, великий хартофилак пришел к Христофору и по своей просьбе получил двенадцать флоринов. Затем он пришел и просил у Амвросия, как ничего не получивший от благодеяний папы, и получил и от него двенадцать. Позже [, когда] об этом узнал Христофор, он осудил и выбрал его, и решил отобрать у него первые двенадцать [флоринов], но затем от этого отказался. Так то, что они раздавали тайно, позже проявилось. Но и [митрополит] Никейский через некоторых лиц сообщил папе, что у него нет архиерейского облачения, чтобы надеть его на [церемонии] объединения, и просил помочь ему. Если же нет, то он будет без него. И он получил двенадцать флоринов на облачение. Так он оказался на [церемонии] объединения в замечательном облачении. Не знаю, сколько он получил и из даяний, описанных выше.

Вот эти средства, тайно выданные некоторым безразличным и бесстыдным людям, частично до объединения, но в основном — после, дали желающим возможность обвинять их и говорить, что те взяли флорины — и [только поэтому] подписали. Ведь подписание и первого написанного ороса, и после него еще четырех других [экземпляров] произошло в резиденции императора в присутствии множества архонтов, латинских епископов и протонотариев, но никто из них не видел, чтобы там раздавались флорины подписывающим, и не слышал, чтобы их просили или обещали. Если некоторые из порочных и бессовестных людей и брали тайно флорины, то большинство из них не подписывали [орос], поскольку не принадлежали к чину тех, кто подписывал, но это не развращало всего общества, так как еще оставалось неизвестным.

9. [Митрополит] Эфесский оставался в молчании и страдал из-за происходящего. Когда же он узнал, что составляется орос, то, убоявшись, чтобы его не просили подписать или не наказали как ослушника, он попросил [об услуге] всесчастливейшего деспота и, пользуясь его заступничеством перед императором, передал через него, что «твоя святая царственность знала, что я ни архиереем не хотел становиться, ни на Собор приходить, так как я с самого начала избрал прожить

монашескую и молчальническую жизнь, согласно своей мере. Твоя святая царственность, повелев, просила меня о том и о другом. Против своей воли я был вынужден хранить должное послушание твоей святой царственности. Я принял на себя труд выше моих сил и серьезную борьбу [участия] в прениях, и не презрел и не пренебрег ничем из того, что было в моих силах. Поскольку сейчас дела идут другим образом, а не как это предполагали собеседования, а именно я был ответчиком на них, то прошу и я, ради многой моей борьбы и трудов, такой награды у твоей святой царственности, чтобы не принуждали меня подписывать орос (поскольку я не сделаю этого никогда, что бы ни произошло), и чтобы мне вернуться домой в сохранности. Я прошу и молю, чтобы мне было оказано такое благодеяние». После того как деспот предстательствовал перед императором и много просил его за [митрополита] Эфесского, император был убежден и уверил, что его не будут принуждать подписывать, и что он вернется на родину в безопасности, благодаря императорскому попечению и заботе.

10. Составление и обработка ороса подходила к заключению. [Митрополиты] Российский и Никейский предложили, что в конце надо добавить отлучение и анафему против тех, кто не примет [его] или будет [ему] противодействовать. Против этого [возражали митрополит] Трапезундский и великий протосинкелл. С ними согласился император, и вышел большой спор. Тогда великий протосинкелл сказал императору: «Извести, владыка мой святейший, присутствующих, что здесь никто не станет Патриархом, поскольку помышления некоторых будоражатся из-за этого вопроса, и объяви, что ты не поставишь здесь Патриарха, дабы умирились помышления смущающихся». Этими словами он намекал и подтрунивал над [митрополитом] Российским.

Сказал и [митрополит] Трапезундский: «Прошу твою святую царственность, чтобы ни в коем случае не было добавлено к оросу отлучение или анафема. Достаточно, что произошла вещь, которую и в помышлении нашем не стоило принимать, как я думаю. А чтобы к этому прибавлять еще и отлучение, то я умоляю, чтобы этого, ради Бога, не было». [Митрополит] Российский начал говорить более кон-

фликтным тоном: «И что же мы сделали, владыка Трапезундский? Что это за такое зло, которого и в помышлении не следовало принимать? Мы сделали то, что говорят святые». Император, видя, что они двигаются к ссоре и скандалу, запретил [митрополиту] Росийскому продолжать и сказал [митрополиту] Трапезундскому: «Не нужно было, владыка, говорить, что даже в помышлении не следовало принимать свершившееся, так как это порицание и осуждение Собора. И будет казаться, будто Собор сделал что-то недозволенное, и это вновь обернется против вас [т. е. против митрополита Трапезундского и его товарищей]. Не должно вам выставляться судьями самих себя и других. Но это происходит от вашего предубеждения, так что кажется, будто вы решили всегда пребывать в этом предубеждении и не выходить из него, поэтому вам произошедшее и кажется прискорбным. Но из-за этого я часто говорил, что вам всем нужно изгнать из себя предубеждения и не доверяться ни одному из них, но с этих пор считать заслуживающими сомнения и римскую доктрину, и нашу, так как они предложены к исследованию, пока Собор не изучит и не рассудит их, и не вынесет свое решение, которое мы тогда и применим бесприкословно. Я сам себя расположил таким образом, как сказал, хотя я — император и я созвал Собор, и мог бы советовать приобщиться к той или иной доктрине. Но я так решил для самого себя, чтобы не держаться ни доктрины нашей Церкви как неоспоримой и безупречной, ни доктрину Римской церкви не презирать как сомнительную, но чтобы иметь сомнение в обеих, пока их не исследует Собор, и тогда я одобрю то, что он постановит. Так, подобало бы и вам отвергнуть от себя предубеждения и одобрить безусловно то, что Собор постановил. Итак, прекратите споры и оставьте рассуждения, противные соборному решению, как недостойные вашего одеяния и архиерейского сана, и одобрите с подобающим благоговением то, что определил Собор».

[Митрополит] Росийский, приняв слово, сказал: «Если два человека подписывают договор, то они предписывают и до десяти иперпиров неустойки, чтобы если кто нарушит соглашение, то он подвергся

бы задержанию и штрафу. Я удивляюсь, как мы, составив соборное определение, не предписали и соборной “неустойки”». Итак, тогда вышли [митрополит] Росийский и великий протосинкелл, негодуя друг на друга, ведь и раньше они были плохо расположены друг ко другу. Когда совещались и готовили объединение, они оказались связаны [мнимой] дружбой, а когда объединение состоялось, они вновь расстались. Во время другого исследования некоторых вопросов перед лицом императора они бессовестно поссорились, и сказал великий протосинкелл: «Владыка Росийский, ты не будешь Патриархом. А если будешь, низложи первым делом меня». На это [митрополит] Росийский ответил: «Я вижу, ты меня оскорбляешь. И третьего дня ты сказал мне недостойные слова, и сейчас наговорил многое. Но я тебя заверяю, что ты ничем не подвигнешь и меня перейти на такие же слова». Тот же вновь сказал: «Говорю тебе, что когда ты станешь Патриархом, низложи первым делом меня».

11. Орос был написан и прочитан императору. Было решено, что его подпишут. Затем, после великой литургии, которую будет служить папа, а наши будут присутствовать в облачениях, его прочтут, и таким образом мы окажемся едины. Император просил передать папе, чтобы сразу после того как отслужат латиняне, служили и наши, в присутствии папы и всех латинян и греков, дабы все видели таинство и нашей литургии. [Митрополиты] Росийский и Никейский сказали, что латиняне хотят устроить крестный ход (λατινικοι), затем воспеть гимн призывания и после этого служить литургию. Наступит полдень, и возможно, что папа, не вынеся такого труда, воспрепятствует нашей литургии, так что лучше, если наша литургия будет на следующий день. Император же сказал: «Мне кажется куда лучше, если в тот же день будет совершена и наша литургия, чтобы в присутствии папы, всех его людей и латинского множества был прочитан св. Символ без добавления, и увидели они нашу литургию, — и будет это к нашей чести». Это сказал император, но его пожеланиям все же воспрепятствовали. Было решено, что орос будет подписан в воскресенье 5 июля, а в понедельник будет литургия единства.

12. Каким образом одобрили происшедшее и согласились подписать архиереи, не согласные во мнениях, и те, кто не были признаны за игуменов, как нерукоположенные, я не знаю и не могу сказать. В отношении меня самого и тех, кто был вместе со мной, я расскажу, ничего не прибавляя и не убавляя и ничего не предпочитая истине. Мы надеялись, что не будет и речи о нас в отношении подписания, поскольку мы были исключены, как было сказано, из соборных дел. В указанное воскресенье, после литургии, Филантропин позвал нас в резиденцию императора — великого хартофилака, меня и протекдика — и сказал нам: «Император повелевает: объединение оказалось благим и одобренным всеми, и теперь, уже через два или три часа, орос будет подписан. Итак, [император] повелевает, чтобы подписали вместе с другими и вы, а завтра вы также приняли бы участие в [церемонии] объединения. Я вам говорю это заранее, чтобы вы были готовы к тому и другому».

Мы на это возразили, сказав: «С того времени, как император повелел, и принесли деяния [Вселенских соборов], и оказалось, что подписывают одни епископы и архимандриты, и он приказал, чтобы так было и на этом Соборе, мы решили, что не будет иного против того, что [император] приказал открыто и соборно. Теперь мы дивимся, как это он повелевает другое. Как мы подпишем то, за что мы не голосовали, что мы не одобряем и считаем противным догматам Церкви? Об этом и Патриарх говорил нам многократно, но мы не согласились, так что пусть император вновь узнает, что мы не подпишем и не наденем наших [священных] одежд».

Передав это [императору], Филантропин приходит вновь и говорит: «Император повелевает [передать вам] так: “Неудивительно, что я вам ничего не сказал до настоящего времени. Но поскольку это учение одобрено Собором, и отныне наша Церковь будет иметь его как здоровое учение, то необходимо, чтобы и вы одобрили его, и вы не должны делать ничего против соборного решения и нашего повеления. Что я говорю иное, нежели раньше, неудивительно: тогда мне показалось за благо, и я сказал одно, теперь другое мне кажется лучшим, и я повелеваю, чтобы вы подписали”». Мы ответили: «Император утверждает, что [это] уче-

ние хорошо, но мы не считаем его таковым. Мы держимся святых [отцов] и их речений в здравом понимании. А что это одобрено другими, ничего удивительного — каждый властен над своей волей». «Вы одни, — сказал Филантропин, — думаете не то, что все остальные. Вот, наиболее мудрые, ученые и добродетельные из наших и [вообще] все утверждают, что это доброе учение, и принимают учение и объединение, и я удивляюсь, как вы не одобряете его. Я прошу и умоляю вас, как друг, исполните повеление императора ради блага мира, для пользы христиан. Если не для чего иного — так ради нашего отъезда, ведь вы видите, что нам невозможно выйти отсюда, если мы не достигнем объединения. Что будет с христианами, находящимися там, с теми, кто нас там ждет?» «Я не знаю, — сказал я, — как мудрые, ученые и добродетельные убедили свою совесть. Это они знают. Но как кажется мне, они не убедили, но скорее растоптали свою совесть. Я, к тому же, отвечаю [прежде всего] за себя, ведь ни за кого другого я должен отвечать перед Богом, как [только] за самого себя. И поскольку ни от своего частично-го знания, ни от многого другого, что я слышал и видел, я не убедился в том, что это учение здоровое, поэтому я не принимаю его. Что касается блага мира, пользы христиан и остального, о чем вы сказали, то вот, объединение установлено и почти что завершено, и не будет никакого препятствия к его завершению и ожидаемым от него благам, подпишем ли мы, или не подпишем. Итак, мы умоляем и просим святого императора, чтобы он явил нам сострадание и в качестве своего благодеяния позволил, чтобы нас больше не принуждали подписать, поскольку мы оправданы и деяниями [Вселенских соборов], и [императорским] приказанием, данным публично. Просим мы и твоего предстательства, чтобы ты передал то, что мы сказали, и просил за нас, как это умеет твое удивительное знание, и освободил нас от такого дела».

Филантропин ответил: «Я никоим образом не могу передать такие слова. Император в дурном расположении [духа]. Скажите мне что-нибудь, что может быть ему приятно, и я передам это. Совершите и вы какую-нибудь икономию и снисхождение. Были и другие, которые не считали это за благо, но теперь одобрили, и уже все подпишут.

Поступите таким образом и вы, и все примените икономию». Но, поскольку мы полностью отвергали уступки и икономию, Филантропин сказал опять: «Будьте осторожны. Вы хотите взвалить на себя [слишком] большой груз. Смотрите, как бы вам не оказаться не в состоянии понести его. Вы не знаете, что вынес император и раньше, и в особенности теперь, чтобы довести дело да такого состояния, в котором оно сейчас? Какие он претерпел труды, испытания, прения и борьбу с латинянами, чтобы они согласились объединиться с нами, сохраняя неизменными все обычаи нашей Церкви? И сейчас на такой высоте начнется из-за вас разрушение [этого] дела? Как вынесет это император? Как он устроит дело? Что он теперь скажет латинянам, уверив их прежде, что определения одобряются и подписываются всеми? А они уже через два часа придут, чтобы увидеть собственными глазами, как вы подписываете. Рассудите, как благоразумные, об этом и обо всех последствиях, и сотворите, как подобает. Итак, дайте мне окончательный ответ, поскольку дело торопит, чтобы я шел [обратно] с докладом».

Когда мы услышали это и поняли, что нам невозможно освободиться [от подписания ороса], то каждый из нас, поразмыслив, высказал свое мнение. Великий хартофилак согласился только подписать, но не надевать священных одежд. Я же сказал, что «поскольку нас принуждают что-то сделать, дабы мы оказались единомысленными, то я надену одежды, но не подпишу». Великий хартофилак говорит: «Нет, ты говоришь наоборот?» Я говорю: «Хочу поступить так, как я сказал». И [снова] говорит [он] мне: «Оставляя главное?» Я же сказал: «Отовсюду мне тяжело, и оба дела — важнейшие. Но я считаю быть в одеждах на предстоящем действии более легким делом и скажу причину, почему мне это кажется верным. В деяниях [Соборов] не найдется подписи некоторых клириков, хотя у Патриархов и епископов клирики были. Итак, подписывали епископы, а клирики пребывали вместе с епископами в облачениях и, таким образом, следовали за их мнением. Поэтому я и говорю, что буду в облачении, но не подпишу, следуя деяниям и чину [Вселенских] соборов». Сказал я и Филантропину: «Прошу, чтобы ты передал все, что я сказал, и просил за меня,

чтобы меня освободили полностью, потому что я совершенно не согласен с происходящим. Когда же увидишь, что это невозможно, тогда поневоле скажи, что я лишь буду в облачении». Протекдик также последовал за моим мнением, а затем и великий хартофилак.

Когда Филантропин ушел и передал это [т. е. мои слова], то они не понравились [императору]. И Филантропин вновь, придя, сказал: «Император повелевает: “Я услышал то, что вы говорите. Я не согласен на одно из двух, но хочу, чтобы вы и подписали, и были в облачении. Итак, вы должны выполнить и то, и другое обязательно: так будет полезно многим соображениям, и по-другому быть не может. Если вы сделаете, как я приказываю, уже хорошо. Если же вы утверждаете, что сделаете только одно, то я утверждаю уже сейчас, что вы даже не будете в облачениях. А в будущем я сделаю то, что должно быть сделано вам, явившим такое презрение и учинившим такое препятствие этому доброду делу”». Затем он сказал другим: «Император повелевает [передать] и это: “По правде говоря, от великого еkkлезиярха у нас нет ответа до настоящего времени, но от вас есть. Итак, что вы хотите от этих новых разговоров, когда вы одобрили произошедшее?”» Они досадовали на это и отказывались, предлагая меня в свидетели перед самим Филантропином, знаю ли я что-нибудь об этом. Когда я подтвердил, что ничего такого не знаю, вновь сказал им Филантропин, что «император не указал, когда и перед кем вы высказали свое мнение, тем не менее, он утверждает, что у него есть мнение от вас обоих. Что вы на это скажете? Вы хотите вместе с другими противоречить императору и в этом? Подумайте, во что вы себя ввергаете». Тогда, будучи вынужденными, они согласились, хотя и против воли, сделать то, что было предписано. Затем Филантропин убеждал и меня в этом с ними согласиться и принуждал, не давая отсрочки. Когда я увидел насилие и неизбежность, и что я остался один, и что от моего противостояния не будет Церкви никакой помощи, а мне по-человечески последует вред, то сказал и я: «Поскольку самодержец наш император приказывает то, что он приказывает, и все считают, что это ко благу Города и состоянию христиан, то чтобы не казалось, будто я ничего не люблю, не стремлюсь к благосостоянию и

процветанию родины, но противодействую ее великому благу и пользе, помощи христианам и всему тому, что они причисляют ко благу Города, то я по необходимости следую за множеством, чтобы исполнить императорское повеление и волю, свидетельствуя и ныне, что ни своим убеждением, ни свободным выбором я не считаю происшедшее здравым учением нашей Церкви. Но Бог знает расположение моей души, что я не одобряю это и не добровольно подписываю, но веряю все Его милосердию. Итак, я делаю это теперь, но в последующем за мной остается [право] поступать так, как я считаю [нужным].»

13. Все произошло следующим образом. В два часа после полудня того же самого воскресенья¹ мы собрались в императорскую резиденцию, все, составляющие синод нашей Церкви. Пришли также епископы от папы — Христофор и другие два, и один протонотарий, — чтобы видеть, как и кем подписывается орос. Секундин принес орос, написанный на одной половине пергамена по-латыни, а на другой половине — по-гречески. Поскольку [митрополит] Ираклийский был болен, то император повелел Вуллоту и Секундину, и они вместе с Христофором принесли ему орос, и тот подписал его первым как местоблюститель Александрийского Патриарха, а они смотрели. Потом орос понесли в резиденцию императора, где все мы были собраны, и поставили подпись великий протосинкелл и затем остальные местоблюстители и архиереи, после которых и мы, несчастные, совершенно против воли, как Ты знаешь, Христе-Царю. [Средств] на пропитание у нас тогда не было уже пять месяцев. Я свидетельствую перед Богом всех, что тогда не было об этом ни малейшего упоминания, ни какой-либо просьбы со стороны наших, ни обещания со стороны латинян. Но хотя мы все содержались в нужде, все же большинство подписало, плача и стеная в глубине сердец. Знает это Испытующий сердца и помышления, Который воздаст по справедливости тем, кто

¹ Итак, объединение было заключено в два дня: в воскресенье 5 июля 1439 г. произошло подписание ороса, а в понедельник 6 июля — его провозглашение и торжественная месса.

клеветает на подписавших, будто они подписали после того, как попросили и получили флорины.

Итак, были закрыты двери жилища, и упомянутые латинские епископы стояли рядом с каждым подписывающим, смотря и наблюдая, как каждый подписывает. О [митрополите] Эфесском никто не сказал ни слова. О [епископе] Ставропольском¹ одни говорили, что он подпишет, и надо оставить ему место, другие — что не подпишет. Некоторые из архиереев сказали: «Пусть кто-то пойдет, чтобы привести его сюда». Один пошел в его жилище — и не нашел его там. На что [митрополит] Никейский заметил: «Все у нас есть, да без мелочей²». [Епископ] Ставропольский, когда остальные начали собираться для подписания, тайно вышел из Флоренции и пустился в бег.

14. Когда орос был подписан, император пригласил к себе подписавших, обратился с благоволением, изящно нас принял и сказал: «Нужно и вам отправиться к папе, чтобы видеть, как и он будет подписывать». Император избрал десять славнейших из архиереев, первым из которых был [митрополит] Трапезундский, и четырех ставрофоров. Когда кто-то сказал: «Какая необходимость в таком количестве, достаточно было бы трех или четырех», — он ответил: «Пусть идут все, кого я назвал. Подобало бы и больше ради почтения к папе, но не приготовили столько лошадей, чтобы всем отправиться верхом». Но и другое было приготовлено, вернее, подстроено с хитростью и коварством. Когда ввели лошадей, и мы, поклонившись императору, выходили, чтобы отправиться к папе, император объявил, что «[митрополит] Никейский назначен, чтобы сказать несколько слов папе, которые и вы там услышите». Итак, мы отправились, притом что никто из посланных не знал, что скажет [митрополит] Никейский, и нашли папу, сидящего вместе с кардиналами и всем своим синодом. Сели и мы, и когда [митрополит] Никейский

¹ Епископ Исаия Ставропольский. Феодор Агаллиан называет его «непричастным словесной мудрости» (*Πατριεὶς* X. 'Ο Θεόδωρος Αγαλλιανός, ταπεινόμενος πρὸς τὸν Θεοφάνη Μεδεΐας, καὶ οἱ ἀνέκδοτοι λόγοι του. Ἀθήναι, 1966. Σ. 15–16).

² Ἴδὸν ἔχομεν καὶ εἰς τὴν φακτὴν στίχον. Поговорка того времени, которую трудно перевести буквально.

начал говорить, то Юлиан сразу же сказал: «Протонотарий, записывай». Итак, протонотарий и другие секретари сели и тщательно записали все, что сказал [митрополит] Никейский. Он, после краткого вступления, закончил словом о совершении священной и таинственной Жертвы: «Как учит святая Римская церковь¹ о совершении святых даров, так учим и мы, что Божественные и Господни слова освящают и совершают божественные дары, а именно: “Придите, ядите, сие есть Тело Мое” и “Пийте из нея вси, сия есть Кровь Моя”. И мы соглашаемся в этом с вами, ведь мы не учим другому, нежели тому, что вы говорите и учитесь. Мы утверждаем, что священник содействует этому, подобно тому, что произрастает из земли. Но всё мы возводим к тем Господним словам, так что и в этом мы с вами согласны».

Такова была цель слов [митрополита] Никейского. Он изливал их с красотой и риторическим изяществом и произносил их будто бы от имени всего сообщества, притом что мы ни о чем не знали и сообщество с этим не было согласно. Все это было коварством и мошенничеством. Дело в том, что латиняне хотели и это записать в орос, но император это совершенно не принимал, опасаясь, чтобы по возвращении в Константинополь не дать желающим повода говорить о том, что император ниспроверг богослужение, которое нам передали великий Василий и божественный Златоуст, получив [его] от Иакова, брата Господня. Поскольку латиняне настаивали и хотели иметь наше письменное исповедание по данному вопросу, император решил так, чтобы [митрополит] Никейский провозгласил это перед лицом папы, будто бы от всего нашего сообщества, в присутствии и лучших из нас, и чтобы это было там записано латинянами и возвещено во всех их народах. Так и произошло, против нашей воли, и притом, что мы ничего об этом заранее не знали. Вот с такой прозрачностью, согласованностью, свободой и согласием все и делалось.

15. После того как были завершены речи по этому вопросу и записаны [они] латинянами, мы все встали и вышли на террасу. Вышел

¹ В переводе В. Лорана — *Église catholique*.

туда и папа, и, посмотрев на наши подписи на оросе, подписал и он, стоя прямо и положив руки и орос на аналой. Он спросил, подписал ли [митрополит] Эфесский, и услышав, что тот не подписал, сказал: «Значит, мы ничего не сделали». После этого он сказал: «Завтра мы будем служить литургию и совершать единение. Мы узнали, что некоторые из вас¹ хотят причащаться святых тайн. Поэтому говорим уже сейчас, чтобы желающие причаститься воздерживались, пребывали в непорочности и готовились к этому». Мы, услышав это, были поражены, а [митрополит] Митилинский изменил свое мнение: мы слышали раньше, будто он хочет причаститься латинской опресночной жертвы, и не верили этому. Теперь мы поверили этому из-за слов папы и личной перемены [митрополита] Митилинского, который, устыдившись, отказался от причащения. На слова папы ответил [митрополит] Никейский, что «наши всегда пребывают в воздержании и с благоговением проводят все время жития своего. Сейчас они слышали, что повелело Твое Блаженство, и если кто хочет причащаться, то будет готовиться с еще большим вниманием».

16. 6 июля второго индикта 6947 г., в понедельник, весь флорентийский народ собрался ранним утром в городской великой церкви². Этот день был объявлен праздничным, и никто не посмел ни делать какую-либо работу, ни [даже] открыть дверь мастерской, но все собрались в церкви. Прежде всех туда пришел император, затем мы и, наконец, папа, который был в облачении, вместе со своими кардиналами и епископами. Затем наши архиереи проходили по два по чину и, поклонившись, целовали руку папы, [затем,] повернувшись, направлялись к своим местам, где оставались в [своих] архиерейских одеждах. Изначально было отведено место для императора и для архиереев, после которых находились и были в облачениях мы, [все] из нашего чина, кроме одного только архонта монастырей и священников-певчих (эти-то были с нами, но не в облачениях). Также был без обла-

¹ τίνες τῶν ὑμετέρων: в переводе В. Лорана — *plusieurs d'entre vous*.

² Городской собор *Santa Maria del Fiore*.

чения [епископ] Анхиальский. [Митрополит] Ираклийский был болен и поэтому не присутствовал.

Итак, латинские псалты начали от второго часа дня и пели. Папа сразу стал посередине храма и простоял прямо, никуда не отклоняясь и ни на что не опираясь, один, около трех часов. Ведь [именно] столько времени пели благодарственные песнопения, как им казалось это нужным, но для нас эти звучные голоса виделись лишенными смысла. Затем и наши псалты пели великое славословие, после него *Святый Боже* и песнопение *Днесь благодать Святаго Духа нас собра, затем Да возрадуются небеса и да возвеселится земля*. По завершении этих песнопений папа отошел и сел на свой собственный трон.

Юлиан и [митрополит] Никейский взошли на возвышение, чтобы прочитать орос. Первым его прочитал Юлиан по-латыни. Затем он спросил своих архиепископов¹, нравится ли им орос, и те все вместе возгласили: «*Placet, placet*». Потом прочитал его [митрополит] Никейский по-гречески и затем сказал: «Спрошу и я вас, и вы ответьте мне — нравится ли вам прочитанный орос?» И все сказали: «Нравится [ἀρέσκει]». И тогда сразу обняли друг друга Юлиан и [митрополит] Никейский и облобызали. После этого они спустились, и каждый занял свое место. Сразу же началась литургия. Литургисали трое, один из них — диакон. Папа же находился на своем троне. В начале литургии Филантропин подошел к папским архонтам, хранившим воду, которой папа должен был умыться. Они стояли чуть в стороне от центра храма. Там он снял все, что было на его голове, и остался простоволосым. Затем ему дали очень длинное шелковое золоченое полотенце, по всей длине имевшее шитые позолоченные нити. Один его конец оставили висеть за его спиной, а другой пропустили наискосок от плеча через грудь под мышкой и затем по спине через плечо, оставив переднюю часть висеть свободно, чтобы папа вытер о нее руки. Потом дали ему два больших сосуда, каждый из которых имел устье в виде морды льва. В один из них налили воды для омовения папы, предвари-

¹ ἀρχιεπίσκοποις.

тельно попробовав ее, а второй был для приятия вод омовения. Филантропин, держа это в руках и с непокрытой головой, прошел около шестидесяти шагов через середину храма до того места, где стоял папа, поклонился ему, затем Филантропин сначала попробовал воды из устья, и после этого неспеша полил на руки папы. Когда тот омыл руки и вытер их о полотенце, Филантропин повернулся и, возвращаясь, отдал сосуды и полотенце давшим.

К середине литургии в точности то же самое повторил русский посол, притом что [митрополит] Российский просил это заранее ради чести посла и [его] короля¹, а в конце литургии вновь то же самое [совершил] кир Георгий Дисипат. По ходу литургии, всякий раз, когда надо было кадить, то не служащий благословлял ладан, но его приносили папе в серебряной позолоченной шкатулке, устроенной в форме ладьи. Стоявшие по обе стороны от папы кардиналы принимали митру и бывшую на его голове шапочку. Папа, с непокрытой головой, собственными руками влагал ладан в кадильницу и благословлял ее, и таким образом предоставлял диакону кадить. Собираясь читать Евангелие, [диакон] сначала целовал ногу папы, затем становился посередине и читал. Мы тоже стояли всю литургию в своих облачениях, также как и латинские священники. Но мы ничего не делали, разве что во время целования, когда латиняне приветствовали друг друга, кто где стоял, мы также облобызали друг друга, каждый ближнего своего.

Папа находился на своем троне, одетый в папское облачение. По ходу литургии он вошел в алтарь и произнес молитву о жертве, имея [с собой] двух кардиналов, следующих за ним и помогающих ему, и, сразу вернувшись, встал на трон. Литургия же совершалась теми, кто и начал служить ее. После ее завершения чашу принесли папе, стоявшему на своем троне. Папа носил плат, которым он взял небольшую вытянутой формы позолоченную чашу и причастился из нее. Затем потир унесли в алтарь, и там служившее духовенство причастилось из потира. Затем все сняли священные облачения, и каждый отправил-

¹ ῥηγός.

ся в свое жилище. Таким вот образом было совершено так называемое объединение.

17. На следующий день император призвал к себе [митрополитов] Росийского и Никейского, великого хартофилака и меня, великого еkkлезиарха, и отправил нас к папе, повелев передать ему следующее: «Вот, объединение, по милости Божией, состоялось, и вчера была праздничная литургия, в присутствии всего множества латинян и греков. Итак, мы объединились, и нет между нами никакого различия, так что мы присутствовали на вашем богослужении и перед всеми заявили подобающее почтение вашему служению. Подобаает вновь тем же образом, в присутствии и по повелению Твоего Блаженства, всем собраться в той же церкви, чтобы и наши отслужили литургию, а вы бы присутствовали и смотрели на богослужение нашей Церкви, как это и подобает, дабы во всем сохранялось между нами равенство. Надо, чтобы Твое Блаженство объявило о всеобщем собрании и дне, в который оно произойдет». Итак, мы пошли и передали это папе в присутствии кардиналов и избранных епископов-советников. Они отвели нас в другую залу, достаточно времени посовещались, затем вышли Юлиан, камерарий и Фирман и сказали нам: «Вы просите совершить литургию в присутствии папы и всех нас. Но ни мы не знаем, ни папа, какова ваша литургия. Поэтому мы просим, чтобы вы сказали нам, как происходит ваша литургия, и рассказали, насколько возможно, все, что на ней происходит по вашему чину». [Митрополит] Росийский рассказал, как сначала происходит проскомидия, затем начало литургии и потом все по порядку до конца. [Митрополит] Никейский восполнял пропущенное или то, что было не вполне разъяснено. Они, выслушав, возвратились к папе, и затем они же вновь вернулись к нам и сказали: «Мы передали Блаженнейшему Отцу то, что вы нам рассказали. Все это нелегко постигается одним только словом, но лишь взгляд на совершение этого удостоверяет каждого, что есть что. Нелегко, прежде чем Блаженнейший папа увидит и поймет, какова ваша литургия, просто разрешить служение в его присутствии и на общем

собрании. Поэтому он повелевает, что если вы хотите, пусть кто-нибудь из ваших придет сюда и отслужит отдельно в каком-либо помещении, чтобы папа увидел весь чин вашего служения. Если же вы не хотите это сделать, то назначьте день, чтобы служить литургию, когда вы по обыкновению ее совершаете, и пойдут туда двое или трое кардиналов. В особенности захочет видеть это богослужение венецианский кардинал (это был там присутствовавший камерарий и племянник папы). Итак, они пойдут и увидят это, и если они возвестят нам, что чин вашего служения достойнейший, тогда мы разрешим это и общественным образом. А по-другому устроить это нелегко. Итак, сделайте из этих двух вещей то, что вам нравится».

Когда, по нашем возвращении, услышал это император, то вознегодовал и среди прочего сказал: «Мы дерзали исправить многие ошибки латинян, теперь же я вижу, что они, изменившие и исказившие многое, хотят исправить нас, ничего не переменивших». На этом император перестал просить о литургии.

18. После этого папа известил императора, что «поскольку [митрополит] Эфесский не подчинился решению Собора и не подписал орос, то следует его судить соборным образом. И если он не подчинится, то чтобы было ему подобающее наказание. Так что пришли его нам для суда. Еще мы утверждаем, что в вашей Церкви имеют место некоторые искажения, как мы слышим, и их необходимо исправить. Среди них — развод супругов, о чем Господь наш Иисус Христос сказал, что “кого Бог соединил, человек да не разлучает” [Мф. 19, 6; Мк. 10, 9]. Вы же дерзко разводите их. К тому же у вас преставился Патриарх, и мы утверждаем, что нужно вам поставить другого, пока вы еще здесь. Это будет к большему укреплению единства и в помощь будущему Патриарху, ведь он и у нас обретет честь, любовь, помощь и милость. Также и мы здесь имеем нашего Константинопольского [патриарха], который достойный человек, полезный, благородный, а также старец и богат. Если вы возьмете его в качестве Патриарха, то это будет в помощь вашей Церкви, ведь он стар, и недолго продлится жизнь его, и через короткое время Церковь получит его богатство. Не знаю, помешает ли вам

иноязычие сего мужа. Если же это препятствие заставляет обратить взоры на другого, то поставьте здесь другого из ваших»¹.

На это император ответил: «В отношении Патриарха [мое суждение таково]: ни это время, ни место не дают нам пока возможности поставить Патриарха. Когда же мы, с Божией помощью, вернемся в Константинополь, то созовем и других архиереев (ведь мы имеем и других), и по всеобщему выбору поставим там Патриарха. Что касается [митрополита] Эфесского, то он наш архиерей, и дело наших позаботиться о нем. Они будут обращаться и убеждать его словами дружбы и совета не один раз, но многожды, и если он окажется совсем неуступчивым, то будет подлежать суду нашего Собора, и Собор сделает то, что определит по его поводу. Так что, поскольку он наш, вовсе не следует папе здесь искать суда над [митрополитом] Эфесским на своем синоде, но мы [сами] позаботимся о нем»².

19. На следующее воскресенье после объединения император захотел, чтобы было провозглашено поминование папы в диптихах, притом что ни он не посоветовался об этом с нашим так называемым синодом, ни папа об этом его не просил. К тому же, когда говорили о прибавлении [к Символу], некоторые из наших сказали людям папы: «Хорошо, что мы внесем имя папы в диптихи и, таким образом, при установленном мире и единстве мы кончим говорить о прибавлении и об учении», то они сказали, что «папа считает необходимым делом исправить и прийти к согласию в том различии, которое мы имеем в отношении учения. А поминованию он не придает никакого значения, поскольку не считает это чем-то важным».

¹ Латинский патриарх Константинополя — Джованни де Контаре-но (или Контарини) — происходил из знатной и богатой венецианской семьи. Титул патриарха получил в 1409 г. от папы Григория XII. Затем потерял его и получил вновь от папы Мартина V в 1424 г. Умер в 1451 г.

² Марк Эфесский после возвращения в Константинополь два года провел в ссылке по приказу императора: с августа 1440 г. по август 1442 г. См.: *Petit L. Note sur l'exile de Marc d'Éphèse* / ROC, XXIII, 1922–1923. P. 414–415.

Тем не менее, император распорядился, чтобы великий хартофилак служил в императорской резиденции как архидиакон и совершил поминование. Тот же сказался больным. Вместо него служил секретарь, с удовольствием совершивший поминование. Совершал литургию великий протосинкелл. От папы пришли протонотарий и три епископа, и они стояли, внимательно смотря на литургию. На этой литургии великий протосинкелл ни во время освящения не благословил божественные дары, ни во время соединения, как говорили в точности все видевшие, которые и обвиняли его, а больше других — сослуживший тогда с ним второй диакон Филипп, который считал это ужасным и весьма обвинял служившего таким образом. История ниже пусть будет добавлена как анекдот, а по правде — как уличение прискорбной перемены в упомянутом диаконе.

20. После того как в следующее воскресенье [после объединения] произошло поминование папы, готовились служить в императорской резиденции. Случилось, что тот же Филипп крепил длинные деревянные балки, на которых висели покрывала, с помощью которых устраивался вид храма. Стоял там и великий протосинкелл. И когда Филипп прикреплял балки, одна упала и ударила по лбу великого протосинкелла. Тот сразу же разгневался и начал бранить и обвинять Филиппа: «Проклятый и ничтожный, — кричал он, — ты едва не выбил мне глаз!» Когда Филипп сказал, что это произошло против его воли и попросил прощения за случившееся не по умыслу и не причинившее вреда, тот вновь сказал: «Я чуть было не потерял сейчас глаз по твоей вине, а ты, дурной и бесстыжий человек, выступаешь и считаешь возможным что-то говорить?» Филипп вновь ответил: «Владыка мой, это против воли получилось. Прошу — прости меня». Когда тот вновь множество обид и оскорблений употребил против него, Филипп начал терять терпение и сказал: «Я тебе сказал, владыка мой, что против воли произошло случившееся. Если ты считаешь, что я сделал это нарочно, то в этом ничего удивительного, ведь ты сам, добровольно, ослепил глаз души своей. Что нового, если бы я и телесный твой глаз ослепил?» Тогда еще больше разгневался великий протосинкелл и стал бесчестить и оскорб-

лять его рыночными словами, и наконец сказал, что «от одержимого [митрополита] Эфесского вы имеете такое научение, чтобы дерзить нам. Такому вот богословию учит вас [митрополит] Эфесский». Ответил Филипп: «[Митрополит] Эфесский — святой человек, наилучший учитель и подлинный богослов. Когда он говорит, вы не понимаете, и вы даже не в состоянии быть его учениками. Вы говорите, что он одержимый, подобно тому как иудеи говорили это о Спасителе, подражателем Которого он является».

Итак, это еще больше воспламенило его гнев, и он пустился без конца обвинять и оскорблять, и даже добавил к этому, что «если я не скажу императору, и он не сожжет одного из вас, не прекратится это зло». И только тогда он с трудом замолчал. Но все же и тот, обличивший великого протосинкелла как ослепившего глаз своей души, в последующем добровольно ослепил, о, несчастный, многообразно глаза собственной души и пал ужаснее, чем другие. Падение прискорбное и достойное слез.

21. Такова эта история. Митрополиты, изнуренные старостью и лишениями, просили отправиться в Венецию и немного отдохнуть, ведь [в них уже] не было никакой надобности после произошедшего объединения и подписания ороса. Император ответил: «Пусть они продержатся до того времени, как получат деньги на пропитание за прошедшие пять месяцев. Ведь если они уйдут, папа не даст то, что он им должен». Также он повелел, и сказали папе: «Поскольку единство совершилось, и в последующем Церкви всегда будут едины, по милости Божией, надо, чтобы каждая Церковь держала относящиеся к ней пределы и митрополии, которые она имела от начала. Итак, нужно, чтобы наша Константинопольская церковь призвала назад и взяла Крит, Керкиру и остальные острова и митрополии, которые отторгли от нее римские архиереи». Папа не захотел ни услышать это хоть краем уха, ни дать ответ. Некоторые из архиереев, в первую очередь те, кто имел латинских епископов внутри своих митрополий, просили и умоляли императора, чтобы он позаботился и исторг латинских епископов из их Церквей. Это были [архиереи] Монеувасийский, Родосский, Мити-

линский и другие. Император побудил их взять и других архиереев, кого хотят, и самим явиться к папе и просить об этом, так как сам он и раз, и два сообщал об этом — и не получил никакого ответа.

22. Итак, эти архиереи отправились к папе, взяв с собой [митрополита] Никейского и некоторых других. Они просили во множестве слов, чтобы Римская церковь позаботилась о своих епископах, находящихся в наших епархиях, как ей покажется наиболее подходящим, и освободила митрополии, так, чтобы на них были исключительно наши архиереи. Среди прочего они сказали и то, что «святая Римская церковь должна хранить божественные и священные каноны и поступать так, как они повелевают. А каноны запрещают быть [двум] епископам в одной и той же епархии, так же как и рукополагать кого-либо в не принадлежащие ему пределы». Много было об этом сказано слов с каждой стороны, и, наконец, с римской стороны дали такой ответ: «Теперь, по милости Божией, Церковь стала единой, и ни вы не думаете иное, нежели мыслим мы, ни епископы, о которых вы говорите, не думают и не учат иному, нежели думаете и учите вы. Поэтому нет необходимости, да и не просто убрать вас из ваших Церквей или же изгнать наших из них. Поэтому мы говорим, чтобы вы оставались в этих епархиях вместе с находящимися там нашими епископами. И если латинский епископ умрет первым, пусть грек держит свою епархию один всю свою жизнь, а после его смерти Восточная церковь пусть вновь назначит другого и далее таким же образом. Если же грек умрет раньше, то пусть латинянин один держит епархию таким же образом, а после его смерти Рим возьмет Церковь, и папа поставит другого епископа, и далее таким же образом». Это опасное лекарство папа предложил только на словах, а на деле — никоим образом. Но оно не было ни справедливым, ни каноничным, чтобы его принять или чтобы ему быть одобренным с нашей стороны¹.

¹ Проблема латинских епископов на Востоке восходит ко времени завоеваний крестоносцев и развитию торгового присутствия итальянских республик. Она лишь усилилась в Новое время из-за активной деятельности католических миссий на территории Османской империи.

23. Папа просил императора, чтобы к нему прислали [митрополита] Эфесского. Император, призвав [митрополита] Эфесского, сказал ему: «Поскольку папа извещал о тебе дважды и уже даже трижды, нужно тебе пойти к нему. Но не бойся, поскольку я много говорил и свидетельствовал за тебя и заранее постановил, чтобы не произошло с тобой ничего плохого и дурного. Итак, иди, слушай все, что он тебе скажет, и отвечай прямо на его слова все, что тебе покажется подходящим».

Итак, [митрополит] Эфесский пришел к папе и нашел его сидящим в зале вместе с кардиналами и шестью епископами, которые были избраны для совета. Он поклонился и, увидев, что [люди] вокруг папы сидят, сказал: «У меня болят почки и ноги, и я не могу стоять», и сразу же сел¹. Папа сказал [митрополиту] Эфесскому множество слов, и их цель была в том, чтобы убедить и его последовать за Собором и одобрить объединение. А если он этого не сделает, то претерпит то, что претерпели непослушные на Вселенских соборах, которые были отлучены и объявлены еретиками. [Митрополит] Эфесский также дал на слова папы подобающие ответы. Об угрожающем суде он сказал, что Соборы осудили тех, кто не повинуется Церкви, но отстаивает некое противное ей учение и борется за него. Поэтому их и называли еретиками, и осуждали сначала ересь, а затем и тех, кто ее придерживался. «Я же не провозглашаю ни собственного учения, ни какого-либо новшества, ни настаиваю на каком-либо чуждом и незаконном догмате, но храню себя в неповрежденном учении. Его Церковь приняла и держит от Самого Спасителя Христа и донныне, его и святая Римская церковь держалась до схизмы вместе с нашей святой Восточной церковью. Это благочестивое учение вы и раньше всегда восхваляли, и на этом Соборе часто его хвалили, и никто не может за что-либо порицать или осуждать его. Итак, я держусь этого учения и не хочу от него уклоняться, как же я подвергнусь суду, которым осужда-

¹ Через несколько лет после этого митрополит Эфесский умер от рака. Возможно, это был рак почек, усилившийся из-за стресса, пережитого на Ферраро-Флорентийском соборе. Нет свидетельств о том, чтобы раньше, во время соборных дискуссий, митрополит Эфесский стоял с трудом.

лись еретики? Кто, здраво и благочестиво рассуждающий, сотворит это против меня? Нужно ведь сначала осудить учение, которое я исповедываю. Если же оно признается за благочестивое и православное, то как же я буду достоин осуждения?» Когда он это и многое другое сказал и выслушал, ему было позволено вернуться к себе.

24. Папа вновь напомнил императору, что «необходимо тебе здесь поставить Патриарха, поскольку это удобно по многим причинам, и в первую очередь — для укрепления единства. Ты ведь избрал и привел сюда лучших из тех, кого имеешь: так из них и избери Патриарха. И вообще, поставь его здесь, так как тебе ничего не мешает избрать, кого ты хочешь». Это советовали папе некоторые архиереи по внушению [митрополита] Российского, стремившегося к патриаршеству. Услышав об отсрочке и промедлении императора и особенно о том, что он хочет сделать выбор по совету своей матери, святой императрицы, эти архиереи употребляли жесткие слова и говорили: «Мы больше не будем терпеть такого и не будем ожидать советов императриц, поскольку это есть дело архиереев. Итак, давайте соберемся, проголосуем и поставим Патриарха».

Тогда великий протосинкелл посоветовал императору, что «вот, папа дважды извещал твою царственность по поводу Патриарха, и ты отверг его предложения. Возможно, что он возвестит и в третий раз, и если ты и тогда отклонишь извещение, то папа будет это считать большим пренебрежением к себе. Итак, нужно подумать и измыслить то, что будет тебе в убедительное и приглядное извинение. Я тебе напомню и скажу, что архиереи часто просили, чтобы ты позволил им отправиться в Венецию. Итак, повели теперь, и пусть отправятся первые и старейшие из них. И если папа обратится, ты скажи, что «епископы моей Церкви больше не смогли здесь оставаться и бедствовать. Поэтому они и ушли в Венецию, и мой синод остался неполным, так что я не могу поставить Патриарха с таким синодом». Император принял этот совет и решил так и поступить.

25. После объединения император просил полагающихся средств на пропитание, но ничего не добился. Когда он получил указанный

совет, то стал просить средства еще прилежнее и усерднее. Папа ответил, что «средства на пропитание готовы и будут даны. Надо, чтобы орос был переписан, и были [бы изготовлены] другие пять экземпляров ороса в качестве подлинника, чтобы и вы взяли из них один, а остальные мы пошлем нашим королям». «Какая нужда в пяти? — сказал император. — Хватит двух, чтобы мы взяли один, а у вас был другой». Но люди папы ответили: «Необходимо, чтобы было по меньшей мере четыре». Что и произошло. Папа просил, чтобы были переписаны и подписаны и другие оросы, а император — чтобы были даны деньги на пропитание, ведь об этом его просили все, теснимые нуждой, которые истратили все, что принесли с собой, и не имели, на что дальше покупать еду, ведь в течение пяти с половиной месяцев средства на пропитание никому не выдавались. Император, узнав, что выдача средств все время откладывается, передал через кир Мануила Вуллота и сообщил [митрополитам] Ираклийскому, Монеувасийскому и некоторым другим архиереям, что «если латиняне принесут вам на подпись оросы, скажите: вы сначала дайте нам средства на пропитание, а потом мы подпишем». Итак, они сделали, как были научены, но не во время подписания первого ороса (тогда даже речи не было ни о даянии, ни о прощении), а с последующими копиями. Но и это они сделали не от себя, но по приказу императора, как Господь знает. Но и таким образом они ничего не достигли, но только просили и не хотели подписывать, согласно [императорскому] предписанию.

Латиняне, увидев такое противодействие, принесли оросы во дворец и просили, чтобы император приказал, и подписали [бы их]. Император приказал, и мы собрались в его резиденции и подписали, — те из нас, кто подписал и первый орос, кроме одного великого прото-синкелла. Тот сообщил императору, что «я подписал первый орос, и [этого] достаточно. Нет необходимости подписывать мне и остальные. Так что не принуждай меня, поскольку я не подпишу по одной причине, которая у меня есть».

26. После этого подписания прошло два дня. Первые из архиереев вышли и направились по дороге к Венеции. И лишь в день их ухода

были даны им средства на пропитание за пять месяцев, и только тем, кто ушел. Они так хотели это получить, что, хотя и просили по приказанию [императора], не вполне презрели это. И, получив разрешение вернуться, они от него отказались и ушли, так что уже помощники отъезжающих архиереев получали деньги своих господ, по большей части держа лошадей за поводья, и сразу же, вскакивая на лошадей, уезжали. Я свидетельствую перед Богом всех, что подписание первого ороса произошло так, как это слово рассказало выше, а последующих — так, как рассказано здесь. Если другие рассказывают об этом иначе, то они клеветают на истину и желают опорочить тех, кто в этом деле непорочен, но причиняют вред по большей части самим себе.

27. По прошествии пяти дней средства на пропитание были даны и другим, как раз, когда они уходили. А после них и всем остальным, таким же образом. Так получив, мы все возвращались, а потом вернулся и император и 6 сентября прибыл в Венецию. Собираясь покинуть Флоренцию, император послал вперед клириков своей часовни, среди которых был и упоминавшийся диакон Филипп. Они ехали и каждую ночь останавливались в гостиницах, как там принято. Как-то они остановились в гостинице в Болонье, где находились также английские послы, направляющиеся к папе. Они, узнав о том, что там находятся некоторые люди, возвращающиеся с Собора, пришли к ним, желая узнать, что произошло на Соборе. И они спросили, что же произошло на Соборе. Филипп ответил, что «все прошло хорошо. Церкви Божии объединились, каждая сторона приняла единство, и мы расстались объединившимися». Послы спросили: «Как вы объединились? Вы пришли к нашему учению, или же мы к вашему?» И сказал Филипп: «Ни мы не пришли к учению латинян, ни латиняне — к учению греков. Но учения сами по себе были рассмотрены каждой стороной, и они оказались согласными, и оказалось одно и то же учение. Поэтому было решено, чтобы каждая сторона хранила то учение, которое она имела до настоящего времени, но при этом мы были бы едины». Они вновь спросили: «А с прибавлением что произошло? Наши убрали его из Символа, или вы прибавили его к своему?» «Ни мы не приба-

вили его к [нашему] Символу, — ответил Филипп, — ни латиняне его не убрали [из своего], но было решено, чтобы мы произносили его без прибавления, а латиняне — с прибавлением». И вновь спросили [его послы]: «В отношении пресного хлеба что произошло? Наши согласились служить на квасном, или вы на пресном?» «Ни то, ни другое, — сказал Филипп. — Но мы будем служить на квасном, как и раньше. А латиняне — на пресном». Еще спросили: «И был написан орос? Как в нем написан Символ [веры] — с прибавлением или без прибавления?» «Вовсе не был записан в оросе св. Символ», — ответил Филипп. Тогда послы сказали: «И что это за орос, в котором не поместили Символ [веры]? И что это за Вселенский собор, который составил такой орос?» И они сразу добавили и заключили: «Поскольку ни Символ [веры] не был записан в оросе, ни одна жертва не была одобрена для служения всеми, будь то квасная или пресная, ни прибавление не было изъято из Символа или же добавлено к греческому, ни в отношении учения не пришли к согласию обе стороны, чтобы все одобрили то, что говорили латиняне или то, что говорят греки, но каждая Церковь держится того, чего держалась раньше, то и это единство, как вы его называете, вовсе не подобает называть единством». Так эти послы отвергли произошедшее объединение, разумно, истинно и согласно с нами в понимании того, что означает единство.

28. Итак, упомянутые послы поняли из услышанного, что совершившееся объединение не есть подлинное единство. Но если бы они в точности узнали, как и кем это было сделано, то они бы не только не признали его за подлинное объединение, но и вовсе осудили бы совершивших это. И не только они, но все латиняне и греки, в особенности обладающие рассуждением и разумом, не считали произошедшее постановлением Вселенского собора и не порицали тех, кто не принял такое постановление. Ведь все Соборы, как Вселенские, так и Поместные, которые занимались исследованием церковных догматов, изучали стоявшие на них вопросы, прорабатывали и проясняли все в этих темах, что нуждалось в размышлении и заслуживало исследования, записывали и отмечали это. После тщательных исследований и

доказательств, когда на каждом Соборе отцы собирались принять решение, зачитывали написанное и напоминали о том, что было [ранее] прояснено и доказано. Затем всех епископов спрашивали, в установленных местах, где они собирались, и каждый говорил невозбранно свое мнение и точку зрения на предшествовавшие исследования и доказательства. Присутствовали и слушали все, и таким образом вырабатывалось и принималось решение Собора при согласии всех епископов или же большинства и лучших из них. И не только в догматических и церковных делах, но и на каждом суде то же самое происходит в отношении судей, где каждый высказывает свое мнение об исследуемых предметах, и таким образом свободно принимают решение.

Данный же Собор не таким образом пришел к заключению, и он вовсе не вынес никакого решения, и не спрашивали у его участников, кто какое имеет мнение о том, что обсуждается на собеседованиях. То, что Собор собрался Вселенский, никто не возражает. То, что Собор вынес какое-либо решение, не скажет никто из на нем присутствовавших, разве что [скажут, что] он просто имел какую-то видимость законности. Поскольку на Соборе присутствовали император, папа, Патриарх Константинопольский, местоблюстители остальных [восточных] Патриархов и епископы от каждой стороны, то на нем сохранялся вид¹ Вселенского собора. И дискуссии, проходившие в присутствии всех, проходили будто бы по чину Вселенских соборов, и на них записывались речи выступавших. Латиняне с гордостью и превозношением указывали, как они и говорили, и восхваляли себя, что «мы блестяще доказали, ясно, четко и яснее солнца» и т. п. То, что нуждалось в исследовании и доказательстве, представлялось им самим как ясное и служило для доказательства, а слова наших не ставились ни во что, так как они были во власти превозношения и хвастовства. И все же, хотя [подобного рода] дискуссии доходили до такого [недолжного состояния], казалось, что сохраняется внешний вид Вселенского собора и соответствующим образом ведутся соборные дела.

¹ οὐκ ἔστιν.

Когда же собеседования закончились, Собор более не сделал ничего, но все происходило отдельно, скрытно и прикровенно. Ведь встречи императора и десятка архиереев проходили у папы в частном порядке и закрыто, и ни остальные наши архиереи, ни латинские епископы не знали, что там говорили. Также и встречи наших, имевшие место в императорской или патриаршей резиденции, проходили келейно, и происходившее там не было подобно всеобщему Собору, но там лишь измышлялись пути и способы, чтобы наши просто одобрили объединение с латинянами. И голосования, которые были на этих встречах, не были как голосования на Вселенском соборе, но [были лишь] голосами отдельных людей, от которых требовалось одобрить объединение. Когда показалось, что их убедили, тогда папе возвестили, что греки одобрили то, чему учит Римская церковь, что исходит Дух Святой и от Сына, и что они уже объединены с Западной церковью. Тогда был составлен орос и все, что в нем, по воле немногочисленных людей с каждой стороны, которые это приготовили, но что исследовать не входит в задачи данного сочинения. Итак, участники Собора не знали, как все это делалось, поскольку все происходило тайно и по углам. Вселенский собор никогда не делал ничего подобного: ни во время дискуссий, ни вообще с начала работы Собора никто — ни грек, ни латинянин — не был спрошен и не высказал своего мнения на Соборе.

Поэтому никто не может справедливо обвинять не одобвивших объединение как ниспровергающих решение Вселенского собора, поскольку никто из его участников не заявил соборно, что он одобряет то, что исходит Дух Святой и от Сына, и что должно всем принимать, мыслить и верить в это как в несомненное и согласное. Вот то, что [на самом деле] сделали на Соборе латинские и греческие епископы.

29. Греки знали, что орос подписан императором, подписали и они. Знали и латиняне, что он подписан греками и папой, подписали и они. При этом большинство не знало, что в нем написано. Ведь кроме немногих из латинян и греков, которые изучили орос, или тех, кто оказался рядом, когда его писали, большинство не знало о его содержании. И когда собрались подписывать, ни среди греков орос не был прочитан

ни перед подписанием, ни сразу после, ни среди латинян. Лишь на следующий день, когда орос читался в церкви, о чем уже было слово, епископы спросили, и латиняне ответили «*placet, placet*», а греки — *ἀρέσκει* («нравится»). Но все это готовилось такими способами, о которых и раньше, и сейчас рассказало [наше правдивое] слово. Так был составлен орос, и таким было знание епископов о его содержании, и таковы были хитрости и интриги для достижения этого. Пусть желающие решат, нужно ли считать такой орос постановлением Вселенского собора, и нужно ли таким образом совершившееся объединение принимать как истинное и безусловное единство, и противоречат ли соборному решению те, кто не принимают объединение и орос. Наша цель — не в исследовании всего этого, но в том, чтобы изложить все так, как оно было, прояснить это для желающих и предоставить последующим. Итак, пусть слово нас вернет к тому, что изначально было положено в качестве цели.

Часть XI

В которой [рассказывается] о нашем возвращении в Венецию и о том, как мы служили литургию в храме Св. Марка по просьбе дожа и по приказу и настоянию императора, и как мы вернулись домой, и о том, что происходило по ходу нашего возвращения

Воспоминание одиннадцатое

1. Митрополит Кизический кир Митрофан от юного возраста был известен добрым монашеским житием и стремлением к добродетельной жизни, в чем хорошо себя зарекомендовал. Он ото всех стяжал славу, и все почитали и уважали его как благоговеющего, божественного и достойного мужа. Но после смерти Патриарха некоторые из

императорских родственников нашептали ему [излишние надежды], и он стал тешиться мыслью о восшествии на патриаршее место, еще будучи во Флоренции, и, таким образом, уже предвкушал императорские повеления. Итак, когда и он собирался покинуть Флоренцию вместе с другими архиереями, то у него была великая схима, которую он надевал и которая висела сверху его кровати, имел он и хранительницу для святых даров, сохраняемую в особом месте. Его монахи приготовили и собрали одеяния и нужные вещи, которые имели, маленькие и большие, все это вынесли и поместили в багаж. Но схима и дарохранильница исчезли с того места, где они висели. Не только монахи, но и сам [митрополит] Кизический долго их искали, все перерыли и подняли в доме, утрудились совершенно как внутри, так и снаружи, но ничего не смогли найти из упомянутых вещей. Это было удивительно и многими понято как знак, ведь ничто другое не пропало из тех вещей, которые могли быть легко проданы за достаточные деньги. Но только это, конечно, очень драгоценное, скорее — даже бесценное, но все же неподходящее ни для продажи, ни для использования ни теми, кто там был, ни другими. И это притом, что никто из посторонних не заходил тогда в дом. Отказавшись от попыток найти, они ушли, и ни они сами, ни другие не смогли потом обнаружить то, о чем шла речь.

2. Когда [они] были уже недалеко от Венеции, где море неглубокое, то один из моряков того корабля, на котором находился [митрополит] Кизический, стоял, по латинскому обычаю, на ладье на веслах, поскользнулся, упал в море и скрылся. Другие матросы его искали с усердием и не смогли найти. Некоторые и по этому поводу недоумевали: как, при наличии столь большого количества кораблей, это падение не произошло на другом, но именно на том, где находился [митрополит] Кизический.

Все же мы собрались все вместе в Венеции и ждали императора. Прежде нас туда прибыл беглец — [епископ] Ставропольский — и сохранялся у деспота, так как некоторые из латинян слышали, что он не принимает объединение, и хотели его заполучить в свои руки.

3. [Митрополит] Кизический поселился там в монастыре. В воскресенье перед праздником Успения, взяв четверых из наших, он служил литургию в келии, где жил, и совершил также поминание папы. Позвал он и живших в том монастыре латинских монахов, чтобы они видели праздничную литургию. Они, увидев ее, возрадовались и сказали: «Мы празднуем в этом монастыре Успение Богородицы. Мы хотим и просим твое святейшество, чтобы ты, взяв и остальных священников и диаконов, какие тут у вас есть, отслужил литургию посреди храма, а мы подготовим вам алтарь». И он согласился это сделать.

Остальные архиереи, услышав об этом, вознегодовали и сказали: «У нас нет Патриарха, как же было совершено поминание папы? Откуда у [митрополита] Кизического такое разрешение, или его кто-то заставил это сделать?» И они решили воспрепятствовать и попенять ему по-братски. Но православнейший деспот их опередил и смирил его. Когда [митрополит] Кизический пришел к нему рассказать о происшедшем и посоветоваться о предстоящей литургии, деспот сказал ему: «Хорошо ли ты сделал, владыка? Разве так должен был поступать архиерей — старец и хороший человек? Во-первых, ты не имеешь слова об этом от императора, моего брата. Затем, мы не имеем Патриарха, чтобы вам решать с ним церковные вопросы. Откуда у тебя право помянуть папу? Здесь есть и другие архиереи — первые, достойные и уважаемые, — и они ничего такого не сделали. Так что и тебе не надо было так делать. Поэтому в будущем ничего [такого] не делай»¹.

4. После этого 6 сентября в Венецию прибыл император, ведя с собой и [митрополита] Эфесского. Он взял его там, сохранял на [всем протяжении] пути и теперь привел в Венецию. Затем он поместил его на свой корабль, ради безопасности и отдохновения, и привез домой. Императорская галера была снаряжена и готова, и 13 сентября, в субботу, галеру освятили и вывели на море напротив арсенала. В ту же

¹ Скорее всего, имеется в виду, что поминание за литургией чужого Патриарха есть особенность патриаршего служения, которую митрополит Митрофан себе раньше времени присвоил.

ночь в арсенале произошел пожар, в помещении, где изготовляли огнестрельное оружие. Сгорело три помещения с содержащимся там оружием и три генуэзские галеры со всем своим снаряжением. Их взяли в свое время после морского сражения в заливе, и они стояли с тех пор семь лет праздными только для показа. Если бы, узнав о возгорании, [митрополит] Ираклийский не предупредил людей в арсенале, поскольку жил рядом, то ущерб был бы большим. Ранним утром 14 сентября император отправился в Падую, чтобы посмотреть [на город] и ради [собственного] удовольствия, так что ни уважение к воскресенью, ни Воздвижение Честного Креста не побудило его остаться, не был он удручен и ущербом венецианцев. Он вернулся через три дня и оставался [еще] много дней, пока не были приготовлены корабли.

5. В эти дни дож попросил императора, чтобы наши отслужили литургию в храме Св. Марка, с тем, чтобы и он увидел нашу литургию. Конечно, и дож имел такое стремление, но по большей части это было внушение наших, которые хотели подвигнуть к служению в латинском храме тех, кто были плохо настроены в отношении объединения и приняли его без расположения. Император согласился с тем, чтобы это состоялось. Затем он посоветовался с великим протосинкеллом, стоит ли всем архиереям служить вместе или же одному архиерею с тремя или четырьмя священниками и диаконами. Великий протосинкелл сказал: «Служить впятером или вшестером в большом храме при таком стечении народа не будет торжественно, а наша литургия должна быть славной и торжественной. Но, опять-таки, служить всем не сделает нам чести, ведь людей много, и среди множества есть некоторые невнимательные, которые не умеют сохранять благообразие общего служения. Латиняне же — люди воспитанные и сохраняющие всякую благоустроенность и благоговение на службе. Так что если кто-то из множества сделает что-то неправильное и неуместное, упрек падет на всех, и вместо славы и чести будет нам порицание и бесчестие. Поэтому стоит, чтобы служили десять из архиереев, двое благоговейнейших и почтеннейших из ставрофорных архонтов и остальные чиновные (ὀφφικῶλοι) архонты Церкви, и из

иеромонахов и пресвитеров благоговейнейшие. И таким образом будет наша литургия славной и торжественной.

6. Император это одобрил и попросил его выбрать определенных людей. Прошли мимо таких архиереев, о которых знали, что они добровольно перешли в унию и охотно ее одобрили. Так что ни [митрополитов] Российского, ни Кизического не упомянули, ни Никейского, ни Митилинского, ни кого другого, им подобного. Он выбрал тех, кого они видели подписавшими, но которые переменили мнение и противодействовали, как [митрополит] Ираклийский. О нем он [т. е. великий протосинкелл] знал, что тот подписал против воли и не был в облачении на провозглашении единства, так же как и [митрополит] Анхиальский и другие. Затем из ставрофорных архонтов они отвергли великого сакеллария как пожилого, неблагообразного, с дурным голосом и неподходящего для чтения Евангелия: довольно ему и попечения о священных сосудах, ведь именно он заботился о них. Также [отвергли] и великого скевофилака как слишком подвижного, шутливового и смеющегося, к тому же в настоящее время сильно кашляющего и харкающего. «А великий хартофилак, — сказал он, — и великий епископ — благоговейные и почтенные люди и хорошо носят облачение. Пусть служат и некоторые из следующих за ними и подобных им архонтов». Весь его замысел был в том, чтобы [митрополиты] Ираклийский и Анхиальский и мы двое не имели возможности к избавлению [от обязанности литургисать].

7. Итак, император повелел, и написали список тех, кого великий протосинкелл избрал. Потом он повелел, и собрались в императорской резиденции избранные архиереи и великий хартофилак вместе с ними. Император рассказал, как дож сообщил и просил, чтобы наши послужили в храме Св. Марка: «Это показалось делом хорошим, и мы выбрали вас, чтобы вы служили. Итак, знайте об этом уже сейчас и готовьтесь, чтобы завтра служить».

Тогда [митрополит] Ираклийский сказал:

— Я не смогу служить и прошу твоего снисхождения.

— Ты будешь служить, — ответил император, — ради твоего спасения.

- Я немощен и не могу.
- Ты сможешь. Я прошу тебя, чтобы ты служил.
- У меня болит голова, и если я оставляю ее непокрытой, то сразу заболело.
- Служи и будь с покрытой головой.
- Не подобает такому быть в присутствии дожа и латинян, которые внимательно наблюдают и порицают таковое.
- Нужно, чтобы ты служил, и ты будешь служить.
- Какая необходимость, когда я в немощи? Пусть служит [митрополит] Трапезундский или другой, кто здоров.
- Оставь слова. Ты будешь служить.

Затем он обратился к другим, и они согласились. Но [митрополит] Анхиальский заявил: «У меня нет облачения, поэтому я не буду служить». И ответил император: «Найди у другого и служи». Тот сказал: «Я не хочу унижаться ради того, в чем не имею нужды». Император ответил: «Мы распорядимся, и найдем для тебя облачения». [Митрополит] Анхиальский сказал: «А не лучше ли, чтобы служил тот, у кого есть облачение и кто собирается его давать мне, не имеющему и не желающему просить?» И на этом вышли.

8. Император также сообщил не присутствовавшим там, чтобы они служили. Удрученный [митрополит] Ираклийский пришел к воротам [собора] Св. Марка, призвал там великого хартофилака и сказал ему: «Я нашел каноническое препятствие, благодаря которому избегну служения: император повелел, чтобы служил также [митрополит] Лакедемонский. Он впал в каноническое нарушение, и я решил больше не служить вместе с ним. Поэтому мне показалось правильным сказать это тебе, чтобы ты передал императору, и он бы приказал другому служить вместо меня. Так что прошу тебя, иди ради меня к императору и передай это». Великий хартофилак сказал: «Лучше ты сам иди и передай это». «Тогда, — сказал [митрополит] Ираклийский, — иди и ты вместе со мной». Итак, они пошли вместе, и когда [митрополит] Ираклийский изложил это, император ответил: «Мне не кажется правильным, чтобы ты не сослужил с ним до исследования вины. Итак, служи

теперь, а потом вы это исследуете». Тот возразил: «Вина его очевидна: он рукоположил во священники убийцу, убившего на Родосе Михаила Коресия¹, поэтому мне не позволяет совесть служить вместе с ним». «Хорошо, — согласился император. — Тогда мы его отстраним и назначим другого служить вместо него, и ты будешь служить невозбранно». Он же сказал: «Поскольку тот получил твой приказ, и решено, чтобы он служил, не следует ему препятствовать. Лучше назначь другого вместо меня, так как я немощен, и к тому же оказалось это препятствие». Но император молвил: «Это будет на мне, и я назначу другого вместо него, как знаю. Ты же служи». Так, [митрополит] Ираклийский вышел, не найдя согласия.

9. На утро следующего дня, это было воскресенье, император напомнил [митрополиту] Ираклийскому, чтобы он шел в собор Св. Марка и служил. И вновь в скором времени сообщил, что «если ты не будешь служить в качестве первого, то другой вместо тебя служить не будет». После такого настояния он против воли пошел и служил. Итак, мы служили в присутствии деспота и дожа, стоявших вместе (император не присутствовал на литургии). Дож и его архонты, бывшие с ним, оценили чин нашего богослужения. Если некоторые порицают нас за то, что мы служили в латинском храме, то зря они нас бранят. Мы служили на нашем антиминсе и с нашими священными сосудами, как мы служили и в латинских домах, и исполняли в точности весь наш церковный чин и обыкновение. Ипомниматограф прочитал св. Символ с высоты амвона громким голосом без прибавления. И папа там также не был помянут. Итак, видящий все Бог знает, что все произошло так, как сейчас рассказало [мое] слово, и я не изменяю ничего из произошедшего там и ничего в этом сочинении не пишу против истины.

10. После этого великий протосинкелл просил императора, чтобы совершить поминовение Патриарха. Из пятисот флоринов, найденных в патриаршей келии, часть была истрачена на похороны, первое поминовение и на его гроб, а оставшееся — на покупку собак и их содержа-

¹ Кажется, этот человек неизвестен из других источников.

ние. Оставались [нетронутыми] только облачения Патриарха. Император приказал продать их, и эти флорины были даны великому протосинкеллу, и он устроил поминовение. Он вновь определил служащих, и первым — [митрополита] Трапезундского, который и раз, и два отказывался от этого. Все же по настоянию императора он подчинился. Когда мы были в облачениях при храме монастыря Св. Георгия, и пелась поминальная служба, после *Непорочного*¹ вошел латинский епископ и восемь латинских иеромонахов. Они также были в облачениях и встали вместе с нами, держа свечи, подобно нам. После окончания *Непорочного* и канона, они прочли тихим голосом молитву по своему обыновению. Когда началась литургия, они вошли вместе с нами на первом входе и встали на амвоне, как просто смотрящие. Когда было целование [мира], они также приветствовали друг друга. И так завершилась литургия. Это было устроено великим протосинкеллом: так он заставил тех, кто не служил литургии в Св. Марке, служить на этом поминовении. Он также весьма заставлял [служить эту литургию] архонта монастырей и архонта антиминов, но не смог их заставить. Он докучал и даже угрожал им весьма. Вот так обстояли дела.

11. В отношении нашего возвращения на родину папа договорился с венецианскими деловыми людьми, что две галеры Прагматии возьмут из наших по сто человек, а также прислал средства на императорскую галеру и на еще одну. Наняли матросов для одной галеры, на которую взошел деспот. Для императорской галеры дали средств на два месяца, и никто из венецианских моряков не захотел на нее взойти. Были собраны подручные, русские и болгары, не имеющие никакого опыта в морском деле. Не хватало от установленного числа шестидесяти моряков. Тем не менее, делались приготовления, и нам сказали взойти на галеры 14 октября. В ту ночь произошла большая буря, которая сильно возмутила море, оборвала якоря и внутри залива разбила четыре галеры, из которых одна была капитанская, на которую мы и были введены.

¹ Возможно, речь идет о 118 псалме: «Блаженны непорочные в пути, ходящие в законе Господнем...».

Половина ее борта была разрушена с одной стороны, и его восстанавливали три дня. Затем мы [опять] взошли на галеры. Обещавший вернуть нас в Константинополь со всяческим удобством, на больших кораблях и с великой честью [папа] устроил так, что мы имели столько места и удобства на грузовых галерах, сколько имеют черкесские или скифские рабы, которых везут на кораблях из Кафы или Аспрокастры¹.

12. Мы вышли из Венеции 19 октября и, пройдя около ста миль, приблизились к старому заброшенному замку, но в остальном — хорошему городку по месту и расположению, окруженному цветущими островками и изобилующему богатством всего необходимого и разнообразной живности. Называется он Пола. Там ждали [нас] галеры, и они взяли и людей, и необходимые вещи. Императорская же галера вышла, как обычно, с нехваткой шестидесяти матросов. Мы продолжили плавание, и в одну ночь остановились в заливе. Утром, отплыв оттуда, мы обнаружили, что ветер противный, и, вернувшись, встали в том же заливе на три дня, не имея в том месте никакого утешения. Затем мы вышли, и короткое время был попутный ветер (но мы лишь около двух часов плыли хорошо), а затем вновь попали в неожиданную бурю, которая рассеяла корабли, сбила их с пути и привела к пустынному острову, называемому Лёса². Венецианские галеры изнемогли и вошли в тамошний залив. Императорская же галера, лишенная и моряков, и опытных людей, не смогла войти, но отошла от того места, и мы не знали, что с ней произошло. Мы все скорбели, думая, что она подверглась опасности, и ждали два дня. К вечеру второго дня император известил нас о том, что его корабль причалил с другой стороны того же острова, но поскольку расстояние между нами было большое, он приказал нам выйти ранним утром и плыть прямо. Выйдет и он с другой стороны, и мы [таким образом] объединимся по пути. Так и произошло. Итак, мы

¹ Кафа являлась генуэзской колонией с 1266 по 1475 гг. Аспрокастра — сегодняшняя *Cetatea Alba* в Румынии в устье Дуная.

² Один из островов Далматинского архипелага, ок. 90 км². У Сиропула он называется — Λέσα, у Иоанна Евгеника — Λίσσα. Сегодня — *Vis*.

плыли и, достигнув Рагузского залива, попали в великую и невыносимую бурю, во время которой мы совершенно отчаялись в наших жизнях, плача, стеная и вспоминая своих любимых. Так прошла целая ночь, и ни одна галера не видела другую, и даже моряки не знали, куда несло корабли. Боясь, чтобы еще в темноте не приблизиться к земле и не погубить корабли, они направили их в открытое море. В эту же ночь один корабль, шедший из Константинополя, утонул в этом самом море недалеко от нас. Когда наступил день, ветер стал тише, и мы поняли, что находимся далеко от земли. Весь тот день мы шли к Эпиру. Пробыв там весь следующий день, мы [затем] прибыли на Керкиру и там два дня ждали императора. Когда мы слышали, что в тех местах проходили четыре каталанские галеры, нас объял страх, как бы они ни повстречались с императором. Но через два дня и он прибыл на Керкиру.

13. Когда мы направлялись в Италию, тамошние [на Керкире] христиане и хорошие люди с радостью нас принимали и оказывали нам большую честь. Когда же мы возвращались, то они нас принимали совершенно без расположения и говорили: «Лучше бы вы не ходили на Собор. Что хорошего вы сделали? О, если бы мы не видели вас направляющимися туда!» Тамашний протоиерей вместе с другими священниками подошел к императору, и они выпытывали и спрашивали, как император повелит им вести себя с латинянами. Он же ответил: «Живите по тому чину, которого держались и раньше». Они сказали: «У нас здесь нет епископа. Мы испытываем тех, кто готовится к священству, берем у них свидетельства и затем посылаем их для рукоположения к нашим епископам. Находящийся здесь латинский епископ часто просил, чтобы ему самому их рукоположить. Мы же говорили, что “невозможно нам принять вашу хиротонию”. И из-за разделения мы всегда отводили его просьбу. Теперь объединение состоялось, и он попросит нас рукополагать, а мы совершенно не хотим этого. Какой мы здесь можем найти выход?» «Мы так устроили и так приняли объединение, — ответил император, — чтобы каждая сторона сохраняла обычаи и чин, какие имела прежде. Если вам латиняне что-то скажут, ответьте, что так было совершено объединение, чтобы мы имели наши обычаи и чин, как и прежде. И так они не будут

досаждать вам». Они же вновь сказали: «Мы подчиняемся латинянам, и наше слово у них не найдет понимания. Они скажут, что “раньше вы были отделены, а поскольку теперь вы присоединились, и мы все едины, то нам принадлежат и рукоположения”, и они не позволят нам куда-то идти и рукополагаться. Что нам с этим делать?» Император сказал, что «пусть будет переписан орос и дан вам. И вы будете его иметь в защиту того, что мы вам говорим». И таким образом они расстались.

14. Ранним утром следующего дня мы, подняв якоря, отплыли, так что никто даже и не подумал о том, чтобы переписать орос. Пропущу то, что было по пути — остановки, пустая праздность и опасности, — и, наконец, мы достигли Мефона и стояли там пять дней, препятствуемые сильным южным ветром. Нашедшиеся среди мefonцев ревнители нашего учения бранили нас и говорили: «Мы раньше, когда вступали в словесное состязание с находящимися здесь латинянами, побеждали их, и они не могли нам возразить. А сейчас мы и не знаем, что им сказать. Хорошо, если бы исправили что-то из их обычаев: не есть мясо два дня во время Четыредесятницы, не служить три и четыре раза за день на одном и том же алтаре, в день Рождества Христова и воскресенья не служить одному и тому же священнику от полуночи до четвертого часа дня столько, сколько он только сможет отслужить, или что-то еще из их многочисленных несуразностей. Ведь если бы вы изменили что-то из обычаев латинян, то мы могли бы сказать им, что “и вы ошибались в таких-то вещах, а наши вас исправили”. А теперь мы даже взглянуть на них не сможем. Большое зло вы сделали нам».

15. Император вышел из Мефона и отправился верхом, оставив позади и Корон на расстоянии одного дня пути. Там, достигнув одного порта, он на короткое время остановился. Триеры прибыли из Мефона в Корон и там ждали полтора дня. Здесь латинские священники вместе с греческими, и с каждой стороны со своими епископами, латинскими и греческими, вместе в облачениях устроили крестный ход. Шли по двое: грек — с одной стороны и латинянин — с другой, таким образом являя объединение. На следующий день галеры подняли якорь и после соединились с императором (императорская триера ушла к нему сразу и взяла импера-

тора на борт) они продолжили плавание, обошли Монеувасию и значительную часть Пелопоннеса. К полуночи поднялся сильный ветер, а за ним — большая буря и полная тьма. Корабли сильно качало, и мы вновь подверглись опасности. К утру следующего дня мы, вопреки надежде, оказались ввиду столбов, стоящих около Афин и называемых тамошними жителями Колонэ, которые показались нам вестниками всего благого¹. Когда наступил день, дул тихий ветер, было спокойное море, и нам была послана хорошая погода, так что через два дня мы достигли Эвбеи. Там нас захватили проливные дожди и сильные ветра, и мы стояли, ожидая благоприятной погоды.

16. Здесь вновь латиняне устроили крестный ход вместе с греками. Шли по двое — грек и латинянин. Во главе — [митрополит] Митилинский, который служил вместе с латинянами в их храме. Живущие на острове наши священники очень сокрушались и говорили нам: «Вы сделали нам великое зло. Ведь латиняне и раньше просили служить литургию в наших храмах, но мы их отгоняли как схизматиков. Теперь они без разбора будут приходить с раннего утра, когда захотят, и служить, а мы не дерзнем даже рта открыть. Мы лишь сохраним то, чтобы не служить в один и тот же день. И если они захотят, то отстранят нас полностью, совершая литургию ежедневно».

17. По прошествии десяти дней, когда поднялся удобный ветер, мы, подняв якоря, отплыли. Когда императорская триера уже собралась, по обыкновению, плыть впереди, император приказал немного подождать: он хотел получить некоторые известия из Города, которые уже шли [к нему], как он слышал. Поскольку вскоре подул противный ветер, он не смог выйти. Мы же плыли весь день и к вечеру достигли некоего порта. На следующий день мы, вновь подняв якорь и проплыв много [миль], к вечеру привели корабли к Ореосу и, став там, ожидали императора, переживая из-за его отсутствия и из-за препятствия к отплытию, так как была удобнейшая погода для возвращения. Находившиеся на кораблях купцы унывали, что не смогли убедить капитана продолжить плавание.

¹ Остатки храма Посейдона на мысе Сунион. Сегодня это 12 мраморных колонн, поддерживающих архитрав.

Ведь у них были большие потери в случае задержки галер, и к тому же опасности. И они устроили капитану протест, с тем, чтобы он оберег их от потерь. Он же показал им выданную в Венеции грамоту, которая предписывала ему никоим образом не разлучаться с императором. И, таким образом, он от них отделался и отослал их [прочь].

18. Пока мы там находились, скончался протекдик диакон кир Георгий Каппадокиец, измученный многодневной болезнью. И он был погребен на небольшом острове, имевшем латинскую церковь св. Георгия. Прошло больше десяти дней, а император всё не приходил. Поэтому мы были вынуждены вернуться на Эвбею — и нашли его там. Дули противные ветры, были ливни, снег и лед, и мы там остались еще на 15 дней. Тогда же мы узнали, что императрица заболела. Когда окончилась зима и мы уже приготовились выйти из гавани, как умер Палеолог Касандрин¹. Никто из нас не был оставлен для того, чтобы заниматься погребением Палеолога, но были даны средства переводчику Секундину², чтобы он совершил погребение и похоронил его с честью.

19. Мы, подняв якоря, отправились. Миновав Скиафос, Скирос и Скопелос, мы причалили у Диадромов. Там вновь дул противный ветер, и мы были заперты [в порту] в течение многих дней. Мы истощили все запасы пропитания и никак не могли найти воду. Отправили галеру виглы на Скопелос, чтобы добыть пропитание, и через два дня она привезла семнадцать хлебов и одного онагра — роскошь для собак: всегда было много забот о содержании собак. Итак, мы рассуждали, вернуться ли нам вновь на Эврип, или же двинуться на Крит или в Митилину. Тогда как раз подул попутный ветер, мы сразу поплыли и, приблизившись к порту Гимнопелагисия³, увидели императорскую триеру, стоявшую там на рейде. Мо-

¹ Архонт, несомненно, состоявший в родстве с правящим домом. Неизвестен по другим источникам.

² Секундин являлся, к тому же, уроженцем этого острова.

³ Сегодня о. Пелагониси, один из Спорадов. Упоминается в документах второй половины X в. как собственность местных монахов, затем проданный во владение афонской Лавре св. Афанасия из-за опасностей от арабских пиратов.

ряки двух галер, увидев это, возмутились и закричали, и комиты кричали и делали знаки руками комиту на императорском [корабле], чтобы [ему] следовать по другому пути. Он знаками указал на императора как на причину, и что он сам против своей воли вошел в порт. По необходимости этому последовали и остальные галеры, при [полном] нежелании всех тех, кто на них находился. Вход в этот порт был такой ширины, что разве [одной] галере оставлял возможность пройти, но внутри он был достаточно широк и с полным безветрием, поскольку был невелик и окружен высокими горами. Когда все стали жаловаться, что мы туда зашли, император сказал: «Быстро выходим, чтобы никто не страдал». Когда услышал это помощник капитана, то заявил: «Мы не выйдем отсюда, пока не пройдет неделя минимум». Так и произошло. Противные ветра препятствовали выходу, и мы остались словно в тюрьме, бедствуя, болея и не имея воды, так как на том острове вообще не было воды.

Лишь после седьмого дня и при благоприятном ветре мы, подняв якоря, с большим трудом, усердием и криком смогли миновать проход. Капитан, словно позабыв о своем возрасте и достоинстве комита, бегал и прыгал по галере, называя моряков братьями и побуждая их [активнее грести], и обещал дать им по две амфоры вина. Он делал им знаки [большим] пальцем вверх и громко кричал, — и так, с большим трудом, вышел капитанский корабль. Так же — и следующий за ним, а капитан опять следил за ним, выводя его знаками, жестами и криком. Когда он увидел, что и этот вышел, он, подняв руки, воздал славу и благодарение Богу. Но императорский корабль, идущий сзади, не смог выйти, так как подул встречный ветер, возмутил море и поднял волны, препятствуя выходу. Так там остались две триеры, — императора и деспота, — а две вышедшие встали с другой стороны острова, и там мы и заночевали. Когда наступил день, вышли и те две триеры и объединились с нами. Мы сразу направились к Лемносу и, придя, встали у Котцина на пять дней. Император занялся охотой, а экипажи венецианских галер грабили лемносцев и учинили там большое разорение.

20. Там же нам было возвещено о смерти госпожи императрицы Марии, супруги императора, и мы сразу вспомнили о знаках, явленных

нам во Флоренции. В мае и июне появились две звезды, находившиеся на небольшом расстоянии друг от друга и испускавшие дым. Большая испускала больше дыма, а меньшая и дымилась меньше. Мы вспомнили о [подобной же] большой звезде, испускавшей очень много дыма, перед пленением и смертью эмира Баязета, что предзнаменовало его гибель, и говорили, что это есть знаки смерти владык. Услышав о смерти госпожи императрицы [Марии], а затем и госпожи Евгении — супруги деспота, мы сказали, что те дымящиеся звезды были предзнаменованиями их смерти.

Из Города послали корабль и написали, чтобы сказали там императору о смерти [его] госпожи. Устроили совет и решили, что если император услышит об этом, то будет скорбеть и печалиться более пятнадцати дней, и кто убедит его уйти отсюда? И многое другое нашли, из-за чего казалось лучшим не говорить об этом императору, так что об этом умолчали.

21. После того как экипажи галер насытились добычей лемносцев, мы подняли якоря и, проплыв немного и оказавшись на месте, называемом Сотир, вновь подверглись ужасной буре, и вот тогда в самом деле мы отчаялись в своих жизнях. И тогда было нам послано утешение — в таких вот обстоятельствах появившийся и ведущий нас сладчайший божественный свет, который тогда был нам явлен. Когда наступил день, ветер стал умереннее, и венецианцы захотели плыть. Но император, увидев море волнующимся, убоялся и остался. Итак, по прошествии того дня и следующей ночи, на следующий день мы увидели, что ветер стал тише, подняли якоря и отплыли. Пройдя северную часть острова и выйдя в море, мы встретились с сильным южным ветром, так как раньше от него нас закрывал остров.

Корабли понесло со страшной силой, так что на них трещали мачты. Подбежав, моряки увидели, что одна мачта начала разламываться снизу, и мы подумали, что они хотят ослабить паруса. Они же, забравшись на мачту при такой силе и лютости ветра, прикрепили к ней в трех местах крепчайшие веревки, от верха до низа, и закрепили их около кормы. Потом они правили, натягивая и ослабляя их с помощью блоков, и обеспечивали безопасное плавание.

22. Так, за четыре часа мы от Лемноса достигли пролива, где нашли закругленный грузовой корабль, вышедший из Венеции за пятнадцать дней до нас. На него император посадил некоторых людей, львов и собак, чтобы доставить их в Город. Там он напоролся на подводную скалу и стал недвижно. Мы проплыли немного вперед и там остановились, проведя тот день и ночь. На следующий день, подняв якорь, мы отправились. Когда мы проплывали Галлиполи, то галлиполийский правитель послал одного из своих агарян приветствовать императора. Через него он приглашал императора, говоря, что если тот захочет отдохнуть в замке или во владениях эмира, то он в его распоряжении. Император оценил это [внимание] и послал ему в дар серебряную вазу вместе с Ласкарем Мамали¹.

23. Оттуда через два дня, к вечеру, мы достигли Борослова — столичного предместья. Там глава Города господин Павел Асан вышел с великим множеством людей поклониться императору. Около второго часа ночи мы достигли Золотых ворот и встали в месте, называемом Эксартесис, куда множество архонтов пришло поклониться императору.

На следующий день, это было 1 февраля третьего индикта, понедельник Масленицы, прибыл на галере для встречи императора деспот кир Константин и множество других архонтов, генуэзцев и венецианцев. Поскольку же прежние советники не сочли правильным сказать императору о смерти госпожи, то и здесь они не выказали никакой скорби. Вот почему его вели и сопровождали с шумом, трубами и песнями, и привели к набережной Кинег². Император и деспот, предводительствуемые деспотом господином Константином, вышли из кораблей и направились во дворец верхом. Император, узнавший о смерти жены деспота (δεσποίνης), но не госпожи [императрицы] (βασιλίσσης), не увидев никаких признаков радости у входа во дворец, решил, что это из-за смерти жены деспота. Также и деспот, узнав раньше о смерти госпожи [императрицы], не знал

¹ Неизвестен по другим источникам, хотя другие члены этой достаточно деятельной семьи известны по документам начала XV в.

² Пристань в Константинополе на Золотом Роге, к востоку от Влахернского храма.

о своем собственном вдовстве. Так что каждый относил скорбь ко вдовству другого. Когда же они вошли внутрь императорских покоев, то поняли, что они оба овдовели — их мать, святая госпожа, возвестила им сразу о случившемся, — и каждый оплакивал свое собственное горе. Так мы вернулись в Константинополь, с многочисленными сложностями и опасностями, и с великими бедствиями. Это [наше] слово упоминало лишь основное и оставляло в стороне меньшее. Немного добавив о том, что было после нашего возвращения, оно обратится к любезному молчанию.

Часть XII

В которой [рассказывается] о том, как император советовал нам объединиться с оставшимися здесь [т. е. в Константинополе] нашими братьями-клириками; и как он сделал Патриархом кир Митрофана; и как мы отошли от него, видя, что он не заботится об исправлении Церкви; и как император старался, чтобы мы вернулись к вопросам объединения, но мы не согласились и остались отделенными [от него]

Воспоминание двенадцатое

1. Итак, император, охваченный неожиданным горем, в течение многих дней оставался недоступен и совершенно не думал о церковных делах. Мы, принадлежащие к архонтам клира святейшей Великой церкви Божией, вместе с низшими служителями собрались вновь в Великой церкви, и в первую неделю [Великого] поста вернулись ко всем ее священным последованиям, согласно нашему древнему чину. Присутствовали и те из клира, которые там оставались, которые поддерживали Церковь [в ее независимости] и к нам относились без рас-

положения. Когда наступила Неделя Православия¹, мы, зная, что если мы будем служить, произойдет смущение, остались в стороне в ту субботу и воскресенье. Затем мы вновь вернулись к последовательности, которая была [раньше], но духовники, игумены и священники сторонились нас, как впавших в латинство.

2. Посреди третьей недели поста император призвал нас, как ставрофоров, и сказал: «Почему вы небрежете и не служите литургии — говорю о вас и о тех, кто следует после вас — в Великой церкви? Это нехорошо, и я против того, чтобы вы пренебрегали [своими обязанностями]». Мы ответили, что «происходит это небрежение не по нашей вине, но из-за архонтов, которые здесь оставались. Мы уступаем, потому что они нас сторонятся. Вот, в Неделью Православия они сослужили с архонтом монастырей и архонтом антиминосиев как с непринявшими объединение. А нас они не приняли, поэтому мы и не служили». «И кто это учинил?» — спросил император и сказал сакелларию: «Почему те двое служили, а эти нет? Ведь надо, чтобы они служили вместе с этими, или же те не служили и с теми. Я не хочу, чтобы так продолжалось дальше, но вы объединитесь и служите». Но мы спросили: «Как же мы будем служить вместе, если они нас избегают?» Император ответил: «Мне кажется, будет хорошо, если великий хартофилак усмотрит кого-нибудь из них, более сговорчивых и легче убеждаемых, уговорит и послужит вместе с ними в одно из воскресений. В следующее воскресенье делает с ними то же великий епископ, а потом — другой. И таким образом вы объединитесь. Но я все же дивлюсь, на чем они основываются в своем несогласии: ведь вот, я одобряю объединение. Одобряют его и архиереи, которые собираются избрать в Патриархи того, кто полностью соглашается с объединением. Итак, когда император, Патриарх и архиереи одобряют объединение, то чего могут достигнуть противящиеся ему? Но вы сделайте, как мы сказали, и служите в церкви».

3. Итак, мы некоторых нашли, объяснили и убедили, как казалось. В воскресенье Крестопоклонной недели² служил великий хартофи-

¹ 14 февраля 1440 г.

² 28 февраля 1440 г.

лак вместе с другими, бывшими вместе с нами на Соборе. Но ни эфимерий, ни кто-либо другой из тех, кого, казалось, мы убедили, не служили. Они лишь лицемерили [в своем мнимом согласии с нами] и, обманув, скрылись. И с этого времени они полностью оставили церковь, и служили те, кто были вместе с нами.

Совершили и мы праздник Великой недели вместе с теми, кто был на нашей стороне. С того времени великий хартофилак и я старались устраниваться от всего и жить частной жизнью. Но, видя малое количество людей в церкви, и то, что папа не поминался, орос так и не был прочитан и не было никаких других новшеств, мы приходили и заботились о нужном для церкви и служили, когда этого требовали праздники. Мы считали, что нужно так поступать, пока не появится Патриарх, полагая, что тогда, возможно, произойдет некое исправление.

4. Так прошли месяцы февраль, март и апрель, а император все не обращал внимания на церковные дела и никому об этом ничего больше не говорил. Оставшиеся в Константинополе все больше утверждались и превозносились над теми, кто оказался на Соборе, и замалчивали непоминовение императора. Мы же страдали, не освободившись быстро от тяготевших над нами оков объединения.

Император по необходимости пожелал поставить Патриарха. Первым делом он призвал некоторых архонтов, они встретились с [митрополитом] Эфесским и просили его и вынуждали, чтобы он отказался стать Патриархом. Поскольку они выяснили, что тот совершенно и не стремится к патриаршеству, император повелел устроить выборы. Итак, о [митрополите] Эфесском речи не шло, чтобы ему участвовать в выборах, так как он был против всего, что произошло на Соборе. [Митрополита] Ираклийского вынуждали, так как и он не хотел присутствовать, ведь он сказал одному из своих собеседников, что «произошедшее во Флоренции — это есть зло, погибель и растление православной веры, и произошло насильственно. Я тоже плохо поступил, что подписал, также будучи вынужденным, и следует мне отсечь эту руку, которая подписала». И другое подобное он говорил своим друзьям, поэтому он и не хотел приходить на голосование. Все же его просили и убеждали, и в

первую очередь — великий хартофилак. Он посоветовал ему: «Ты лучше приди и скажи синоду то, что ты говоришь келейно». И когда собрались остальные архиереи в храм Св. Апостолов, чтобы голосовать, пришел и он и сказал им: «Я не пришел сюда, чтобы голосовать, но чтобы сказать вам то, что я хочу. Итак, я утверждаю, что в отношении произошедшего во Флоренции я ни в мыслях моих не согласился с вами, одобрявшими объединение, как и вы знаете, и не принял произошедшее как здоровое, и не по своей воле согласился. Если я против воли, не знаю даже каким образом, подписал орос, я все же считаю, что содержащееся в нем противоречит преданию Господа нашего Иисуса Христа и чуждо нашей Церкви. С того времени я мучился, поражаемый угрызениями совести, и страдал, словно от большого бремени, и искал, как бы освободиться от него. Теперь я благодарю Бога, что Он сподобил меня видеть вас собравшимися и сказать то, что я хотел, и освободиться перед вами от этого бремени. Итак, я вновь утверждаю, что я отказываюсь и не принимаю, а вернее — и никогда не принимал, объединение и орос, и я отвращаюсь от всего того, что в нем несогласно и не соответствует древнему преданию нашей святой Вселенской церкви. Так я возвращаюсь к Церкви как ответственный за то, что я подписал то, что подписал, чего не следовало бы делать». Сказав и другое подобное, он умолк.

5. Архиереи начали избирать для голосования людей и прежде всех захотели поставить на голосование [митрополита] Ираклийского. Он же не захотел. Все сказали: «Хорошо, если он будет поставлен [на голосование], пусть он будет поставлен». Он же молвил: «Оставьте меня, прошу, потому что я не стану [Патриархом]. Ведь все вы одобряете объединение, а я не одобряю его. Как же мне тогда возможно стать Патриархом, если я не одобряю объединения?» Поскольку многократно просившие слышали от него то же самое, [митрополиты] Никейский и Каппадокийский сказали: «Поскольку мы просили его, а он не хочет, и даже не одобряет объединения, излишне нам принуждать его. Перейдем к избранию других лиц». И были избраны [митрополиты] Трапезундский и Кизический и настоятель Ватопеда иеромонах кир Геннадий. Император получил результаты голосования, но не одобрил их,

поскольку не был включен [митрополит] Ираклийский. Ему сообщили, что он не включен по его собственной воле, и передали, что слышали от него, и что сказали. Император же ответил, что им не нужно было иметь препятствия из-за его слов, но чтобы они поставили его на голосование, а он чтобы смотрел, что будет происходить дальше. Затем император рассмотрел тех, кто был избран, и отверг святогорца, а великого протосинкелла и кир Георгия Дисипата послал, чтобы испытать [митрополита] Трапезундского, одобряет ли он объединение. Итак, они пошли и сказали ему многое в поддержку объединения, что оно правильно совершилось и было необходимо, и нужно, чтобы его одобрили, и что он тоже должен признавать его. И просили у него ответа на это. [Митрополит] Трапезундский, по очереди отвечая на их речи, в заключение сказал, что «это объединение не кажется мне благом, и оно не правильно совершилось. Поэтому я и не могу одобрять его».

Когда они многими словами пытались убедить его и добавили, что если он примет объединение и известит через них об этом императора, тогда тот сразу сделает его Патриархом, он ответил, что «когда умиротворится Церковь, все будут в согласии и никакое волнение не будет ее смущать, только тогда я приму патриаршество. Сейчас, при таком смущении и разномыслии в Церкви, невозможно мне принять это, даже если бы я одобрил произошедшее объединение. А тем более, когда состоявшееся объединение не кажется мне ни благим, ни благочестивым, ни произошедшим по воле Божией, и когда оно не одобряется ни мной, ни многими. Таков мой ответ, а вы поступайте, как должны, поскольку ничего другого вы у меня не найдете».

6. Когда они передали это императору, он приказал им пойти к [митрополиту] Кизическому и испытать его теми же вопросами. Они делали это тайно, чтобы ни один из кандидатов не узнал, что они были у другого, и чтобы избирающие или еще кто-то об этом не узнали. Итак, они пошли к [митрополиту] Кизическому и выясняли у него, одобряет ли он объединение.

[Митрополит] Кизический ответил, что «после того как мы совершили объединение, то мы, прежде всего другого, должны его одобрять, и мы

его одобряем». Затем они сказали: «Уверь нас в том, что ты собираешься признавать его и впредь». Он же ответил: «Если бы я не собирался признавать его навсегда, то вообще было бы излишне заключать единство». Тогда они похвалили и поблагодарили его за то, что он ответил хорошо и практично. И сказали ему: «Следует записать то, что сказала твоя великая святость, и ты это подпишешь». Он ответил: «Если нужно, запишите это». Великий протосинкелл сразу же это записал, как и хотел, и [митрополит] Кизический подписал. И посланники принесли это и показали императору. Император, после такой [предварительной] работы и исследований сделал вид, что обдумывает, и приказал приготовить жребии. Приготовили два: на одном написали имя [митрополита] Трапезундского, на другом — Кизического. Некоторые утверждали, будто на обоих было написано имя [митрополита] Кизического: на одном — «кир Митрофан», на другом — «[митрополит] Кизический». Запечатав, их положили на святой престол. Литургию служил великий протопресвитер, и после литургии он взял один из жребиев и передал, чтобы его доставили императору. Открыв, тот нашел имя [митрополита] Кизического, обещавшего признавать объединение, после взяли и другой запечатанный жребий. Император сразу сообщил [митрополиту] Кизическому, чтобы он готовился и принял наречение.

Жребии и провозглашение [митрополита] Кизического Патриархом произошло в Неделю о слепом. Случилось и вот что. Когда этот [митрополит] Кизический, став Патриархом, впервые рукополагал митрополита — это был [митрополит] Херсонский, — попался стих: «Если слепой поведет слепого, оба упадут в яму». Некоторые увидели в этом знак, как увидели знак и в том, что произошло с этим же [митрополитом] Кизическим во Флоренции, о чем уже было слово в начале одиннадцатого воспоминания.

7. Итак, избранный готовился с усердием, и все начали к нему подходить как к Патриарху. Подошли и мы, великий хартофилак и я, вместе посмотрели на него и показали, что и мы приняли происшедшее с ним, и высказали ему множество хвалебных и ободряющих слов, напомнив ему о дружбе наших отцов и праотцев, и что мы надеемся его

иметь в качестве Патриарха и владыки, отца нашего и друга, «если он позаботится об исправлении Церкви, и когда это произойдет, будем и мы ему ревностными помощниками и сотрудниками. А без этого невозможно нам следовать за ним». Он принял все, что мы сказали ему, похвалил наших родителей и нас лично, и ту цель, которую мы имеем относительно церковного исправления. Об этом он сказал, что «думаю и я призвать [митрополитов] Эфесского и Ираклийского и рассудить вместе, и если мы все не согласимся, не объединимся и не будем служить вместе, тогда и я не буду служить. Знайте, что я не поступлю по-другому, нежели я говорю вам». Мы поблагодарили его за это и удалились. Но и некоторые из архиереев, как и мы, сказали ему об этом же, и он им ответил то же самое. Поэтому мы и последовали за ним, ожидая исправления. Однако мы совершенно не знали, что он дал обещание императору, что одобряет объединение. Ведь только позже, по прошествии времени, мы услышали об этом.

8. Итак, [митрополит] Кизический готовился к наречению. Он пригласил также [митрополитов] Трапезундского и Ираклийского присутствовать на наречении, но они не пришли. В среду, когда было отдание праздника Святого Воскресения Христова, это было 4 мая, он пришел во дворец, и император поставил его Патриархом. Присутствовали и мы на провозглашении и поставлении, и сопровождали его в Патриархию. Присутствовали и от папы латинский епископ Христофор, весь путь находившийся с правой стороны от Патриарха и ни на шаг от него не отстававший. Это еще большее доставило Патриарху порицание и отвращение со стороны народа, как приемлющему латинство. Народ принимал благословение Патриарха совершенно без удовольствия, а некоторые даже отходили, чтобы не видеть его благословения. Добавлю небольшой рассказ, вообще забавный и к тому же показывающий горячий пыл к православию этого благочестивого и христианнейшего народа.

9. Один священник захотел увидеть, как происходит поставление Патриарха. Имя священнику — Феофилакт. Он одолжил лошадь (поскольку своей не имел) и прибыл во дворец. Посмотрев на поставление, он отправился вместе с нами в Патриархию. Затем вернулся к себе до-

мой. Ко времени вечерни он позвонил [в колокола] (так как это был праздник Вознесения), но никто не пришел. Он подождал часа литургии, чтобы принесли ему [нужное] для литургии, но [ему] не принесли. Поэтому он и не служил. В негодовании он встретил тех, кто имел обыкновение собираться в его храме, и спросил, почему они в праздник не пришли в церковь. Те ответили: «Потому что ты последовал за Патриархом и впал в латинство». Священник недоумевал: «И как же я впал в латинство? Я просто пошел посмотреть чин [поставления], который я никогда не видел. Я не был в облачении, не пел и не служил. Как же я впал в латинство?» Ему сказали: «Но ты находился и шел вместе с латинствующими перед латиномыслящим Патриархом, и тебя настигло его благословение». Тогда он потрудился, чтобы убедить их клятвенными обещаниями, что он больше не пойдет к Патриарху или к окружающим его, и едва он смог убедить их вновь приходить в церковь.

Если я и приложил это к слову в качестве некой забавы, то все же желающие могут из этого заключить, какое расположение, по милости Божией, имеет этот христианнейший народ к здравым догматам Церкви и как он отвращается и ненавидит искаженное и чуждое.

10. Патриарх воссел в Патриархии, и мы также подходили к нему, согласно чину, который имели прежде. Когда приближался праздник Св. Духа, и надо было служить, видя, что Патриарх и не помышляет об исправлении [Церкви], как он обещал, мы отделились от него. Так, он служил в воскресенье Пятидесятницы, но ни [митрополиты] Эфесский, ни Ираклийский не служили вместе с ним. Некоторые другие архиереи тоже пожелали не служить вместе с ним. Император, узнав об этом, поспешил исправить их, устыдил их множеством слов, и они служили. В тот же день тайно удалился [митрополит] Эфесский, ушел в Брусу, а из нее — в Эфес. Также и [митрополит] Ираклийский вышел из западных ворот, шел ночью и днем, и не остановился, пока не достиг Тцурлои. Мы же были призваны во дворец после литургии, поскольку видели, что мы не служили [с Патриархом]. Случилось так, что мы оба в тот день очищались из-за принятия лекарства, но не великий хартофилак не знал обо мне, ни я — о нем. И все равно так случилось, что мы [оба] не пришли.

В понедельник Св. Духа мы пришли ранним утром и обнаружили, что император отправился на охоту. Встретив месадзона Кантакузина и узнав от него, почему нас позвали, мы объяснили причину, почему мы не смогли прийти, т. е. из-за принятия лекарства. О самом же деле мы сказали ему так: «Мы были избраны для святейшей Великой церкви и служили ей и Патриархии в меру наших сил. Мы последовали даже в Италию, и не будем говорить, какие претерпели опасности и бедствия. Там тоже мы потрудились, насколько было возможно, ради нашей Церкви, родины и нашего народа, будучи покорными и послушными повелениям императора и Патриарха. Когда же мы увидели, что наши добровольно колеблют учение нашей Церкви и низвергают ее чистую высоту, мы противостояли и не сдались, и не отдали наши голоса предающим нашу веру. По этой причине мы были исключены императором из собраний. Когда всё было завершено, как они хотели, и орос составлен, уж не знаем, каким образом, Филантропин передал нам императорское повеление, чтобы и мы подписали. Здесь мы опустим то многое, что мы еще сказали и что было доложено императору, и что мы услышали в ответ, но мы испытали такое давление, что против воли подписали. С того времени нас мучает совесть, и мы бы хотели быть [просто] частными лицами. Мы участвуем в делах, поскольку ни орос не был прочитан, ни папа не поминался, и мы ожидали некоего церковного исправления. Но сейчас мы больше не можем терпеть обличения совести, и мы отказались от положения, которое имели в Патриархии, от соответствующей чести и дохода, и всего остального, что могло нам причитаться. И мы добровольно предадимся бездействию, чтобы, таким образом, живя частной жизнью, вымолить у Бога [прощение], чтобы Он излил на нас милость и простил нам эту большую ошибку и великое падение, в котором мы против воли оказались. Вот это есть наше мнение, которое мы изложим и владыке нашему императору, когда он прикажет, как и сейчас мы это изложили твоему превосходительству, и мы подтвердим это делами, когда этого потребует время». Месадзон слушал это со скорбью и, когда мы закончили, сказал: «По правде, я очень сожалею, так как вы являетесь людьми нужными, разумными, полезными и хорошими. И если вы отважитесь на то, о чем вы говорите, то из-за

вас потерпит ущерб Церковь и государство. А это тяжкая вещь, что вы собираетесь привнести в дела смущение и большой вред». И он много распространялся о смущении и о неможном состоянии Города и старался удержать нас от той цели, которую мы поставили. И в конце концов он добавил: «Подумайте хорошо, будьте внимательны, чтобы вам не совершить чего-то поспешного и необдуманного и потом не раскаиваться». Мы же сказали: «Мы давно хорошо подумали и раскаиваться не будем, но мы будем готовы понести лишение имущества, заключение и ссылку и что [удобно] другое, если прикажет владыка наш император». Он же вновь дал нам много советов, пытаясь нам помешать. И таким образом мы расстались.

11. На следующий день мы пришли к Патриарху и сказали ему: «Мы и раньше служили в Церкви Божией, как нам подобало. И после возвращения из Италии мы заботились, по возможности, и даже принуждали свою совесть, собирали остальных и выполняли церковное служение, чтобы церковь [т. е. храм Св. Софии] не пустовала полностью. Ожидали мы и исправления, как мы сообщили твоей великой святости до того, как ты принял патриаршее наречение. Мы согласились с тем, что, когда произойдет исправление, мы вновь будем архонтами Церкви, твоими сыновьями и друзьями, и будем исполнять церковное служение и твои поручения еще больше и усерднее, чем прежде. Но теперь, поскольку не произошло исправления, мы более не можем сослужить и содействовать тем, кто одобряет объединение. По этой причине мы отказались от всего, мы не пришли на праздник и не придем и впредь, но останемся дома, живя частной жизнью, и просим Бога об умиловлении за нашу ошибку, и ни к какой не присоединяемся партии. Вот, мы пришли, чтобы поклониться тебе, сообщить это и удалиться».

12. Патриарх с трудом воспринял это и сказал, что «не кажется мне хорошим делом то, что вы говорите. Вот почему вы отказываетесь от своей обязанности и чина? Нехорошо это. Потерпите и оставайтесь в том чине, который вы имеете, и посмотрите, как будут развиваться события. Я хочу иметь вас рядом со мной как хороших людей, нужных и полезных, и я знаю, что ваши познания, понимание и опыт в делах — больше, чем у

остальных. Я надеюсь, что вместе с вами смогу сделать то, чего требует положение Патриарха. Если не будет вас рядом со мной, то не знаю, что буду делать. Поэтому я прошу и умоляю, чтобы вы лучше рассмотрели и подумали, и совершенно не отделялись бы от нас». Мы же сказали, что «мы хорошо обдумали и после многодневного рассуждения решили то, что сейчас сообщили, и мы не поступим иначе». Тогда сказал Патриарх: «Вообще-то надо было вам сказать это мне с самого начала. Если бы я знал это, то и сам сидел бы в моей келье». «Твоя великая святость, — молвили мы, — не будет иметь препятствий из-за нас. Но мы все же сказали тебе это до того, как ты принял наречение». Патриарх ответил: «Вы мне сказали об этом, но я не думал, что вы сразу отойдете от дел. Сейчас я не только не отказываюсь от вас, но говорю и прошу, чтобы вы приходили сюда согласно тому чину, который вы имеете. Если же вы не придете, то я не отпущу вас, но буду дважды, трижды и многожды извещать и призывать вас, и я верю, что вы вновь будете вместе с нами».

Это был вечер вторника, когда он сказал нам это, а утром в среду, только воссев на синоде, он сказал, что «вчера приходили сюда великий хартофилак и великий епископ и отказались от своего чина. Так что если будет что-то, относящееся к ведению великого хартофилака, то вы займитесь этим». Великий сакелларий¹ смотрел, когда Патриарх закончит слово, чтобы сразу же поблагодарить его и принять [должность]. Но его опередил великий скевофилак². Ведь пока Патриарх еще не закончил речь, он уже сказал: «К твоим услугам, владыка мой святейший! Многая тебе лета! Я займусь этим». Итак, он в тот же день подписал два разводных письма, а мы с тех пор отошли от всего и бездействовали. Мы были благодарны Патриарху за одно то, что он освободил нас от просьб, оправданий и ответов, поскольку он отнюдь не вспомнил о том, что он нам говорил, и не удостоил нас ни единым словом.

13. Через несколько дней мы оба были позваны по приказу императора и пришли во дворец. Месадзоны отвели нас в отдельное место и ска-

¹ Мануил Хрисококк.

² Феодор Ксанфопул.

зали: «Нехорошо то, что выделаете, что вы отходите от Патриарха, отказываетесь от Церкви и вашего чина и соблазняетесь остальных. Что касается единства, то вы его заключили, вы подписали орос, и вы должны его поддерживать и вести других и располагать их к его принятию. Если же вы утверждаете, что объединение получилось нехорошо, то вам нужно было это говорить там и бороться за то, чтобы оно получилось хорошо. А после того как оно произошло так, как оно произошло, и было принесено сюда, какой смысл вам или другим говорить против него? Поэтому нужно, чтобы и вы, как добрые и разумные люди, позаботились о благе родины и о чести народа, оставили соблазны и пребывали в мире и в единстве с Патриархом». Сказали они и много других слов, ведущих к той же цели. «Что касается нас, — ответили мы, — то мы ни единства не заключали, ни орос не составляли. Это сделали те, которые приняли латинство. Мы же были отстранены по императорскому повелению и должны были молчать». И мы рассказали, что там приключилось с нами, но об этом уже сказано [мною] выше. Поэтому мы сказали, что «нам не следует ни одобрять объединение, ни оправдываться в том, что произошло. Но мы взираем на то, что полезно для нашей души. Ради этого мы и ушли, чтобы вести частный образ жизни и жить самим по себе».

Месадзон ответил: «Вот, произошло то, что произошло, и мы отнюдь не говорим, что это произошло хорошо. Но когда вы пришли туда [т. е. на Собор], необходимо было снисхождение, или икономия, благодаря которой нам можно было бы объединиться. Если это там не получилось, так давайте мы здесь посмотрим, как это должно быть, и постараемся найти наилучший способ, чтобы и те могли его принять. И если мы его найдем, то будем и с теми в мире и единстве. Итак, мы просим, чтобы и вы в качестве совета предложили некий способ, с помощью которого мы сможем подлинно объединиться».

Мы ответили, что «поскольку мы от всего отказались и ведем частный образ жизни, нам нечего сказать о том, что вы просите. Пусть найдут [способ] те, которые думают об этом». Месадзоны сказали: «Не говорите так, ведь вы — не случайные люди, но хорошие и полезные архонты, граждане Города и опытные люди, первые в церковном чине.

И вы очень даже должны думать о таких вещах. Ведь если вы от всего и отказались, то все равно вы должны помогать советом в том, что вам кажется полезным для родины и для Церкви. Так что скажите, что вы думаете о том, о чем мы говорим?» Мы ответили, что «мы не можем найти такой хороший способ объединения. Если кто-то найдет его, мы услышим об этом и им удовлетворимся, то мы скажем, что это [действительно] хороший способ». Тогда сказали месадзоны: «Поскольку вы не говорите ничего, то в таком случае мы скажем то, что нам кажется добрым и безвредным. Об оросе мы ничего не говорим, ведь он пребывает, по сути дела, праздным. А о поминовении говорим [так]: не кажется ли вам хорошим способом, если только лишь будет поминаться папа, и через это поминовение мы будем объединены? Поминовение — это лишь одно слово, и говорит его диакон. А через это слово мы будем едины, и ничего не поколеблем из наших догматов и не изменим из наших обычаев». «Велико значение поминовения, — ответили мы. — Ведь те поминаются в Церкви, которые ей единоверны и состоят в общении с этой Церковью. А те, которые не состоят в общении, не поминаются. И никто из служащих не имеет дерзновения молиться в Церкви за не состоящего в общении. Как будет поминаться не состоящий в общении вместе с состоящими?» Тогда сказал месадзон Нотара: «Это поминовение папы — даже и не поминовение: ведь о нем даже не молятся. Одно слово говорит диакон: “Евгения, блаженнейшего папу...”». Так что ни этот [т. е. диакон] о нем не молится, ни других не призывает к молитве за папу».

Тогда я сказал, что «поминовение в диптихах — выше всякого другого поминания. Ведь другие [поминовения] просят о молитве слушающих вне амвона. А диптихи не просят о молитве у тех, кто вовне, но сам Патриарх говорит первым: “Помяни, Господи, всякое епископство православных, право правящих слово Твоей истины”. Так что первым молится Патриарх о “право правящих”. Сразу же диакон, приняв слово, громко возглашает, кто есть “право правящий”. Так, он перечисляет нашего Патриарха и восточных [Патриархов] как “право правящих”. А “право править” значит отсекал ложное, как говорит св. Златоуст.

А папа не отсекает, но скорее вводит ложное. Если возглашается имя папы вместе с именами восточных [Патриархов], то по необходимости следует одно из двух: или папа “право правит”, а восточные [Патриархи] нет, поскольку они отличаются в пункте об исхождении Св. Духа, а это один из пунктов Символа [веры], и они не соглашаются с папой в учении, которое он преподает относительно этого. Либо “право правят” восточные [Патриархи], а папа — нет. Ведь может ли быть благочестиво и благословенно во время божественного священнодействия поминать, объединять и сводить вместе разномыслящих, словно согласных? Это велико и страшно, так что и десятый канон святых апостолов гласит: “Если кто помолится, даже дома, с несостоящим в общении, да будет отлучен”. Патриарх же молится не вместе с папой, а за него. И смотрите, какая разница между молитвой за кого-то и молитвой вместе с кем-то? Это важно и совершенно чуждо нашей Православной Церкви». На это Нотара заметил: «Как было бы хорошо, если бы мы знали это наперед и полностью устранили бы диптихи из литургии до того, как вы приготовились отправиться в Италию». Затем и многое другое они нам говорили, побуждая вернуться в прежний наш чин и быть вместе с Патриархом.

Наконец, они сказали: «Мы просим, чтобы вы подумали и нашли хороший способ, с помощью которого мы сможем быть едины, так как вам сообщат, и вы вновь сюда придете». С этим мы и расстались.

14. Прошло более десяти дней. Мы были вновь извещены императорским приказом — и пришли во дворец. Месадзоны, взяв нас и усадив отдельно, сначала спросили, не нашли ли мы способа объединения. Услышав, что мы не нашли, они наговорили много слов, советуя и склоняя нас к единству. И о поминовении они сказали, что «это хорошо, а не пагубно, как вы говорите. Мы это рассмотрели и нашли, что это нам не повредит никоим образом». Когда же они поняли, что мы никак не склоняемся к их воле, но даже весьма сопротивляемся, они ожесточились против нас, сказав суровые слова, и бранили нас за подписание ороса. Более всего Кантакузин насмехался и уличал нас. Мы же ответили: «Знает Бог, как и через кого это произошло, и кто — соучастники этого

губительного объединения, а кто — отвергал его, но не нашел сил противостоять. И Он воздаст по заслугам устроившим это, и нам в первую очередь, если мы окажемся виновны. Тем не менее, мы утверждаем, что поступили плохо, и предоставляем себя подлежащими конфискации, заточению и ссылке и тому, что определит император как повелитель». Они же сказали, что «оставьте это, так как император не приказывает ничего из того, что вы говорите, но стремится к тому, чтобы вы были в мире и единстве с Патриархом и остальными, так как хорошо это и важно, и надо, чтобы и вы к этому стремились». Поскольку они не нашли в нас сочувствия, они нас оставили, и мы пошли восвояси. С тех пор мы пребывали праздными и свободными от всех, прося и ожидая [лишь] от Бога исправления Его Церкви.

15. По просьбе друзей я, как мог, рассказал о том, что предшествовало Собору и что произошло на самом Соборе в Италии, немного сказав и о том, что было после возвращения. Здесь я готов положить конец сочинению, благодаря Бога за то, что Он дал мне возможность хорошо вспомнить и записать то, что удалось сказать правдиво и точно. За то, что описано с пропусками и недостаточно, я прошу прощения у друзей, так как я не по своей вине, но движимый их частыми просьбами и убежденный их словами, решился на такое сочинение. Поэтому они должны простить меня и за то, что я забыл и пропустил, и в чем я допустил ошибки, и в особенности за то, что не во всем я мог участвовать и не все смог удержать в памяти. Но все же основное и самое необходимое это слово не пропустило.

Если здесь что-то касается дел, связанных со мной, то в этом нет ничего особенного, так как природа событий и речей этого требовала, ведь и это есть часть общих событий, вплетенных каким-то образом в предшествующие и последующие. В таких делах произошедшее раньше влечет за собой последующее, а оно — следующее за ним, и одна недостающая часть разрушает все дело. Следовало бы рассказать и о [других] многих и важных событиях, произошедших здесь впоследствии. Но поскольку многие о них знают, так как здесь они совершились, и мало кто нуждается в напоминании о них, и к тому же есть те, которые

куда лучше меня могут об этом написать, я и оставляю это тем, кто способен.

16. Я лишь это малое слово добавлю к рассказу как некое благое предвозвещение и, заодно, завершение слова. Я надеюсь на человеколюбивое милосердие Господа нашего Иисуса Христа, Своей честной кровью сохранившего Свою Церковь непорочной и незапятнанной, хранящего ее до нынешнего времени чистой и пребывающей выше всякой случающейся по временам пагубы. Я верю, что Милосердный и Всемиловитый не оставит Свою Церковь посреди бури и опасности, но исправит и сохранит ее в прежнем благосостоянии и укрепит еще больше прежнего. Еще я верю, что тем, кто истинно и от всей души борется за нее, Он не позволит быть осужденными и впасть в искушение, или же претерпеть какое-либо зло, поскольку они хорошо сражаются за Него и поддерживают учение Спасителя нашего Христа. Я в этом уверяюсь из того, что и раньше Бог устроил множество препятствий к тому, чтобы произошел Собор, если бы хотели и наши прислушаться к этому. И после того, как Собор [все-таки] произошел, Бог отрубил и отнял то, что должно было служить к поддержанию объединения.

17. Во-первых, смерть в Италии Патриарха кир Иосифа, одобрявшего и ожидавшего объединения, но вскоре после этого восхищенного смертью и не успевшего подписать и присутствовать на провозглашении [объединения]. Он был глубокий человек, вызывавший большое уважение и [даже] страх, и если бы он присутствовал, то это бы там дало объединению большую поддержку. А здесь, если бы он вернулся, мало кто смог бы выйти из общения с ним.

Во-вторых, смерть императрицы. В скорби из-за нее, император стал небрежно относиться к делу объединения. Из-за этого дело объединения ослабло, а придерживающиеся православного и отеческого учения весьма усилились и окрепли.

В-третьих, тайный уход [митрополитов] Эфесского и Ираклийского. Из-за этого императора объял страх, как бы и другие ни убежали, если он решит принуждать их к объединению.

В-четвертых, уход отсюда деспота кир Димитрия и разномыслие, которое у него было с императором, из-за чего даже намечалась борьба. Это, а также и убежденность, которую деспот всегда имел в отношении православного и отеческого учения, укрощали пыл императора в отношении того, что он был должен и что его просили делать в поддержку объединения.

В-пятых, Патриарх вознегодовал, что прошло достаточно времени, а он не мог ни утвердить латинство, как он сам его принимал, ни его отвергнуть. Он вышел из Патриархии и уединился в своей келье. Проходила святая Четыредесятница, и многие из архонтов ему говорили, чтобы он пришел в Патриархию и Церковь не оставалась бы праздною. Он же отвечал: «Если император не исправит Церковь, я не пойду в Патриархию». Исправлением Церкви он называл защиту латинства. Когда наступила Великая неделя, император ему повелел, чтобы он пришел в Патриархию. Он же ответил: «Пусть твоя святая царственность сначала исправит Церковь, а затем я приду в нее. А по-другому — никак». Затем император послал месадзонов и передал ему через них, что «ты приди сначала в свою Церковь и соверши праздники, а сразу же после Пасхи я позабочусь о том, что ты называешь исправлением Церкви». Месадзоны пришли и сказали это Патриарху, он же ответил им: «Сначала исправьте Церковь, и я сразу приду». Они возразили: «Сейчас Великая неделя, и все посвящают свое время церковным службам. Невозможно в эти дни устраивать собеседования или синоды. Но император приказывает, и мы тоже тебя уверяем, что после воскресенья Пасхи в понедельник и последующие дни не будет у императора другого дела, как исправление Церкви. Итак, мы просим: пойдь в Церковь, соверши праздники, а после Светлого Воскресенья ты сразу увидишь и будешь доволен заботой императора, которую он явит об исправлении Церкви». Патриарх убедился этим, пошел и совершил праздники, и повсюду возвещал, что после Пасхи император сделает все для утверждения объединения. А приверженцы объединения всеми страхами и угрозами пугали нас, противящихся ему.

В самый день Великой субботы, незадолго до вечера, ушел из Города кир Павел Асан¹ вместе со своей дочерью, которую он вел к деспоту кир Димитрию, которому она была отдана в качестве законной жены. Здесь произошел из-за этого большой шум, и было забыто об обещаниях и сроках в отношении объединения. Затем была война с деспотом, что [и вовсе] свело на нет защиту объединения.

Шестое — это то, что после прекращения войны с деспотом и примирения, когда прошло уже много времени и Патриарх постоянно просил императора устроить исправление, император не заботился об этом. Вознегодовав, Патриарх вновь пошел к императору, много упрашивал и сказал: «Я не уйду из дворца, пока не получу ответ об исправлении». Итак, он пошел в монастырь Предтечи и затем вновь приступил ко дворцу. Таким же образом и его сторонники приходили и требовали поддержать объединение. Тогда император приказал, и мы собрались у него в присутствии Патриарха. Сначала он высмеял и обличил нас за неприятие объединения, затем сказал: «Я совершенно не согласен, чтобы церковные дела и впредь шли так, как они идут до сих пор. Я хотел, чтобы после нашего возвращения из Италии за несколько дней произошло исправление [Церкви]. Но нам помешали некоторые несчастные события и война. Сейчас, с помощью Божией, препятствия устранены, и ничто нам не мешает. И я хочу, чтобы в течение пятнадцати дней, начиная с сегодняшнего дня, произошло исправление Церкви. Необходимо прекратить все соблазны». Мы же ответили, что «мы не можем сказать ничего другого, как [только] подтвердить нашу приверженность древнему учению Церкви, в котором мы и стояли, по милости Божией. В отношении того, что повелевает твоя святая царственность, надо, чтобы собрались архиереи со всей области, и пусть тогда будет так, как всем вместе покажется за благо». Император ответил с гневом: «Вы всегда склонялись к отсрочкам и промедлениям, поэтому вы и говорите об архиереях области. Ведь кто придет? Ни [митрополиты] Фессалоникий-

ский не придет, ни Серрский, ни Адрианопольский. А если и придут, то они мало помогут в этом деле, ведь мы знаем силу их ума. Но еще есть [архиереи] Монебвасии и Анхиала, и вот им возможно прийти в течение пятнадцати дней». И император приказал месадзонам: «Вы скажите, чтобы им написали, и пошлите воина, дабы он пошел и привел их безотлагательно, так как я хочу, чтобы в течение пятнадцати дней было завершено исправление Церкви». Он с суровостью и гневом повелел быть [нам] усердными и вновь осмеял и выбранил. Мы вышли с тяжелым сердцем. Но еще до того как кончился 15-дневный срок, пришел тринадцатый день и забрал Патриарха. После возвращения из дворца в Патриархат он сразу же заболел и 1 августа шестого индикта 6951 г. умер¹, пробыв Патриархом, — плоховато, по правде говоря, — три года и три месяца. После этого вновь оказалось праздным предначертанное исправление, хотя и прибыли упоминавшиеся архиереи.

Седьмое — это то, что после прихода сюда легата (одновременно и племянника) папы Евгения, с 25 галерами, нас с большим напором теснили сторонники унии, они насылали на нас страх и угрозы, думая, что уже имеют в руках окончательное утверждение унии. Но требование, на котором настаивал легат, — чтобы ему въехать во дворец конным и спешиться там же, где [это делал] и император, — и противодействие этому со стороны императора (так что с этого момента прошло много времени до тех пор, как легат смог войти к императору), — все это укротило напор легата и рвение сторонников унии, а нас сделало более крепкими в противостоянии. А когда после этого начались дискуссии, они не смогли поддержать объединение так, как надеялись подвизающиеся за него².

Вот эти главные и основные препятствия, которые возникали всякий раз, когда замыслили и пытались устроить утверждение объеди-

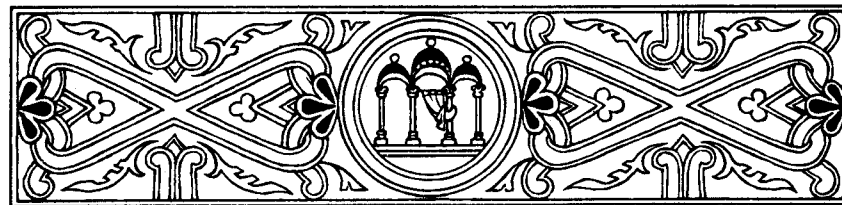
¹ 1 августа 1443 г.

² Речь идет о пятнадцати богословских диспутах, проходивших в 1445–1446 гг. во дворце Ксилала. С латинской стороны основным участником был Бартоломео Лапаччи, епископ Коронский, с православной — Геннадий Схоларий.

¹ Соответственно, это произошло 15 апреля 1441 г. (Пасха была 16 апреля). Павел Асан в то время — глава (эпарх) Константинополя. Умер в 1441 г.

нения. Возникали и другие [препятствия] в это время и впоследствии, меньшие с точки зрения молвы, но важные по значению и большие количеством.

18. Все это произошло, как я думаю, по воле Божией, из чего я уверяюсь в том, что Бог никогда не попустит утверждение Флорентийской унии и не даст впасть в искушения тем, кто лишь по Его благодати и ради Его похвалы борется за Церковь. Но, напротив, Он исправит Свою Церковь ко благу и восстановит ее в нашей древней и отеческой вере, и утвердит и укрепит сражающихся за нее и покажет их победителями. А это кажущееся, но неподлинное объединение воистину разорит и ниспровергнет. Церковь же Свою сохранит и управит Господь наш и Бог мирной и свободной от раздоров, и избавит от находящихся на нас извне страхов и опасностей, и сохранит невредимой, как Он часто делал и всегда делает это для нас и для этого Города ради неизреченного Своего человеколюбия и благодати.

Список сокращений

AG — Acta Graeca = Quae supersunt Actorum Graecorum Concilii Florentini. Ed. J. Gill. Roma, 1953.

AL — Acta Latina = Andreas de Santacroce, advocatus consistorialis, Acta Latina Concilii Florentini. Ed. G. Hofmann. Roma, 1955.

ΕΕΒΣ — Ἐπιτηρίς Ἐταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν.

EO — Echos d'Orient.

Janin R. Églises et monastères — Janin R. La géographie ecclésiastique de l'Empire byzantin. Première partie, Le siège de Constantinople et le patriarcat oecuménique. III, Les églises et les monastères. Paris, 1969.

MM — Miklosich F., Mueller I. Acta et diplomata Graeca Medii Aevi sacra et profana. Wien, 1860–1890. 6 vol. Новое издание: Das Register des Patriarchats von Konstantinopel. Her. von H. Hunger und J. Koder. Wien, 1981–2001. 3 vol.

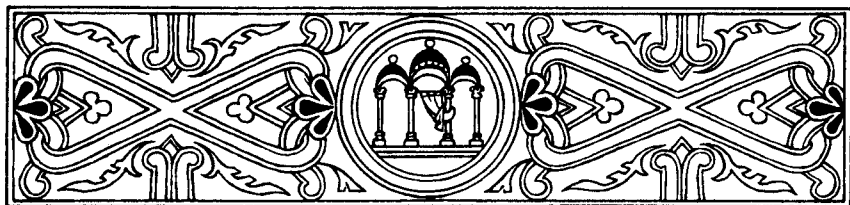
ODB — The Oxford Dictionary of Byzantium. Ed. A. Kazhdan. New York — Oxford, 1991. V. I–III.

PG — Patrologiae Cursus Completus. Series Graeca.

PLP — Prosopographisches Lexicon der Palaiologenzeit / Ed. E. Trapp. Wien. 1976–1994. Bd. 1–12.

ROC — Revue d'Orient Chrétien.

Именной указатель

- Августин, блаж. 174
Авраамий, еп. Суздальский 74
Агаллиан Феодор, иеромнимон 75. См. *великий хартофилак*
Агаряне (турки) 23, 26, 84, 316
Адам Мануил 165
Александрийский Патриарх 63, 80, 114–115, 196, 220, 255, 282
Альбергати Никколо, кардинал Св. Креста 97
Альберто де Криспис 38
Амвросий Траверсари 132, 182–183, 272–274
Амируци Георгий 120, 138, 161, 175, 232, 250
Андрей Хрисоверг, латинский архиепископ Родоса 25, 31–32, 123, 141, 143, 162, 167–168, 172–174, 183
Анконцы 59
Антиох Феодосий 65, 114
Антиохийский Патриарх 114–115, 118, 260
Антоний Великий, св. 91
Антоний, митр. Ираклийский 33, 66, 76, 80, 82, 100, 104–105, 227, 231, 233, 237, 248–249, 255
Антоний, в будущем еп. Массы 28–29
Арий 54
Аристотель 262
Арля кардинал 38
Асан Матфей 29
Асан Павел 73, 316, 334
Асанина Феодора 334
Афанасий Великий, св. 265
Афанасий, иеромонах и игумен Калейский 68
Баязит, турецкий султан 315
Богемцы (гуситы) 47, 49, 53
Болгары 308
Бонавентура 174
Бранкович Георгий, деспот Сербии 62
Букентавр (название корабля) 95

- Вальсамон Михаил 75. См. *великий экклезиарх и великий хартофилак*
Вуллот Мануил (два разных человека) 65, 68, 100, 105, 114, 243, 282, 296
Василий Великий, св. 23, 75, 143, 262, 284
Векк Иоанн 235, 248, 251
Великий сакелларий 75, 82, 87, 200, 220–221, 238, 318, 327
Великий хартофилак 24, 47, 53, 63, 75, 100, 109–110, 114, 120, 122, 131, 151, 160, 162, 186, 200, 224, 236, 238, 240, 256, 263, 274, 278, 280–281, 288, 305–306, 318–320, 322, 324, 327
Великий экклезиарх 47, 70, 75, 122, 137, 151, 160, 184, 186, 238, 281, 288, 305, 318, 327
Венецианцы 59, 81, 113, 131, 133, 263, 289–290, 304, 308, 314–316
Вигилий, папа 39
Виссарион, митр. Никейский 74, 122–123, 125–126, 132, 135–142, 154, 161–163, 167, 169, 172–175, 178, 190, 194, 198, 206, 215–218, 228, 230–234, 247–248, 250–252, 268, 270, 272–273, 275, 277, 283–286, 288, 293, 305, 320
Владинтерос Самуил 28
Вриенний Иосиф 33, 126, 223, 252, 265
Гемист Плифон 120, 138, 157–158, 160, 162, 171, 193–195, 197, 204, 232, 236, 250, 260
Геннадий, настоятель Ватопедского монастыря 320
Генуэзцы 59, 304, 316
Георгий Ивир, грузинский архонт 260–262
Георгий Каппадокийский, см. *протекдик*
Георгий, св. 76, 94, 100, 110, 118, 203, 308, 313
Герман, игумен Калейского монастыря 75, 122
Геронтий, игумен монастыря Пантократора в Константинополе 75, 122
Гудель, Димитрий Палеолог и Николай 22, 24, 62, 146
Греки 37–38, 40, 42, 47, 49, 53, 89, 110, 112–113, 145, 149, 176, 205, 207, 216, 229–230, 236–237, 241, 277, 288
Григорий, духовник 47, 63, 66, 75, 80–81, 87, 114–115, 117–118, 135, 137–139, 144–145, 159–160, 162, 175, 177–181, 199, 206, 232
Григорий Нисский, св. 143, 233

- Дамиан, митр. Молдовлахии 62, 74, 186, 222, 236, 253
 Дермокаит 37, 165
 Димитрий, св. 38, 76
 Димитрий Палеолог, великий стратопедарх 38
 Димитрий Палеолог, деспот 29, 95, 146, 158, 333–334
 Дионисий, митр. Сардский 63, 74, 81, 88, 114–115, 119–120
 Дисипаты, братья Георгий, Иоанн и Мануил 38, 45–46, 65–66, 68–69, 71–73, 92–93, 100, 104, 110, 131, 133, 148, 185, 201, 287, 321
 Дория Иларион 29
 Дорофей, афонский монах из Ватопеда 68, 75
 Дорофей, митр. Трапезундский 62, 74, 104, 107, 110, 196, 207, 227, 255, 275–276, 283, 306, 308, 321–323
 Дорофей, митр. Митилинский 120
 Досифей, митр. Монеувасийский 33, 74, 100, 104, 115, 118, 120, 122, 160, 186, 227, 237, 251, 255, 292, 296, 335
 Досифей, митр. Драмы 74, 254
 Евгений IV, папа 36–39, 329, 335, *passim*
 Евгеник Иоанн 75, 154. См. *номофилак*
 Евгения, деспина 315–316
 Евдемониан Николай 25–26, 28
 Евфимий II, Константинопольский Патриарх 22, 246
 Елена, вдова императора Мануила II 33, 46, 214, 219, 295
 Епифаний, св. 251, 265
 Иаков, библейский патриарх 132
 Иаков, ап. 284
 Ивиры (грузины) 54, 260–262
 Игнатий, митр. Тырновский 74, 110, 114, 261
 Иерусалимский Патриарх 63, 81, 114–115
 Иоанн Дамаскин, св. 232
 Иоанн Златоуст, св. 246, 262, 269, 284, 329
 Иоасаф, игумен монастыря Протрома в Константинополе 36
 Иоасаф, митр. Амасийский 74, 253
 Иоасаф, митр. Эфесский 47
 Иоанн VII Палеолог 69
 Иоанн VIII Палеолог 26, 29, 157, *passim* (император)
 Иосиф II, Константинопольский Патриарх 25, 110, *passim* (Патриарх)
 Иоанн Рагузский 61
 Иоанн Торквемада 123, 135, 140
 Исаия, еп. Ставропольский 74, 283, 302

- Исидор, митр. Киевский 38, 62–63, 151, 162, 215, 217–218, 223, 227, 230–232, 234–235, 243, 247, 250, 252–254, 268, 270, 272, 275–277, 287–288, 295, 305
 Испанцы 54
 Итальянцы 78
 Кавасила Нил, св. 67, 161, 190, 248, 251
 Калеи игумен 75, 122, 160
 Каллист, еп. Дристры 254
 Кантакузины, Андроники Димитрий Палеологи 46, 56, 58, 62, 66, 79, 94, 214, 325, 330
 Капраника Доменико, еп. Фирманский 110, 123, 153, 169, 273, 288
 Каристин Феодор 103
 Касандрин Палеолог 313
 Каталанцы 59, 310
 Кирилл Александрийский, св. 235, 251, 257, 265
 Комнины 99
 Кондульмер, Антонио 71
 Кондульмер, Франческо 225
 Константин Великий, равноап. 25, 54
 Константин Палеолог, деспот 316
 Контарено, Джованни да, латинский патриарх Константинополя 290
 Коресий Михаил 307
 Криспис де, Альберт 38
 Критопул 66
 Ксанфопул Феодор, великий скевофилак 75, 327
 Курун Макарий, иеромонах 33
 Лаван 132
 Ласкарь 155
 Ласкарь Мамали 316
 Латинские отшельники 177
 Латиняне *passim*
 Лионский собор 248
 Лодовико да Пирано, еп. Форли 162–163, 174
 Макарий, иеромонах с Крита 82–83
 Макарий, митр. Никомидийский 74, 107, 110, 218, 221, 238
 Макр Макарий 32, 126
 Макродука 260
 Макрохер Павел 62
 Максим Исповедник, св. 172–173, 217, 228, 232, 246
 Мануил II 23–25, 69
 Мария, жена императора Иоанна VIII 214, 295, 313–315, 332
 Марин, пресвитер Кипрский 172, 213, 217, 228
 Марк Евгеник, митр. Эфесский 63, 66–67, 74, *passim*
 Мартин V, папа 25, 35–37, 106
 Матфей, духовник 47, 51
 Матфей, еп. Мельника 74, 254

- Матфей, Константинопольский Патриарх 27
 Менгрелы 54
 Менон 260
 Месември митрополит 33, 74, 100, 104, 115, 118, 120, 122, 160, 186, 227, 237, 251, 255, 292, 296, 335
 Мефодий, митр. Лакедемона 74, 122, 141, 149, 186, 231–232, 238, 249
 Мефодий, митр. Фессалоникийский 334
 Митрофан, митр. Кизический (затем — Константинопольский Патриарх) 74, 107, 118, 120, 186, 207, 227, 254, 301–303, 305, 317, 320–323
 Михаил VIII Палеолог 238
 Моисей, афонский монах 68, 75, 122, 160
 Мурад II, эмир 29, 73, 119, 131, 133–134, 177, 186, 316
 Нафанаил, митр. Родоса 74, 292
 Неагое 62, 260
 Нил, Константинопольский Патриарх 27
 Новак 188–189
 Номофилак 75, 115, 120, 139, 154–155
 Нотара Лука 51–52, 56, 60, 70, 94, 329–330
 Павел, ап. 72, 135, 166, 262
 Пахомий, иеромонах 75
 Петр, ап. 31, 72, 105, 135, 121, 166, 257, 261–262
 Петр Калабрийский 255
 Пичинино Николо 134, 145, 201
 Принкипс Каллист, монах 47
 Протекдик (Георгий Каппадокийский) 75, 195, 201, 236, 241, 243, 249, 263, 278, 281, 313
 Русские 148, 287, 308, 321
 Святогорцы 68, 122
 Секундин 123, 167, 282, 313
 Сербы 54
 Сигизмунд, германский император 38, 73, 91–92
 Сиропул Сильвестр. См. *великий экклезиарх* (В тексте о себе — в 1-м лице)
 Скифы 309
 София, первая жена Иоанна VIII 26
 Софроний, митр. Анхиальский 74, 122, 181, 236, 255, 286, 305–306, 335
 Стефан, митр. Мидийский 37
 Схоларий Георгий 48, 66–68, 160, 162, 174, 232, 236, 260
 Тарханиот Нил, иеромонах 68
 Трапезундцы 54, 254

- Факрас Кантакузин 214
 Фантино Валларессо, архиепископ 119
 Феодор Начертанный, св. 250
 Феодор Палеолог, деспот 26, 260
 Феофилакт, духовник 47
 Феофилакт, священник в Константинополе 323
 Филантропин Георгий, архонт 94, 99, 131, 166, 231–232, 238, 241–242, 278–281, 286–287, 325
 Филипп, диакон 291–292, 297–298
 Филомат Ангел, секретарь императора Мануила II 24, 37, 48, 53
 Флорентийцы 182, 185, 201, 203, 208, 273
 Фома Аквинский 171
 Фотий, митр. Киевский 35, 78
 Франциск, св. 173
 Фрерон Симон, францисканский каноник 41
 Херсонский митрополит 322
 Хортасмен Иоанн, митр. 252
 Христофор, еп. Коронский 39–40, 42, 55–57, 60, 68, 82, 87–88, 96, 98, 102, 104, 107, 109, 146, 183, 243, 273–274, 282, 323
 Хрисокефал Иоанн 80, 114
 Хрисокок Мануил. См. *великий сакелларий*
 Хрисолор Димитрий 24, 69
 Хрисолор Мануил 27
 Черкесы 54, 309
 Юлиан Чезарини 100, 110–111, 120–121, 123–130, 135, 138, 153–155, 162, 169–171, 173–175, 177, 210–211, 225–226, 229, 269, 273, 284, 286, 288
 Ягарь Андроник, второй месадзон 62, 122, 145, 163
 Ягарь Мануил 110
 Ягарь Марк, великий стратопедарх 32, 36
 Ягарь, без имени 94, 133, 141, 244

Географический указатель

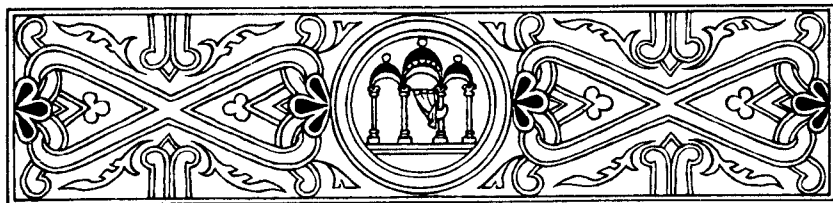
- Австрия 40
 Англия (посольство) 297
 Андрея св. монастырь 122
 Анкона 40, 216
 Аспрокастра 9, 309
 Афины 312
 Афира 22, 82
 Базель (Василея) 38–41, 43, 45, 50–51, 65, 69, 75, 97, 110, 122

- Болонья 40, 134, 297
 Бруса 324
 Буда 40
- В**асилия св. монастырь 23, 75
 Ватопед 68, 75, 320
 Вена 40
 Венгрия 29, 40, 73
 Венеция 89, 92, 95–98, 100–104, 108, 112–113, 133–134, 145, 154–155, 204, 208, 216, 249, 258–259, 261, 267, 273, 292, 295–297, 301–303, 309, 313–316
- Г**адуронес 85
 Галата 29, 56–57, 72
 Галлиполи 35, 83, 316
 Гексамиллий 26
 Гимнопелагисий 313
- З**ара 92
- И**верия (Грузия) 35, 62
 Ираклия 202–203
 Италия 31, 34–35, 38, 40, 42, 66–67, 72–73, 75, 88, 131, 150–152, 157, 197, 222, 310, 325–326, 330–332, 334
- К**алабрия 40
 Канхрея 85, 89
 Кафа 309
 Кефалления 89
- Кинег 71, 82, 316
 Константинополь *passim*
 Корон 311
 Корсола 91
 Крит 68, 131, 182, 292, 313
- Л**емнос 84, 314, 316
 Леса (Лисса) 309
- М**адит 83
 Македония 73
 Мефон 86, 89, 91, 311
 Митилены (Лесбос) 131, 313
 Модена 261
 Молдовалахия 25, 62
 Монемвасия 312
 Мудрос 84
- Н**аварин 89
 Навплий 88
 Николая св. монастырь 93
- О**реи, порт на Эвбее 312
- П**адуга 304
 Палатиани 3, 39, 219
 Паренцо 92
 Патры 36
 Пелопоннес 25, 28, 68, 85, 89, 132, 157, 312
 Пицкардо 89–90
 Пола 309
 Проконес 83

- Р**агузский залив 91, 310
 Рим 25, 28, 261, 293
 Родос 7
- С**авойя (Саваудия) 40
 Сербия 62, 73
 Скиафос 313
 Скирос 313
 Скопелос 313
 Сотир, на о. Лемнос 315
- Т**енед 83
 Толедо 172
 Трапезунд 62, 260
- Ф**аэнца 208
- Феррара 91, 97, 101, 103, 110, 112–114, 116–118, 134, 139, 144–146, 177, 182, 188–189, 211, 225, 267
 Фессалоника 69
 Флоренция 86, 155, 182–183, 185, 199, 202–212, 225–226, 258, 267, 283, 297, 302, 315, 319–320, 322
 Форли 134
 Франкулин 101, 155
 Франция 119, 149–150
- Х**иос 71, 131
- Э**врип (Эвбея) 312–313
 Эфиопия 54
- Я**нинский залив 89

Содержание

Диакон Александр Занемонец. Предисловие	5
Часть II. Воспоминание второе	22
Часть III. Воспоминание третье	60
Часть IV. Воспоминание четвертое	81
Часть V. Воспоминание пятое	119
Часть VI. Воспоминание шестое	144
Часть VII. Воспоминание седьмое	182
Часть VIII. Воспоминание восьмое	210
Часть IX. Воспоминание девятое	241
Часть X. Воспоминание десятое	268
Часть XI. Воспоминание одиннадцатое	301
Часть XII. Воспоминание двенадцатое	317
Список сокращений	337
Именной указатель	338
Географический указатель	343

Научное издание

**Сильвестр Сиропул,
Патриарх Константинопольский**

**ВОСПОМИНАНИЯ О ФЕРРАРО-ФЛОРЕНТИЙСКОМ СОБОРЕ
(1438–1439)
в 12 частях**

Директор издательства: *О. Л. Абышко*

Редактор: *Л. А. Абышко*

Дизайн обложки: *П. П. Лосев*

Оригинал-макет: *Ю. В. Никитина*

Издательство Олега Абышко,
198332, Санкт-Петербург, пр. Маршала Жукова, 37–1–71

**По вопросам реализации книги обращаться:
в Санкт-Петербурге**

ООО «Университетская книга — СПб»

Тел. (812) 323–8584; e-mail: ukniga@sp.ru

Центр Православной книги «КИФА»

Издательство и склад: тел. / факс (812) 232–9274.

E-mail: kifakniga@yandex.ru. Сайт: www.kifakniga.ru

в Москве

ООО «Университетская книга — СПб»

Тел. (495) 915–3284; e-mail: ukniga-m@libfl.ru

Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры

Тел. (495) 681–2009. E-mail: knigi@blagoslovenie.su

Сайт: <http://blagoslovenie.su>

ИТД ГК «Гнозис»

Тел. (499) 255–7757; e-mail: gnosis@pochta.ru

Розничная продажа книг «Издательства Олега Абышко»
и «Университетская книга — СПб» в Санкт-Петербурге:
магазин «КНИЖНЫЙ ОКОП», В.О. Тучков переулок, 11.

Тел. (812) 323–8584

Для заказа книг «Издательства Олега Абышко» (СПб.) просьба обращаться:

129090, Москва, 2-й Троицкий пер., д. 6а, стр. 9,

Церковная лавка «Троицкая книга» при Подворье Троице-Сергиевой Лавры.

Отдел «Книга — почтой». Тел. 8 (495) 600-6903.

E-mail: shop@bookshop.su. <http://bookshop.su>,

а также в издательстве

198332, Санкт-Петербург, пр. Маршала Жукова, д. 37, корп. 1, кв. 71.

E-mail: oleg0107@yandex.ru

Подписано в печать 11.05.2010. Формат 60×88¹/₁₆.

22 печ. л. Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ № 3198

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГУП «Типография «Наука»,
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, д. 12